

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Захарова Елена Юрьевна

**История археологии Центрального Черноземья России
(последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.)**

07.00.06 – археология

Диссертация

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Воронеж – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. Археология Центрального Черноземья как составляющая археологического знания в Российской империи (последняя четверть XVIII в. – 1910-е гг.)	17
Глава 1. Обретение познавательного интереса к древностям «малой родины» в Центральном Черноземье	17
1.1. Археологическая составляющая в губернских «Описаниях» (последняя четверть XVIII в. – первая четверть XIX в.)	20
1.2. Первый опыт археологических раскопок местными силами	32
Глава 2. Формирование и развитие местной традиции археологического изучения региона (вторая треть XIX – первые десятилетия XX вв.)	41
2.1. Политические, социокультурные и научные предпосылки становления региональной археологической традиции	41
2.2. Организационные формы и направления познавательной деятельности местных археологов-любителей	57
2.2.1. Вклад губернских статистических комитетов в археологическое изучение региона	57
2.2.2. Археология как одно из направлений деятельности губернских ученых архивных комиссий	120
Глава 3. Роль столичных ученых в становлении региональной археологии (последняя треть XIX – первые десятилетия XX вв.)	174
3.1. Роль Дмитрия Яковлевича Самоквасова в развитии археологии Курской губернии	174

3.2. Археологические изыскания Владимира Николаевича Майнова: первая археологическая карта Воронежской губернии	179
3.3. Иван Семенович Поляков и Александр Иванович Кельсиев: открытие палеолита в Костёнках	187
3.4. Александр Андреевич Спицын – «заведующий регионом»	189
Раздел 2. Становление региональной археологии в системе советской исторической науки (1920-е – 1970-е гг.)	220
Глава 4. На переломе эпох: региональная археология в первые десятилетия советской власти	220
4.1. Создание, деятельность и разгром археологического краеведения на местах	223
4.1.1. Археология в деятельности краеведческих обществ Центрального Черноземья (1920-е гг.)	223
4.1.2. Исследования местных археологов-любителей 1930-х годов	249
4.2. Археологическое изучение Центрального Черноземья представителями академической науки	258
4.2.1. Планомерные работы в регионе Петра Петровича Ефименко	258
4.2.2. Археология Среднего Подонья в научном наследии Василия Алексеевича Городцова	267
4.2.3. Первое обобщающее исследование по эпохе бронзы региона Георгия Владимировича Подгаецкого	279
Глава 5. Формирование региональной археологии во второй половине 1940-х – 1970-х гг.	290
5.1. Возобновление археологических исследований в регионе учреждениями АН СССР	291

5.1.1. Палеолитическая (Костенковская палеолитическая) экспедиция ЛОИИМК (ЛОИА)	294
5.1.2. Деснинская экспедиция ИИМК	297
5.1.3. Донская (Скифская лесостепная) экспедиция ИИМК (ИА)	299
5.1.4. Верхне-Донская экспедиция (отряд) ЛОИИМК (ЛОИА)	315
5.1.5. Северо-Донецкий отряд Южно-Русской (Черниговской, Нижне-Донской) экспедиции ИИМК (ИА)	324
5.2. Становление основ вузовской археологии в регионе	330
5.2.1. Об археологии в Курском и Тамбовском государственных педагогических институтах	330
5.2.2. Возникновение научной археологической школы в Воронежском государственном университете	333
Заключение	378
Список использованных источников и литературы	382
Список сокращений	455
Приложения	456

Введение

Актуальность исследования. Диссертация посвящена изучению процесса становления и развития археологии Центрального Черноземья с последней четверти XVIII в. до конца 70-х годов XX в. Становление каждой научной дисциплины, и археология здесь не исключение, предполагает оформление как внутренней, так и внешней инфраструктур. Внутренняя инфраструктура включает систему научных учреждений и организаций, подготовки кадров, специализированных изданий, организации сбора, обработки и хранения материалов. Важнейшим показателем оформления внешней инфраструктуры является выработка механизмов взаимодействия с государственной властью и гражданским обществом. В указанный промежуток времени в Центральном Черноземье России археология дважды переживала процесс становления. Впервые краеведческо-археологические сообщества, самостоятельные в организационном и познавательном аспектах, в Воронеже, Курске и Тамбове оформились ко второму десятилетию XX века благодаря активной роли местных исследовательских сил при прямом участии и стимулирующем воздействии столичных археологов. Тогда же полевые археологические работы в регионе стали приобретать регулярный характер, обусловленный наиболее актуальными проблемами местной истории. Спустя полвека – к концу 1970-х годов региональная археология, организующим началом которой выступает воронежская, приобретает облик сложившегося научного организма уже в рамках иной системы – советской исторической науки. Этот дважды пройденный процесс становления региональной археологии требует оценки на современном уровне развития научного знания как с позиций внутренней логики развития местного потенциала в области археологии, так и с позиций результативности механизмов взаимодействия столичных научно-организационных археологических центров с региональными структурами. Указанные явления необходимо проанализировать во взаимосвязи, учитывая

политические и идеологические изменения. Без такого обобщающего исследования невозможно адекватно осмыслить особенности становления региональной археологии Центрального Черноземья России. К настоящему времени указанная выше проблема в ее комплексном осмыслении практически не разработана в отечественной истории археологии.

Степень разработанности проблемы, ее историография.

История отечественной археологии, в рамках изучения которой выполнено и данное диссертационное исследование, относится к числу сравнительно молодых научных субдисциплин, которые начали динамично развиваться лишь в последние десятилетия (с конца 1980-х годов), а первые обобщающие исследования появились менее ста лет назад¹. К настоящему времени степень разработанности истории археологии Центрального Черноземья России как научной проблемы определяется несколькими направлениями исследований разных уровней:

периодизация отечественной археологии в целом и характеристика отдельных ее этапов²;

¹ Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 200 с.

² В данном случае приведены сведения только о монографических исследованиях. Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии (У истоков формирования марксистских основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.; Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.). – Киев, 1992. – 65 с.; Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 200 с.; Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб., 1993. – 128 с.; Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.; Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.; Монгайт А.Л. Археология в СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 436 с.; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1992. – 464 с.; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.; Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 286 с.; Пряхин А.Д. История отечественной археологии. Ч. 1: Русская дореволюционная археология. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 185 с.; Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. – Т. VII. – Вып. 3 – 4. – Л., 1930. – 94 с.; Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М.: «Наука», 1961. – 128 с.; Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: Первые книги. – М.: «Наука», 1983. – 128 с.; Формозов

история столичных археологических учреждений и научных сообществ¹;

история объединений любителей старины и формирование профессиональных сообществ археологов в российских регионах², с детальной проработкой соответствующих публикаций и диссертационных исследований по ЦЧР³;

А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: «Наука», 1986. – 240 с.; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – М.: Знак, 2006. – 344 с.

¹ Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919 – 2014 гг.). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 416 с.; Длужневская Г.В. Деятельность РАИМК – ГАИМК: 1919 – 1937 // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». – Вып. 1. – М.: ИА АН СССР, 1991. – С. 31 – 44; Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 1192 с.; Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.). Автореф. дисс...д.и.н. – СПб., 2013. – 54 с.

² Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв. Автореф. дис. ... д.и.н. – Кемерово, 2011. – 52 с.; Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. В 2-х томах. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001; Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946 - 1955). – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2003. – 183 с.; Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960 - 1974). – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2003. – 194 с.; Мельникова О.М. Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900 – 1930-х гг.). – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 136 с.; Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII – конец XX вв.). Автореф. дис. ... д.и.н. – Ижевск, 2002. – 40 с.; Оконникова Т.И. Научные традиции в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – 173 с.

³ Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Два века воронежского краеведения: люди, труды, события: Краткий обзор. – Воронеж, 2000. – 59 с.; Акиншин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) // Вопросы истории. - 1992. - № 6-7. – С. 173-178; Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX - нач. XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – Рязань: Трибунский, 2002. – 380 с.; Алленова В.А. Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – Тамбов: ТГУ, 2002. – 438 с.; Первушкин В.И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века: Автореф. дисс...д.и.н. – Пенза, 2008. – 54 с.; Поташкина Н.А. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс...к.и.н. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – 23 с.; Скобелкин О. В. Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина» // Из истории города Воронежа. – Воронеж, 1984. – С. 115 – 124; Чесноков В. И. Воронежский статистический комитет и его краеведческая деятельность в дореформенное время // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. – Воронеж: Изд-во ВГУ,

механизмы взаимодействия в области археологии центра и провинции¹;
 история вузовской археологии в столицах и регионах²;
 вклад отдельных ученых в археологическое изучение региона³;
 история археологического изучения отдельных территорий,
 археологических объектов и памятников определенных археологических
 эпох в регионе (статьи и соответствующие разделы в обобщающих
 исследованиях В.Д. Березуцкого, А.Н. Бессуднова, А.З. Винникова, В.И.

1985. – С. 70 – 100; Чесноков В.И., Чесноков И.В. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах // Русская провинция. – Вып. 2. – Воронеж, 1995. – С. 109 – 135; Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. – Курск: КГМУ, 1997. – 140 с.; Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). Автореф. дисс...д.и.н. – Курск: КГМУ, 2002. – 42 с.; Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). – Курск: КГМУ, 2007. – 272 с.

¹ Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. – Казань: Отечество, 2014. – 188 с.; Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: Институт археологии РАН, 2011. – 592 с.

² Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. – 332 с.; Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Кни га 1. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. – 140 с.

³ Акиньшин А. Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899-1958). Воронежские страницы биографии // Исторические записки. – Воронеж: ВГУ, 2002. – Вып. 8. – С. 207 – 214; Бессуднов А.Н., Пряхин А.Д. Всеволод Протасович Левенок: штрихи к портрету археолога // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк, 2006. – С. 5 – 7; Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дис... к.и.н. – СПб., 2013. – 22 с.; Гуляев В.И. С.Н. Замятнин и П.Д. Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Материалы регион. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 63 – 65; Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. – 2008. – № 2. – С. 62 – 70; Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в становлении археологии Воронежского края // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 148 – 152; Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. – 2010. – № 1. – С. 13 – 22; Историки Курского края. Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев. – Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2009. – 468 с.; Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 168 с.; Пряхин А.Д., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи бронзы доно-донецкого региона в научном наследии В.А. Городцова (первые десятилетия XX столетия) // Археология восточноевропейской леостепи. Вып. 16: Археология в Российских университетах. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 49 – 70.

Гуляева, В.В. Енукова, А.П. Медведева, А.М. Обломского, А.Д. Пряхина, А.Т. Синюка, Н.А. Тропина, М.В. Цыбина, др. археологов, а также диссертационное исследование в русле этой проблематики Г.Ю. Стародубцева¹).

Впервые выделил в самостоятельный объект исследования историю региональной археологии ЦЧР А.Д. Пряхин².

Опираясь на достигнутый уровень изученности отдельных аспектов разрабатываемой автором диссертационного исследования проблемы, становится возможным обобщить накопленные данные, систематизировать имеющиеся сведения и реконструировать процесс становления и развития археологии в Центрально-Черноземном регионе России.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является процесс становления и развития археологии Центрального Черноземья России и научно-организационная деятельность государственных учреждений, общественных организаций, отдельных ученых, занимавшихся археологией этого региона. Предметом исследования являются цели и задачи, формы, содержание и результаты их деятельности.

Цель и задачи исследования. Цель данного диссертационного исследования – изучить закономерности, особенности и результаты процесса становления и развития региональной археологии Центрального Черноземья России с последней четверти XVIII в. до конца 70-х годов XX в. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- выявление источниковой базы, содержащей информацию о деятельности государственных учреждений, общественных организаций, отдельных ученых, занимавшихся археологией Центрального Черноземья России;

¹ Стародубцев Г.Ю. Исследование археологических памятников Курского края в XIX – XX веках: Автореф. дисс... к.и.н. – Брянск, 2006. – 22 с.

² Пряхин А.Д. Археологическое изучение черноземного центра Российской Федерации: этапы региональной археологии // России черноземный край. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 98 – 114.

- характеристика содержания и результатов деятельности различных организаций в области археологии Центрального Черноземья России в указанный промежуток времени с учетом изменений после революции 1917 года;

- определение вклада местных музеев в формирование археологических коллекций и популяризацию археологического знания;

- изучение динамики направлений и тематики археологических исследований в регионе;

- анализ процесса внедрения археологии в высшие учебные заведения региона и становление местной системы подготовки профессиональных кадров в области археологии;

- характеристика вклада отдельных ученых-археологов в археологическое изучение Центрального Черноземья России и становление региональной археологии;

- установление и обоснование этапов процесса становления и развития археологии Центрального Черноземья России.

Хронологические рамки диссертационного исследования обусловлены его целью – изучить процесс становления и развития региональной археологии Центрального Черноземья России. Нижняя хронологическая граница работы – последняя четверть XVIII века, когда в губерниях Центрального Черноземья археологические реалии впервые стали использоваться как источники при составлении «Описаний» соответствующих губерний. Верхняя хронологическая граница работы – конец 1970-х годов, когда воронежские исследователи демонстрируют достаточный научный потенциал и закрепляют за собою лидерские позиции в археологическом исследовании Центрально-Черноземного края; Воронежский госуниверситет выходит на уровень координирующего учреждения в области региональной археологии.

Территориальные рамки. В диссертационном исследовании рассматривается процесс становления и развития археологии в одном из

крупных регионов России – Центральном Черноземье. В настоящее время Центрально-Черноземный экономический район, включающий Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области, является территориально-хозяйственной единицей Российской Федерации, занимающей юго-западную часть Центрального Федерального округа¹. На протяжении XX в. Россия переживала череду административных реформ, в рамках которых менялись административно-территориальные единицы, но неизменной оставалась исторически обусловленная экономическая и культурная близость сначала губерний (Воронежской, Тамбовской, Курской), затем областей (Воронежской, Тамбовской, Курской, Белгородской, Липецкой) в рамках указанного региона. Юг (юго-запад) Центральной России устойчиво ассоциируется и в научных исследованиях, и на бытовом уровне с понятием «Центральное Черноземье», которое взято за основу и для обозначения территориальных рамок данной диссертации.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют такие принципы современной исторической науки как историзм, объективность и системность. В работе используются следующие исторические методы:

проблемно-хронологический метод для описания событий;

историко-генетический метод для выявления организационной структуры и динамики трансформации учреждений и обществ, занимавшихся археологией в регионе;

историко-сравнительный метод для выявления общих тенденций и особенностей в процессе становления археологии в Центрально-Черноземном регионе России по сравнению с магистральной линией развития отечественной археологии;

культурно-антропологический метод для характеристики изменений в отношении местной общественности к археологическому знанию в период от

¹ Центрально-Черноземный экономический район // Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 57. – М.: ТЕРРА, 2006. – С. 220 – 221.

зарождения этой научной дисциплины в регионе до формирования ее развитой структуры;

историко-биографический метод для уточнения биографий отечественных археологов и краеведов, внесших значительный вклад в становление региональной археологии, а также в основание и деятельность научных учреждений и обществ, занимавшихся археологией в регионе.

При анализе разных видов источников использовались комплексный источниковедческий подход. Его применение к проблемам взаимодействия археологии как отрасли научного знания и регионального сообщества позволило проанализировать развитие организационной структуры региональной археологии в контексте более глобальных исторических событий и в результате сформировать целостное представление об объекте диссертационного исследования и провести его всестороннее осмысление.

Источники диссертационного исследования включают как архивные, так и опубликованные материалы. По теме работы привлечен массив документов из центральных, ведомственных и региональных архивов России, среди которых следующие: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Рукописный архив Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РА НА ИИМК РАН), Архив Русского географического общества, архив Государственного Эрмитажа, Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Государственный архив Липецкой области (ГАЛО), архив Воронежского государственного университета, архив Воронежского государственного педагогического университета, архив музея археологии Воронежского государственного университета.

В качестве опубликованных источников нами использованы законодательные акты, указы и распоряжения различных министерств, изданные сами региональными учреждениями и организациями протоколы

заседаний, отчеты и обзоры своей деятельности, другие печатные информационные издания. Источниками при написании диссертационного исследования стали периодические, серийные и отдельные издания научных сообществ региона, научная продукция отдельных исследователей по археологии Центрально-Черноземного региона, материалы общественной печати – статьи центральных и местных газет. К анализу привлекалось и эпистолярное наследие ученых и общественных деятелей региона, внесших вклад в археологию, позволяющее дополнить наши представления об их жизни и деятельности.

Научная новизна предлагаемого диссертационного исследования заключается в том, что впервые на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников проведен всесторонний детальный анализ процесса становления и развития археологии в одном из крупных российских регионов – Центральном Черноземье, разработана авторская концепция и предложена авторская периодизация этого процесса. В частности, изучена роль столичных учреждений, занимавшихся археологией, и научных археологических сообществ в организации археологического изучения Центрально-Черноземного региона. Всесторонне раскрыта роль столичных специалистов – археологов в становлении региональной археологии. Впервые комплексно проанализирована деятельность в области археологии губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий, краеведческих обществ советского времени, показан их вклад в развитие региональной археологии. Впервые с позиций сопоставительного анализа дана характеристика археологической составляющей в деятельности различных музеев региона, выявлены принципы формирования ими археологических коллекций, формы сотрудничества с профессиональными археологами, особенности археологических экспозиций в разные промежутки времени. Проведен анализ и дана оценка педагогической и научной деятельности в области археологии вузов региона.

Значительная часть архивных материалов, использованных в работе, впервые вводится в научный оборот, что позволило по-новому взглянуть на целый спектр актуальных для региональной археологии проблем и дать им новую историографическую оценку.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процесс институционализации региональной археологии Центрального Черноземья в силу объективных и субъективных причин оставался незавершенным вплоть до конца 70-х гг. XX века.

2. В «Описаниях» Курской и Воронежской губерний последней четверти XVIII в. – первой четверти XIX века впервые проявляет себя познавательный интерес к вещественным древностям «малой родины», выразившийся во включении информации о них в общую канву повествования. Следующим закономерным проявлением такого рода интереса становится организация первых раскопок своими силами в родном крае (первая половина XIX века).

3. Ведущая роль в последовательной реализации идеи изучения и сохранения археологических древностей региона во второй половине XIX века принадлежит губернским статистическим комитетам. В рамках их деятельности периодически проводились раскопки в регионе; была создана первоначальная статистическая база по археологии; осуществлены проекты открытия губернских музеев с самостоятельными археологическими отделами («первобытных древностей»); налажены коммуникативные связи с коллегами из других регионов.

4. Показателем поступательно развивавшегося процесса институционализации местной археологии становится оформление на базе губернских ученых архивных комиссий в первые десятилетия XX века самостоятельных в организационном и познавательном аспектах краеведческо-археологических сообществ.

5. В двадцатые годы XX века, в условиях сосуществования традиций дореволюционной археологии и формирования новых направлений уже в

рамках марксистско-ленинской идеологии, в ЦЧР продуктивно реализуется сотрудничество столичных специалистов и краеведов (совместные экспедиции, совершенствование музейной деятельности, первый опыт подготовки местных кадров), трагически оборвавшееся в конце десятилетия.

6. В 1930 – 1960-е гг. в археологическом изучении региона приоритетные позиции занимают столичные академические учреждения. В этот период полевые работы приобретают регулярный характер, что обуславливает появление первых монографических и диссертационных исследований по археологии региона.

7. К концу 1970-х годов на базе Воронежского государственного университета формируются основы регионального археологического центра со следующими характеристиками: наличие профильной университетской кафедры, обеспечивающей подготовку специалистов и преемственность научных исследований; планомерная организация экспедиций; координация деятельности археологического сообщества в регионе.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что представленные в ней материалы и выводы могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории отечественной археологии и историографии археологии, при разработке специальных курсов по региональной археологии и написании соответствующих учебных пособий, при подготовке научно-популярных и справочных изданий. Материалы работы уже используются автором при чтении лекционного курса по археологии Центрально-Черноземного региона России для студентов исторического факультета Воронежского государственного университета (учебное пособие по курсу опубликовано ¹).

Апробация результатов исследования проведена на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета. Основные положения и выводы диссертационного

¹ Захарова Е.Ю. Археологические памятники Центрально-Черноземного региона. Пособие к лекционному курсу (по выбору) для студентов 1 курса дневного отделения. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 64 с.

исследования докладывались автором на международных, всероссийских и региональных конференциях в Санкт-Петербурге (2008), Воронеже (2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2015), Липецке (2012, 2013, 2015), Рязани (2010), Киеве (2010, 2012), Одессе (2012), Алчевске (2007, 2009), в том числе на Всероссийских археологических съездах в Суздале (2008), Старой Руссе (2011), Казани (2014).

По теме диссертации автором издана 51 публикация общим объемом 55,2 п.л. (вклад автора 70 %), в том числе разделы в двух коллективных монографиях, одно учебное пособие, 48 статей и тезисов докладов, из которых 16 в изданиях, входящих в перечень, рекомендованный ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух разделов (первый включает три главы, второй – две главы; внутри глав выделяются параграфы и подпараграфы), заключения, списка использованных источников и специальной литературы, списка сокращений, приложений.

Раздел 1.

Археология Центрального Черноземья как составляющая археологического знания в Российской империи (последняя четверть XVIII в. – 1910-е гг.)

Глава 1.

Обретение познавательного интереса к древностям «малой родины» в Центральном Черноземье: от губернских «Описаний» до первых раскопок

Любительские занятия гуманитарными науками в российской провинции, как известно, получают распространение во второй половине XVIII века. Знания, накопленные в ходе административных преобразований, постепенно овладевают умами представителей русского образованного общества. В просвещенной среде столичной интеллигенции формируются импульсы к сбережению и изучению памятников старины¹. Академия наук организует акции, направленные на сбор информации уже об отечественных исторических памятниках.

Одним из проявлений этого процесса становится публикация в различных изданиях экскурсов в прошлое родного края, очерков провинциальных нравов, обычаев, в том числе с привлечением местных древностей (см. работы А.А. Засецкого по Вологодской земле, Д.И. Карманова – по Тверскому краю, В.В. Крестинина – по истории Русского Севера, П.И. Рычкова – по Поволжью и Зауралью, Н.С. Сумарокова – по истории Костромы и др.).

В Центральном Черноземье России тоже новые веяния постепенно овладевали умами просвещенной («читающей») публики, объединяющей потомственных аристократов, выходцев из купечества и духовенства, мещан.

¹ Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 34 – 38.

Для нарождающегося слоя провинциальной интеллигенции интерес к местной истории становится одним из характерных проявлений. Правомерность употребления этого термина применительно к «образованной, просвещенной и умственно развитой части общества» XVIII века убедительно аргументировал С.С. Илизаров¹, к мнению которого мы и присоединяемся. В ряду обстоятельств, сделавших возможным формирование «тонкого слоя интеллигенции» (по выражению А.Н. Акиньшина) в губернском Воронеже в последней четверти XVIII века, упомянутый исследователь называет увеличение числа чиновников, появление учителей для созданных в 1785 г. народных училищ и врачей в связи с открытием больницы при Приказе общественного призрения, регулярные выпуски семинаристов². В качестве основной причины роста с конца XVIII в. численности провинциальной тамбовской интеллигенции исследователи указывают на появление в губернском городе широкой сети крупных учебных заведений, что способствовало закладыванию исторических и культурных традиций регионалистики³.

К последним десятилетиям XVIII столетия относится деятельность «болховитиновского кружка» – первого из известных в Воронежской губернии объединения любителей просвещения⁴. Его название производное от фамилии лидера – Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767 - 1837) – «разностороннего ученого-гуманитария» (в оценке С.О. Шмидта), «воронежского Колумба» (по словам О.Г. Ласунского). Это объединение, надо полагать, стало одним из проявлений той самой московской культурной традиции, истоки и специфику которой раскрывает С.С. Илизаров: «во второй половине XVIII века в Москве постепенно образовывалась и, все

¹ Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. – М.: Янус-К.; Московские учебники и картолитография, 1999. – С. 8.

² Акиньшин А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова // Из истории воронежского края: К двухсотлетию воронежского краеведения. Сборник статей. – Вып. 8. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 44.

³ Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – Тамбов: ТГУ, 2002. – С. 12 – 13.

⁴ Акиньшин А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова. – С. 44 – 56.

более усложняясь, расширялась и крепла своеобразная «капиллярная система», шел активный процесс формирования благотворной среды, в которой протекала творческая жизнь московской интеллигенции... В истории московской интеллигенции выделяется ряд фигур, которые становились для современников центром притяжения, образовывали вокруг себя особые миры и сообщества... Деятельность Новикова – издателя, гуманиста, просветителя, лидера московских масонов – втягивала в свою орбиту многих других, инициировала начало деятельности новых литераторов, ученых и просветителей, которые в свою очередь, создавали вокруг себя новые миры русской культуры. Однажды начавшееся движение породило непрерывную культурную традицию...»¹. Е.А. Болховитинов прожил в Москве три года (1785 - 1788), в течение которых окончил полный курс Славяно-греко-латинской академии, прослушал ряд дисциплин в университете, сблизился с Н.И. Новиковым, Н.Н. Бантыш-Каменским, Н.М. Карамзиным и другими представителями столичной интеллектуальной элиты, поработал корректором и переводчиком². Безусловно, именно московский импульс определил его дальнейший творческий путь, а личные качества позволили стать в провинции проводником московской культурной традиции.

Археология в рассматриваемое время в столичных научных кругах мыслилась в неразрывной связи с гуманитарными науками. Расширительное толкование статистики и географии позволяло относить древности к объектам исследований в этих областях. В рамках складывающейся концепции отечественной истории как исторический источник стали рассматриваться и вещественные древности. Развивающаяся этнография также не исключала из сферы своих интересов древности. В целом, такая ситуация соответствует этапу становления науки, на что указывал и Г.С.

¹ Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. – С. 10.

² Акиншин А.Н. Е.А. Болховитинов – основоположник воронежского краеведения // Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – С. 186 – 187, 194.

Лебедев, выделяя период с 1774 по 1825 гг. в качестве заключительного этапа зарождения археологии в России¹.

Одним из проявлений охарактеризованной тенденции развития гуманитарного знания становятся губернские «Описания», в которых исследовательские элементы всех выше упомянутых наук сочетаются в разных комбинациях в зависимости от степени подготовленности автора. Неслучайно поэтому, что данные труды и по сей день вызывают интерес у представителей самых разных гуманитарных дисциплин. Ближе всего к предмету нашего изучения – археологической составляющей в этих работах – историографические и этнографические исследования.

1.1. Археологическая составляющая в губернских «Описаниях» (последняя четверть XVIII в. – первая четверть XIX в.)

Характеризуя в целом процесс формирования провинциальной историографии во второй половине XVIII в., А.А. Севастьянова выделяет три способа писания местной истории: авторский, летописно-хроникальный и государствоведческий. Первый из них, по ее мнению, постепенно становится доминирующим². И в Курске, и в Воронеже эта тенденция наглядно проявляет себя. В это время появляются первые авторские печатные труды по истории края (в Тамбове первые краеведческие публикации относятся к середине XIX века). В 1786 г. в Москве была опубликована работа Сергея Ивановича Ларионова «Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором». В 1800 г. в Воронеже увидел свет труд Евфимия Алексеевича Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии,

¹ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 68.

² Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. – М.: Археографическая комиссия РАН, 1998. – С. 153.

собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] С[еминарии] П[рефектом], П[авловским] П[ротоиереем] Е. Болховитиновым». Таким образом, первопроходцем на этом пути в нашем регионе мы можем по праву именовать Сергея Ивановича, но более высокий уровень профессионализма, как уже неоднократно отмечалось специалистами, характерен для труда Евфимия Алексеевича. Нас интересует археологическая составляющая в этих исследованиях как показатель передовой для того времени тенденции формирования национальной археологии.

К настоящему времени информация о жизни и творчестве С.И. Ларионова в литературе очень скудна и ограничивается одной статьей С.П. Щавелева ¹, в которой указано, что Сергей Иванович Ларионов служил главным прокурором Курского наместничества.

Нам оказалось доступно для анализа уже упомянутое выше произведение С.И. Ларионова, где дважды встречаются сведения об археологических реалиях. «Думчев курган» отождествляется автором с местом одного из сражений с татарами в 1623 г. Описывая город Курск, он пишет, что «город древле был укреплен превеликим рвом и валом, по которому был полисад и оборонительные башни», которые позднее были уничтожены ².

Библиография трудов Е.А. Болховитинова, напротив, обширна, его жизненный путь хорошо известен, но, несмотря на более чем полутора вековой период внимания к этому деятелю, процесс изучения его наследия до сих пор, по мнению одного из авторитетных воронежских исследователей А.Н. Акиньшина, носит незавершенный характер. Автор отмечает, что пока отсутствует научная биография Болховитинова, многие его труды, оставшиеся в рукописях, не напечатаны, практически не публикуются

¹ Историки Курского края. Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев. – Курск: изд-во КГМУ, 2009. – С. 160.

² Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором // old-kursk.ru/events/okn1786-ii.html (дата обращения 03.02.2015)

переписка. Да и внушительное количество публикаций на эту тему не гарантирует высокого научного уровня¹.

Митрополит Евгений, в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767 – 1837), известный церковный деятель, ученый – гуманитарий, проявивший себя как историк, археограф, переводчик, библиограф. Сын священника по происхождению, в 1785 году он окончил Воронежскую духовную семинарию, в 1788 – Славяно-греко-латинскую академию. После возвращения в Воронеж преподавал в духовной семинарии, в 1790 г. стал ее префектом. В 1800 г. переехал в Санкт-Петербург, где принял монашество. В последующие годы возглавлял Вологодскую, Калужскую, Псковскую епархии, в каждой из которых занимался историческими, архивными и археологическими изысканиями. С 1822 года – митрополит Киевский и Галицкий. Его научные труды были высоко оценены уже современниками, он был членом многочисленных научных обществ, с 1806 года являлся членом Российской академии, с 1826 – почетным членом Академии наук².

Поскольку в рамках данного исследования наиболее актуальным является вопрос о месте и роли Е.А. Болховитинова в становлении археологии Центрально-Черноземного региона, то на разрешении его мы и остановимся более подробно.

Предварительно отмечу, что к настоящему времени в этом ключе труды Болховитинова еще не были предметом специального исследования. В «Истории отечественной археологии» Г.С. Лебедев вслед за Л.П. Жуковской отмечает его «большую роль в вовлечение вещественных древностей в круг славяноведения»; указывает, что в воронежский период «для задуманной «Российской истории» начал широкие историко-краеведческие исследования»; позднее им были впервые описаны древности Новгорода,

¹ Акиншин А.Н. Е.А. Болховитинов – основоположник воронежского краеведения. – С. 195 - 196.

² Акиншин А.Н. ЕВГЕНИЙ (Болховитинов Евфимий Алексеевич) // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. - Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 172.

Пскова, Киева; в 1827-1837 гг. организованы раскопки в Киеве, которые привели к открытию Десятинной церкви, Золотых ворот и других памятников архитектуры XI в.¹ Более детально вклад Е.А. Болховитинова в изучение киевских древностей рассмотрен в публикации Т.Б. Ананьевой². Вопрос же об использовании Болховитиновым археологических источников при написании обобщающей работы по Воронежской губернии затрагивался лишь попутно в рамках написания диссертационного исследования по иной теме³.

Все выше сказанное обуславливает необходимость вновь обратиться к труду Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний» в рамках изучения процесса становления региональной археологии. В недавно вышедшей статье я уже касалась одного из аспектов этой проблемы, а именно изложила результаты анализа «Описания» Болховитинова с позиций вычленения в нем информации о древностях⁴, теперь же уместна всесторонняя характеристика археологических изысканий Болховитинова воронежского периода.

Исследователи творчества Е.А. Болховитинова не единодушны в вопросе о конкретных годах, охватывающих период его работы над этой книгой, но вместе с тем одинаково характеризуют динамику его замыслов. После возвращения в родной Воронеж из Москвы, он приступает к написанию обобщающего труда под названием «Российская история». Однако через несколько лет оставляет это занятие. Среди причин,

¹ Жуковская Л.П. Болховитинов // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 81 – 82; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. – С. 65.

² Ананьева Т.Б. Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. // Очерки истории отечественной археологии. – М.: ИА РАН, 1998. – С. 42 – 62.

³ Поташкина Н.А. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс...к.и.н. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 18.

⁴ Захарова Е.Ю. Древности Центрального Черноземья России в трудах первых краеведов (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / Е.Ю. Захарова // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 2 (30). – С. 177 – 181.

побудивших его отказаться от первоначального амбициозного замысла, специалисты называют «явно ощутимый в Воронеже недостаток литературы и источников», внутреннее убеждение, что «труд этот ему не по силам», а также сведения о том, что за подобный же труд взялся Н.М. Карамзин ¹. Последующие несколько лет он посвящает созданию первого в своем роде исследования по истории Воронежской губернии, в котором определенное место заняли и археологические реалии.

Последнее для нас особенно важно, поскольку для последней четверти XVIII века в принципе привлечение вещественных памятников для исторических построений относится к числу наиболее передовых источниковедческих методов.

В труде Е.А. Болховитинова представлено несколько категорий археологических памятников, которые сам автор соотносил с наиболее значимыми событиями в средневековой (уже после появления летописных свидетельств) и новой истории Воронежской земли.

Поддерживая и развивая точку зрения о первом упоминании в летописях города Воронежа в связи с событиями 1177 года ², Е.А. Болховитинов стремится разрешить проблему о том, «кем и с коих точно пор» был основан этот город. Поскольку по этому вопросу у него нет «никаких исторических известий», то он обращается к данным археологии. Так как вблизи нынешнего Воронежа встречается несколько урочищ, «издревле именуемых Козарскими», это дает ему основание предполагать, «что на местах города Воронежа жили Козары...» ³. В этой связи для нас важным представляется данное Е.А. Болховитиновым описание этих урочищ. «Старое Козарское городище» и «Козарское поле (поляна)» содержат лишь географические характеристики, а вот наиболее северное из известных ему хазарских урочищ в окрестностях Воронежа имеет и археологические

¹ Более подробно см.: Акиншин А.Н. Е.А. Болховитинов – основоположник воронежского краеведения. – С. 188 – 191.

² Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1800. – С. 35.

³ Там же. С. 36 - 37.

признаки: «далее от сей поляны (*Козарской – Е.З.*) вверх верстах в четырех над самую рекою Воронежем на утесистой горе городище, называемое также Козарским, окопанное двойным валом, заросшим ныне уже лесом»¹.

Поскольку далее по тексту Е.А. Болховитинов пишет, что в 1620 г. на этом месте был заложен Акатов монастырь², на основании этого заключения Н.И. Второв и К.О. Александров-Дольник спустя полвека вновь вернулись к прежнему названию местности, где находится Акатов монастырь, «Старое Козарское городище»³. Но, как свидетельствуют публикации конца XIX – начала XX вв., не была утрачена традиция именовать козарскими (хазарскими) и несколько расположенных немногим севернее городищ. Более ста лет, вплоть до археологических раскопок, проведенных на этих памятниках членами Воронежской Ученой Архивной Комиссии в начале XX века, просуществовала версия Е.А. Болховитинова об их принадлежности хазарам (подробнее об этом см. главу 3).

Е.А. Болховитинов высказывается и по вопросу о времени заселения «козарами» окрестностей современного Воронежа: «почти несомненно можно положить, что место города Воронежа, либо яко пустопорожее с 1117 года вновь отведено было пришедшим в Русь на поселение козарам, или еще за несколько до того, хотя мало населено было рязанскими подданными, которые приняли к себе козарских купцов и отвели им особые при Воронеже городища, где они окопавшись, имели у себя от нашествий свои стражи, или так называвшиеся в старину маяки, как то заключить можно из окопов, за вышеупомянутым козарским полем доныне видимых»⁴. К настоящему времени такого рода датировка уже не выдерживает критики.

Привлекает археологические находки Е.А. Болховитинов для подтверждения враждебного присутствия татар на территории Воронежского

¹ Болховитинов Е.А. Указ. соч. – С. 36.

² Там же. – С. 67.

³ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова / Собр. Н. И. Второвым, К. О. Александровым-Дольником. – Воронеж, 1852. – Кн. 2. – Отдел 4. – С. VIII.

⁴ Болховитинов Е. А. Указ. соч. – С. 38.

края. Так, например, «великие кости», находимые в с. Костенки, он сопоставляет с остатками слонов хана Батыея, сразившегося здесь с русскими князьями. Тот факт, что здесь происходило между ними «кровапролитное сражение», подтверждается тем, что «жители костенковские и соседственные, в старину на полях своих выкапывали железные стремена, копейные наконечники и прочие военные снаряды»¹. В качестве примера присутствия татар в крае, автор приводит также наличие многочисленных курганов в Побитюжье, «из коих на некоторых стоят каменные статуи, наподобие человека иссеченные, а в селе Мечетке остатки мечети, отчего и село сие название получило»². Как известно, половецкая принадлежность каменных изваяний на курганах была доказана еще в XIX веке, что же касается упомянутых остатков мечети, то последующие раскопки в XX веке как воронежских (М.П. Трунов, М.В. Цыбин), так и московских исследователей (В.П. Левашева) позволили обнаружить там богатое захоронение монгольского времени – мавзолей.

С привлечением археологических материалов описывает Е.А. Болховитинов и события более поздней истории края. К примеру, характеризуя освоение территории русскими, указывает на сохранившиеся остатки валов вокруг первых крепостей в таких городах как Воронеж, Землянк, Бирюч³. Поскольку в Валуйках уцелела сама крепость, то она удостоилась подробного описания: «земляная, квадратная... в поперечнике 140, а в окружности 560 сажен»⁴.

Следующая группа археологических памятников соотносится со временем петровских преобразований. В Валуйках, по словам Болховитинова, деревянный дом священника Прокопия Зиновьева, где останавливался в 1699 году Петр I по дороге в Азов, сохранялся «с

¹ Болховитинов Е.А. Указ. соч. – С. 102 - 103.

² Там же. – С. 160.

³ Там же. – С. 61, 134, 151.

⁴ Там же. – С. 145.

почтением яко памятник»¹. Остатки строений петровского времени фиксируются в нескольких местах губернии: в Воронеже сохранились «каменный магазин или цейхгауз»... «и еще сарая два каменных»²; в бывшем городе Таврове близ Воронежа еще видны «следы каменных фундаментов строения,...две разваливающиеся уже каменные казармы,... да столбы, на коих была крыша для весов, и четверо крепостных ворот каменных же, двое из них большие от северной стороны, называемые Московские, а от южной Азовские, и двое малые, сквозь вал, называемые Тайницкие»³; близ Павловска, «над устьем впадающей в Дон Осереды...обширная земляная крепость с четырьмя бастионами»⁴.

Завершая анализ труда Е.А. Болховитинова отметим, что его обращение к вещественным древностям с территории губернии как к историческим источникам – это первый опыт в археологии региона. В данном случае он успешно применяет при характеристике сюжетов местной истории наиболее передовые методологические принципы российской исторической науки, согласно которым отечественные древности обретали не только эстетическую, но и научно-познавательную ценность⁵.

Книга была опубликована в Воронеже в 1800 г., уже после отъезда автора в Петербург; кроме того, ее текст в формате самостоятельных статей по Воронежской губернии вошел в «Географический словарь Российского государства» (т. 1, 1801 г., изд. Максимовича и Щекатова).

Для нас важен еще и тот факт, что инициатива Е.А. Болховитинова нашла своих продолжателей и среди его непосредственного окружения, и в Воронеже уже после его отъезда. Через несколько лет в Харькове выходит в свет «Опыт повествования о древностях русских» (1818 г.), принадлежащий перу Гавриила Петровича Успенского (1765 – 1820), одного из наиболее

¹ Болховитинов Е.А. Указ. соч. – С. 145 - 146.

² Там же. – С. 60.

³ Там же. – С. 98.

⁴ Там же. – С. 109.

⁵ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. – С. 63.

известных лиц из болховитиновского окружения в Воронеже ¹. И в том же 1818 г. в Воронеже учителем губернской гимназии Матвеем Ивановичем Славинским была закончена рукопись «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии» ² (к ее анализу мы обратимся чуть позже). В целом же, на протяжении XIX века «Описание» Е.А. Болховитинова выступало образцом краеведческих штудий и использовалось в качестве первоисточника.

Е.А. Болховитинов известен и как коллекционер древностей. К примеру, собранная им коллекция русских монет была представлена в 1912 году в Воронеже на выставке, посвященной 75-летию со дня его кончины, а затем пополнила нумизматические фонды губернского музея ³. С именем Е.А. Болховитинова предположительно связывается и первая попытка создания в Воронеже музея древностей. Спустя почти столетие Л.Б. Вейнберг (секретарь Воронежского губернского статистического комитета в 1880-е годы) писал, что им и губернатором А.Б. Сонцовым предпринимались усилия по созданию в цейхгаузе «из предметов древности, собранных на месте, исторического музея», и в подтверждение этого предположения приводит ряд фактов ⁴. Но предприятие не увенчалось успехом, в 1812 г. цейхгауз был продан мещанину Гарденину на слом, судьба же «экспонатов» Л.Б. Вейнбергу не известна.

Как уже было сказано выше, и после отъезда Е.А. Болховитинова в Воронеже продолжилась работа над составлением «Описания» губернии. По мнению А.Н. Акиньшина, ее инициировал воронежский губернатор М.П. Штер, а сводил справочные сведения воедино и обрабатывал М.И.

¹ Акиньшин А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова. – С. 48.

² Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с.

³ Шестова С. Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. – Вып. I. – Воронеж: Тип. Губсоюза, 1925. – С. 4.

⁴ Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1891. – С. 84.

Славинский как единственный в губернии специалист по географии и статистике ¹. Не удовлетвовавшись составлением «Статистического описания» по шаблонам Вольного экономического общества (1811 – 1812 гг.), М.И. Славинский по окончании этой работы написал авторское сочинение (1812 – 1813 гг.) ². Краеведческая работа Матвея Ивановича не обойдена вниманием воронежских исследователей, достаточно подробно освещен в печати и его жизненный путь ³, что избавляет нас от повторного изложения. Отметим лишь, что Матвей Иванович Славинский (1772 (1773) – 1824?) получил образование в Харьковском университете (хотя и не закончил его) и с 1808 по 1822 гг. учительствовал в Воронеже, преподавая историю, географию, статистику, латинский язык, последние годы жизни провел в уездном Бирюче, исполняя должность штатного смотрителя местного училища. А.Н. Акинъшин подчеркивает несамостоятельность Славинского как историка, следование его во всех сюжетах за Болховитиновым. К аналогичному выводу мы пришли и проанализировав привлеченные им археологические данные. По объему информации они ненамного превосходят подборку в предшествующем «Описании» (добавлена информация по Острогожскому и Новохоперскому уезду, присоединенных к губернии уже после выхода в свет труда Болховитинова), но аналитическая составляющая практически во всех случаях опущена.

В «Отделении I», где помещено историческое описание губернии, М.И. Славинский привлекает археологические памятники для подтверждения исторических событий лишь однажды. Так, характеризуя древнейшее прошлое края до XVI века, он упоминает два урочища «Поляна и Городище,

¹ Акинъшин А.Н. Краеведческий труд Матвея Ивановича Славинского // Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. – С. 200.

² Там же. – С. 200.

³ Гайворонский А.И. Второй историк Воронежского края // Гайворонский А.И. Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII – начало XX в.). – Воронеж, 1971. – С. 81 – 99; Акинъшин А.Н. Краеведческий труд Матвея Ивановича Славинского // Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. – С. 193 – 210.

слывущие под названием Казарских», которые находятся вблизи Воронежа и «служат неоспоримым доказательством, что козары обитали в странах нынешней Воронежской губернии»¹. Здесь же приводится и описание археологических памятников. «Поляна, со всех сторон лесом окруженная, находится в двух верстах от города Воронежа, поперечник ее около двух верст. Городище в 5-ти верстах от сего же города на утесистом берегу реки Воронежа, имеет вид полуовала, высота его около 6-ти, ширина 20-ти, длина 150 сажень. Приметно, что сие городище с продолжением времени весьма умалялось, будучи подмываемо течением реки Воронежа»².

При сопоставлении данного описания с уже имевшимся в публикации Болховитинова очевидны различия. Вполне вероятно, что эту достопримечательность М.И. Славинский не поленился посетить лично. Впервые появляются размеры памятника, охарактеризован естественный процесс его разрушения. Вместе с тем, автор не упоминает о валах, отмеченных предшественником.

Во втором отделении археологические объекты фигурируют чаще. Как правило, они являются частью того блока, который именуется «Места в уезде, достойные (достойнейшие) примечания». Всего нами выявлена такого рода информация в описаниях семи уездов из 13.

В этой связи он указывает в Воронежском уезде слободу Чижевка («древность ее доказывают разные домашние и военные в земле находимые старинные вещи и серебряный крест 1665 года, для чижевской церкви сделанный»³), бывший город Тавров (на его территории описывает остатки сооружений петровского времени)⁴, село Костенск, где находят «слоновые кости», о которых «ученые судят трояким образом» и древние вещи военного происхождения⁵.

¹ Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. – С. 11.

² Там же. – С. 11.

³ Там же. – С. 85.

⁴ Там же. – С. 87.

⁵ Там же. – С. 87 – 88.

В Землянском уезде обращает внимание на остатки вала и рва вокруг построенной в 1678 г. крепости ¹, а также на находки в двух верстах от малороссийского селения Ендовище на горе головы неизвестного зверя, на оленью похожую, а в логу пяти серебряных римских монет с портретом Марка Аврелия, которые были отправлены в Санкт-Петербург ².

В Острогожском уезде, описывая Дивногорье, упоминает и находящиеся «расстоянием не более версты от меловых столбов на горе остатки древней крепостцы, состоявшей из вала, насыпанного мелом, и рва». Как тут же сообщает автор, «место сие и поныне называется городищем» ³. В этом же уезде при характеристике заштатного города Калитвы пишет, что он «как пограничный был укреплен валом и рвом, коего остатки и доселе видны» ⁴.

В Бирюченском уезде описывает «украинскую линию», «служившую защитой от набегов татарских». По его мнению, «начиная от бывшего города Палатова, она простирается по уездам Бирючанскому и Острогожскому и не в дальнем расстоянии от Острогожска примыкается к реке Сосне. Высота вала, глубина и ширина рва по 5 аршин». В самом же уездном городе видны остатки древнего палисада, с четырьмя башнями, окопанного валом и рвом ⁵.

В Павловском уезде упоминает вал и ров, простирающиеся на 50 сажень вблизи уездного города, редут, устроенный при воротах, ныне называемый рай-городком, а также земляную крепость с четырьмя бастионами близ Дона над устьем Осереды ⁶.

В Бобровском уезде в качестве доселе существующих «памятников кочевания нагайских татар» называет «каменные, наподобие человека

¹ Славинский М.И. Указ. соч. – С. 95.

² Там же. – С. 96.

³ Там же. – С. 109.

⁴ Там же. – С. 110.

⁵ Там же. – С. 114.

⁶ Там же. – С. 132.

изсеченные статуи, на высоких курганах стоящие, а в селе Мечетке остатки татарской мечети, отчего и село получило свое название»¹.

В Новохоперском уезде, по его сведениям, в уездном городе «из старых строений осталась крепость о четырех бастионах, на валу коей лежат две чугунные пушки»².

Как уже было указано выше, новая информация относится к двум уездам Острогожскому и Новохоперскому, отметим также появившиеся впервые размеры вала и рва «украинской линии» (Белгородской засечной черты).

Таким образом, в «Описаниях» Курской и Воронежской губерний последней четверти XVIII в. – первой четверти XIX века впервые проявляет себя познавательный интерес к вещественным древностям «малой родины», выразившийся во включении информации о них в общую канву повествования.

Следующим проявлением такого рода интереса становится организация первых раскопок своими силами в родном крае. О них речь пойдет в следующем параграфе.

1.2. Первый опыт археологических раскопок местными силами

К настоящему времени самые ранние из археологических раскопок в Центральном Черноземье документируются первой третью XIX в. В данном случае речь идет о полевых работах одного из основоположников курского краеведения – Алексея Ивановича Дмитриюкова (1795 – 1868) на территории Курской губернии в 1829 – 1830 гг.

Будучи преподавателем, а затем и смотрителем училищ в Суджанском, Щигровском и Рыльском уездах Курской губернии, он по собственной

¹ Славинский М.И. Указ. соч. – С. 138.

² Там же. – С. 146.

инициативе занимался историей, археологией, этнографией, метеорологией и астрономией¹.

Посещая различные уголки губернии по служебным надобностям, Дмитриюков попутно осматривал и древности этих местностей. Одним из итогов таких обследований стала авторская классификация искусственных насыпей: 1) «принадлежащие к военному искусству древние крепостцы – городища» и редуты позднейших времен; 2) «курганы, содержащие смертные остатки – могильники наших далеких предков»². Как справедливо отметил в этой связи С.П. Щавелев, еще многие ученые того времени предлагали достаточно фантастические объяснения существования такого рода насыпей, тогда как данная классификация по существу совпадает с современными научными представлениями об этих заметных на местности памятниках археологии³.

Работы А.И. Дмитриюкова снискали одобрение и поддержку таких маститых столичных ученых как М.П. Погодин и Д.К. Зеленин. Предпринятые им раскопки рыльских и суджанских городищ и курганов относятся к числу самых ранних опытов полевой археологии в Центрально-Черноземном регионе (1829 – 1830, 1849 гг.)⁴. Большая часть полученных в ходе работ материалов легла в основу археологической коллекции губернского музея⁵.

Новаторским почином историка-любителя явилось сопоставление добытого в процессе раскопок материала с известиями летописей и других письменных источников о славянах объединения «Север» и Курском княжестве. В этом вопросе, как и по части исторической географии

¹ Историки Курского края. Биографический словарь. – С. 111.

² Дмитриюков А.И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. 1. – Курск: Типография Губернского правления, 1863. – С. 508, 509.

³ Щавелев С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820 – 1830 гг. // РА. – 1996. – № 4. – С. 177.

⁴ Там же. – С. 178 – 180.

⁵ Там же. – С. 180.

Северской земли, краеведческая мысль...нащупывала пути к современному комплексному источниковедению¹.

В целом, как убедительно показал в своих исследованиях С.П. Щавелев, А.И. Дмитрюков в своих трудах по археологии приблизился к уровню эмпирического научного знания, что и определяет сохраняющуюся до сих пор актуальность его публикаций.

Познавательным интересом были обусловлены и некоторые из известных нам раскопки местных помещиков на собственных землях. Наиболее ранние, из документированных, раскопки археологических памятников в Воронежской губернии провел в 40-х годах XIX века барон Дмитрий Оттович Шеппинг (1823 – 1895), действительный член Московского археологического общества с 1864 г.², известный своими работами по славянской мифологии и этнографии³.

Дмитрий Оттович родился и провел большую часть своей жизни в Москве, где в разные годы служил в канцелярии губернатора, главном архиве МИД, выступал почетным мировым судьей. В Воронежской же губернии он владел имением в Острогожском уезде, где и организовал археологические изыскания, о которых речь пойдет далее.

В Брюсселе Д.О. Шеппингом было опубликовано «Письмо о раскопках, произведенных в Воронежской губернии, с некоторыми примечаниями», датированное 23 апреля / 5 мая 1847 г. Краткий перевод этого сообщения помещен в «Археологическом вестнике» ИМАО спустя два

¹ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков. – С. 22.

² Императорское Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864 – 1914 гг.). Т. II. / Под ред. графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. – М., 1915. – С. 406.

³ Отметим в первую очередь его книги: «Мифы славянского язычества» (1849), «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках» (1862), «Символика чисел» (1893), «Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа» (1895). В последние годы наиболее значимые труды переизданы. См.: Мифы славянского язычества / Дм. Шеппинг. – М.: АСТ; Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 72 с.; Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках / Д. О. Шеппинг; [предисл., примеч. Л. В. Беловинского]. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012. – 234 с.

десятилетия в 1867 г.¹ В «Письме» автор изложил результаты собственных раскопок «городка» на землях своего имения у х. Ясиновка (Воронежская губерния, Острогожский уезд).

В числе находок, обнаруженных в ходе раскопок, названы череп собаки и зуб лошади вместе с углями, пеплом, зерном и рыбной чешуей; следы деревянного перекрытия (перегородки) и останки человека (череп, позвоночник, кости конечностей), которые позволили установить ориентировку костяка с юга на север². Возле головы погребенного находился маленький разбитый горшок, с землей, пропитанной каким-то жирным веществом, немного пепла и нечто жилистое, что может быть, по мнению автора, остатками чего-то растительного. На севере, в ногах была другая ваза, довольно большая, такая же поврежденная, как и первая, и содержащая те же вещества. Обе украшены только грубым орнаментом. «Эти вазы были удалены одна от другой на 4 - 5 ступней максимум. Невозможно, писал автор раскопок, чтобы тело человека, который был хозяином столь внушительной челюсти, мог поместиться между ними». Под местом, занимаемым трупом, земля была очень хорошо утрамбована и посыпана чем-то красным, еще достаточно хорошо видимым³.

Сам Д.О. Шеппинг интерпретировал раскопанный им комплекс как храмовый, в котором «насыпь А была вовсе не могилой, поскольку она не содержит никаких следов погребения, а храмом, где язычники делали свои приношения», «земляные валы С, D, E, F ... – это демаркационная линия или разграничение между алтарем (святилищем), предназначенным для священников и местом для народа, находившегося там во время

¹ Lettre sur une fouille faite dans le gouvernement de Voronége, en Russie, publiée, avec quelques observations, par le B. Dmitry de Schoeppingk. – Bruxelles, 1847. – 15 с., рис. Рисунок с примечаниями к нему воспроизведен А.А. Котляревским. См.: А.К. Примечание // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом / Под ред. д. чл. А.А. Котляревского. – Т. 1. – М.: Тип. Грачева и комп., 1868. – С. 65 – 66, рис. IX.

² Lettre ... – С. 7.

³ Lettre ... – С. 8.

церемонии»¹. Он датировал этот комплекс VII или VIII веками, оставив открытым вопрос о его принадлежности «Славянам или Варягам, т.е. Германцам»².

В настоящее время, опираясь на имеющиеся в работе описание и рисунки сосудов, можно полагать, что таким образом был исследован уже пострадавший к тому времени от селитроваренного производства курган (во второй половине XIX века такого рода объекты именовались «майдами») с захоронением в скорченном положении, относящимся к кругу катакомбных древностей эпохи бронзы³.

Спустя два десятилетия появляются еще две публикации Д. Шеппинга по результатам проведенных им раскопок двух курганов (майданов, городищ – все эти термины присутствуют в работах автора), расположенных у х. Гвоздовки Острогожского уезда (берег речки Калитвы) «в трех верстах от совершенно подобного же, разрытого лет 20 тому назад городка близ хутора Ясиновки»⁴.

В одном из курганов было обнаружено два захоронения (или парное?) с ориентировкой костяков головой на юг, под которыми «черноватые и местами красноватые пятна». Череп лошади и сосуд были обнаружены у ног одного из захороненных, два сосуда стояли в головах (судя по приведенным рисункам, два сосуда имели горизонтальные валики)⁵. В насыпи кургана были найдены многочисленные черепки большого горшка, а под ними «целая куча человеческих и лошадиных костей»⁶. Говоря об отсутствии в «Гвоздовских Майданах» всяких посторонних вещей при мертвецах, за

¹ Lettre ... – С. 10.

² Lettre... – С.14.

³ Захарова Е.Ю. История изучения памятников эпохи бронзы Воронежской губернии (середина XIX в. – начало XX в.) // Археология восточноевропейской лесостепи: Межвуз. сб. – Вып. 20. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С. 83 – 84.

⁴ Шеппинг Д. Раскопка двух майданов // Воронежский листок. – 1866. – № 50; Он же. Известие о раскопке двух майданов Воронежской губернии // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом / Под ред. д. чл. А.А. Котляревского. – Т. 1. – М.: Тип. Грачева и комп., 1868. – С. 62 - 65.

⁵ Шеппинг Д. Известие о раскопке двух майданов... – С. 64.

⁶ Там же. – С. 64.

исключением глиняных горшков, как о «типической черте», Д. Шеппинг указал, что «этот факт встретился и в раскопках подобных же курганов при слободе Россошь несколько лет тому назад»¹. Каких-либо данных об этих раскопках у нас пока нет. При публикации материала в «Археологическом вестнике» было отмечено сходство воронежских майданов с городищами Харьковской губернии Старобельского уезда².

В конце 1850-х – начале 1860-х годов провел раскопки в регионе Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794 - 1866) – один из землевладельцев Задонского уезда. Эта незаурядная личность: генерал, командующий отдельным Кавказским корпусом, автор путевых записок и военно-исторических книг, исследователь древностей, коллекционер, мемуарист, не обойдена вниманием исследователей³, в том числе и археологов⁴, а также писателей⁵.

Вкратце напомним основные вехи его биографии. Николай Николаевич – участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии, русско-персидской и русско-турецкой войн. В 1853 году получил чин генерала от инфантерии, в Крымскую войну возглавлял Отдельный Кавказский корпус, после взятия турецкой крепости Карс удостоился почетной приставки к фамилии – Карский. Являлся членом Государственного совета. После выхода в отставку, в 1856 году, Николай Николаевич постоянно проживал в селе Скорняково (Архангельское)

¹ Шеппинг Д. Известие о раскопке двух майданов... – С. 65.

² Там же. – С. 66.

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Муравьев–Карский // Энциклопедический словарь. – Т. XX. – СПб., 1897. – С. 193; Клоков А.Ю. Из истории археологических исследований Верхнего Дона // Записки краеведческого общества. – Вып. 1. – Липецк: Тип. Липецкого изд-ва Роскомпечати, 1995. – С. 6 - 8; Ласунский О.Г. Муравьевы // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 278; Жирова И.А., Голотвин А.Н., Новосельцев А.В. Усадьба Скорняково: исторический аспект и опыт применения методов археологического исследования главного дома // Исторический квартал. – Вып. 1. – Липецк: ЗАО «Гриф и К», 2011. – С. 58 – 69.

⁴ Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Изд-во «Наука», 1986. – С. 56 - 58.

⁵ Задонский Н.А. Жизнь Муравьева. – Воронеж: ЦЧ книжное изд-во, 1966. – 443 с.

Задонского уезда Воронежской губернии, в окрестностях которого проводил свои археологические изыскания.

Он раскопал два кургана у впадения Сосны в Дон и один курган за Сосной уже в Орловской губернии (детально обстоятельства проведения работ проанализированы в публикации Л.А. Морева, им же установлена и точная дата раскопок ¹).

Уже после смерти генерала находки, отличающиеся «особым археологическим интересом», в 1886 г. были переданы в дар Историческому музею его дочерью А.Н. Соколовой. В связи с этим событием 17 апреля 1887 г. хранитель Исторического музея В. И. Сизов сделал доклад на заседании Московского археологического общества, который был опубликован в «Древностях»².

Оставленное Н. Н. Муравьевым описание своих раскопок, а также подробная характеристика полученных музеем изделий из Скорняковских курганов, выполненная В.И. Сизовым, способствовали тому, что данные материалы впоследствии заняли подобающее им место в системе срубных древностей ³.

Напомним, что в первом из курганов – большом на Гагаринском поле – «на глубине 1 ½ аршина было обнаружено перекрытие из толстых бревен» («обвалившийся и истлевший шатер» по Сизову), под которым найдена единственная вещь - бронзовый нож («наконечник бронзового копья» по

¹ Морев Л.А. Раскопки Н.Н. Муравьевым-Карским курганов близ села Скорняково Задонского уезда Воронежской губернии: обстоятельства проведения и место в историческом контексте // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. – С. 37 – 54.

² Сизов В.И. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. XII. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1888. – С. 125 – 127.

³ Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 64. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1966. – С. 84 – 85; Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Изд-во «Наука», 1970. – С. 127; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. – С. 148, 151; Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. – С. 219; Пряхин А.Д. Доно-донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.). – Кн. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – С. 62 – 64.

Сизову)¹. Е.Н. Черных на основании анализа металла отнес данный нож к группе ВК срубной общности².

Во втором кургане, небольшого размера, под насыпью обнаружена «могила глубиной в 1 ½ аршина, на дне которой лежал скелет головой на северо-восток. Возле него, повыше левого плеча найден бронзовый нож («подобный наконечнику в первом кургане») (по Черных Е.Н., группа ВУ срубной общности), рядом пять наконечников кремневых стрел. Несколько выше стрел, на одной линии с головой, глиняный горшок, в котором лежали выгнутая и заостренная кость, костяной просверленный цилиндр и небольшое медное четырехгранное острие. Сам сосуд плохо обожженный, из грубой красноватой глины, с примесью раковины имеет острореберную форму с поддоном и орнаментирован прочерченным орнаментом в виде соединяющихся ромбов». Образованная этими элементами циклическая композиция, по моим наблюдениям, являет собой еще один образец использования срубным населением графической знаковой системы³.

В.И. Сизов при публикации материалов предположил, «что все три кургана относятся к одному времени и к одной народности... к переходной эпохе или, точнее, к началу бронзового века». К местным особенностям им было отнесено устройство из бревен надмогильного шатра⁴. Как известно, впоследствии В.А. Городцовым этот признак был взят за основу при выделении срубных древностей эпохи бронзы; в современной литературе, как правило, этот признак выступает индикатором раннего этапа срубной культуры.

Есть основания полагать, что раскопки курганов, организованные помещиками на собственных землях, были также довольно распространенным способом пополнения собственных коллекций

¹ Сизов В.И. Скорняковские курганы... – С. 125.

² Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – С. 127.

³ Захарова Е.Ю. Исследование древностей Задонского уезда во второй половине XIX – начале XX века // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 4. – Липецк: ЛГПУ, 2009. – С. 262.

⁴ Сизов В.И. Скорняковские курганы... – С. 126.

древностей. При таком подходе о находках, как правило, нет никакой информации. В редких случаях они пополнили музейные фонды благодаря пожертвованиям. Приведу несколько примеров, в известном смысле, благоприятного развития событий. По завещанию А.М. Раевской (ее родовое имение находилось в Новохоперском уезде Воронежской губернии, предположительно ряд курганов там раскопан по ее инициативе), члена-корреспондента Московского археологического общества, ее собрание древностей было передано в музей Общества любителей естествознания¹. Воронежский губернский музей в 1900 г. пополнился коллекцией А.А. Марина, среди вещей в которой были и добытые из раскопок: вазы, кувшины и проч.²

Таким образом, начало процесса обретения познавательного интереса к древностям своей «малой родины» в Центральном Черноземье может быть отнесено к последним десятилетиям XVIII века. Его проявлением стало включение вещественных памятников старины в историческую часть губернских «Описаний». Известны также единичные случаи организации раскопок местными силами (разночинцами и помещиками) в Курской и Воронежской губерниях на протяжении 20 – 60 гг. XIX века.

Первая из выявленных форм реализации познавательного интереса – описание местных древностей – постепенно получает распространение и остается приоритетной в среде краеведов Центрального Черноземья вплоть до последней четверти XIX в.

¹ Императорское Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864 – 1914 гг.). Т. II. – С. 298.

² Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1900 году. – Воронеж: Типо-литография Губ. Правления, 1901. – С. 1, 24.

Глава 2. Формирование и развитие местной традиции археологического изучения региона (вторая треть XIX – первые десятилетия XX вв.)

2.1. Политические, социокультурные и научные предпосылки становления региональной археологической традиции

В конце XVIII – первых десятилетиях XIX века, как уже было отмечено в предыдущей главе, происходит постепенное упрочение интереса к истории, в том числе и к древностям, местного края в кружках и группах провинциальных любителей. Тем самым создается благоприятная атмосфера для становления этой своеобразной культурной традиции, в рамках которой формируется и археологическая составляющая.

Качественные этапы в развитии отечественной археологии в целом, как показывают исследования в этой области, определяют внутринаучная логика эволюции исследовательского аппарата и форм организации науки с учетом вех социально-исторического порядка. Катализаторами этого процесса выступают столичные научные сообщества, они же стимулируют формирование познавательного интереса к памятникам старины в немногочисленной среде провинциальной интеллигенции.

Однако, на мой взгляд, следует при этом учитывать справедливое замечание Л.С. Клейна, обратившего внимание на то обстоятельство, что в России развитие археологии в гораздо большей степени определялось внеархеологическими факторами – общей ситуацией в стране. «Она определяла атмосферу в археологии – отношение общества к древностям и к самой этой науке, требования к ней и ожидания от нее... Археология вроде и не связана непосредственно с политикой, но через историю непрестанно

используется политикой... Так что атмосфера в археологии зависит от политики»¹.

Присоединяясь к мнению Л.С. Клейна, признаем, что при рассмотрении вопроса о формировании в провинциальном просвещенном сообществе потребности в археологических занятиях основополагающее значение приобретает анализ внутривластного, социального и научного контекстов данного процесса.

Во второй трети XIX века государственной администрацией николаевской России был осуществлен поворот от наднациональной политики прежних Романовых к продвижению идеи национальной, великорусской природы империи. Последовательное осуществление ряда административных мероприятий в этом направлении вызвало неоднозначные отклики у просвещенной части российского, прежде всего столичного, общества, но современники отдавали себе отчет, что перемены носят принципиальный характер. Так, М.П. Погодин писал: «...С императора Николая, при котором всякое предприятие русское принимается с благоволением, начинается новый период русской истории, период национальный»².

Национальные древности играли немаловажную роль в государственной доктрине «Православие, самодержавие, народность», предложенной С.С. Уваровым, министром народного просвещения и членом археологического «Оленинского» кружка. В контексте этой доктрины в понятие «народность» включалась и патриотическая интерпретация отечественной истории. Университетским уставом 1834 г. изучение истории, права и филологии должно было осуществляться исключительно на русском

¹ Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – С. 23.

² Погодин М.П. Петр Великий // Историко-критические отрывки. – М.: Тип. Августа Семена, 1846. – С. 359.

материале ¹. По распоряжению Николая I в 1843 г. началась подготовка многотомного издания «Древностей Российского государства», которую координировал А.Н. Оленин – «государственный археолог» (по выражению С.А. Жебелева) ².

При Николае I впервые началась и реализация «программы монументальной пропаганды» ³, выразившаяся в открытии многочисленных памятников историческим деятелям и событиям, возведении храмов в псевдорусском стиле, проведении реставрации древнерусских памятников. В восприятии общества архитекторы того времени были своеобразными археологами, воспроизводящими в своих творениях образы прошлого ⁴.

В Воронеже, к примеру, руководствуясь указами Николая I «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» (1826 год) ⁵ и «О сохранении древних зданий по губерниям» (1827 год) ⁶ губернатор Б.А. Адеркас инициировал дело о возвращении городу цейхгауза петровских времен для организации в нем местного музея. Спустя несколько лет (в 1834 г.) следующий губернатор Д.Н. Бегичев оформил данную инициативу в виде проекта и подал его в Комитет министров. Согласно этому документу цейхгауз должен был стать «памятником императору Петру I»: на верхнем этаже мог бы разместиться храм во имя святителя Митрофана; комнату, считавшуюся, по преданию, рабочим кабинетом Петра I, «...отделать, приновляясь в убранстве и украшении по временам царствования Его. В сию комнату потщиться собрать из всех мест по губернии и вообще по России, разные вещи, мебель и другие предметы, принадлежавшие лично Петру Великому... сверх того,

¹ Уортман С.Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: Объединенное Гуманитарное Издательство, 2002. – С. 496.

² Жебелев С.А. История археологического знания. – С. 101.

³ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. – С. 72.

⁴ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. – С. 23.

⁵ ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1830. – Т. I. – Ст. 794. – С. 1373 - 1374.

⁶ ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1832. – Т. II. – Ст. 1613. – С. 1070.

купить и сохранять в сей комнате деяния Петра Великого, анекдоты и другие книги, относящиеся к его царствованию, а стены сей комнаты украсить портретами сего Государя, планами выигранных им сухопутных и морских сражений и портретами знаменитых полководцев его времени и других особ, пользовавшихся милостью и доверенностью сего Монарха»¹; неподалеку на Острожном бугре планировалось воздвигнуть монумент в честь Петра Великого. Проект был утвержден, начаты сбор пожертвований и первые ремонтные работы, но примерно через десять лет цейхгауз вновь был продан, теперь уже под шерстомойни, а пожертвованные вещи поначалу хранились в Городской думе, а затем в 1864 году, с открытием Публичной библиотеки, были переданы туда². Впоследствии в библиотеку отдавали и другие древности. Например, в читальном зале посетители могли любоваться размещенной на стене кольчугой из с. Конь-Колодезь Задонского уезда, дарованной М.Д. Неведомским³.

Верный своей стратегии концентрации власти в рамках государственного аппарата Николай I не мог отдать ее важную идеологическую составляющую, а именно изучение и пропаганду национальных древностей и традиций в иные руки, кроме чиновных⁴.

Исследование, проведенное А.С. Смирновым, убедительно свидетельствует о том, что проводниками государственных начал в становлении археологической деятельности в провинциях империи со второй трети XIX века становятся статистические комитеты⁵.

Круг вопросов, изучавшихся статистикой в XIX веке, был гораздо шире, нежели современное понимание предмета этой науки. Видный ученый – статистик XIX века проф. Ю.Э. Янсон определял его следующим образом:

¹ Цит. по: Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – С. 86.

² Селиванов А. Описание гравюр времен Петра Великого, находящихся в воронежской публичной библиотеке // ВГВ. – 1864. – № 34.

³ Селиванов А. Археологическая заметка // ВГВ. – 1865. – № 33.

⁴ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. – С. 24.

⁵ Смирнов А.С. Указ. соч. – С. 18 – 37.

«Предмет, подлежащий исследованию статистики, есть общество, его строение, уклад и все жизненные отправления, словом – все то, что совершается в обществе, во всей его совокупности, может служить предметом статистики»¹. Такое расширительное толкование предмета статистики позволяло относить исследования по географии, истории, этнографии, археологии к статистическим.

Научно-познавательная деятельность губернских статистических комитетов – это одно из проявлений магистральной линии развития мировоззрения российского просвещенного провинциального общества на протяжении XIX века, в ее основе – возрастание интереса к истории местного края, в том числе древней. Он стал неотъемлемой чертой в образе жизни многих представителей провинциальной интеллигенции.

Большое влияние на этот процесс оказали реформы 1860-х годов, в ходе которых произошло коренное преобразование деятельности государственных и общественных структур России, в том числе и путем внедрения элементов демократического управления (создание земств, городских дум). Не случайно, что именно в пореформенное время наблюдается общественный подъем и активизация провинциальных образованных кругов в самых различных направлениях, в том числе и в деле изучения своей малой родины. Характеристика этого поколения краеведов, данная В.А. Бердинских, на мой взгляд, как нельзя лучше отражает его сущностные черты: «На местах складывается довольно широкий и достаточно образованный круг людей, занимавшихся краеведческими исследованиями, формируется целое поколение историков-краеведов, чья деятельность завершилась уже в начале XX века. Краеведов этого поколения отличали альтруизм и огромное трудолюбие, бескорыстие и горячая

¹ Янсон Ю.Э. Теория статистики: Учебник. Изд. 5-е. – СПб.: Изд. юридич. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1913. – С. 1.

увлеченность историей родного края ... Во всей их деятельности ощущалась просветительская направленность ...»¹.

При проведении уже упомянутых масштабных реформ середины XIX века в 1859 г., как известно, была создана и Императорская Археологическая Комиссия (далее в тексте ИАК). Это событие свидетельствовало о понимании в высших эшелонах власти как научной, так и идеологической значимости археологических источников, а также необходимости государственной заботы о сохранении археологических древностей, являющихся частью национального культурного наследия. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. ИАК являлась единственным государственным центральным органом в области археологии.

Авторами фундаментального исследования по истории ИАК, вышедшего в свет к 150-летию этого учреждения в Санкт-Петербурге, обосновано выделение трёх «эпох» в его деятельности², соответствующих времени председательствования Сергея Григорьевича Строганова (1859 – 1882), Александра Алексеевича Васильчикова (1882 – 1886) и Алексея Александровича Бобринского (1886 – 1917).

Эволюция роли ИАК в археологическом изучении центрально-черноземных губерний России прослеживается в рамках двухчленной периодизации: 1859 – 1886 гг.; 1886 – 1917 гг.. Кратковременная эпоха Васильчикова, в течение которой вызревают необходимые предпосылки к развитию нового этапа в деятельности Комиссии, имеет самостоятельное значение при анализе внутренней эволюции ИАК, но применительно к процессу археологического изучения ЦЧР, таковым не обладает. В первой половине 1880-х гг. направления и принципы деятельности ИАК в области изучения древностей ЦЧР остаются неизменными по сравнению с предшествующим временем.

¹ Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 283 – 284.

² Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания... – С. 96, 109, 152.

Следует признать, что в первый период (1859 - 1886) диспропорция между вниманием Комиссии к скифским и античным памятникам и к прочим древностям, в числе которых и древности Центрального Черноземья, очевидна. По отношению к последним в эти десятилетия прослеживается тенденция к налаживанию учета и контроля за археологическими находками, а также эпизодически проявляющееся стремление привлечь к сотрудничеству местные статистические комитеты.

Принципиальным отличием второго периода (1886 - 1917) является включение археологических древностей Центрального Черноземья в сферу научных интересов ИАК, что повлекло расширение направлений ее деятельности по их изучению. С 1896 г. в служебные обязанности штатного члена ИАК А. А. Спицына было вменено «заведование» регионом, в который включено и Центральное Черноземье. К его миссии относилось ведение археологическими делами и производство собственных полевых исследований, собирание сведений о памятниках древности, принятие мер к сохранению случайных находок, их ученая оценка и издание, рассмотрение вопросов реставрации монументальных памятников, подготовка итоговых отчетов об исследованиях на данной территории для последующей публикации, организация хранения, каталогизации и выставок поступивших в Комиссию древностей для высочайшего воззрения, а также их распределение по музеям ¹. Результаты деятельности А. А. Спицына по заведованию центрально-черноземным регионом будут подробно охарактеризованы в следующей главе.

Еще одним важным показателем, свидетельствующим о включении древностей Центрального Черноземья в сферу научных интересов ИАК в последней четверти XIX века, является тот факт, что комиссия сочла необходимым привлечь к тесному сотрудничеству учёного, работающего на археологических памятниках нашего региона, в рамках создания вокруг ИАК

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 241. Л. 1 - 2; Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. – С. 168 – 169.

коллектива членов-корреспондентов и сверхштатных членов. В данном случае речь идет о Дмитрие Яковлевиче Самоквасове, ставшем членом-корреспондентом с 1886 г. (всего же этого звания вплоть до 1917 г. удостоились 18 чел.). Статуса сверхштатного члена он был удостоен в 1891 г. (всего же таковых к 1917 г. было 13 чел.)¹. Среди этих категорий ученых, наиболее тесно сотрудничавших с ИАК, больше не было никого, кто бы непосредственно изучал древности Центрального Черноземья. Подробнее вклад этого исследователя в развитие региональной археологии будет проанализирован в третьей главе.

В «эпоху Бобринского» продолжалось сотрудничество с губернской общественностью в лице статистических комитетов. Однако в деле сохранения и изучения отечественных древностей у ИАК появились и новые провинциальные партнеры – Губернские ученые архивные комиссии. ИАК достаточно активно сотрудничала с непосредственным детищем архивных комиссий – областными археологическими съездами. Именно на них были озвучены некоторые из новых идей А. А. Спицына и А. А. Бобринского, касающиеся славянского расселения и первобытной культуры. Несмотря на продуктивное сотрудничество ИАК и губернских комиссий, в целом, в Петербурге и о них сложилось весьма скептическое мнение. В 1903 г. Алексей Александрович Бобринский в связи с рассмотрением проекта архивной реформы писал, что архивные комиссии должны делать главной своей задачей архивное дело, заключающееся в разборе, описи и хранении дел и актов. Ныне же губернские комиссии пытаются подражать «столичным ученым обществам»: собираются в заседаниях для заслушивания рефератов, издают труды, производят раскопки, совершают экскурсии и т.д. Подобная «ученая деятельность» вряд ли заслуживает поддержки государства². Наконец, еще одно немаловажное начинание ИАК – финансирование

¹ Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. – С. 187-195.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 178. Л. 1, 6-6 об.

инициатив отдельных исследователей и обществ Центрального Черноземья как выражение научного интереса к данной области и тематике.

В целом, значение ИАК в археологическом изучении Центрального Черноземья России определяется следующими видами ее деятельности: архивирование археологической информации; регламентация процедуры полевых и камеральных исследований; инициирование раскопок на наиболее значимых археологических объектах в губерниях; научное консультирование местных деятелей; выборочное финансирование археологических экспедиций.

К середине XIX века неотъемлемым элементом общественной жизни становятся научные общества. Как показал в своих исследованиях А.Д. Степанский, в первой половине XIX века царское правительство активно проводило линию на создание и развитие научных учреждений и организаций в первом десятилетии и 30-40-х годах ¹, в 60-е годы российская наука могла «попутно» пользоваться плодами университетской, цензурной, земской, судебной и др. реформ; наибольшее значение здесь имело упрощение порядка открытия общественных организаций ². А.Д. Степанский особо подчеркивает, что «для описываемой эпохи был характерен тип ученого-организатора и общественника. Трудно назвать сколько-нибудь выдающегося деятеля науки той поры, который не занимался бы практической организационной работой – особенно по линии научных обществ и съездов» ³. По мнению В.А. Бердинских, время расцвета научных обществ – 1860 – 1890-е годы. В эти десятилетия менялась инфраструктура науки России, разворачивались многие новые направления работы, охватывалась российская глубинка. Важным аспектом деятельности научных

¹ Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России: Учебное пособие по спецкурсу. – М.: МГИАИ, 1987. – С. 10 – 27.

² Степанский А.Д. Указ. соч. – С. 28.

³ Там же. – С. 29.

обществ были попытки преодолеть изоляцию интеллектуальных центров страны от регионов ¹.

Деятельность многих научных обществ перекрещивалась, интересы их совпадали, работы дополняли друг друга. В стране функционировало примерно 100 реально действовавших научных обществ разного профиля. Только в ведении Министерства народного просвещения было зарегистрировано открытых до 1895 года 85 научных обществ, из них гуманитарной направленности – 36 ².

Нельзя не согласиться с выводом В.А. Бердинских о том, что в развертывании работы с российской провинцией, безусловно, лидерами и настоящими гигантами по размаху работы, даже близко к которым не удалось никому приблизиться, были три научных общества: Императорское Русское Географическое Общество, Императорское Московское Археологическое Общество, Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете. Именно эти общества в значительной мере определили характер и направленность научно-исторической деятельности статистических комитетов и научных занятий провинциальной интеллигенции ³.

До середины 1860-х годов из научных обществ гуманитарного профиля на российскую провинцию ориентировалось в своей деятельности только Русское географическое общество. Созданное в 1845 году, оно должно было стать мощным генератором новых научных идей в области географии, статистики и этнографии. Одновременно оно должно было само разрабатывать методики исследований, организовывать сбор материалов, их обработку и издание. Параграф 5 Устава Общества (утвержден 28 декабря 1849 г.) гласил: «Общество входит в сношения с возможно большим числом лиц внутри Империи, от коих может ожидать нужных ему сведений и

¹ Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – С. 70.

² Там же. – С. 71.

³ Там же. – С. 73.

содействия...»¹. Традиция работы с провинциальными корреспондентами существовала на протяжении всей дореволюционной истории РГО. Специфика взаимоотношений Общества с представителями великорусских губерний заключалась в том, что эти территории преимущественно исследовались с помощью разного рода анкет и программ, в то время как в труднодоступные районы страны, как правило, направлялись экспедиции.

Одно из четырех отделений РГО – этнографии – стало центром научно-исторической деятельности Общества. Оно занималось не только собственно этнографическими, но и археологическими, археографическими и историческими исследованиями, что закономерно вытекало из широкой трактовки задач этнографии как науки. Отделение этнографии рассылало по всей стране, прежде всего в губернские статистические комитеты, начиная с 1847 года, свои программы и анкеты. Поток рукописей с мест позволил РГО развернуть широкую публикацию присланных материалов, за лучшие из них провинциальные деятели награждались медалями Общества. Эта работа сыграла значительную роль в формировании особого типа научной работы, усиленной даже малообразованным слоем уездной интеллигенции, - статьи в форме исторического, статистического, географического, этнографического описания. В ряде описаний значительное место заняли и археологические памятники. Подробнее мы рассмотрим этот тип работ в одном из последующих параграфов. Логичным продолжением деятельности в этом направлении стало издание Обществом с 1890 года журнала «Живая старина», ориентированного на материалы из провинции. К этому времени на местах уже была сформирована широкая социальная база краеведов.

Открытое в 1863 году Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете (до 1867 г. – Общество Любителей Естествознания) создало свою форму взаимодействия с провинциальными деятелями – организация и проведение в

¹ Устав Императорского Русского Географического Общества. – СПб.: Типография МВД, 1850. – С. 2.

Москве Всероссийских выставок. Первым крупным мероприятием стала Этнографическая выставка (1867 г.), затем последовала Политехническая (1872 г.), приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра I, и Антропологическая (1879 г.). Все эти выставки имели большой успех и стали заметными событиями в научной жизни страны. Коллекции, экспонировавшиеся на выставках, стали основой для столичных музеев соответствующего профиля. На местах же этими выставками был дан толчок собирательской работе местных любителей, стимулировавшей формирование губернских музеев. Статистические комитеты стали активнее заниматься музейной деятельностью.

Совершенно иной тип взаимоотношений с местной провинциальной интеллигенцией сложился у Императорского Московского Археологического Общества. Принципиальной установкой в деятельности Общества было установление прочных двусторонних контактов с русской провинцией. А.С. Уваров стремился превратить Общество во всероссийский научный центр, направляющий и координирующий археологические изыскания в стране. Уже во вступительной речи при открытии МАО (1865 г.) среди основных задач создаваемого Общества он назвал «возбуждение сочувствия в обществе к остаткам старины», а одним из действенных методов ее реализации, по его мнению, должны были стать регулярные археологические съезды для более тесного общения между учеными силами и возбуждения интереса к археологии в различных районах России ¹.

Идея созыва съездов для обмена опытом, совместной работы столичных и провинциальных исследователей, была очень актуальной. Роль МАО, сумевшего претворить ее в жизнь, выросла чрезвычайно. Для провинциальных любителей старины съезды стали настоящей школой научной работы. Многие активные члены и секретари губернских статистических комитетов стали сотрудниками (как правило, членами-

¹ Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического Общества за первые 25 лет существования. – М., 1890. – С. 1.

корреспондентами) МАО. В обобщенном виде специфика деятельности МАО в российской провинции сформулирована В.А. Бердинских: «Индивидуальная живая работа с провинциальными историками-любителями, формирование их в профессионально подготовленных исследователей местного края, а также пробуждение интереса к археологии в русской провинции и обучение на съездах широкого круга активистов статистических комитетов и других представителей русской провинциальной интеллигенции основным навыкам научно-исторической деятельности»¹.

Подробнее о результатах взаимодействия научных обществ и статистических комитетов, а затем и губернских ученых архивных комиссий в Центральном Черноземье речь пойдет в следующих параграфах. Здесь же отметим, что к 1890-м годам процесс дифференциации и специализации по всему спектру гуманитарных наук приводит к сужению тематики собственно статистических исследований, и в начале XX века на первое место в них выходят проблемы демографической статистики. Для нас важно одно из следствий этого процесса – практически повсеместно губернские статистические комитеты прекращают археологические изыскания, эстафету подхватывают губернские ученые архивные комиссии.

По вопросу о причинах появления в губерниях этих своеобразных общественно-государственных учреждений мы разделяем точку зрения А.С. Смирнова. «В создании губернских ученых комиссий реализовывались, с одной стороны, устремления центральной власти, которая со времени воцарения Александра III стала особенно интенсивно продвигать «исконно русские начала» в общественной жизни, искать в общественной истории основы для патриотической «духовности». С другой стороны, реализовывались желания провинциальных интеллигентов, стремившихся к изучению и сохранению отеческих древностей»².

¹ Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – С. 84.

² Смирнов А.С. Указ. соч. – С. 39.

В русле данного исследования мне представляется важным обратить внимание на то обстоятельство, что появление, быстрый рост числа и активная исследовательская деятельность губернских архивных комиссий¹ свидетельствуют о закрепившемся в провинциальном обществе познавательном интересе к древней истории своего родного края, послужившем основой соответствующей культурной традиции. В определении понятия «традиция» мы следуем за Л.П. Репиной, которая характеризует ее как «необходимое условие интеллектуальной деятельности и как ее производное, как форма и способ сохранения интеллектуального наследия, ... как процесс его воссоздания, активного восприятия, селекции, переформатирования, творческого преобразования, преодоления или возрождения»².

В завершение этого параграфа следует остановиться на концепциях, получивших распространение в отечественной археологии XIX – начала XX веков, чтобы далее, в соответствующих параграфах иметь возможность оценить познавательную деятельность местных любителей-археологов, а также научные построения столичных ученых, работавших с материалами Центрального Черноземья.

Нам близка точка зрения Л.С. Клейна, согласно которой смена концепций в российской археологии далеко не всегда была резкой, они нередко сосуществовали и боролись³. Аналогичного мнения придерживается и Н.И. Платонова – автор фундаментального труда по истории археологической мысли в России во второй половине XIX – первой трети XX века и докторской диссертации в рамках изучения указанной проблематики⁴.

¹ Динамику этого процесса исследовал В.П. Макарихин. См. : Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. – Н.Новгород: Волго-Вятское кн.изд-во, 1991. – С. 18 – 50.

² Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования (вместо предисловия) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2011. – Вып. 36. – С. 6.

³ Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – С. 27.

⁴ Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.; Платонова Н. И. История

Применительно к периоду XIX – начала XX вв. Надежда Игоревна обосновывает выделение нескольких главенствующих направлений в развитии археологической мысли в России. Именно ее подход к анализу этого феномена положен нами в основу анализа познавательной деятельности местных любителей и профессиональных исследователей, работавших с археологическими материалами из Центрального Черноземья. В связи со сказанным в этом параграфе представляется уместным перечислить ведущие направления развития российской археологической мысли в интересующий нас промежуток времени. Вплоть до 1840-х годов разработка национальных древностей строилась еще на принципах антикварианизма ¹. Появление сравнительно широкого интереса к «национальным древностям», приходящееся на конец 1850 – 1870 гг., совпало с «золотым веком эволюционизма» и ускоренным развитием позитивистского направления в исторических науках. Идеи эволюционизма и позитивизма интенсивно осваивались как учеными, так и широкой читающей публикой. Но они существовали как бы в отрыве от памятников, от проблем «практической» археологии ². Указанные десятилетия стали временем теснейшего сотрудничества в области историко-археологических исследований ученых-гуманитариев и естествоиспытателей, имевших достаточно близкие идейные и мировоззренческие предпосылки ³. На базе гуманитарной платформы постепенно определились три направления: историко-культурное, художественно-историческое и так называемый «скандинавский подход» ⁴. В 1870 – 1880-х годах доминирующим стало историко-бытовое (историко-культурное) направление ⁵. В то же время вне рамок таких «официальных» структур отечественной археологии как

археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX века). Автореф. дисс...д.и.н. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 52 с.

¹ Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX века). – С. 22.

² Там же. – С. 47 – 48.

³ Там же. – С. 23, 71.

⁴ Там же. – С. 70.

⁵ Там же. – С. 24 – 25.

Императорская Археологическая Комиссия и столичные Археологические общества происходило становление особого направления – палеоэтнологической школы – рассматривавшего науку о первобытности либо как дисциплину естественнонаучного цикла, либо как «промежуточную между естествознанием и обществоведением». Это направление напрямую было связано со столичными университетами, созданными при них научными обществами и музеями соответствующего профиля ¹. С 1890-х годов уже наблюдается размежевание гуманитарного и естественно-исторического (палеоэтнологическая школа) подхода, а чуть позднее происходит формирование школы типологических исследований В.А. Городцова ².

К сожалению, проведенный анализ позволяет констатировать, что в анализируемое время в губерниях Центрального Черноземья не было условий для формирования кадров профессиональных археологов, которые могли бы стать проводниками идей какой-либо из отечественных научных школ. В рамках нашего исследования актуальным представляется ответ на следующий вопрос: В какой степени в трудах столичных представителей определенных научных школ были задействованы материалы с территории Центрального Черноземья? Анализу такого рода трудов и роли их авторов в становлении региональной археологии посвящена следующая глава.

¹ Платонова Н. И. Указ. соч. – С. 125 – 126.

² Там же. – С. 26 – 40.

2.2. Организационные формы и направления познавательной деятельности местных археологов-любителей

2.2.1. Вклад губернских статистических комитетов в археологическое изучение региона

К настоящему времени в историографии уже накоплен достаточно солидный корпус исследований, освещающих деятельность губернских статистических комитетов. Сформировалось несколько направлений в их изучении: оценка вклада в развитие отечественной науки в целом ¹, анализ краеведческой работы ², издательской деятельности ³, и, что для нас особенно важно, археологических занятий ⁴.

¹ Миронос А.Е. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция. Автореф. дисс...докт.ист.наук. – Н. Новгород, 2000. – 43 с.

² Комарова И.И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 г. – М., 1987. – С. 85 - 96; Старчикова Н.Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов во второй четверти XIX - начале XX века (на примере Пензенской губернии). Автореф. дисс...канд.ист.наук. – Пенза, 2004. – 22 с.; Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: Из истории становления отечественной статистики. Автореф. дисс...канд.ист.наук. – СПб., 2005. – 32 с.; Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-1890-х годов. Автореф. дисс... докт.ист.наук. – М., 1994. – 36 с.; Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века. – М.-Киров, 1995. – 397 с.; Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 528 с.

³ Шпак Л.П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х – начало 1880-х годов) // Книга. Исследования и материалы. – Вып. 53. – М., 1986. – С. 160 – 167; Балацкая Н.М., Раздорский Л.И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833 - 1917): Свод. кат.-репертуар. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. – 646 с.; Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указ.содерж. / РНБ; науч.ред. В.В. Антонов, Н.М. Балацкая. Т. 4. Черноземный Центр. Ч. 1. Воронежская и Курская губернии. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. – 807 с.; Ч. 2. Орловская и Тамбовская губернии. – 615 с.

⁴ Формозов А.А. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830 – 1869 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. Труды семинара по истории и историографии археологической науки. – Вып. 1. – СПб., 1995. – С. 28 – 35; Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: ИА РАН, 2011. – С 18 – 37; Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны

Деятельность статистических комитетов ЦЧР также не обойдена вниманием историков ¹. Гораздо реже в публикациях находит отражение археологическая составляющая в их занятиях. Здесь мы можем сослаться лишь на единичные работы В.А. Алленовой и Ю.А. Мизиса, С.П. Щавелева, Н.А. Поташкиной и автора этих строк ². Таким образом, назрела необходимость обобщения имеющихся сведений и создания целостного представления о вкладе этих учреждений в археологическое изучение Центрального Черноземья России. Именно эта задача и решается в данном параграфе диссертационного исследования.

История создания и реформирования губернских статистических комитетов достаточно подробно изложена в публикациях ³, что избавляет от необходимости детально анализировать этот процесс. Укажем лишь на основные его вехи, оказавшие значительное влияние на становление местной археологической традиции в Центральном Черноземье.

На мой взгляд, правомерным является выделение в деятельности губернских статистических комитетов как местных исторических научных центров трех основных периодов: 1830-1850-е годы – период становления, накопления опыта; 1860-1890-е годы – период расцвета; с 1900-х годов – сосредоточение на демографической статистике, переход инициативы в

культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – С. 81 – 84.

¹ Чесноков В.И. Воронежский статистический комитет и его краеведческая деятельность в дореформенное время // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. – Воронеж, 1985. – С. 70 – 100; Стрыгина Е.Н. Книга в Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX вв. – Тамбов, 2001. – С. 54, 100 – 102; Раздорский А.И. Памятные книжки Курской губернии: ист.-библиогр. обзор // События и люди в документах курских архивов: Сб. ст. – Вып. 7. – Курск, 2009. – С. 81 – 104.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – Тамбов: ТГУ, 2002. – С. 41 – 54; Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. – Курск: КГМУ, 1997. – 140 с.; Поташкина Н.А. У истоков археологического изучения Воронежского края // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 196 – 204; Захарова Е.Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. – 2006. – № 1. – С. 71 – 75.

³ Янсон Ю.Э. Теория статистики. – С. 150 – 172; Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – С. 44 – 63.

краеведении к губернским ученым архивным комиссиям (в Тамбове с середины 1880-х годов)¹.

Учреждение при Министерстве внутренних дел губернских и областных статистических комитетов датируется 1834 годом одновременно с созданием Статистического отделения (с 1858 г. – Центральный статистический комитет) при Совете МВД, под руководством которого они и должны были функционировать. Губернским статкомитетами вменялась в обязанность не только сбор статистических сведений, но и составление на их основе «подробных и точных описаний губернии вообще или же отдельно некоторых частей»². «Правила» для губернских статкомитетов рекомендовали участвовать в их работе в качестве «непременных членов» представителям местной администрации: губернатору (в качестве председателя), предводителю дворянства, вице-губернатору, попечителю гимназии, прокурорам и др. Сами же статкомитеты могли избирать из числа почтенных жителей действительных членов и членов-корреспондентов, которые «старались бы способствовать комитету в собирании нужных сведений и составлении статистических описаний губернии...»³. Спустя немногим более двух лет был издан «Наказ губернаторам» (1837 г.), согласно которому губернаторы должны были ежегодно представлять в МВД статистико-экономические данные по своей губернии⁴. Таким образом, поначалу вся ответственность за сбор сведений о вверенном ему крае ложилась на губернатора и ближайших к нему чиновников. Понятно, что обремененные своими основными профессиональными занятиями и не имея представлений о специфике статистических исследований, не получая, к тому же, никакого вознаграждения за дополнительные обязанности, «непременные» члены статкомитетов не могли эффективно организовать деятельность нового учреждения. И хотя именно в это время появляется

¹ Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – С. 47, 283, др.

² ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1835. – Т. IX. – Отд. 2. – Ст. 7684. – С. 280 - 283.

³ ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1835. – Т. IX. – Отд. 2. – Ст. 7684. – С. 282.

⁴ Янсон Ю.Э. Теория статистики. – С. 152.

первый опыт организации исследовательских работ, составления описаний отдельных частей губерний, первых публикаций в неофициальной части «Губернских ведомостей» местных любителей по истории края, в целом, итоги деятельности статкомитетов не могли удовлетворить правительство. Губернские статкомитеты существовали не повсеместно и подолгу не функционировали вообще. По официальным сведениям, к 1857 году губстаткомитеты не были открываемы или совершенно бездействовали в 20 губерниях России ¹. В период подготовки к крестьянской реформе они не могли представить самых элементарных данных ни о численности, ни о сословном составе народонаселения губернии ². Реформирование статкомитетов стало неизбежным. Большую роль в этом процессе сыграли А.Г. Тройницкий, руководитель статистического отделения министерства, и граф С.С. Ланской, министр внутренних дел.

В декабре 1860 г. было утверждено новое «Положение» о губернских статкомитетах, в котором изменился состав комитетов (действительные члены теперь, как в научных обществах, избирались на общих собраниях из числа тех деятелей, которые уже известны своими трудами по исследованию губернии), было установлено стабильное финансирование, улучшено положение секретаря (выделено жалование и повышен образовательный ценз), значительно расширены задачи комитетов ³.

Помимо «обязательных» занятий для членов статкомитетов, а именно сбора статистических сведений для ежегодного отчета губернатора, направляемого императору и в МВД, и составления «Обзора» губернии, прилагаемого к отчету, а также сбора всех срочных административных данных по запросу из МВД, также вменены в обязанность были и «необязательные». К последним причислялись – «заботиться о составлении ... подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также

¹ Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России // Журнал Министерства внутренних дел. – Ч. 60. – СПб., 1861. – Кн. 2. – Отдел II. – С. 83.

² Там же. – С. 89.

³ Положение о губернских и областных статистических комитетах. – СПб., 1861. – 12 с.

городов и особенно почему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и прочем и об издании трудов своих в свет. Издание этих трудов может быть производимо: печатанием соответствующих статей и описаний в губернских ведомостях, составлением и печатанием «Памятных книжек» о губерниях и областях и об отдельных городах и, наконец, печатанием отдельных монографий или описаний губерний и областей или частей оных»¹.

Таким образом, статистические комитеты были не только наделены правами ведения широкой исследовательской работы в рамках своей губернии, но и становились значительными издательскими центрами преимущественно работ своих членов.

Действуя на основании этого «Положения», губернские статистические комитеты реально могли превратиться, и нередко превращались, в местные ученые общества с некоторыми административными правами и обязанностями. Они могли сделаться, при благоприятных обстоятельствах, центрами, около которых группировалась бы местная интеллигенция, потому что давали самые широкие права личной исследовательской инициативе.

Намеченная «Положением» 1860 года линия на превращение статистического комитета в научно-административное общественное учреждение была закреплена циркуляром МВД от 8 апреля 1861 г. № 397. В нем выражалось пожелание, «чтобы в делопроизводстве статистических комитетов, как учреждения административно-ученого, а не просто административного, не было введено лишней административной переписки»². Как это было воспринято на местах, наглядно демонстрирует мнение члена воронежского статистического комитета Н.В. Воскресенского, который считал, что необходимо было создать отношения между членами комитета, более соответствующие ученому обществу, а не казенному

¹ Положение о губернских и областных статистических комитетах. – С. 5 – 6.

² Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел (1858 - 1861). – СПб., 1873. – Т. 1. – С. 309 – 311.

учреждению; они должны были строиться в простой и нестеснительной форме – никаких циркуляров и рапортов ¹.

Губернские статистические комитеты были подчинены руководству Центрального статистического комитета (ЦСК), который функционировал в ранге департамента МВД и действовал на основании «Положения об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел» от 30 апреля 1863 г. ЦСК стал основным исполнительным органом, на который возлагались сосредоточение, обработка и издание статистических данных, предоставленных местными статкомитетами. С 1 января 1864 года на протяжении 17 лет директором реорганизованного ЦСК был П.П. Семенов-Тян-Шанский. Действительно, согласимся с исследователями жизни и деятельности этого ученого, его назначение на этот пост не было случайным. Он имел специальные познания в области статистики, ему были близки взгляды членов статистического отделения РГО, представителей либеральной бюрократии, считавших статистику «ключом к управлению» и стремившихся поставить ее на службу реформированию России в целом ². Репутацию П.П. Семенова как ученого-организатора статистики упрочило издание пятитомного «Географическо-статистического словаря Российской империи» (СПб., 1863 - 1885). Для словаря он нуждался в конкретных и реальных сведениях со стороны статкомитетов. В свою очередь, словарь этот становился настольным руководством в работе для многих, далеко не всегда хорошо образованных, сотрудников губернских комитетов. П.П. Семенову удалось придать ЦСК, части бюрократического аппарата правительства, характер научного общества, издающего свои труды («Статистический временник Российской империи»), реализующего широкомасштабные проекты: переписи, съезды (1870 – первый и единственный), конгрессы (1872 – Международный статистический).

¹ Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Отдел III. – Воронеж, 1893. – С. 4.

² Мельникова О.Б. П.П. Семенов-Тян-Шанский и российская статистика // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 1988. – № 1. – С. 46 – 56.

Сложный внутривластный курс повлиял и на деятельность статистических комитетов. Назначение Д.А. Толстого на пост министра внутренних дел 30 мая 1882 г. знаменовало переход правительства к жестко консервативной политике. Менялось отношение и к административной статистике. П.П. Семенов, назначенный 9 июня 1882 г. сенатором, ушел с поста директора ЦСК, на его место был назначен исправный чиновник Н.А. Тройницкий, в прошлом вятский губернатор и родственник ветерана российской статистики А.Г. Тройницкого. С его приходом ЦСК утратил характер научного сообщества, стал более походить на обычный департамент крупного министерства ¹. С середины 1880-х годов все большую роль в организации исследовательской деятельности в губерниях начинают играть ученые архивные комиссии, с 1900-х годов этот процесс охватил уже все губернии Центрального Черноземья. О деятельности ученых архивных комиссий речь пойдет в следующем параграфе. Теперь же рассмотрим непосредственно вклад статистических комитетов в археологическое изучение Центрального Черноземья с опорой на ведущие тенденции, охарактеризованные выше.

Первый период деятельности статистических комитетов Центрального Черноземья (1830 – 1850-е годы).

Из трех губернских статкомитетов Центрального Черноземья к середине столетия лишь Курский предпринял ряд реальных шагов, направленных на изучение своей губернии ². Что касается воронежского, то, хотя документы и указывают на его организацию в 1835 году ³, но вплоть до 1853 г. мы располагаем данными, позволяющими охарактеризовать его деятельность как эпизодическую. Как показал в своем исследовании В.И. Чесноков, в это время появились первые статистические описания Воронежа

¹ Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – С. 57.

² Танков А.А. Очерки из истории Курского губернского статистического комитета. Период первый (1835 – 1860 гг.) // КГВ. – 1905. – 23 ноября.

³ Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Отдел III. – Воронеж, 1893. – С. 6.

и ряда уездных городов, в губернских ведомостях стали печатать исторические материалы, был организован сбор сведений о древностях по циркулярам МВД (1837, 1844 гг.)¹. Сам же комитет, как явствует из копии его журнала на 4.05.1853 г., не мог ответить на последовавший из Центрального статистического комитета запрос: были ли когда-нибудь заседания комитета и составлялись ли журналы?² Оживление деятельности воронежского статистического комитета в середине 50-х гг. XIX века связано с деятельностью Константина Осиповича Александрова-Дольника и Николая Ивановича Второва. Именно благодаря их энтузиазму статистический комитет, по словам Н.В. Воскресенского, «был пробужден от долгой спячки»³.

В Тамбовской же губернии в первой половине 1860-х годов в связи с высказывавшимися сомнениями губернскими гласными относительно того, «разрабатывал ли научно Тамбовский комитет хотя один какой-либо предмет» земство всерьез обсуждало вопрос о его упразднении «в видах сокращения расхода»⁴.

Данные, которыми мы располагаем к настоящему времени, позволяют выделить несколько направлений в работе статистических комитетов Центрального Черноземья в первые десятилетия их существования, которые имели отношение к изучению местных древностей.

Во-первых, сбор сведений о них в рамках акций, проводимых столичными учреждениями и научными обществами.

Во-вторых, публикация краеведческих материалов в Губернских ведомостях и начало собственной издательской деятельности.

¹ Чесноков В. И. Воронежский статистический комитет и его краеведческая деятельность в дореформенное время // Воронежский краеведческий сборник. – Воронеж, 1985. – С. 70 - 100.

² Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. – С. 7.

³ Там же. – С. 7.

⁴ Постановления Тамбовского губернского земского собрания 16 декабря 1865 года // ТГВ. – 1866. – 26 февраля.

В-третьих, коллекционирование предметов старины. Охарактеризуем эти направления подробнее.

В 1837 г. (циркуляр № 5018 от 09 октября) МВД потребовало от губернаторов представить сведения о древностях по определенной форме. Итогом проведенной акции стала публикация «Краткого обозрения» отечественных памятников (крепостей, храмов и монастырей) в двух томах «Материалов для статистики Российской империи» (1839, 1841). Древности Воронежской губернии представлены четырьмя памятниками в первом томе (светские древности): Рай городок (редут) и Адмиралтейская крепость (Павловск), земляная крепость (Тавров), земляное укрепление с бастионами, валом и рвом (Новохоперск) ¹.

В 1844 г. через посредничество МВД Академия наук организовала сбор информации о «каменных бабах». Проведение этого мероприятия было обусловлено исчезновением «каменных изваяний грубой работы в разных видах, называемых в простонародье бабами, которые в недавнем еще времени во множестве стояли на степных могилах и курганах». Губернаторы должны были организовать сбор сведений о местонахождении таких стел, их внешнем виде и сопутствующих легендах и преданиях, а также распорядиться о «совершенной неприкосновенности» в первую очередь тех из них, которые еще не тронуты со своих мест ². Сведения, полученные из разных мест, подготовил к печати и опубликовал А.И. Пискарев. В Воронежской губернии, как следовало из донесений уездных исправников, сохранились четыре изваяния:

В Богучарском уезде на степи, принадлежащей государственным крестьянам слободы Старой Меловой, в урочище Березовом, 1. В Новохоперском уезде на степи, принадлежащей графине Апраксиной, на

¹ Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839. – Отд. I. – С. 122 - 123.

² Веселовский Н. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или о «Балбалах» // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1915. – Т. XXXII. – Раздел I. – С. 419.

древней могиле, 1. В дачах помещицы Раевской, близ Калиновского леса и большой Тамбовской дороги, также на древней могиле, 1. Обе эти бабы, вросшие в землю, вышиною около пяти четвертей, и на первой хорошо видно изображение женского лица с двумя назади косами. В Павловском уезде близ села Нижнего Кисляя, на Саратовской дороге, 1. Эта баба имеет явственное очертание женского лица: глаза, брови, нос, рот, уши, груди, и на шее монисты сохранились у ней без всякого повреждения ¹.

С 1847 года Императорское Русское географическое общество развернуло деятельность по составлению описаний «отдельных местностей» империи по специально разработанной и разосланной в губернии этнографической программе с последующей публикацией лучших из них в «Этнографических сборниках» (всего увидело свет шесть выпусков), остальные материалы, в том числе и полученные из Центрального Черноземья, остались в архивном фонде ИРГО ².

Именно эту акцию, проведенную Русским географическим обществом, можно считать началом действительно плодотворного сотрудничества столичных исследователей и просвещенных провинциалов из Центрально-Черноземного региона и одновременно началом процесса объединения в губернских городах всех лиц, интересующихся историей своего края.

Описания, поступившие в ИРГО из губерний Центрального Черноземья, были составлены приходскими священниками, помещиками, учителями, купцами. В рукописях содержится информация о наиболее приметных в данной местности курганах, городищах, валах, изложены обстоятельства находок древностей, пересказаны получившие распространение у местного населения легенды и предания о старине. Некоторые из авторов уже входили в Губернские статистические комитеты. Но при этом ИРГО поощрило наиболее активных провинциалов: в 1851 году членом ИРГО стал Н.И. Второв из Воронежа, благодарности от ИРГО за

¹ Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России // Записки Императорского Археологического общества. – СПб., 1851. – Т. III. – С. 212 - 215.

² Материалы для описания Воронежской губернии, хранящиеся в архиве ИРГО. – 56 с.

ценные корреспонденции неоднократно получал А.И. Дмитриюков из Курской губернии.

В «Записках» ИРГО была опубликована и статья М.А. Германова – учителя воронежской духовной семинарии. Изучая процесс распространения однодворческого населения в губернии, он не упускал возможности при описании населенных пунктов охарактеризовать имеющиеся в них памятники древности. В Коротоякском уезде, к примеру, он указал на наличие множества курганов, «в которых прежде находили оружие и разные металлические вещи», четырех городищ, окруженных либо валами, либо рвами и одного городка, «где, как рассказывали, была прежде татарская крепость»¹. Показательно разграничение городищ и городков, закрепившееся в обыденном сознании местного населения, а также различная интерпретация этнической принадлежности их жителей. К примеру, характеризуя городок в Новохоперском уезде, М.А. Германов резюмирует: «в прежние времена он обведен был валом, признаки которого существуют и ныне. Но кому принадлежал этот вал, русским караулам, первым поселенцам или татарам, неизвестно»². Посетил краевед и сохранившийся древний вал в Бирюченском уезде³. Среди множества курганов Бобровского уезда особого внимания, по мнению автора, заслуживают два из них, расположенные около с. Мечетка. «Один из них обнесен валом, с двумя воротами на север и на юг, называется городищем; при разрытии середины этого кургана в недавнее время, находили удила, кольца, стремяна и другие железные вещи. В другом кургане, называемом Большим, вырывают кирпичи шириною в две четверти, зеленого цвета и с такого же цвета фигурами; полагают, что это остатки татарской мечети. Недалеко от городища стояла каменная баба, подобная

¹ Германов М. А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки Императорского русского географического общества. – СПб., 1857. – Кн. XII. – С. 289 - 293.

² Там же. – С. 324.

³ Там же. – С. 300.

тем, какие можно найти в Новороссийских степях; ныне она поставлена возле церкви»¹.

Благодаря такого рода исследованиям происходило накопление источников для создания первых работ по археологической статистике края (о них речь пойдет в последующих главах), которые закономерно подвели итог подвижнической деятельности местных любителей старины.

В 1850-е годы в Воронеже активную деятельность по изучению местного края, включая древнейшее прошлое, развернул Николай Иванович Второв. Прежде чем анализировать его краеведческие занятия, охарактеризуем основные вехи жизненного пути. Николай Иванович Второв (1818 – 1865) – дворянин по происхождению, родом из Самары. После окончания словесного факультета Казанского университета служил чиновником МВД, в том числе с 1849 по 1857 гг. советником Воронежского губернского правления. Затем последовал его перевод по службе в Санкт-Петербург, где он вплоть до смерти занимал должность вице-директора хозяйственного департамента МВД².

4 мая 1853 г. Н.И. Второв, уже известный своей археографической работой, был избран в члены статистического комитета, и на первом же, последовавшем вслед за этим, заседании (25 февраля 1854 г.) обсуждалась докладная записка Н.И. Второва о должном направлении его действий³. С того времени, по словам Л.Б. Вейнберга, статкомитет «стоял на высоте своего призвания: разрабатывались исторические документы, край изучался в современном его состоянии, обращалось внимание на статистику края и даже мечтали о местном музее»⁴.

¹ Германов М. А. Указ. соч. – С. 315.

² Акиншин А.Н. ВТОРОВ Николай Иванович // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 85.

³ Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернном музее // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. – Воронеж, 1896. – С. 7.

⁴ Вейнберг Л. Б. Город Воронеж // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа. – Воронеж, 1886. – Т. 1. – С. 195.

Дальнейшим проявлением активной деятельности Н.И. Второва в этом учреждении стало издание первой «Памятной Книжки для жителей Воронежской губернии» (на 1856 г.), послужившей образцом для всех предпринимавшихся впоследствии подобных изданий. Н.И. Второв планировал ежегодное издание таких сборников, но в действительности они выходили с перерывами, и до 1917 г. с различными приложениями их было опубликовано 43 ¹. Первая книжка была разбита на 4 отдела: памятные записки, справочные сведения с адрес-календарем, сведения исторические, сведения статистические. Эти отделы, за исключением первого, стали входить и в последующие издания. Интересующий нас отдел «сведения исторические» с 1892 г., когда редактором издания был С.Е. Зверев, стал именоваться «литературным», а затем «научно-литературным». В этом разделе в 90-е гг. XIX в. – начале XX в. печатались работы по археологической проблематике (о них речь пойдет в одном из следующих параграфов).

Мы же вернемся к деятельности Н.И. Второва в статистическом комитете 1850-х годов. Он задумал еще одно важное начинание, осуществиться которому было суждено лишь спустя почти 40 лет. Речь идет об организации Воронежского губернского музея. Перед самым отъездом из Воронежа, в июне 1857 г., Н.И. Второв обратился к Воронежскому губернатору Н.П. Синельникову с докладной запиской о необходимости для более обстоятельного изучения Воронежской губернии учредить при статистическом комитете музей. Музей этот, по мнению Второва, мог бы состоять из четырех отделов и библиотеки. В числе отделов назван и археологический, где могли быть сосредоточены древности из губернии: оружие, сосуды, конские сбруи, монеты, модели старинных зданий². Анализируемый документ включал обстоятельное рассмотрение всех сторон

¹ Историческая справка // Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указ.содерж. / РНБ; науч.ред. В.В. Антонов, Н.М. Балацкая. Т. 4. Черноземный Центр. Ч. 1. Воронежская и Курская губернии. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. – С. 15.

² Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернном музее. – С. 35.

организации музея и получил благоприятный отзыв у причастных к этому лиц (губернатора, директора Михайловского кадетского корпуса), но дальнейшего развития эта инициатива не получила в связи с отъездом самого автора.

Н.И. Второву принадлежит несколько статей по краеведению, где были использованы археологические данные. Исследуя вопрос о заселении Воронежского края, он писал, что «во времена более или менее стародавние» (до основания Воронежа) здесь уже жили люди, на что указывают «...рассеянные по разным местам нынешней Воронежской губернии городища: Хазарское, в семи верстах севернее Воронежа, Коротояцкое, где построен город Коротояк, Старое Маяцкое на Малых Дивах, городище на Лысой горе близ Острогожска, Орлово гнездо, где ныне селение Старое городище и Бутырки (Коротояцкого уезда), Ольшанское и Усердское при устьях рек Ольшанки и Усерда... городище Розня по реке Воронеж ниже Кривого Бора...»¹. Автор не обходит своим вниманием и вопрос этнической принадлежности населения этих древних поселений. По его мнению, хазарские городища по правому берегу реки Воронеж «...ясно указывают на пребывание здесь хазар, может быть, для сбора дани с живших в верховьях Оки вятичей»². Более затруднительным представляется вопрос о том, кто населял другие городища, но можно предположить, что это остатки «городов Половецких» или «места сторожевые наших станичников»; в XIV в. уже есть свидетельства того, что «...в донских степях были христианские поселения, может быть, разоренные вскоре татарами...»³.

Аналогичные гипотезы Н.И. Второв излагает также в пояснительной статье к этнографической карте и альбому крестьянских костюмов Воронежской губернии, составленных для ИРГО, а затем изданной в «Воронежской беседе». Но в данной работе помимо городищ внимание Н.И.

¹ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. – Кн. 3. – Отдел 4. – С. II.

² Там же. – С. III.

³ Там же. – С. III.

Второва привлекли и курганы по обоим берегам р. Дон, где «...сохранились еще, так называемые, каменные бабы...». В настоящее время, автор «слышал, такие бабы находятся в Новохоперском уезде (около 5), в Богучарском (около 3) и Бобровском (1); одну бабу в пяти верстах от селения Бурляевки в Новохоперском уезде и другую в 15 верстах от селения Старой Меловой в Богучарском уезде, мне случалось самому видеть. При раскопках курганов, делаемых кладоискателями и случайных, встречаются кольчуги, оружие, монеты и другие вещи...»¹. В приведенной цитате имеется и важное для нас указание на характер проводимых в то время (начало 1860-х гг.) на территории раскопок: либо кладоискательство, либо случайные. Справедливости ради отметим, что отдельные помещики губернии уже стали предпринимать и попытки с научной целью обследовать курганы на своих землях (об этом речь уже шла), но основная тенденция извлечения артефактов из земли очевидна.

Что же касается археологических изысканий самого Второва, то он не проводил самостоятельных раскопок, но, по свидетельству Н. Поликарпова, отслеживая информацию о раскопках и находках, по возможности, приобретал древние вещи для будущего губернского музея². Достоверно известно, что он купил медного буддийского божка начала XIV века из с. Гвазды Павловского уезда Воронежской губернии, самаркандскую серебряную монету X в. из с. Боршева Коротоякского уезда (сведения о наличии их в фондах музея в 90-е гг. XIX века мы обнаруживаем у С.Е. Зверева³).

Подводя итог, хотелось бы привести цитату из работы воронежского краеведа последующих десятилетий Н.В. Воскресенского, который справедливо отметил, что главная заслуга Н.И. Второва в том, что он сумел «все, что было в Воронеже мыслящего... соединить вокруг себя, сумел

¹ Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб., 1861. – С. 267.

² Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернном музее. – С. 39 - 40.

³ Зверев С.Е. Материалы по археологии Дона... – С. 194, 197.

воодушевить и подвигнуть на работу»¹. Он стал тем центром, вокруг которого объединились учителя кадетского корпуса, гимназии, семинарии, священники, фотографы – все, кто желал заниматься изучением Воронежского края, а губернские ведомости «сделались органом этих местных тружеников»².

Действительно, одной из наиболее распространенных форм проявления интереса к истории своего края у местной интеллигенции становится написание заметок для публикации в неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей». Это всячески приветствовалось издателями, поскольку находилось в русле предписания помещать в газете «преимущественно исторические, статистические и топографические сведения, достопримечательные происшествия, необыкновенные явления природы, новейшие открытия по части наук, искусств и художеств, относящиеся более или менее до местности».

В этих заметках мы и встречаем археологические реалии при описании родных мест. К примеру, в 1850 г. член ВГСК А.И. фон-Кремер в дополнении к статистическому очерку Бобровского уезда поместил информацию о курганных древностях: «...В Верхотишанских степях 29 больших и несколько малых курганов свидетельствуют о бывшем здесь кочевье татар. Один из этих больших курганов по измерению оказался в окружности у самой своей подошвы в 83, а в высоту 3,5 сажени. Здешние крестьяне, полагая найти в этих курганах клад, разрывали один из них, и, к досаде своей, вместо клада, нашли только лошадиный череп и несколько угольев...»³. В том же году битюцкий житель Н. Соболев, излагая местную легенду об основании с. Ясырки (Бобровский уезд), описал городище, где это село возникло. Оно имело «...широкий ров, образующий собою форму

¹ Воскресенский Н. В. Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей. – Воронеж, 1888. – С. 76.

² Там же. – С. 76.

³ Фон-Кремер А. И. Дополнение к статистическому очерку Бобровского уезда // ВГВ. – 1850. – № 15.

большого четырехугольника, изрытого глубокими ямами...»¹. В одном из номеров 1851 г., неизвестный автор, описывая Усманскую казенную дачу, указал и на городище в лесу с валом и канавой, «...имеющею и теперь еще более 2 саж. глубины. С двух сторон, восточной и западной, видны следы ворот к этому таинственному жилищу...»². В 1850 – 1851 гг. в нескольких номерах газеты были помещены сведения об исторических урочищах Воронежской губернии³, которые для удобства мы свели в таблицу.

администр. принадлеж.	ближайший ориентир	название объекта	место положение	форма, размеры	особенности
Землянский уезд	с. Манино	городище	в лесу, на вершине высокой горы над р. Воронеж	круглые	высокий вал; с 4-мя воротами
	с. Уткино	два схожих городища			
Задонский уезд	д. Нижне-казачья	городище	возвышенное место в лесу	овальное; 60 дес.	большой вал; ворота наверху 4 больших надмогильных камня со старинными надписями; никаких следов городища пойма р. Воронеж; гул от внутренней пустоты; вблизи на пашне найден кусок кольчуги (1847)
	д. Семибратовщина	несколько курганов			
	с. Белоколодец	место под названием городище			
	д. Подгорная	курган – Лосиный бугор			
	д. Синдякино	Русский лес			
Воронежский уезд	по р. Тамлык	Курганы			татарские

¹ Соболев Н. Три смежные селения : с. Ясырки // ВГВ. – 1850. – № 11.

² Усманская казенная дача // ВГВ. – 1851. – № 22.

³ Урочища Воронежской губернии // ВГВ. – 1850. – № 50; 1851. – № 10.

В «Губернских ведомостях» публиковали и информацию об археологических находках. В одной из первых такого рода заметок, к примеру, сообщалось о кладе монет (в основном, времен Алексея Михайловича), который нашел в октябре 1850 г. крестьянин на опушке леса у с. Сцепное Землянского уезда. 229 серебряных и 492 медных монет лежали в сгнившем кожаном кошельке. Клад доставили губернатору ¹.

Подводя итог анализу комплекта «губернских ведомостей», хотелось бы подчеркнуть следующее. При информационных возможностях и уровне образованности населения газетная периодика середины XIX века сыграла существенную роль в популяризации формирующегося археологического знания. Впоследствии губернская пресса стала важной формой обнародования результатов работ и местных краеведов-археологов, и столичных ученых, обращавшихся к региональным памятникам.

1860-1890-е годы – период расцвета исследовательской деятельности губернских статистических комитетов Центрального Черноземья

Реформированные губернские статкомитеты продолжили деятельность по тем направлениям, которые оформились уже на первом этапе их существования, демонстрируя при этом возрастающую активность и слаженность в работе.

По-прежнему, при посредничестве статкомитетов столичные учреждения и научные общества осуществляли сбор сведений о древностях. С 1860-х годов к этой работе подключаются Императорская Археологическая Комиссия (ИАК) и Московское Археологическое Общество.

В начале 1863 г. в соответствии с предложением МВД ИАК подготовила и препроводила в министерство программу предполагаемых изысканий для рассылки в губернии от его имени ². В апреле 1863 г.

¹ Нумизматическая находка // ВГВ. – 1851. – № 49.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1862 г. Д. 27. Л. 9 – 10, 14 – 14 об.

соответствующий циркуляр был разослан в губернии¹. В мае 1866 г. ИАК вновь разослала письмо во все Статистические комитеты, упомянув о предшествующем циркуляре МВД от 27 апреля 1863 г. по поводу участия комитетов в собирании сведений о местных древностях. В письме говорилось, что за два истекших года сотрудничество уже успело принести некоторую пользу, поскольку в ИАК были доставлены сведения о местных древностях, и при этом ряд случайных археологических находок был сохранен от истребления². Вместе с письмом для закрепления сложившихся контактов ИАК разослала по губернским комитетам и некоторые из археологических изданий.

Но, к сожалению, данная акция не нашла сколько-нибудь широкого отклика в Центральном Черноземье. К примеру, в отчете ВГСК за 1863 г. говорится, что «...приглашение это до настоящего времени (май 1864 г.) никаких последствий не имело...»³. Подобные результаты были получены и в других губерниях⁴. С.Е. Зверев при публикации статистических данных о находках в Воронежской губернии (1893 г.) упоминал о наличии в архиве ВГСК «Дела 1863 г. «Об археологическом исследовании Воронежской губернии» за № 60», но ни одной ссылки на него в своей статье он при этом не сделал⁵.

Стремясь все же исполнить столичный циркуляр, в 1864 г. ВГСК объявил конкурс среди описаний замечательных местностей Воронежской губернии, лучшие из которых предполагалось опубликовать в ведомостях (работы можно было присылать до 1 августа 1865 г.). В программе, по которой следовало составлять описания, был и такой пункт: «3. Экономическое состояние населенных местностей. Описание монастырей,

¹ Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания... – С. 81 – 82.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1866 г. Д. 8. Л. 1.

³ Протокол общего собрания Воронежского губернского статистического комитета 19 мая 1864 года // ВГВ. – 1864. – № 23.

⁴ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917) // История музейного дела в СССР. – М., 1957. – Вып. I. – С. 96.

⁵ Зверев С. Е. Воронежские древности. – С. 161 – 167.

церквей, часовен. Курганы, валы, городища, каменные бабы и другие остатки исторических памятников»¹. Известно, что победителем конкурса стал Н.В. Воскресенский, но в его работах нет обращения к древностям губернии.

Спустя десятилетие (1873 год) ИАК вновь начала компанию по сбору сведений о древностях в губерниях, на сей раз предполагалось по специальной анкете опросить волостные правления о древних земляных насыпях. Соответствующие отношения в губернские статистические комитеты направил Центральный статистический комитет². Прилагаемая анкета была составлена Д.Я. Самоквасовым и включала 12 пунктов, в которых предусматривалось получение информации о местонахождении, внешнем виде, размерах и форме древних поселений (городищ или городков), окопов, батарей, курганов (древних могил). В Воронежской губернии наиболее подробные сведения представили из Валуйского, Бирючинского, Коротоякского, Острогожского и Павловского уездов³.

Именно эта компания в губерниях Центрального Черноземья стала отправной точкой для налаживания работы по археологической статистике в регионе. На это прямо указывают авторы первых публикаций такого рода, увидевших свет почти одновременно в Воронежской, Курской и Тамбовской губерниях в конце XIX – начале XX вв. Так, секретарь Воронежского губернского статистического комитета С.Е. Зверев писал, что эти документы были опубликованы в Воронежских Губернских Ведомостях, отдельные оттиски разосланы членам комитета и в уездные полицейские управления с «приглашением приводить в известность наличные в губернии памятники древности и сведения о них доставлять в комитет»⁴. В Петербург активнее стали отправлять местные древности, издания историко-археологического характера, губернские «Памятные книжки».

¹ Программа описания отдельных местностей Воронежской губернии // ВГВ. – 1864. – № 31.

² Протокол заседания ВГСК на 14 июня 1873 года // ВГВ. – 1873. – № 53.

³ Архив ВОКМ. Д. 3821.

⁴ Зверев С. Е. Воронежские древности. – С. 161.

Мнение о результатах этого сотрудничества в самой ИАК было весьма скептическим. Так, Владимир Густавович Тизенгаузен, исполнявший в то время должность старшего члена ИАК, в своей Записке о деятельности Комиссии от 7 мая 1886 г. писал: «Комиссия пыталась привлечь к ее деятельности основные провинциальные научные силы – членов Статистических комитетов. Но это была слабая поддержка...»¹. Аналогичного мнения придерживался и новый председатель ИАК Алексей Александрович Бобринский, писавший в 1898 году о том, что привлечение к делу охраны памятников СК «не оправдало тех надежд, которые Археологическая Комиссия возлагала на них»².

После 1873 г. ИАК не инициировала дальнейшего сотрудничества с статистическими комитетами. Вектор активности сместился в сторону отдельных местных деятелей.

В 1860–70-е гг. одной из плодотворных форм научной деятельности уже упоминавшегося нами Общества любителей естествознания при Московском университете становятся выставки, из которых значительный резонанс в образованных кругах получили этнографическая, политехническая и антропологическая. Немаловажным фактором успеха этих мероприятий было сотрудничество комитетов по подготовке выставок с местными деятелями в губерниях, ради этого в отдельные города посылались уполномоченные, в том числе и для проведения накануне выставок раскопок.

К Этнографической выставке (1867 г.) «вследствие положения Комитета естествознания» член ВГСК, священник М. Марьевский подготовил описание древних земляных насыпей в окрестностях бывшего города Усерда Бирюченского уезда³. При его подготовке автор совершал экскурсии (*часто вместе с чиновником и врачом Сулгиным – Е.З.*), подбирал информацию из архивных документов, записывал народные предания и

¹ Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания... – С. 83.

² Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начало XX вв.: Сб. документов / Сост. Р. Е. Альтшулер, К. М. Пискарева, Н. С. Трусова и др. – Москва, 1978. – С. 146.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1867 г. Д. 3. Л. 3 - 4.

легенды о местных достопримечательностях. По мере накопления материала любитель старины публиковал его в «Губернских ведомостях»¹.

Автор стремился охарактеризовать все наиболее значимые в крае археологические реалии, в том числе и предлагал их историческую интерпретацию.

Многочисленные курганы, разбросанные по уезду, по мнению М. Марьевского, могли использоваться двояко: либо в качестве культовых мест «...дикие народы своим кумирам воздвигали сии огромные насыпи на самых вершинах гор и непроходимых высотах лесных...», либо в качестве погребальных сооружений «...или это были могилы над прахом свирепых предков, давно исчезнувших с лица земли...»². Не столь категоричен, как его предшественники (и народ), М. Марьевский в соотнесении курганов с периодом «владычества татар». По его мнению, они могут принадлежать и половцам, и хозарам³. Подробно он описал шесть наиболее крупных курганов, расположенных вблизи земляного вала, «слывшего в народе гранью между Татарщиной и Русью». Они неоднократно привлекали внимание кладоискателей, которые выкапывали из них «кости полуистлевшие, воинские доспехи, убранства лошадей»⁴.

Городища он справедливо соотносил с местами древних поселений, которые строились «или коренными окрестными жителями для укрывательства в оных от набегов незваных гостей, или разбойниками для безопасности своих буйных шаек...»⁵. Некоторые из городищ М. Марьевский сам обследовал. Среди них «городище в холодном логу» (на горе в усердском лесу) – «окоп в виде неправильного четверугольника, имеющий в окружности 480 сажень, ... с западной стороны 8 сажень вышины». Там им были собраны «а) Черепки посуды глиняной... Эти черепки столь толсты в

¹ Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – №№ 30, 33, 46, 94, 95; 1867 – № 7; 1869. – №№ 71, 77, 80; 1870 – № 37, 74.

² Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – № 30.

³ Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – № 30.

⁴ Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – № № 46, 94, 95.

⁵ Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – № 30.

диаметре своей плоскости, что равняются 16-й доле аршина, и столь грубы по отделке в работе, что едва ли кто может и из самых опытных естествоиспытателей определить время их первоначального появления на свете. б) Части или обломки железа..., покрытые ржавчиной..., коих значение тоже трудно определить. в) Конические фигуры свинцу в вершок длиною. г) Куски дубового окаменелого дерева, тяжелого как свинец... д) Окаменелые части костей неизвестных животных и е) главное: монеты серебряные и медные времен государя Михаила Федоровича Романова...»¹. Еще одно городище, которое посетил и описал М. Марьевский, располагалось на левом берегу реки Сосны. Оно было «кругом обнесено огромным валом, кажется крепость. Вид ее совершенно круглый. С северной стороны и с южной, одни против других, по всему вероятно, были ворота, что подтверждают и огромные проходы. Во внутренности его, глубиной в 8 сажений, находится по за валом глубокий ров»². Описания всех обследованных объектов М. Марьевский послал в Комитет естествознания, а находки – в ИАК³.

В дальнейшем М. Марьевский сосредоточил свое внимание на древностях уезда, по его мнению, относящихся к XVII столетию⁴.

Участие Курского статистического комитета под руководством губернатора в устройстве этой выставке было куда более скромным. В Манеже, где была развернута экспозиция, среди прочих можно было увидеть два манекена в традиционных костюмах Курского и Обоянского уездов (наряды для них подарили в ответ на соответствующее губернаторское обращение частные лица), среди экспонатов находился и великорусский головной убор женщины из Курской губернии, также подаренным частным лицом⁵.

¹ Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – № 33.

² Марьевский М. Бывший город Усерд // ВГВ. – 1866. – № 33.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1867 г. Д. 3. Л. 3 - 4.

⁴ Марьевский М. Бывший город Усерд в XVII столетии // ВГВ. – 1869. – №№ 71, 77; 1870 – №№ 37, 74.

⁵ Этнографическая выставка 1867 г. – М., 1878. – С. 47, 59.

Воронежский статистический комитет принял участие и в подготовке Политехнической выставки (1872). На ней планировалось организовать «курсы для ознакомления с историей и географией России, при пособии больших картин, отраженных на экране посредством сильного освещения электричеством или друммондовым светом», для этого нужно было изготовить фотографии памятников петровского времени из Воронежской губернии, о чем и уведомили статкомитет в специальной программе¹. ВГСК через посредничество губернских и уездных земских управ и предводителей дворянства поручили фотографам заняться фотосъемкой данных видов. Полученные фотографии предполагалось объединить в альбом, приуроченный к 200-летию юбилею Петра I².

Антропологическая выставка (1879) особенно значимое событие для региональной археологии, поскольку именно на ней впервые столичной просвещенной публике были представлены материалы раскопок из Воронежской губернии, произведенных на уровне современных методических требований. Речь идет о находках, полученных в 1872 году профессором Московского университета А.Я. Кожевниковым из кургана близ с. Марки Острогожского уезда. Погребение, относящееся ко времени после 1363 г. (судя по найденной монете), содержало богатое воинское захоронение. Весь материал поступил в Исторический музей³.

Из Курска в адрес устроителей выставки также поступили археологические материалы: К.Д. Тихомиров пожертвовал череп, найденный в кургане Курской губернии на границе Дмитриевского и Льговского уездов, а также железное орудие, найденное в другом кургане в той же местности⁴. Московские деятели ограничились благодарностью в адрес дарителя, не

¹ Протокол заседания ВГСК на 14 июня 1873 года // ВГВ. – 1873. – № 54.

² Протокол заседания ВГСК на 14 июня 1873 года // ВГВ. – 1873. – № 54.

³ Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. – 2-е дополн. изд. – М., 1893. – С. 363 - 364; Антропологическая выставка. Т. 2. // Известия Императорского общества любителей естествознания. – Т. XXXI. – С. 7.

⁴ Известия ИЮЛЕАЭ. Т. XXV. – Вып. 1. – М., 1881. – С. 75.

проявив интереса к обстоятельствам находок. На самой выставке из Курской губернии также были представлены этнографические экспонаты.

Комитет Антропологической выставки и его уполномоченные продолжили свои исследования и после выставки. В том же 1879 году хранитель Зоологического музея при Академии наук и уполномоченный Комитета Антропологической выставки в Петербурге Иван Семенович Поляков (1845-1887) провел продуктивные раскопки в с. Костенки Воронежского уезда, ставшие точкой отсчета в истории изучения палеолита Центрально-Черноземного региона. Спустя два года по поручению комитета той же Антропологической выставки раскопки в Костенках продолжил А.И. Кельсиев (мы вернемся к этому сюжету в третьей главе).

В последние десятилетия XIX века вклад статистических комитетов губерний Центрального Черноземья в археологическое изучение региона существенно различается.

С 1884 года в Тамбовской губернии начинает работу Ученая архивная комиссия, принявшая на себя полномочия в области археологии (о ее деятельности речь пойдет в соответствующем параграфе данной работы). Это, в известной мере, объясняет практически полное отсутствие каких-либо акций этого учреждения археологической направленности. Мы можем назвать лишь единственную статью А.Н. Норцова, содержащую перечень археологических памятников и находок по уездам, которая сначала увидела свет в сборнике статкомитета ¹, а затем была перепечатана в известиях губернской ученой архивной комиссии ².

В Курске статистический комитет, организуя археологические изыскания, по-прежнему действовал без особой инициативы, ограничиваясь исполнением циркуляров из столиц. Анализ выходивших в это время под эгидой комитета изданий показывает, что на археологическую тему в

¹ Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Сборник календарь Тамбовской губернии. На 1903 год. – Тамбов: Типо-литография Губернского Правления, 1903. – С. 78 – 110, карта.

² Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Известия ТУАК. – Вып. 50. – Ч. 2. – С. 59 – 100.

«Памятных книжках» была опубликована всего одна статья ¹. Выход ее в свет был обусловлен командированием С.Н. Бельченко (секретарь ГСК до 26 ноября 1890 г.) на VIII Археологический съезд, для которого «по распоряжению г. начальника губернии им была изготовлена и передана председательнице Московского археологического общества графине Пр. С. Уваровой «Археологическая карта Курской губернии» с описанием к ней. На карту нанесены все пещеры, валы, городища, курганы и каменные бабы, указанные в описании. Один экземпляр такой карты хранится при делах Статистического комитета, так же, как и описание, которое и помещается здесь» ².

Самым ярким достижением в археологической деятельности Курского статистического комитета этого периода становится сотрудничество с Д.Я. Самоквасовым (об этом см. в главе 3).

На этом фоне гораздо предпочтительнее выглядит вклад воронежского губернского статистического комитета в региональную археологию ЦЧР. Для нас представляется самым значимым событием в этой связи начало самостоятельных разведок и раскопок на территории Воронежской губернии под руководством секретарей ВГСК (Л.Б. Вейнберга, С.Е. Зверева). С их работами полевая археологическая деятельность в губернии приобретает уже не эпизодический, а планомерный характер. Во-вторых, с 90-х годов на страницах «Памятных книжек», издания статкомитета, регулярно выходят публикации на археологическую тематику. Здесь увидели свет две работы самого секретаря ВГСК С.Е. Зверева ³, а также путевые заметки Е.Л. Маркова (в это время также являвшегося членом статистического комитета), в

¹ Бельченко С.Н. Археологические древности в Курской губернии // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. – Курск: типография Губернского Правления, 1890. – С. 87 – 96.

² Бельченко С.Н. Указ. соч. – С. 87.

³ Зверев С.Е. Воронежские древности. – С. 161 - 167; Он же. Материалы по археологии Дона (находки монет и предметов религиозного культа, относящихся к древнейшим временам по XII в. включительно) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. – Воронеж, 1894. – С. 194 - 200.

которых немало места уделено описанию городищ, курганных могильников, земляных валов и древних шляхов (всего 4 работы) ¹.

Из числа местных деятелей, стоявших у истоков научных археологических исследований в Воронежской губернии, по праву первым следует назвать Леонида Борисовича Вейнберга (1849 - 1901) – известного воронежского археографа и краеведа.

Родился Л.Б. Вейнберг в Г. Вильно, в 1871 году получил диплом аптекарского помощника в Киевском университете, работал по специальности в Одессе и Санкт-Петербурге, с 1876 по 1891 гг. жил в Воронеже. С 1881 г. – корректор, с 1882 г. – смотритель типографии губернского правления. После переезда в Санкт-Петербург (в 1891 г.) работал в журнале «Правительственный вестник» ².

На протяжении всего воронежского периода своей жизни он занимался разборкой и публикацией местных архивов, а по вступлении в должность секретаря губернского статистического комитета (с сентября 1884 г.) обратился и к археологическому изучению губернии, предпринимая для этого экскурсии и организуя раскопки (хроника последних уже нашла отражение в печати ³).

С этого времени в губернии происходит активизация краеведческой работы, в целом, и археологического направления, в частности. Итогом проведенных в предшествующие десятилетия работ стали первые публикации по археологической статистике Воронежской губернии,

¹ Марков Е.Л. Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок (Из путевых очерков Воронежской губернии) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. – Воронеж, 1893. – С. 125 – 157; Он же. Поездка к камню Буилу (Из путевых очерков Дона) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. – Воронеж, 1894. – С. 127 - 146; Он же. Донская Беседа и соседние ей древние урочища Дона (путевые заметки) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. – Воронеж, 1896. – С. 108 - 135; Он же. Клады Старой Северщины // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год. – Воронеж, 1902. – С.1 - 18.

² Акиншин А.Н. ВЕЙНБЕРГ Леонид Борисович // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 71.

³ Поташкина Н.А. Л.Б. Вейнберг и археологические экскурсии 1888 – 1890 годов // Из истории Воронежского края: Сб. статей. – Вып. 12. – Воронеж, 2004. – С. 134 – 145.

появившиеся в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX века. Авторами этих работ стали в Воронеже сам Л.Б. Вейнберг, а в столице – известный отечественный археолог – член Императорской археологической комиссии А.А. Спицын¹.

В 1887 г. в приложении к первому тому «Материалов для истории Воронежской и соседних губерний» Л.Б. Вейнберг публикует перечень городищ и курганов в Воронежской губернии, который (как следует из подзаголовка) был им извлечен из дел статистического комитета (в этом же издании дается и карта под названием «Воронежский край в XVIII столетии», где отмечены археологические объекты). Согласно приведенным данным комитет располагал сведениями о локализации археологических объектов во всех 12 уездах Воронежской губернии. Всего было учтено 81 городище, 1360 курганов, из которых 38 раскопано (в подавляющем большинстве случаев неизвестно кем и когда; конкретная информация имеется только относительно проводимых в 1860 г. раскопок двух курганов под рук. Н.Н. Муравьева в его имении у с. Скорняково Задонского уезда), 134 распахиваются и засеваются хлебом, а также остатки древнего вала в Бирюченском уезде, «каменные бабы» (общим числом 5 или 8) в Богучарском уезде.

Располагая этой информацией, во второй половине 80-х годов XIX века Л.Б. Вейнберг провел самостоятельные исследования на наиболее интересных, с его точки зрения, памятниках. Он организовывал их и по собственной инициативе, и по поручению губернатора, и по заданию Императорской Археологической Комиссии. Именно Л.Б. Вейнбергу

¹ Вейнберг Л.Б. Городища и курганы в Воронежской губернии: Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. – Т. 1. - Воронеж, 1887. - Приложение. - С. 412 - 420; Спицын А. А. Сведения 1873 года о городищах и курганах. Воронежская губерния // Записки ИРАО. - СПб., 1896. - Т. VIII. - Вып. 1-2. - Новая серия. - С. 286 - 306.

принадлежат первые отчеты для ИАК о раскопках на территории Воронежской губернии, опубликованные в изданиях этой организации ¹.

Первая поездка Л.Б. Вейнберга по губернии, санкционированная Председателем Воронежского Губернского Статистического Комитета, Воронежским Губернатором А.В. Богдановичем, состоялась в июне 1885 г. По словам современника этих событий Н. Поликарпова, он спланировал посещение северных уездов Воронежской губернии с целью «исследовать современное положение более замечательных в статистическом отношении местностей» ². Поездкой Л.Б. Вейнберг воспользовался, как пишет тот же исследователь, главным образом, для собирания памятников древности. Во время нее он познакомился с некоторыми лицами из уездной интеллигенции, преимущественно духовенством, которые и были первыми жертвователями в пользу основанного в Воронеже при статистическом комитете музея; как человек деятельный и общительный, он умел отыскивать в обществе полезных для музея лиц и располагать их к вещественным пожертвованиям в пользу его. Вообще смог привлечь к музею симпатии Воронежского губернского и уездного обществ ³.

Именно во время этой поездки Л.Б. Вейнберг знакомится в Задонске с местным монахом отцом Геронтием, также увлеченным краеведением и приобретшим уже известность «подлинного летописца не только своей обители, но и всего Задонского края в целом» ⁴, ставшего новым «самородком» краеведения ⁵. Вследствие сближения этих двух краеведов музей ВГСК стал регулярно получать от священнослужителя пожертвования. «Из своей коллекции старинных русских предметов в 1885 и 1886 гг. он

¹ Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882 – 1888 годы. – СПб., 1891. – С. СССХVI – СССХIX; Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1890 год. – СПб., 1893. – С. 116.

² Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее. – С. 11.

³ Поликарпов Н. И. Указ. соч. – С. 11 – 12.

⁴ Клоков А.Ю., Морев Л.А., Найденов А.А. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Задонский район. Ч. 1. – Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2007. – С. 23.

⁵ Тропин Н.А. Исследования православных древностей Ельца и его округа в XIX – начале XXI вв. // Собор: Альманах религиоведения. – Вып. 10. – Елец: ЕГУ, 2012. – С. 11.

принес в дар музею следующие предметы: 4 ископаемые кости допотопных животных, две древние кольчуги, два древних бердыша, меч XIII столетия, другой древний стальной меч, татарскую саблю, саблю с гербом императрицы Екатерины II, дворянскую саблю, медный ствол древней пищали, татарскую пищаль, ложе ружья с инкрустацией из слоновой кости, ружье с гербом императрицы Елисаветы, 24 серебряных и 85 медных древних монет, не считая нескольких древних документов. Короче сказать – почти весь нынешний оружейный отдел музея составлен из пожертвований о. Геронтия. И в последующие годы достопочтенный о. Геронтий не переставал быть одним из главных жертвователей музея: из более крупных пожертвований о. Геронтия за эти годы нужно указать на старинные царские врата, несколько крестов, каменную бабу из Задонского уезда и несколько ценных старинных книг»¹.

Время знакомства Л.Б. Вейнберга и о. Геронтия совпало также с масштабной акцией статистического комитета, направленной на подготовку юбилейного сборника к 300-летию города Воронежа. Комитет обратился за содействием ко всем «образованным и просвещенным гражданам, ко всей интеллигенции края» с призывом внести «свою лепту в общую сокровищницу знаний» с тем, чтобы «мало помалу образовалось полное изучение родного края»². Отец Геронтий также откликнулся на это приглашение. В вышедшем впоследствии сборнике имеется его статья «Город Задонск и его окрестности»³.

Активная краеведческая позиция Геронтия была оценена Губернским Статистическим Комитетом – 15 декабря 1885 года он был избран в его действительные члены⁴. Попутно отметим, что о. Геронтий, будучи также членом-корреспондентом Церковно-Археологического Общества при

¹ Поликарпов Н. И. Указ. соч. – С. 12.

² ВГВ. – № 44. – 19 июня 1885 г.

³ Геронтий. Город Задонск и его окрестности // Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Т. 2. – Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1886. – С. 135 – 158.

⁴ Поликарпов Н. И. Указ. соч. – С. 12.

Киевской духовной академии, делал пожертвования в музей и этой организации¹.

Именно о. Геронтий, спустя два года после означенной встречи с Л.Б. Вейнбергом, уведомил Губернатора о существовании «замечательной ямы» около Задонска, что послужило сигналом для начала исследований археологических памятников у с. Тюнино. При этом о. Геронтий не только сообщил в ВГСК об этом любопытном объекте, но и самым активным образом участвовал затем в его раскопках. Как доложил в Императорскую Археологическую Комиссию Л.Б. Вейнберг, «он (Геронтий – авт.) принял на себя надзор за правильным ходом работ в пещере и дал мне возможность сосредоточить свое внимание на курганах»². А в своей книге «Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии» этот же исследователь, выражая «глубокую признательность» о. Геронтию, именует его своим «сотоварищем по раскопкам», помогавшим «и дельным советом, и усердною работою с лопатою в руках»³.

Первые полевые работы на Тюнинском Селище были проведены под руководством Л.Б. Вейнберга в 1888 году. Важно отметить, что эти исследования стали первыми в Воронежской губернии, организованными с научной целью в соответствии с методическими установками и при финансировании Императорской Археологической Комиссии. Они включали обследование данной территории на предмет выявления археологических объектов, а также проведение раскопок «замечательной ямы» и четырех курганов из числа обнаруженных вблизи нее. Указанные работы достаточно полно документируются архивными материалами, а их результаты отражены как в научных отчетах, так и в публикациях. Значимость этого события в

¹ РГАДА. Сборный личный фонд. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 66.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 45.

³ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1891. – С. 9.

истории региональной археологии, надеемся, в достаточной степени аргументирована на страницах нашей совместной монографии ¹.

Обнаруженные нами архивные свидетельства включают следующие типы документов: материалы официальной переписки между Императорской Археологической Комиссией и ВГСК (см. приложения №№ 1 – 3, 5) ²; три научных отчета Л.Б. Вейнберга для ИАК, два из которых полностью посвящены результатам работ на Тюнинском Селище (см. приложения №№ 4, 6) ³, а третий содержит упоминание об изученных объектах ⁴; финансовые документы, отражающие организацию работ ⁵; самостоятельное значение в связи с утратой самих вещей и низким качеством рисунков имеет описание обнаруженных в ходе работ артефактов (см. приложение № 7).

Опубликованные источники включают две статьи в научных изданиях ⁶, заметку в газете «Петербургский листок» ⁷ и раздел в научно-популярной книге Л.Б. Вейнберга ⁸.

Анализ данных источников позволяет проследить хронику событий, раскрыть организационные особенности экспедиции под руководством Л.Б. Вейнберга, выявить и охарактеризовать методические приемы исследователя, а также максимально полно изложить результаты проведенных работ. Подробное изложение всех перечисленных аспектов проведения

¹ Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. В поисках древностей забытого урочища: находки и легенды окрестностей Задонска. – Тула: Гриф и К, 2012. – 256 с.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 9 – 10, 11, 21, 22.

³ Предварительный отчет о ходе исследования Тюнинской ямы от 15 июля 1888 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 15 - 19; Отчет о раскопках, произведенных в 7 верстах к северу от г. Задонска по распоряжению Императорской Археологической Комиссии в августе и сентябре 1888 г. Члена-секретаря Воронежского Губернского Статистического Комитета Л.Б. Вейнберга // РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 24а – 45.

⁴ Придонские исторические памятники Воронежской губернии // РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 23. Л. 19 – 20.

⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 20, 47, 49 – 52.

⁶ Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1888 год // Отчет ИАК за 1882 – 1888 годы. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1891. - С. СССХVI – СССХVIII; Раскопки Л.Б. Вейнберга близ гор. Задонска // Записки ИРАО. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. СПб., 1896. С. 187 – 189.

⁷ Таинственная пещера // Петербургский листок. – № 215. – 8 (20) августа 1888 г.

⁸ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – С. 19 – 20.

воронежскими деятелями первой экспедиции под эгидой ИАК содержится на страницах уже упомянутого монографического исследования А.Н. Бессуднова и автора, к которому я и отсылаю читателей.

Здесь же отмечу, что по завершении работ своего первого полевого сезона Л.Б. Вейнберг был полон решимости, продолжить раскопки на этом памятнике. В конце отчета в ИАК, датированного 22 сентября 1888 г., он не только писал, что «селище заслуживает дальнейшего исследования...», но и предлагал конкретный план его проведения. По его мнению, необходимо изучить «находящийся в северо-восточной части большой курган, почти слитый с двумя маленькими», а также «закончить исследование каменного кургана и пещеры». На продолжение работ он запрашивал в ИАК 250 – 300 руб.¹. Ответа из Комиссии не последовало. Видимо, нерешенность именно финансовых вопросов и послужила причиной для отказа от реализации задуманного.

Тем не менее, совместно проведенные раскопки на Тюнинском Селище под Задонском стали знаковым событием для каждого из руководителей работ. Но если для Л.Б. Вейнберга это послужило толчком к началу активной полевой археологической деятельности, продолжавшейся до конца воронежского периода жизни, то для отца Геронтия этот памятник остался единственным, в исследовании которого он принимал непосредственное участие. Это событие не осталось незамеченным и в краеведческой среде. По окончании полевых работ на Тюнинских памятниках, в 1889 году, ВГСК, как сообщает Н. Поликарпов, «не имея возможности ничем другим отблагодарить усердие о. Геронтия, обращался к Его Преосвященству Вениамину с просьбою о поощрении о. Геронтия за его труды»².

На следующий год, в июне 1889 г. Л.Б. Вейнберг запрашивает в ИАК открытый лист на раскопки текущим летом уже совсем в другом месте – «в

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 44 об.

² Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее. – С. 12.

общественном лесу г. Воронежа»¹ (об итогах этих работ речь пойдет ниже). Однако он не преминул воспользоваться случаем, и этим же летом вновь посетил Задонский уезд², сопровождая своего коллегу, известного воронежского литератора Евгения Львовича Маркова (свои впечатления от поездки последний отразил в путевых заметках «Донская Беседа и соседние ей древние урочища Дона»³).

В указанной выше публикации Е.Л. Марков выступил первым критиком Л.Б. Вейнберга и одновременно автором собственного описания Тюнинских памятников, которые у него именуются «Проходненским селищем» (по названию речки – Проходня). Е.Л. Марков считал, что его размеры (около 6 квадратных верст), указанные Вейнбергом, значительно преувеличены; нет здесь и Галичьих гор, которые расположены, как он справедливо отметил, «верст на 30 севернее селища против с. Патриаршего, и притом в Елецком уезде, на правом, а не на левом берегу Дона». В этой же статье, со слов Л.Б. Вейнберга, изложены основные результаты его раскопок на селище, но при этом Е.Л. Марков пишет, что не видел ни одной из тюнинских находок и ничем не может подтвердить их наличие. Ему удалось осмотреть лишь разрытое подземелье, насколько позволил это сделать обрушившийся свод.

Как свидетельствуют архивные документы, не получив поддержки ИАК, продолжения работ на этом памятнике Л.Б. Вейнберг не предполагал и в последующие годы, вплоть до отъезда в Санкт-Петербург (1891 г.).

Отец Геронтий до конца задонского периода своей жизни оставался деятельным членом ВГСК, жертвуя в музей все новые экспонаты. Так, в 1892 году им была передана рукопись «Уложение царя Алексея Михайловича». В постановлении ВГСК в связи с этим записано: «благодарить иеромонаха Геронтия за его пожертвования и, ввиду неустанной деятельности его на

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 49. Л. 3.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 49. Л. 8.

³ Марков Е.Л. Донская беседа и соседние ей древние урочища Дона (Путевые заметки). – С. 108 – 135.

пользу Комитета и пожертвований для музея очень многими археологическими предметами, просить его Преосвященство Епископа Анастасия о поощрении иеромонаха Геронтия за его труды»¹.

Несмотря на утрату первой коллекции с Тюнинского Селища и очень схематичные рисунки, имеющиеся в отчете, а затем воспроизведенные в печати, на протяжении последующего столетия ученые неоднократно обращались к этим материалам, высказывая различные оценочные суждения.

Как уже было указано выше, в июне 1889 г. Л.Б. Вейнберг запросил в ИАК открытый лист на раскопки «текущим летом в общественном лесу г. Воронежа»². В данной связи хотелось бы напомнить, что практика обязательного получения открытых листов (разрешений) на проведение археологических работ на всех землях, за исключением частных, ведет свою историю в России с 11 марта 1889 г., и полученный на имя Л.Б. Вейнберга в 1889 году открытый лист за № 711 является первым для территории Воронежской губернии.

Прежде чем излагать результаты проведенных исследователем работ, считаю необходимым высказать предположение, касающееся причин, побудивших Л.Б. Вейнберга уделить внимание обследованию ближайших воронежских окрестностей.

К 1888-1889 гг. относится возобновление в среде воронежских краеведов интереса к проблеме отождествления летописных свидетельств XII века о Воронеже с одноименным городом. Активным сторонником положительного решения этого вопроса выступил приехавший незадолго до этого в Воронеж и активно включившийся в краеведческую деятельность Стефан Егорович Зверев (действительный член ВГСК с 9 февраля 1888 г.), высказавшийся на страницах Воронежских Епархиальных Ведомостей в

¹ Протоколы ВГСК. 1892. С. 7.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 49. Л. 3.

поддержку точки зрения о существовании города Воронежа в XII веке ¹, и в то же время указавший на важность привлечения археологических данных для разрешения этого вопроса.

Надо полагать, что активное обсуждение указанной проблемы и подвигло Л.Б. Вейнберга предпринять обследование окрестностей г. Воронежа. В течение двух лет – в 1889 и 1890 гг. – в летние месяцы вначале один, а затем с уже упоминавшимся литератором – краеведом Е.Л. Марковым он совершал путешествия по реке Воронеж в непосредственной близости от города, потому что, как он писал, «...обойти, а тем более объехать всю эту площадь в 40 квадратных верст не представлялось возможным, так как она покрыта лесом и кустарником...» ². К этому времени по-прежнему самым распространенным, если не единственным, суждением по вопросу о предшественниках русского населения в этих местах оставалось восходящее еще к труду Е. Болховитинова представление о том, что населены они были хазарами, подтверждением чему служат соответствующие названия: старые «казарские» городища, поле, селище.

После обследования лично этой территории, и даже организации на самых северных из увиденных объектов (городище на Белой и могильнике на Лысой горе) небольших по масштабам раскопок, наши исследователи не привнесли ничего нового в уже закрепившиеся представления. В книге «Замечательнейшие древности...» Л.Б. Вейнберг высказывается достаточно определенно. По его мнению, памятники действительно оставили хазары, которые в середине VII в. н. э. вторглись в Европу и, постепенно поднимаясь по Дону, дошли до Оки ³. На тех же позициях остался и Е.Л. Марков. Сходные по своему внешнему виде и местоположению городища содержат,

¹ Зверев С.Е. Рец. на кн.: Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый / Е. Шмурло. СПб., 1888. // Воронеж. епарх. Ведомости. 1888. № 23. С. 1129 – 1147; 1889. № 4. С. 182 – 190; № 24 С. 1056 – 1062.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 49. Л. 11.

³ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – С. 37.

по его мнению, «очевидные следы когда-то тесно толпившихся здесь многочисленных козарских жилищ, их землянок, шалашей, веж»¹.

Вместе с тем, коллеги разошлись во мнении, сколько же археологических объектов они осмотрели. Л.Б. Вейнберг считал, что на обследованной местности по правому берегу р. Воронеж расположены четыре археологических объекта, локализующиеся следующим образом: Лысой горой ограничивается Старое казарское городище; ниже которого (по течению реки до Воронежа) – Старое казарское поле; на горе, где ныне раскинулся Воронеж, еще одно казарское городище; у впадения Воронежа в Дон - последнее городище (Шилово). В то время как по мнению Е.Л. Маркова, здесь располагались пять хазарских городищ (три на Белой горе, на мысу над Зубовской ложиной и на горе, называемой рыбаками Подлысок) и два могильники (на Лысой горе и на территории дачи Михайлова).

Результаты своих раскопок Л.Б. Вейнберг оценил весьма скептически: «Таким образом, я бесполезно рылся в течение лета в искусственных земляных сооружениях, в которых кроме угля, золы и костей жвачных животных ничего более не находил, между тем как на совершенно на вид ровном, ничего не обещающем месте беспрестанно попадались черепки сосудов, а равно и косточка от древних счётов (в резолюции ИАК указано «пряслице»))»². При этом исследователь отмечал: «На всем этом пространстве нет точки, где на незначительной глубине не встречались бы осколки древних сосудов, остатки угля, костей и прочее»³. Вместе с тем он сообщил, что все его «попытки приобрести что-либо из предметов, найденных разновременно тут, не увенчались успехом»⁴. Сейчас, по прошествии более чем ста лет мы можем констатировать тот факт, что это был первый опыт раскопок бытовых памятников в губернии, а также были

¹ Марков Е. Л. Хазарские городища на р. Воронеж. – С. 126.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 49. Л. 15.

³ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – С. 37.

⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 49. Л. 11об.

получены первые, не понятые автором произведенных работ и его коллегами, свидетельства славянского обряда захоронения.

Летом того же 1889 года Л.Б. Вейнберг произвел «предварительные исследования некоторых местностей, которые, согласно донесениям господ исправников Землянского и Острогожского уездов, оказались интересными в археологическом отношении»¹. В результате посещения указанных уездов он стал свидетелем обнаружения в слободе Ольховатка Острогожского уезда подкурганных захоронений «в деревянных гробах с сильно поврежденными костяками, черепа которых, как равно и клочья овечьей шерсти — очевидно, остатки истлевших шапок — указывают, по-видимому, на татарское происхождение этих курганов»², а в с. Фощеватке Землянского уезда в подошве кургана двух костяков, «лежащих лицом вниз, а головами — к югу. Черепа — монголоидного типа. Истлевшие куски дерева по своим формам не позволяют судить, остатки ли они гробов... или же они составляли одну из стен гробницы, еще прикрытой курганом»³. Вновь посетил Л.Б. Вейнберг и Задонский уезд, на сей раз осмотрев у с. Ксизова городище, которое он отождествил с упоминавшимся в старинных земельных документах начала XVII в. Оксюзовым городком. Городище, по словам Л.Б. Вейнберга, представляло собой квадратную насыпь «70 шагов в каждую сторону», окруженную земляным валом, в котором с трех сторон имелись вырезки в виде ворот⁴.

Ниже Задонска, на крутом правом берегу Дона, он обнаружил семь громадных колонн, тянувшихся вдоль берега к с. Каменке, и соотнес их с Донской Беседой — местом судилища в древности, упомянутой в «Книге Большому Чертежу»⁵. Поскольку местные жители разрушали их, используя

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 49. Л. 6-9.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 49. Л. 7 об.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 49. Л. 7 – 8.

⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 49. Л. 8; Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. — С. 25 – 26 .

⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 49. Л. 8; Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. — С. 21 – 22.

как строительный материал, Л.Б. Вейнберг предложил «в интересах науки» принять меры к охране этих колонн.

Немаловажным является тот факт, что Л.Б. Вейнберг регулярно знакомил коллег с результатами своих обследований и дальнейшими научными планами. На заседаниях статкомитета только в 1889 году им были прочитаны три реферата, в двух из которых отражены итоги предпринятых полевых работ («Прошлое и настоящее Воронежской губернии», «Урочище Донская Беседа»), в третьем же, напротив, были обозначены перспективы дальнейших изысканий («Где был Червлёный Яр?») ¹.

На следующий 1890 год он в соответствии с поставленным самим же вопросом запросил открытый лист на исследования по берегам Дона «в пределах Воронежской губернии с целью выяснить местонахождение Червлёного Яра». Но поскольку к этому времени в статистическом комитете уже знали о случайно обнаруженном в Дивногорье (Острогожский уезд) богатом женском захоронении, то он указал и о желании исследовать древности «в местности, называемой «Городищем», близ Дивногорского Успенского монастыря» ².

Разрешение было получено, и вместе с Е.Л. Марковым, дабы отыскать Червлёный Яр, он спустился на лодке к устью р. Воронеж. Там, на вершине горы, они обнаружили городище с земляным валом и провели на его площади незначительные раскопки, давшие «явные следы человеческого жилья» (мелкие черепки посуды, золы, кирпичей, кусков дерева и ржавого железа и т.д.) ³. Эти находки убедили их в правильности версии Л.Б. Вейнберга, согласно которой преддверие Червлёного Яра находится на левом берегу р. Воронеж, у места впадения ее в Дон, а где пределы и как велик Червлёный Яр, покажут дальнейшие раскопки ⁴.

¹ Воскресенский Н. В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. – С. 60; Введенский С. Н. Червлёный Яр // Воронежская старина. – Воронеж, 1904. – Вып. 5. – С. 349.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 23. Л. 1 об.

³ Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. – С. 29 – 34.

⁴ Там же. – С. 38.

Таким образом, был открыт Червлёный Яр в узком смысле этого понятия, что в настоящее время признано и наиболее авторитетными отечественными исследователями данной проблемы. А.А. Шенников писал, что обследованное ими городище было славянским, основанным в XII в. Далее славяне, продвигаясь в юго-восточном направлении, «понесли это название вниз по Дону и потом вверх по Хопру, присваивая его каждому новому поселению в приречной лесной полосе по обычаю всех переселенцев мира, распространявших таким путем топонимику своей родины»¹.

Направляясь далее в Дивногорье, Л.Б. Вейнберг и Е.Л. Марков побывали в Костенках, где осмотрели валы «Кудеярова городка» и места обнаружения костей мамонтов. Е.Л. Марков, в связи с увиденным, оставил вполне соответствующую новейшим научным представлениям ремарку: «Замечательно, что вместе с мамонтовыми костями здесь находят очень много кремневых орудий, и тем больше, чем ближе они к костям. Из этого можно предположить, что костяная долина служила в доисторические времена местом долговременной оседлости какого-нибудь племени каменного века»².

Обилие курганов в окрестностях Костенок подвигло Е.Л. Маркова назвать этот участок губернии «страной курганов». Он писал: «Курганы идут во все стороны то правильными рядами, то отдельно разбросанными кучками, то просто врассыпную»³. Пообщавшись с местными жителями, краеведы решили побывать на хуторе Должанка, вблизи которого управляющим хутором уже были раскопаны четыре кургана (при рытье погребов), в раскопках пятого приняли участие и они. Вещи, найденные в курганах, забрал Л. Б. Вейнберг (медные браслет, серьги, острие, обломки сосудов и череп)⁴.

¹ Шенников А. А. Червлёный Яр. – Ленинград, 1987. – С. 131.

² Марков Е. Л. Древний город Костенск. – С. 81.

³ Там же. – С. 86.

⁴ Там же. – С. 89.

Посещение Дивногорья было обусловлено, как уже указывалось, полученной в статистическом комитете информацией об обнаруженном там богатом женском захоронении. К тому времени площадь «городища» («Маяцкого», «Старого Маяцкого», «Старинного Маяцкого»), расположенного в этой местности и фигурирующего в качестве географического ориентира в документах, по крайней мере, с середины XVII века ¹, была доходным местом: за выкопанные здесь старинные вещицы можно было выручить денег на местной ярмарке. Подтверждением справедливости этого высказывания служит свидетельство Е.Л. Маркова, побывавшего в Дивногорье вместе с Л.Б. Вейнбергом и опубликовавшего затем путевой очерк «Поездка в Дивногорье» ².

С такого рода кладоискательскими работами связаны и первые из известных находок с Маяцкого городища. По сохранившимся архивным документам и публикациям очевидцев мы можем проследить хронику этих событий, относящихся к 1889 – 1890 гг., достаточно детально, что нашло уже отражение в опубликованной нами монографии ³ и тем самым избавляет от необходимости анализировать этот сюжет вновь.

Обобщая все имеющиеся в нашем распоряжении сведения, отметим, что первые, получившие освещение в литературе и сохранившиеся в музейных фондах находки с Маяцкого городища происходят из женского катакомбного погребения с площади примыкающего к крепости селища. К сожалению, нет возможности точно локализовать его, а также определить принадлежность к выделенным на этом памятнике типам катакомбных

¹ Строенная книга. 1889. С. 1890.

² Марков Е.Л. Поездка в Дивногорье // Русский вестник. – 1891. – Т. 214, № 5 (май). – С. 128 – 147; № 6 (июнь). – С. 157 – 182. Переиздано: Бережной А.В., Бережная Т.В. Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае. – Воронеж: Научная книга, 2007. – С. 160 – 207.

³ Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) // Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 2. – Воронеж: Кварта, 2011. – С. 106 – 114.

погребений¹. Но даже имеющиеся неполные и противоречивые данные об этом комплексе позволяют констатировать, что оно было совершено по типичному для женских захоронений на этом памятнике обряду с характерным набором инвентаря, предметы которого находят аналогии среди вещей из других погребений Маяцкого селища.

Последним археологическим мероприятием Л.Б. Вейнберга и Е.Л. Маркова в 1890 г. были раскопки курганов близ с. Таврова. Л.Б. Вейнберг охарактеризовал место исследований таким образом: «Тавровское городище хотя и находится на правом берегу р. Воронеж, что видно по попадающимся там кирпичам из необожженной глины, но ряд курганов и валов, по-видимому, одного с ним происхождения, заняли площадь левого речного берега. Трудно определить, к какому времени собственно относятся эти памятники, но то обстоятельство, что писцовые книги называют эту местность Таврополем или Тавровым, уже указывает на отсутствие связи между ними и теми казарскими памятниками, коими исключительно занят один лишь правый берег Дона и Воронежа. Здесь близ нынешнего с. Таврова находилось, упоминаемое писцовыми книгами, Старое Сторожевье. Параллельно левому берегу устья р. Воронеж тянутся цепью небольшие группы курганов. Каждая из этих групп состоит из одного большого и нескольких малых курганов...»². В ходе проведенных Л.Б. Вейнбергом раскопок одной из курганных групп был установлен близкий обряд захоронений, о котором краевед сообщил немного: позади головы помещались сосуды.

Предполагал Л.Б. Вейнберг продолжить начатые работы в следующем 1891 году, кроме того, его манила и «восточная часть губернии, т.е. течения Хопра, Вороны, Битюга и Икорца, остающаяся по настоящее время совершенно неизученной в историко-археологическом отношении». По его

¹ Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – С. 10.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 23. Л. 24.

мнению, «раскопки близ Бело-Колодезя, на Дивьих горах и близ камня Буила могли бы также дать интересные результаты»¹. Для получения Открытого листа на производство этих работ Л.Б. Вейнберг направил в адрес ИАК рукопись «Придонские исторические памятники Воронежской губернии», которая представляет собой отчет о проведенных им исследованиях в губернии в предыдущие годы². Данный документ датируется 11 марта 1891 г. и является последней из рукописных работ Л.Б. Вейнберга воронежского периода.

В мае 1891 г. Л.Б. Вейнберг уволился в отставку и переехал в Санкт-Петербург для работы в «Правительственном вестнике». К археологическим изысканиям он больше не возвращался, по итогам обследования окрестностей Воронежа и посещения Дивногорья им был подготовлен реферат «Следы хазарской народности в пределах Воронежской губернии», который он озвучил на одном из заседаний Русского географического общества в том же 1891 году. Впоследствии, памятуя о заслугах Л.Б. Вейнберга в деле изучения Воронежской губернии, он был избран действительным членом Воронежской ученой архивной комиссии³.

Преемником Л.Б. Вейнберга в должности секретаря Воронежского губернского статистического комитета стал Стефан Егорович Зверев (являлся действительным членом ВГСК с 9 февраля 1888 г., служил в должности секретаря ВГСК с 3 сентября 1891 г. по 12 сентября 1894 г.⁴).

Стефан Егорович Зверев (1860 – 1920) – известный воронежский краевед, археограф, музейный деятель. После окончания в 1884 г. Московской духовной академии и до приезда в Воронеж в 1887 г. в качестве преподавателя церковной и гражданской истории в духовной семинарии С.Е. Зверев на протяжении трех лет работал инспектором Рязанской духовной

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 23. Л. 12.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 23. Л. 19 – 30.

³ Журналы заседаний ВГУАК // ТВУАК. – Воронеж, 1902. – Вып. I. – Отдел III. – С. XV.

⁴ Клировая ведомость о службе С.Е. Зверева (Предисловие, публикация и комментарии А.Н. Акиншина) // Церковь и ее деятели в истории России. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. – Воронеж, 2001. – С. 153

семинарии. Уже в Рязани начинается его краеведческая деятельность, а вот занятия археологией связаны исключительно с воронежским периодом жизни. Именно он продолжил начатые предшественником археологические исследования на территории губернии.

Одним из первых шагов в этом направлении стала систематизация накопленной в предшествующие годы информации. Поскольку в период службы Л.Б. Вейнберга в ВГСК упрочились связи комитета с МАО, на протяжении 1888-89 гг. это общество неоднократно интересовалось воронежскими древностями, обращаясь с вопросами в ВГСК по находкам в Воронежской губернии каменных изделий, медных и бронзовых топоров и стрелок, старинных монет и оружия, костей; просило прислать информацию по пещерам, насыпным валам, городищам, курганам, каменным бабам, изображениям на камнях ¹. Благодаря этим разысканиям по поручению столичных учреждений в комитете сосредоточилась информация о местных археологических находках. Это позволило С.Е. Звереву составить и опубликовать в издании комитета перечень обнаруженных в Воронежской губернии с 1863 по 1893 гг. каменных и бронзовых изделий ². Этот перечень включает 18 пунктов, в каждом из которых указана серия древних предметов, одновременно найденных в каком-либо из населённых пунктов губернии; указано место их хранения; по возможности сделана попытка интерпретации найденных вещей со ссылками на авторитетных исследователей: К.С. Мережковского, И.Е. Забелина, Д.Я. Самоквасова.

К этому времени, как мы стремились показать, ВГСК уже отладил и механизм взаимоотношений с ИАК по вопросам учета случайных находок древностей и проведения на месте их обнаружения археологических изысканий. Первым опытом работы С.Е. Зверева в этом направлении становится обследование места находок древних металлических изделий в

¹ Зверев С.Е. Воронежские древности. – С. 163.

² Там же. – С. 161 – 167.

торфянике близ деревни Скакун Касторинской волости Землянского уезда Воронежской губернии (ныне Курская область) ¹.

В конце 1891 г. в ИАК через Воронежского Губернатора (1 ноября 1891г. № 192 ²) поступили случайные находки: довольно значительных размеров каменный молот, найденный в слободе Марченковой Ольховатской волости Острогожского уезда при выборке земли из кургана, и два массивных бронзовых топора с низкой втулкой на конце, свернутое из пластинки бронзовое долото и тонкая пластинка с расширенным концом, найденные близ деревни Скакун Касторенской волости Землянского уезда. Так как упомянутые бронзовые предметы найдены были под толстым слоем торфа и, следовательно, представлялась некоторая вероятность, что вместе с ними могли оказаться еще другие интересные вещи, то ИАК обратилась к секретарю ВГСК Звереву (№ 371 от 23 марта 1892 г. ³) с просьбой осмотреть место находки и, в случае возможности, произвести там разведки (выделив на эти работы 50 руб. – *Е.З.*), что последним и было выполнено ⁴.

Первый открытый лист на имя С.Е. Зверева (№ 859), дающий ему право на проведение археологических работ в пределах д. Скакун Касторенской волости Землянского уезда Воронежской губернии, датируется 13 июня 1892г.; сама же поездка состоялась с 6 по 13 сентября 1892 г. ⁵. К моменту приезда С. Е. Зверева местными крестьянами в том же торфянике были найдены еще два бронзовых топора и долото. Под его руководством силами шести нанятых рабочих было раскопано три участка в местах обнаружения находок, но безрезультатно. Обследовал С.Е. Зверев и близлежащую местность от дер. Скакун до с. Касторного, где были выявлены «городище, типа майданов (впоследствии В.А. Городцовым и А.А. Спицыным было доказано, что майданы представляют собой раскопанные курганы – *Е.З.*),

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. 42 л.; Раскопки в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1892 г. – СПб., 1894. – С. 41 – 42.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. Л. 1.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. Л. 17.

⁴ Раскопки в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1892 г. – СПб., 1894. – С. 41.

⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. Л. 30, 33 – 34.

носящее в местном населении название «Рубленая могила»,...и низкий курган с несколькими впадинами наверху на расстоянии 10 сажений от него...»¹. Отправленный в ИАК в январе 1893 г. отчет о проведенных изысканиях был заслушан в заседании комиссии, и в адрес Зверева было отправлено письмо со словами «искренней благодарности за добросовестное исполнение возложенного на Вас поручения»². Все найденные вещи поступили в фонды Императорского Российского Исторического Музея (ныне ГИМ)³.

Помимо уже указанной публикации в ежегодных отчетах ИАК, являющейся сокращенным вариантом присланного С.Е. Зверевым в ее адрес научного отчета (подробная публикация обстоятельств находки «скакунского клада» осуществлена в 1959 г. В.П. Шиловым⁴), материалы, полученные С.Е. Зверевым в ходе его первой экспедиции, были использованы им же в своих первых печатных трудах по археологической проблематике и дебютном выступлении на IX Археологическом съезде (г. Вильно, 1 – 15 августа 1893 г.)⁵.

Первой публикацией С.Е. Зверева по археологии является его газетная статья в Воронежских губернских ведомостях о находках в с. Касторное⁶. В следующем году была опубликована еще одна газетная заметка в том же издании с целью подвигнуть жителей губернии собирать информацию «о русских исторических памятниках, в особенности допетровского времени», согласно призыву «Правительственного вестника»⁷. Сообщая о находящихся

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. Л. 27 – 28; Раскопки в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1892 г. – СПб., 1894. – С. 42.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. Л. 38.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. Д. 170. Л. 13, 16, 39.

⁴ Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 60. – 1959. – С. 23.

⁵ Зверев С.Е. Нечто о наших древних памятниках до XVIII века // Воронежские губернские ведомости. – 1892. – № 74; Зверев С.Е. Воронежские древности. – С. 161 – 167; Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893. – Т. 2, отд. II. – М., 1897. – С. 9, 77, 102.

⁶ Зверев С.Е. Село Касторное Землянского уезда. Археологическая находка // ВГВ. – 1891. – № 50.

⁷ Зверев С.Е. Нечто о наших древних памятниках до XVIII века // ВГВ. – 1892. – № 74.

в Воронежской губернии курганах и городищах, среди последних он упоминает и «городище «Рубленые Могилы» под с. Касторным Землянского уезда, связанное в народных преданиях с именем страшного разбойника Кудояра, но имеющее за собою более древнюю историю». Сами же скакунские вещи вошли под №№ 16, 17 в перечень находок древних каменных и бронзовых изделий с территории Воронежской губернии, поступивших в ВГСК с 1863 по 1893 г.

Как уже было сказано, С.Е. Зверев принял участие в работе IX Археологического съезда (начиная с этого съезда, он становится постоянным их участником). Приехав на столь солидный форум впервые, он не выступал с отдельным докладом, но принял деятельное участие в научных дискуссиях. В частности, 10 августа на общем собрании съезда С.Е. Зверев в дополнение к реферату В.Б. Антоновича «О бронзовом веке в бассейне Днепра» сообщил аудитории о находках бронзовых изделий (преимущественно топоров) в бассейне р. Дон на территории Воронежской губернии¹. Попутно укажу, что на этом же съезде С.Е. Зверев высказался и по докладу Х.И.Попова «Где находилась хазарская крепость Саркел», справедливо указав на важность для выяснения данного вопроса путевых заметок дьякона Игнатия о путешествии митрополита Пимена в Константинополь по Дону, видевшего «остатки города Саркела»².

После этого съезда С.Е. Зверев был избран членом - корреспондентом Императорского Московского Археологического Общества «во внимание к участию в деятельности IX археологического съезда и в уважение научных занятий», а в 1906 г. С.Е. Зверев становится действительным членом этого общества «в уважение к ученым трудами и признательность за постоянное содействие целям ИМАО»³.

¹ Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893. – Т. 2, отд. II. – М., 1897. С. 77.

² Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893. – Т. 2, отд. II. – М., 1897. С. 102.

³ Клировая ведомость о службе С.Е. Зверева. – С. 154, 155.

Впоследствии С.Е. Зверев не обращался к скакунским древностям. Их культурная атрибуция впервые была дана известным отечественным археологом А.А. Спицыным, отнесшим их к медному веку ¹. Затем они неоднократно привлекали внимание археологов – специалистов по эпохе бронзы, фигурируя в специальной литературе под названием «скакунский клад». При этом были высказаны различные мнения по поводу их культурной атрибуции. Г.В. Подгаецкий, О.А. Кривцова – Гракова, В.П. Шилов, А.Д. Пряхин, А.М. Лесков относят эти изделия к древностям срубной общности эпохи поздней бронзы ². О.А. Кривцова-Гракова и А.М. Лесков к тому же указывают на их кавказское происхождение. Соглашаясь с последним утверждением, и подкрепляя его результатами анализа химического состава этих изделий, Е.Н. Черных несколько удревает время бытования этих вещей, соотнося их с позднекатакомбными древностями. По его мнению, «эти клады (в том числе скакунский – Е.З.) четко определяют финал кавказского влияния в степях, связанного с катакомбной культурой, - финал, вызванный приходом сюда срубного населения» ³.

Воодушевленный столь успешным началом своей археологической деятельности, С.Е. Зверев на протяжении 1893 г. продолжал работу по систематизации сведений о случайных находках на территории Воронежской губернии (и Области войска Донского), результатом чего становятся еще две сводки археологических данных. В первой собрана информация о находках

¹ Спицын А.А. Обзор некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губерния // Записки Русского Археологического Общества. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 134.

² Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 146. Л. 92 – 96; Кривцова – Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 46. – 1955. – С. 145, 147; Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 60. – 1959. – С. 22, 23, 26; Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 64. – Воронеж, 1966. – С. 77; Лесков А.М. О Северо-Причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – Киев, 1967. – С. 145, 166 – 170.

³ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 172. – 1970. – С. 115.

монет и предметов религиозного культа в Подонье¹. Раскрывая значение этих археологических находок, С.Е. Зверев справедливо отметил, что нумизматические находки «указывают на торговые сношения древних обитателей Дона с Македонией, Римом, Босфором, Византией и даже с отдаленным Самаркандом, и вместе с тем, в связи с другими бытовыми находками, дают основание предполагать о большем или меньшем культурном влиянии названных стран на общий склад и характер древне-Придонской жизни»². Некоторые находки, «относящиеся к предметам религиозного почитания» позволяют судить о характере языческой религии на Дону («бронзовые истуканы» близ пос. Усть-Мечетинского, «буддийский кумир» около с. Гвазды), другие подтверждают «несомненное существование христианства на Дону в X-XII вв.»³.

Информацию последних лет о поступивших в ВГСК сведениях об археологических находках он, будучи вновь избранным членом-корреспондентом ИМАО, докладывает на заседании этого общества 3 мая 1894 г., и она публикуется на страницах издания этого общества⁴.

Руководствуясь последними данными, С.Е. Зверев уже самостоятельно намечает обширный маршрут своей следующей экспедиции. Через посредничество губернатора (№ 245 от 19 мая 1894 г.) он ходатайствует перед ИАК о выделении открытого листа и денежного пособия для раскопок в этих местностях. «В видах изучения Воронежского края в археологическом отношении, член-секретарь Воронежского Губернского Статистического Комитета изъявляет готовность заняться в течении июня – сентября сего года производством раскопок в тех местах губернии, где в последнее время обнаружены были археологические находки: 1) в сл. Марченковой Острогожского уезда, где в кургане найден был каменный молот, 2) близ села

¹ Зверев С.Е. Материалы по археологии Дона. – С. 194 – 200.

² Там же. – С. 196 – 197.

³ Там же. – С. 197, 200.

⁴ Приложение I к протоколу № 445. Археологические находки в Воронежской губернии в 1892 – 1893 гг. Чл.-кор. С.Е. Зверева // Древности. Труды ИМАО. – Т. 17. – М., 1900. – С. 165 – 166.

Белого Колодезя Валуйского уезда. Здесь в июле 1892 г. найдены были в неизвестно кем разрытом кургане два глиняных горшка с узорами и полуистлевшие человеческие кости 3) в с. Семилуках Воронежского уезда, где в мае месяце сего года случайно найден клад серебряных золотоордынских монет (34 экз.) с весьма интересным русским монетным слитком, относящимся, по-видимому, ко временам великого князя Дмитрия Донского»¹. ИАК одобрила намеченный С.Е. Зверевым план полевых работ и вместе с открытым листом выделила авансом 100 руб. для их осуществления².

Однако намеченные планы не были осуществлены в связи с принятием духовного сана и получением места священника Михаило-Архангельской церкви при Михайловском Воронежском кадетском корпусе³, о чем он сообщил в ИАК: «Императорской Археологической Комиссией поручено было мне произвести в 1894 г. археологические разыскания в разных местностях Воронежской губернии, мною же предварительно намеченных. По личным обстоятельствам я не имел возможности отдаться всецело в 1894 г. предположенной мною археологической работе и успел предварительно обследовать только одну местность в пределах с. Семилук Воронежского уезда. Представляя при сем на усмотрение Комиссии собранные мною данные, имею честь возвратить выданный мне открытый лист, а равно и назначенную на производство раскопок сумму – сто руб.». «По приезде на место мною узнано было, что означенные монеты найдены были ранней весной в селении, на склоне горы, близ дороги, спускающейся к Дону. Монеты найдены без всякого сосуда...Раскопок археологических в местности с. Семилук никогда не производилось»⁴.

В следующий раз С.Е. Зверев выехал на обследование памятников древности спустя пять лет в августе 1899 г. Этой поездке также

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. Д. 77. Л. 1.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. Д. 77. Л. 2 – 3, 14.

³ Клировая ведомость о службе С.Е. Зверева. – С. 154.

⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. Д. 77. Л. 12 – 13.

предшествовало поступление в ВГСК находок из данной местности. Речь идет о серии металлических, каменных и глиняных изделий (наконечник копья, шесть ножей (три из них в обломках), два каменных навершия булав (одно фрагментированное), обломок сосуда), препровожденных в ВГСК из с. Мазурки Песковской волости Новохоперского уезда. Нашедшие эти вещи крестьяне сообщили, что все они были обнаружены в кургане в бревенчатом сооружении наподобие землянки. Керамическая серия включала 12 сосудов, но они были перебиты на месте ¹.

Поскольку к приезду С.Е. Зверева (находился в с. Мазурки с 18 по 23 августа ²) курган «оказался не совершенно расхищенным», он, при активном содействии Михаила Филипповича Мартынова – чиновника Воронежской казенной палаты, силами 35 рабочих приступил к его исследованию, в процессе которого на разной глубине были обнаружены остов лошади без головы, орнаментированный бронзовый котел, костяк человека, лежавший в вытянутом положении головой на северо-запад (при нем костяная бляшка, обломок орнаментированного горшка, у ступней - череп собаки), фрагменты других глиняных сосудов, кости домашних животных и птиц. Сведения о находках крестьян и раскопках С.Е. Зверева были опубликованы в соответствующем отчете ИАК и переданы на хранение в ИРИМ ³. Подробное описание кургана, произведенных на нем работ и интерпретация полученных результатов даны в работе А.Ф. Шокова 1954 г., справедливо полагавшего, что под курганом находилось несколько («два, если не три») разновременных погребений: эпохи бронзы, скифского времени и еще более позднего времени ⁴.

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899 г. Д. 66. Л. 1.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899 г. Д. 66. Л. 25 – 30.

³ Случайные находки: Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1899 г. – СПб., 1902. – С. 118; Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1899 г. – СПб., 1902. – С. 101 – 102.

⁴ Шоков А.Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е. Зверева и В.Н. Тевяшова) // Известия ВГПИ. Т. XV. Историко-филологический факультет. – Воронеж, 1954. – С. 138 – 142.

Безусловно, материалы Мазуркинского кургана представляют интерес как для специалистов по эпохе бронзы, так и для скифологов. Но, учитывая специфику имеющейся в распоряжении исследователей информации по данному памятнику, в научной литературе фигурируют лишь отдельные предметы из этого кургана. Металлические ножи и наконечник копья отнесены специалистами к срубным древностям эпохи поздней бронзы на основании типологического и химического анализов ¹, бронзовый котел учитывается при анализе среднедонских материалов скифского времени в числе изделий местного производства ².

Сам автор раскопок результаты своих работ в с. Мазурки изложил в газетной заметке «Археологические раскопки», опубликованной в Московских ведомостях ³. Хотя она и анонимна (за подписью N. - от нашего корреспондента), ее текст представляет собой фрагмент отчета С.Е. Зверева, присланного в ИАК ⁴, что позволяет именно его считать автором данной статьи. Полевые археологические работы останутся неотъемлемой частью исследовательской деятельности С.Е. Зверева вплоть до последних лет его жизни. Ее анализ мы продолжим в следующем параграфе. Здесь же обратимся к еще одному из существенных деяний членов ВГСК – открытию губернского музея.

При анализе развития музейного дела в России во второй половине XIX – начале XX вв. исследователи указывают на стихийность этого процесса, обусловленную отсутствием соответствующей законодательной базы, в том числе единых правил учреждения музеев, руководящего

¹ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2 д. № 146. Л. 59; Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 64. – Воронеж, 1966. – С. 78; Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 172. – 1970. – С. 127.

² Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – № 107. – 1966. – С. 90; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. – М.: Наука, 1999. – С. 111, 116.

³ N. Археологические раскопки (от нашего корреспондента). Воронеж, 30 августа // Московские ведомости. – № 241. – 2 сентября 1899 г.

⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899 г. Д. 66. Л. 32 – 34.

музейного органа во властных структурах, стабильного финансирования ¹. В таких условиях следует признать ведущую роль общественных начинаний в развитии музеев. На страницах специальной литературы уже неоднократно подчеркивался важный вклад Московского археологического общества и, в частности, организуемых им Всероссийских Археологических съездов в упорядочение музейного дела в стране ². В Воронежской губернии быстрее, нежели в других центрально-черноземных, нашла отклик столичная инициатива.

Секретарь статкомитета Л.Б. Вейнберг с момента вступления в эту должность не оставлял без внимания вопрос о необходимости создания в Воронеже музея на основе так и не реализованной программы Н.И. Второва 50-х гг. Но при отсутствии финансирования в реальности статкомитет «довольствовался тем, что можно было выпросить у какого-либо собирателя старинных или редких предметов, приобрести случайно за дешевую цену у торговца с толкучего рынка или найти при раскопках курганов»³. Как мы уже писали, Л.Б. Вейнберг использовал и свои поездки по губернии для знакомства с уездной интеллигенцией, преимущественно духовенством, которые затем жертвовали в пользу музея свои коллекции. В 1885 - 1886 гг. было пожертвовано более 600 предметов, состоящих главным образом из монет и медалей ⁴. К концу службы Л.Б. Вейнберга в музее было собрано до 1100 различных предметов. Самая крупная коллекция, насчитывавшая 1040 предметов, была археологическая (923 предмета в ней были монеты)⁵.

Краткий отзыв о воронежском музее этого периода содержится в выступлении графини П.С. Уваровой на VII Археологическом съезде (1887):

¹ Очерки истории музейного дела в России. – Вып. 2. – М., 1960. – С. 52 – 60, 76.

² Разгон А.М. Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музеи и власть. Из жизни музеев. – Ч. 2. – М., 1991. – С. 6; Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. – Казань: Отечество, 2014. – С. 120 – 127.

³ Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее. – С. 11.

⁴ Там же. – С. 12.

⁵ Там же. – С. 46 – 47.

«Воронежский статистический комитет ... стал собирать коллекции древностей, которые пока помещаются в помещении комитета и пополняются жертвователями. При нем решено открыть сельскохозяйственное, фабрично-заводское и кустарное отделения»¹. Информация была получена П.С. Уваровой от Л.Б. Вейнберга в ответ на запрос МАО (17 июня 1887 года). Вейнберг сообщил, что начало музею было положено им при содействии вице-губернатора Б.Г. Карновича и советника губернского правления Н.В. Воскресенского².

Поначалу у музея отсутствовало помещение, и он временно был размещен в комнате советников губернского правления, что ограничивало доступ посетителей. В решении вопроса о получении для музея отдельного помещения главную роль сыграл губернатор Е.А. Куровский³. С.Е. Зверев на посту секретаря статкомитета продолжил работу своих предшественников по приумножению музейной коллекции древностей. Так, в отчете ВГСК за 1891 г. сообщается: «через посредство члена-секретаря С.Е. Зверева поступила в музей древняя железная кольчуга, найденная в г. Воронеже, на Большой Девической улице в доме Старченкова, при расчистке завалившегося подвала, на глубине 3-х аршин»⁴. Пополнялись музейные коллекции и в результате его полевых археологических работ.

По инициативе С.Е. Зверева в начале 1894 года начала работу особая комиссия (9 членов статкомитета) «в видах лучшего устройства и дальнейшего развития музея»⁵. Необходимость ее создания была обусловлена тем, что в конце 1893 г. музею была передана часть второго этажа (зал, кладовая, входная комната и лестница) в здании Старой Думы на Большой Московской улице (вблизи Митрофанова монастыря). С 6 сентября

¹ Уварова П. С. Областные музеи // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. – 1891. – Т. 2. – С. 268.

² Поликарпов Н. И. Указ. соч. – С. 42; Уварова П. С. Областные музеи. – С. 268.

³ Е. А. Куровский как устроитель музея // ВГВ. – 1910. – № 21.

⁴ Протокол заседания Воронежского губернского статистического комитета 20 января 1892 года – Воронеж, 1892. – С. 4.

⁵ Протокол заседания ВГСК 7 февраля 1894 года // ВГВ. – 1894. – № 88.

того же 1894 года губернатором Е. А. Куровским на С.Е. Зверева было возложено председательство в комиссии, а 9 сентября музей отпраздновал своё открытие ¹. Поскольку для открытия музея экспонатов было недостаточно, комиссия провела акцию, направленную на пополнение коллекций, обратившись с призывом о содействии к воронежцам – любителям старины, к губернским учреждениям и организациям. Музей пополнился различными портретами, книгами, иконами, оружием, так что к моменту открытия в его собрании насчитывалось до 2400 предметов: самый богатый – нумизматический отдел – включал около 1500 единиц, все остальные отделы – археологический, естественный, этнографический, историко-географический, библиотека были не столь многочисленны ². В собрании музея археологические коллекции вошли в отдел «памятники первобытных времён». Уже поднимаясь по лестнице, посетители на первой площадке могли осмотреть каменную бабу из Задонского уезда. Сам же отдел располагался в первой небольшой комнате вместе с библиотекой и насчитывал около 205 единиц хранения без нумизматической серии. В этой коллекции особое внимание посетителей привлекали колоссальные кости и клыки мамонта ³.

9 сентября 1894 г. «в присутствии почетного члена Воронежского Губернского Статистического Комитета, Ее Императорского Высочества, Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, почетных и действительных членов Комитета и лиц особо приглашенных, после торжественного молебствия и по произнесении речей Ее Императорским Высочеством и председателем комиссии по организации музея при Воронежском Губернском Статистическом Комитете, о. Стефаном Зверевым, последовало открытие названного музея» ⁴. В речи на открытии С.Е. Зверев сказал: «... еще далеко не выполнена та широкая программа музея, которая

¹ Поликарпов Н. И. Историческая записка о Воронежском губернском музее. – С. 47 – 48.

² Там же. – С. 23.

³ Там же. – С. 54.

⁴ Там же. – С. 21.

выработана была Второвым... Будем надеяться, что при общем дружном усилии всех интересующихся музеем лиц и поддержке местного общества музей разовьется до надлежащих размеров, указанных его основателем»¹.

К этому же 1894 году относится первая попытка организации в Воронеже церковно-археологической комиссии. Профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Н.В. Покровский обратился к двум воронежским выпускникам академии: секретарю духовной консистории А.М. Правдину и И.П. Назарьеву с предложением обсудить возможность ее организации в Воронеже «с целью охранения и изучения памятников старины, относящихся к церковно-религиозной жизни в епархии»². С.Е. Зверев участвовал в обсуждении проекта, был вынесен утвердительный ответ, но начинания не увенчались успехом, и наиболее активные местные деятели продолжали работать в статкомитете и комиссии по устройству музея.

«В видах научной разработки собранных в музее предметов» члены комиссии занимались составлением описания музея, которое планировалось опубликовать в губернских ведомостях, а затем и отдельным изданием, сопроводив иллюстрациями самых интересных предметов музея³. С.Е. Зверев «распределял по таблицам с соответствующими надписями добытые из курганов предметы отдела доисторических древностей. Нумизматический отдел описывали М.Ф. Мартынов (русские монеты), А. М. Дядьков (иностранные монеты) и С.Е. Зверев (бумажные деньги)⁴. Для разборки и описания древнего оружия С.Е. Зверев пригласил штабс-капитана В.Д. Языкова. С 1896 г. музей начинает выставочную деятельность⁵. До 1900 г. выставки устраивались ежегодно, иногда по две в год. Что же касается

¹ Поликарпов Н. И. Указ. соч. – С. 21.

² Воронежская старина. – Воронеж, 1903. – Вып. 1. – Отдел I. – С. 5.

³ Годичное собрание Статистического Комитета // Воронежский телеграф. – 1899. – № 25; Протокол заседания ВГСК 17 февраля 1899 года. – Воронеж, 1899. – С. 10.

⁴ Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1899 году. – С. 3 – 4.

⁵ Алленова В. А. Из истории организации выставок в Воронеже на рубеже XIX – XX вв. // Из истории воронежского края. – Воронеж, 2002. – Вып. 10. – С. 147 – 161.

археологических коллекций из собрания музея, то их первая выставка состоялась в 1902 г. на XII Археологическом съезде в г. Харькове, где привлекла внимание ряда известных археологов ¹ (подробнее речь об этом пойдет в следующем параграфе).

К 1897 г. был выработан проект устава Воронежского губернского музея при ВГСК. Согласно этому документу, музей имел целью «изучение Воронежского края в его прошлом и настоящем во всех отношениях, а равно и распространение сведений об этом крае». Для достижения этой цели музей «собирает и хранит имеющие археологическое и вообще научное значение предметы, исторические акты, рукописи, печатные труды о Воронежской губернии... – с надлежащего разрешения производит раскопки, наблюдения, устраивает выставки, чтения, издает книги»². Проект устава музея был рассмотрен на общем собрании ВГСК и в 1899 г. направлен для утверждения министру внутренних дел. Но министерство признало более целесообразным организовать музей при открывшейся уже к тому времени в Воронеже ученой архивной комиссии ³.

Основным способом пополнения музейных коллекций по-прежнему служили частные пожертвования. Покупка экспонатов была затруднена, поскольку у музея не было на это специальных средств. Через статкомитет музей имел возможность «следить за всеми случайными археологическими находками в пределах Воронежской губернии, наводить об этих находках подробные справки, приглашать владельцев древностей к пожертвованиям или же к уступке музею тех или других вещей за плату» ⁴. Так в музее остались 10 предметов из погребения всадника на лошади с богатым серебряным и железным инвентарем, обнаруженного в 1895 г. в Богучарском уезде близ с. Воробьевки в каменоломне «Голубцовы Лески» (остальные

¹ Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде. – С. 154, 156.

² Дядьков А. М. Воронежский губернский музей в 1894-1897 годах. – С. 56.

³ Архивные учреждения // Воронежский телеграф. – 1902. – № 8.

⁴ Дядьков А. М. Воронежский губернский музей в 1894-1897 годах. – С. 60.

предметы попали в Исторический музей)¹. В нумизматический отдел часто жертвовал различные монеты (в основном, восточные) воронежский нумизмат-любитель К.И. Бухонов; в музей поступили упоминавшийся Семилукский клад, Рудкинский клад (1200 мелких серебряных монет XVII в.) и др. В 1900 г. полковник С.П. Тулевич пожертвовал в музей две древние кольчуги, «одна из которых «бахтерец» с золотой и серебряной насечкой»².

А.М. Дядьков, анализируя деятельность музея за первые три года, писал, что «в видах пополнения музея, членами комиссии по устройству музея не раз делались археологические экскурсии преимущественно в пределах г. Воронежа и Воронежского уезда. Специальных же раскопок не было произведено. Случайная находка в одном кургане остатков древнего погребения с конём в Богучарском уезде вся сполна была перевезена в ИАК, в музее на хранении осталось только 10 единиц»³. В целом же, по словам автора, отдел древностей доисторических возрастал слабо⁴. В сентябре 1899 г. С.Е. Зверев и М.Ф. Мартынов вновь совершили археологическую экскурсию, теперь уже в Новохоперский уезд, где были посещены села Мазурки, Ильмень, Макашовка, слоб. Пески и г. Новохоперск, и «попутно» произвели разыскания на Маяцком городище⁵. Информация сохранилась только о доследовании раскопанного крестьянами кургана в с. Мазурки Песковской волости, о чем мы писали выше. В 1900 г. в тех же целях С.Е. Зверев в летние месяцы совершил несколько экскурсий в местности Курской и Орловской губернии, прилегающие к Землянскому и Задонскому уездам и входившие некогда в состав Воронежской епархии. Собранные в этих местах древности (всего 12 предметов) были внесены в инвентарную опись губернского музея⁶.

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895 г. Д. 63. Л. 1 – 18; Отчет ИАК за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 54; Дядьков А. М. Воронежский губернский музей в 1894-1897 годах. – С. 59.

² Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1900 году. – С. 3.

³ Дядьков А. М. Воронежский губернский музей в 1894-1897 годах. – С. 57, 59.

⁴ Там же. – С. 59.

⁵ Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1899 году. – С. 6.

⁶ Зверев С.Е. Указ. соч. – С. 7.

С 1890 года начинается участие ВГСК в Археологических съездах. На VIII Археологический съезд (8 - 24 января 1890 года, Москва) он впервые был заявлен делегацией в составе М.А. Веневитинова (в то время уже жившего в г. Москве), А.Ф. Селиванова (приехавшего из г. Санкт-Петербурга) и В.И. Чеботарева (директора училищ Воронежской губернии)¹. Доклады первых двух делегатов были далеки от собственно археологической проблематики, а последний и вовсе не смог приехать в г. Москву. Но хотелось бы обратить внимание на активную позицию А.Ф. Селиванова (а в его лице и ВГСК) при выработке решений съезда об учреждении русских археологических институтов в Константинополе и Риме и по вопросу о преподавании археологии в духовных семинариях².

С IX Археологического съезда (Вильно, 1-15 августа 1893 года) постоянным участником этих форумов становится С.Е. Зверев. 10 августа он выступил на общем собрании съезда с дополнением к реферату В.Б. Антоновича «О бронзовом веке в бассейне Днепра», ознакомив аудиторию с находками бронзовых изделий (преимущественно топоров) в бассейне р. Дон в пределах Воронежской губернии³. Высказался он и по докладу Х.И. Попова «Где находилась хазарская крепость Саркел», указав на важность для выяснения данного вопроса путевых заметок дьякона Игнатия о путешествии митрополита Пимена в Константинополь по Дону, видевшего «остатки города Саркела»⁴.

На X Археологическом съезде (Рига, 1-15 августа 1896 года) ВГСК была представлена двумя делегатами: С.Е. Зверевым и М.А. Веневитиновым⁵. С.Е. Зверев выступил с докладом «Следы христианства на Дону в домонгольский период», который был опубликован в полном объеме (из 98 прочитанных рефератов такой чести были удостоены 40). Выводы

¹ Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. 4. – М., 1897. – С. 25, 26, 28.

² Там же. – С. 109, 130, 184.

³ Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893. Т. 2. – М., 1897. – С. 77.

⁴ Там же. – С. 102.

⁵ Труды десятого археологического съезда в Риге. 1896. Т. 3. – М., 1900. – С. 20.

докладчика базировались в том числе и на данных археологии (о хазарской крепости Саркел, о «славянских градах» на Дону) ¹.

На XI Археологическом съезде (Киев, 1-19 августа 1899 года) присутствовала уже весьма представительная делегация от ВГСК: М.Н. Былов, С.Е. Зверев, А.М. Правдин, М.И. Успенский. При этом М.И. Успенский впервые в истории воронежского краеведения был включен в состав Совета съезда ². Зачитанные делегатами рефераты и их участие в прениях были связаны с проблематикой церковной археологии.

Что же касается подготовки к XII Археологическому съезду, то именно она мощно стимулировала изучение древностей Воронежской губернии и стала поводом для организации в Воронеже двух научных сообществ, в том числе и с археологической направленностью: Воронежской ученой архивной комиссии и Воронежского церковного историко-археологического комитета. У истоков этого процесса стояли всё те же активные деятели ВГСК: М.Н. Былов, С.Е. Зверев, М.И. Успенский.

После возвращения с Киевского съезда Л.М. Савелов в Воронежском телеграфе опубликовал призыв ко всем, кому «дорога́ история своей родины»: «Область р. Дона почти совершенно не исследована... Будущим съездом пробел этот должен быть восполнен... Но для того, чтобы съезд дал хорошие результаты, мало официальной стороны, нельзя все сваливать на одно МАО... оно нуждается в общем сочувствии и в общей дружной работе...»³. 21 декабря 1899 г. «небольшой круг лиц»: Л.М. Савелов, С.Е. Зверев, Г.И. Недетовский, Т.С. Рождественский, М.Н. Былов, П.В. Никольский и др., обратились в письме к губернатору с просьбой возбудить ходатайство об учреждении в Воронеже архивной комиссии. В это же время и практически те же лица: М.Н. Былов, С.Е. Зверев, А.М. Правдин, Т.С.

¹ Труды десятого археологического съезда в Риге. 1896. Т. 1. – С. 316 – 326.

² Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. Т. 2. – Киев, 1902. – С. 30, 38, 39, 43, 45.

³ Воронежский телеграф. – 1899. – № 93.

Рождественский, М.И. Успенский и др., заявили о намерении открыть в Воронеже церковный историко-археологический комитет.

В январе 1900 г. в ИМАО начал работу предварительный комитет к Харьковскому археологическому съезду. В его заседаниях приняли участие и воронежцы (Л.М. Савелов, С.Е. Зверев, М.И. Успенский, М.Н. Былов). Московский предварительный комитет постановил образовать предварительные комитеты в центрах намеченных к исследованию областей (Харькове, Новочеркасске, Екатеринодаре) и особые комиссии при статистических комитетах в остальных главных городах (Воронеже, Курске, Полтаве, Чернигове, и Екатеринославле). В отношении от 31 мая 1900 г. воронежскому губернатору П.А. Слепцову Московский предварительный комитет рекомендовал в качестве членов проектируемой комиссии Е.Л. Маркова и С.Е. Зверева и намечал общий план работ комиссии: составление на основе созданных Харьковским предварительным комитетом «своих собственных» программ для напечатания и распространения их в пределах губернии; «организация наиболее важных экскурсий для раскопок, равно экскурсий археологических, по части церковных древностей и т.п.»; составление археологических карт своей губернии по собранным таким образом сведениям и по документам, которые могут быть получены из ЦСК, ИАК и др. учреждений; собирание сведений о частных коллекциях и выяснение их каталогов, а также возможности их получения для выставки съезда; подготовка и издание трудов, посвященных съезду ¹. Воронежцы участвовали и в формировании программы съезда, внося в неё 6 вопросов, в том числе «Археологическая карта Воронежской губернии» и «Коротоякский уезд в археологическом отношении» ².

По предложению Московского предварительного комитета Воронежский губернатор инициировал организацию при статистическом комитете «особой подготовительной комиссии» для более детального

¹ Зверев С. Е. Воронеж на XII археологическом съезде. – С. 148.

² Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 3. – М., 1905. – С. 237 – 238.

исследования губернии в археологическом и этнографическом отношении и для сбора материалов на выставку при съезде. С 23 октября 1900 года комиссия приступила к работе. С учётом пожеланий Московского предварительного комитета Е. Л. Марков стал ее председателем, обязанности правителя дел были возложены на секретаря ВГСК М.Н. Былова, был введен в комиссию и С.Е. Зверев ¹. На первом (единственном) заседании были заслушаны программы Харьковского предварительного комитета. В числе необходимых мероприятий были намечены следующие: знакомство с архивами в губернии, сбор сведений о частных археологических и этнографических коллекциях, о существующих в губернии вещественных исторических памятниках, составление списка местных изданий и указателя книг и статей по Воронежской губернии. Предполагалось также наиболее интересные из курганов (курганы Хазарского кладбища на берегу реки Воронежа, близ слободы Костенок, и др.) «подвергнуть с надлежащего разрешения раскопкам, пригласив к участию в них специально подготовленных лиц». Утвержденный план работы разослали епархиальным священнослужителям, народным учителям и воспитанникам старших классов средних учебных заведений. Некоторых земляков, «известных своею заинтересованностью и трудами в области археологии и этнографии», было решено просить образовать на месте их жительства в уездах «филиальные отделения комиссии». Среди таковых были отмечены предводитель дворянства Коротоякского уезда Л.М. Савелов и Острогожский землевладелец В.Н. Тевяшов ².

Но вскоре особая комиссия по подготовке к XII археологическому съезду «по причине совпадения задач» была слита с открывшейся 1 декабря 1900 г. Воронежской ученой архивной комиссией (ВУАК). 31 января 1901 г. состоялось открытие в Воронеже и Церковного историко-археологического комитета (ВЦИАК). В дальнейшем археологическая проблематика занимает

¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. V – VI.

² Зверев С. Е. Воронеж на XII археологическом съезде. – С. 149.

всё большее место в деятельности ВУАК при закреплении за ВГСК функций учёта современной статистической информации. Членство же многих краеведов одновременно в обеих, а то и в трех организациях позволяло согласовывать при необходимости их деятельность. Появление в Воронеже собственно научных обществ стало возможным благодаря тому, что местный статистический комитет за период 1860-1890-х гг. сформировал краеведческий актив в своей губернии.

Эти события находятся в русле ведущей тенденции развития деятельности губернских статистических комитетов в европейской части страны. В их недрах в 1890-е гг. было подготовлено создание научных обществ нового типа – губернских ученых архивных комиссий. При одновременном существовании статкомитета и архивной комиссии активным деятельным ядром этих учреждений были одни и те же люди, как правило, 5 – 10 человек. Тем не менее, с 1890-х г. наблюдается отход статистических комитетов от разработки археологической проблематики. Следует согласиться с мнением современного исследователя деятельности архивных комиссий В.П. Макарихина о том, что «статистические комитеты явились своего рода подготовительным курсом для многих сотрудников губернских ученых архивных комиссий и их председателей»¹. Об археологических занятиях членов губернских ученых архивных комиссий речь пойдет в следующем параграфе.

¹ Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. – С. 10.

2.2.2 Археология как одно из направлений деятельности губернских ученых архивных комиссий

Губернские учёные архивные комиссии были учреждены Министерством внутренних дел 13 апреля 1884 г., сначала в виде опыта в четырех губерниях – Тамбовской, Тверской, Рязанской и Орловской ¹. Их появление было обусловлено необходимостью архивного строительства на местах. Инициатором учреждения губернских ученых архивных комиссий был сенатор Н.В. Калачов, устройством и наблюдением за их деятельностью занимался созданный им же в Санкт-Петербурге Археологический институт. Впоследствии архивные комиссии учреждались по соглашению директора Археологического института с местным губернатором и утверждались министром внутренних дел.

Организационное устройство и основные направления деятельности архивных комиссий определялись разработанным Академией наук «Положением о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях», оно было положено в основу циркулярного сообщения товарища министра внутренних дел губернаторам ². Согласно этим документам, членами ученых архивных комиссий могли быть как служащие, так и «не состоящие на службе в губернии лица», могущие «быть полезны Комиссии своими познаниями и усердием к делу» ³. При этом «прямой обязанностью ученых архивных комиссий является разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах к уничтожению, для выделения тех, которые подлежат для хранения в Историческом Архиве... Независимо от прямой своей обязанности ученые комиссии могут, по местным обстоятельствам, включать в круг своих занятий разыскание,

¹ ПСЗРИ. – СПб., 1887. – Собрание третье. – Т. IV. – Ст. 2149. – С. 226.

² Журналы заседаний ВУАК // Труды ВУАК. – Вып. I. – Воронеж, 1902. – Отдел III. – С. LXI – LXVIII.

³ Там же. – С. LXI – LXII.

описание и объяснение всяких других памятников старины»¹. Таким образом, статус архивных комиссий не может быть определен однозначно. Эти организации совмещали функции архивных органов и научно-исследовательских обществ. Выполнение возложенных на них задач долгое время было затруднено отсутствием четких организационно-правовых основ деятельности ГУАК, особенно отсутствием регулярных источников финансирования и зависимостью от местной администрации.

В 1908 г. была предпринята попытка реформировать губернские ученые архивные комиссии. По инициативе Санкт-Петербургского Археологического института в апреле состоялось Особое совещание по проекту устава архивных комиссий². В заседаниях участвовали 35 делегатов – представителей губернских архивных комиссий (от ВУАК А.И. Мартинович³). На совещании был выработан проект нового положения «об ученых архивно-археологических комиссиях», которые состояли бы в ведомстве министерства внутренних дел; в МВД, Президенту Академии наук и в Археологический институт направляли бы свои ежегодные отчеты. При МВД должен быть создан центральный орган «для обсуждения вопросов об открытии новых комиссий, для рассмотрения их отчетов, распределения правительственной субсидии, и объединения их ученой деятельности»⁴. На комиссии при этом возлагались обязанности по разбору архивов упраздненных учреждений и забота об архивах частных лиц; устройство местных исторических архивов удобными и доступными для ученых занятий (снабжение их каталогами и указателями); образование местных историко-археологических музеев. Проект был прочитан на заседании ВУАК 30 мая

¹ Положение о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. LXIV.

² Съезд представителей губернских архивных комиссий // Исторический вестник. – 1908. – № 6. – С. 1137 – 1138.

³ Зверев С. Е. Отчет состоящей под Августейшим Его императорского Величества государя Императора покровительством ВУАК. Четырнадцатый год существования (1913 г. – 1 декабря 1914 г.). – Воронеж, 1915. – С. 29.

⁴ Съезд представителей губернских архивных комиссий // Исторический вестник. – 1908. – № 6. – С. 1137 – 1138.

1908 г., переработка его была поручена членам комиссии А.М. Дядькову и Х.П. Глонти.

Но позитивные сдвиги в положении губернских архивных комиссий наметились лишь в 1914 г. Еще в 1911 г. разработка вопроса об упорядочении архивного дела в России была поручена Императорскому Русскому историческому обществу (ИРИО), в составе которого была образована Особая комиссия по архивной части. Для выяснения состояния местных архивов ИРИО обратилось к губернским архивным комиссиям и историческим обществам. За наиболее полные сведения о состоянии архивов было назначено единовременное пособие в две тысячи рублей. В 1914 г. такое пособие получили 15 комиссий из 27 ¹ (В ЦЧР все три комиссии; в Воронеже, к примеру, эти деньги были использованы на ремонт здания музея).

В мае 1914 г. ИРИО организовало первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий в Петербурге ². На съезде было озвучено высочайше принятое решение о том, что для проведения работы по упорядочению архивного дела на местах архивным комиссиям предусмотрено ежегодное выделение денежных средств в размере 3000 руб. Члены архивных комиссий стали считаться местными сотрудниками Особой комиссии по архивной части ИРИО, и их взял под свое покровительство император. Осуществлению многих решений съезда помешала начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война.

Никаких распоряжений об упразднении архивных комиссий после революции 1917 года издано не было. 1 июня 1918 г., вышел декрет «О

¹ Пособия Архивным комиссиям // Воронежский телеграф. – 1914. – № 75; Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989 год. – М., 1990. – С. 196.

² Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 года. – СПб., 1914. – Отдел I. – С. VI; В Архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1914. – № 109; Зверев С. Е. Отчет состоящей под Августейшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Воронежской ученой Архивной Комиссии. Четырнадцатый год существования (1913 – 1 дек. 1914). – С. 3 – 4.

реорганизации и централизации архивного дела», который провозгласил создание государственного архивного фонда, но не определял, к кому переходит забота об архивах на местах. Постепенно члены архивных комиссий включались в новые краеведческие структуры, создающиеся советской властью. Об их деятельности речь пойдет в следующем разделе, здесь же рассмотрим вклад ученых архивных комиссий в развитие археологии в Центральном Черноземье.

Как уже было сказано, одной из первых начала свою деятельность Тамбовская ученая архивная комиссия (ТУАК). Ее открытие состоялось 12 июня 1884 года, она стала второй после Орловской из четырех, предполагавшихся к открытию¹.

В археологической деятельности ТУАК, как и в остальных направлениях ее работы, прослеживаются два этапа: 1884 – 1899 гг.; 1900 – 1918 гг. Их содержание во многом было обусловлено взглядами и направлениями исследовательской деятельности двух председателей – Ивана Ивановича Дубасова (1843 – 1913) и Алексея Николаевича Норцова (1859 – 1921).

Деятельность ТУАК по изучению Тамбовского края в археологическом отношении сводилась к трем основным направлениям:

- проведение экскурсий (разведок) с целью выявления памятников старины,
- обобщение сведений о них в виде археологических карт,
- эпизодическое проведение раскопок.

Уже на первом заседании ТУАК ее председатель И.И. Дубасов назвал в числе занятий, предстоящих комиссии, собирание и изучение памятников археологии и палеонтологии. Не имея средств для организации раскопок и опыта по их проведению, ТУАК попыталась привлечь к археологическим

¹ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – Рязань, 2002. – С. 34.

исследованиям местных любителей старины. 7 мая 1885 года И.И. Дубасов обратился «ко всем образованным и любящим свою родину» жителям с просьбой о проведении в пределах губернии археологических раскопок¹. Как показала в своем исследовании В.А. Алленова, подобное предложение стало результатом несколько наивных представлений председателя об археологии как науке. Он считал ее такой отраслью знаний, которая более других доступна «не одним ученым по профессии и образованным людям, но и людям простым, не ученым, но сочувствующим науке». В этой связи Дубасов неоднократно призывал своих сотрудников содействовать к привлечению в качестве собирателей «людей простых, бедных историческим знанием, но богатых практическим опытом»².

Ввиду такого рода предложений И.И. Дубасова пополнение собиравшихся комиссией коллекций местных древностей за счет самовольных, неквалифицированных раскопок в последней четверти XIX века уже шло вразрез с магистральной линией развития отечественной археологии.

В период председательствования И.И. Дубасова тамбовская комиссия начала работу по выявлению памятников старины на территории губернии. Сам И.И. Дубасов, еще до образования ТУАК, в 1879 г. побывал на Ширингушском городище в Спасском уезде, обследовал его и поместил описание памятника в своей книге «Очерки из истории Тамбовского края»³. Тогда же ему удалось приобрести и некоторые из древних вещей, найденных крестьянами на городище. Дубасов предпринял некоторые усилия, чтобы продолжить изучение памятника «посредством правильных раскопок». В частности, он считал необходимым пригласить для раскопок Д.Я.

¹ Известия ТУАК. – Вып. 4. – С. 3.

² Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 286.

³ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. – М., 1883. – С. 287 – 288.

Самоквасова, о чем написал редактору журнала «Исторический вестник» С.Н. Шубинскому¹. Данная инициатива не получила дальнейшего развития.

В первые годы существования ТУАК несколько ее членов также совершили археологические экскурсии по различным достопримечательным местам губернии, обследовав и археологические объекты в них. К примеру, летом 1886 г. М.Г. Розанов посетил один из древнейших городов губернии – Елатьму, в то время как А.И. Сатин – другой старинный город – Лебедянь. Оба любителя старины не только привезли из своих поездок найденные на местах старинные вещи, но и заручились поддержкой наиболее образованных местных жителей в деле изучения старины. Примерно в это же время подробное описание городища близ Шацка составил М.Ф. Николаевский.

Первой работой по археологической статистике Тамбовской губернии стала статья И.И. Дубасова в четвертом выпуске его «Очерков из истории Тамбовского края» (1887 г.), где он предпринял попутное описание курганов, городков, городищ и отдельных находок.

А спустя два года (в 1889 г.) М.Г. Розановым и А.В. Проскурниковым была подготовлена первая археологическая карта Тамбовской губернии на основе данных о курганах, обобщенным московским членом ТУАК И.Ф. Токмаковым, и сведений, опубликованных в «Тамбовских губернских ведомостях». Авторы описали археологические памятники попутно, предварительно разделив их на три группы: курганы; городища, валы и пещеры; отдельные находки².

В 1890 году ТУАК предприняла попытку обнаружить местонахождение легендарной Онузы. Эта проблема всерьез увлекла И.И. Дубасова, посвятившего ей доклад на VIII Археологическом съезде³. Следуя

¹ Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 289.

² Розанов М.Г., Проскурников В.А. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // Известия ТУАК. – Вып. 26. – С. 34 – 55.

³ Дубасов И.И. Об Онозе на Воронеже // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. – М., 1897. – Т. III. – С. 319 – 320.

за тамбовским историком С.А. Березнеговским, И.И. Дубасов считал Онузу мордовским или мещерским городом, располагавшимся при слиянии рек Польного и Лесного Воронежа. Для подтверждения этой гипотезы он планировал организовать здесь раскопки с целью обнаружения остатков города и могильника. По его поручению туда был командирован член ТУАК П.А. Дьяконов, но результаты оказались отрицательными. Следов археологических объектов обнаружить не удалось, да и опросы местных жителей ничего не дали, поскольку никто из них не находил поблизости древних вещей. Результаты поездки были озвучены на одном из заседаний ТУАК¹. Попутно заметим, что вплоть до настоящего времени у археологов нет единого мнения по вопросу о локализации этого летописного города и области².

Новый председатель ТУАК А.Н. Норцов по вступлении в должность также был полон решимости организовать изучение древностей губернии. Начал он с обследования сохранившейся части сторожевой черты в Тамбовском и Козловском уездах уже летом 1900 года. Поскольку отдельные ее отрезки значительно пострадали в ходе хозяйственной деятельности местного населения, он предложил как можно скорее произвести раскопки на сохранившихся участках черты³. Но реализовано это предложение не было, остановились на выполненном столоначальником Козловского полицейского управления А.А. Рором описании, зарисовке и нанесении на карту части Козловского вала⁴.

Важным следствием этой поездки стало решение А.Н. Норцова придать археологическим исследованиям в губернии последовательный характер. Он

¹ Известия ТУАК. – Вып. 30. – С. 5.

² Ср. точки зрения: Моисеев Н.Б., Раевский А.И. К вопросу о местонахождении летописной Онузы // Краевед земли Тамбовской. – Тамбов, 1995. – С. 54 – 55; Челябинов В.П., Судаков В.В. Новые данные о локализации летописной Нузлы (Онузы) // Труды Рязанского исторического общества. – Рязань, 1997. – Вып. 1. – С. 27 – 44.

³ Норцов А.Н. Тамбовская и Козловская сторожевая черта // Известия ТУАК. – Вып. 44. – С. 153.

⁴ Рор А.А. О вале Козловского уезда между с. Бельским и Мановицами // Известия ТУАК. – Вып. 44. – С. 159 – 162.

подготовил специальную программу изучения древностей края, с которой выступил на заседании ТУАК в декабре 1900 года. На территории губернии им было выделено три археологических района: северный, включавший Елатомский, Темниковский, Шацкий и Спасский уезды; западный – Козловский, Лебединский, Липецкий, Усманский, часть Тамбовского и Моршанского уездов; восточный – Кирсановский, Борисоглебский, часть Тамбовского и Моршанского уездов. Наиболее перспективным он считал северный как древнейшую область заселения края, с него он и предполагал начать комплексные исследования. Они должны были включать осмотр, описание, раскопки объектов, сбор фольклорного и этнографического материала, описание памятников церковной археологии¹.

Тогда же А.Н. Норцов, ссылаясь на недостаточно подробную карту Розанова и Проскурникова, предлагает вновь обратиться к работе по ее составлению и подготовить новый вариант. При этом он ставил задачу охарактеризовать не только археологические, но и исторические памятники Тамбовской губернии, что должно было найти отражение и в самом названии карты. Вариант карты, представленный А.Н. Норцовым, именовался «Историко-археологической картой Тамбовской губернии». В текстовой части он описал не только археологические памятники, но и изложил сведения по истории населенных пунктов губернии, данные о церковной архитектуре, местные предания и легенды. Всего на карту было нанесено более 600 объектов².

После обсуждения на заседании ТУАК программа историко-археологического обследования губернии была послана в адрес Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества. А.Н. Норцов известил их также о намерении комиссии начать работы с раскопок городищ, поскольку считал это относительно легким делом. Он писал: «К сожалению, комиссия имеет слишком скромные

¹ Известия ТУАК. – Вып. 45. – С. 9.

² Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Известия ТУАК. – Вып. 50. – Ч. 2. – С. 59 – 100.

средства, чтобы пытаться делать правильные раскопки курганов, но на первый раз можно было бы начать раскопки городищ; это не сопряжено с таким расходом, знанием дела и осторожностью, какое требует раскопка курганов»¹.

ИАК поддержала начинание тамбовских любителей древностей и выслала открытый лист, а вот ИМАО, приветствуя работу по изучению края в целом, предостерегла Норцова от начала раскопок из-за отсутствия необходимого опыта и рекомендовала ограничиться визуальным осмотром и описанием памятников, что «было бы гораздо проще, стоило бы дешевле и было бы целесообразнее»². ТУАК согласилась с мнением московских археологов, и оповестило ИМАО, что принимает к сведению его рекомендации, отказывается от начала раскопок и приступает к сбору сведений и описанию памятников.

В августе 1901 года А.Н. Норцов теперь уже совместно с В.В. Воейковым, исполняя собственную исследовательскую программу, совершил археологическую экскурсию в Темниковский уезд³. Эта северная часть края к началу XX века была совершенно неизученной, хотя и являлась древнейшей областью расселения финно-угорских племен. Поставив в качестве задачи-максимум комплексное обследование уезда, предполагавшее выявление и описание памятников старины, сбор фольклорного материала, проведение раскопок, в реальности исследователь ограничился описанием выявленных археологических объектов и фотографированием достопримечательных мест. Среди обследованных им памятников старины был ряд городищ (Кадомское, Темниковское, близ деревень Итяковой и Дудниковой, села Нароватова), которые местные жители считали пристанищами разбойников, сам же А.Н. Норцов предположил финно-

¹ Цит. по: Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 292.

² Цит. по: Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – С. 293.

³ Норцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. // Известия ТУАК. – Вып. 46. – С. 1 – 47.

угорскую принадлежность Кадомского городища по сходству найденных здесь предметов с вещами из Лядинского могильника, часть городищ отождествил со становищами бежавших от крепостного гнета крестьян, Итяковское посчитал боевой позицией. Вновь было предложено продолжить изучение этих памятников посредством раскопок, но это не было реализовано.

Второй участник этой археологической экскурсии – В.В. Воейков, обобщив материалы личных исследований за три года, в 1902 г. предложил свой вариант археологической карты. Он сосредоточил внимание на описании курганов. Всего им было зафиксировано 154 насыпи, протянувшихся с запада на восток южнее Тамбова и Кирсанова до границы с Саратовской губернией. Курганы классифицировались им как сторожевые, могильные и остатки жилищ¹.

В 1907 г. были опубликованы еще две карты членов ТУАК: М.Ф. Николаевский составил карту Шацкого, а Н.Н. Ларин – Борисоглебского уезда². Обе эти работы были вызваны желанием дополнить карту А.Н. Норцова, в которой недостаточно полно были отражены сведения по указанным уездам.

Что же касается археологических раскопок, то на всем протяжении существования ТУАК они носили эпизодический характер. В среде тамбовчан так и не появилось энтузиастов в области археологии, способных организовать целенаправленные полевые работы, а приглашения профессионалам из других регионов не находили отклика. Комиссия

¹ Воейков В.В. Заметка о курганах Тамбовской губернии // Известия ТУАК. – Вып. 46. – С. 61 – 65.

² Николаевский М.Ф. Историко-археологические наброски о Шацком уезде // Известия ТУАК. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 72 – 74; Он же. Археологические находки и исторические достопримечательности в Шацком уезде // Там же. – С. 75 – 76; Ларин Н.Н. Краткий историко-археологический обзор Борисоглебского уезда // Там же. – С. 263 – 268; Он же. Археологические находки в окрестностях с. Ростоши Борисоглебского уезда // Известия ТУАК. – Вып. 58. – С. 269 – 271; Он же. Полонная вершина: к историко-археологической карте Тамбовской губернии // Там же. – С. 272 – 274.

ограничилась посильным участием в работах ИАК, а собственные раскопки, за некоторым исключением, оказывались безрезультатными.

Так, Тамбовская ГУАК стремилась внести посильный вклад в изучение Лядинского¹ и Кошибеевского могильников, проводившихся ИАК.

Лядинский могильник был открыт в 1869 г. при строительстве Тамбово-Саратовской железной дороги. Тогда же было обнаружено до 500 археологических находок, часть из которых была доставлена в Эрмитаж, другая впоследствии пожертвована в музей ГУАК. ИАК поручила проведение раскопок на могильнике В.Н. Ястребову в 1888 году. Предварительно было получены от ГУАК опись имеющихся с этого памятника вещей и план местности, где он находится. По поручению ИАК тамбовская комиссия заручилась разрешением владельцев того участка земли, где предполагалось начать работы. В процессе раскопок В.Н. Ястребовым было вскрыто 143 могилы и зарегистрировано около двух тысяч предметов (оружие, украшения, антропологический материал). Таким образом, было положено начало научному исследованию мордовских могильников в Тамбовском крае².

Сам В.Н. Ястребов не отождествлял однозначно исследованный им могильник с мордвой, указывая и на возможность его принадлежности мещере. По аналогии с Гнездовскими курганами Смоленской губернии и Новоладожским могильником в Петербургской губернии он датировал открытые древности X – XI вв.³

После продуктивных раскопок ИАК на Лядинском могильнике Тамбовская комиссия решила продолжить столь многообещающее исследование. Основываясь на предположении руководителя первых работ на памятнике – В.Н. Ястребова о том, что недалеко от раскопанного участка

¹ Подробно историю исследования памятника см.: Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983 – 1983 годов. – М., 2007. – С. 4 – 7.

² Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. – Тамбов, 1982. – С. 63.

³ Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России. – СПб., 1893. – С. 55.

должна находиться богатая предметами часть могильника, в 1889 году ТУАК получила открытый лист и приступила к раскопкам. Средства выделил комитет губернского музея, осуществление полевых работ было поручено члену ТУАК П.И. Пискареву. Вопреки ожиданиям раскопки оказались безрезультатными. Представитель ИМАО В.И. Сизов, осуществлявший контроль за проведением полевых работ, согласился с заключением П.И. Пискарева о тщетности дальнейших изысканий. Он посоветовал комиссии впредь более тщательно намечать места предполагаемых раскопок и начинать их сразу в нескольких пунктах¹. Потерпев неудачу на выбранном участке, П.И. Пискарев решил продолжить раскопки на другой территории, принадлежащей И.С. Третьякову, но столкнулся с решительным протестом последнего. Таким образом, попытки исследования Лядинского могильника не дали результатов. Неутешительные итоги проведенных работ П.И. Пискарев опубликовал². Спустя десять лет, в 1899 г., Б.Г. Фиксен предложил продолжить изучение Лядинского могильника, воспользовавшись тем обстоятельством, что новый владелец участка не возражал против этого. Но коллеги отнеслись к этой инициативе скептически, и было принято решение вернуться к этому вопросу после улучшения материального положения ТУАК.

Поскольку ИАК располагала также коллекцией вещей, поступившей в 1890 году от графа И.И. Воронцова-Дашкова из его имения в с. Новотомниково Шацкого уезда, то В.Н. Ястребову было поручено исследовать местонахождение этих вещей, что и было исполнено. Он же описал и коллекцию, часть предметов из которой была возвращена в Тамбов и передана в музей комиссии. Томниковские вещи оказались близкими Лядинским находкам³.

¹ Известия ТУАК. – Вып. 25. – С. 5.

² Пискарев П.И. О раскопках Лядинского могильника по поручению Тамбовской архивной комиссии и ее музея // Известия ТУАК. – Вып. 25. – Прил. 2. – С. 5 – 8.

³ Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России. – СПб., 1893. – С. 56 – 63.

Попутно отметим, что изучение этого могильника было продолжено Н.Е. Макаренко в 1910 г. Им было вскрыто 57 могил, большинство из которых с богатым инвентарем. Коллекция была передана в Эрмитаж¹. Затем в полевых работах на памятнике наступил более чем 70-летний перерыв, новые раскопки проводились в 1983 – 1985 гг. экспедицией Института археологии под руководством Р.Ф. Ворониной при активном участии Тамбовского краеведческого музея и Тамбовского педагогического института. Всего было вскрыто 78 погребений, итоги изучения которых нашли отражение в монографии².

Другой памятник, в исследование которого пыталась внести вклад ТУАК – это Кошибеевский могильник в Елатомском уезде на землях В.Д. Траскина. Первые три могилы, сопровождавшиеся богатым инвентарем (украшения, оружие, конская сбруя) были обнаружены в 1891 году случайно при рытье хозяйственной ямы. 27 августа 1891 года на заседании ТУАК было принято решение о начале его систематического обследования. Однако, тамбовчане были поставлены в известность о том, что раскопками планирует заняться МАО. Поскольку начало работ затягивалось, ТУАК неоднократно (1891, 1893 гг.) ходатайствовало о направлении представителя МАО для наблюдения за предполагавшимися раскопками, но оба раза безрезультатно. В итоге, в 1895 году ИАК поручила раскопки на памятнике А.А. Спицыну (об этих работах речь пойдет в следующей главе).

Наибольшей продуктивностью отличались раскопки, проведенные членом ТУАК, слушателем Археологического института П.Г. Тарасовым в Моршанском уезде в первые годы XX века.

В 1902 г. его внимание привлекли курганы, расположенные на землях Чудинской экономии, принадлежавшей также члену ТУАК Е.И. Аносову. П.Г. Тарасов вскрыл три насыпи. Один курган оказался разграбленным, а в

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902 г. Д. 94. Л. 15 – 24; Отчет ИАК за 1909 – 1910 гг. – СПб., 1913. – С. 190.

² Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983 – 1983 годов. – М., 2007. – 164 с.

двух остальных исследователь зафиксировал различные погребальные обряды. В первом – ингумация с помещением в могилу керамических сосудов; во втором – захоронение одних лишь голов умерших.

На следующий год П.Г. Тарасов продолжил исследование курганов уже вблизи д. Удалой. Зафиксировав 15 насыпей, он раскопал 10 из них. В основном были обнаружены захоронения по обряду труположения, в одном лишь случае – трупосожжение. Сопровождающая керамика была схожа с сосудами из д. Чудной. П.Г. Тарасов предположил, что в обоих случаях он имеет дело с захоронениями мордвы – эрзи¹.

В тот же год он раскопал и большой курган у волостного села Громка, но находок в нем не обнаружил.

Осенью 1903 года П.Г. Тарасов близ д. Ново-Нарышкинской в Петрунинской лощине открыл «стоянку доисторического человека». В процессе раскопок были обнаружены костяные и кремневые наконечники стрел, фрагменты керамики, каменные молотки и т.п. – всего 8550 предметов². Характер обнаруженных на Петрунинском поселении вещей дал возможность П.Г. Тарасову предположить, что в данном случае речь идет о поселении эпохи неолита, являющемся одним из древнейших в крае. Результаты своих раскопок он опубликовал в Известиях ТУАК³. Часть находок после их демонстрации в Археологическом институте была отправлена в музей ТУАК. 11 октября 1903 года П.Г. Тарасов, производивший раскопки на собственные средства, известил ТУАК об открытиях и попросил для продолжения работ 60 – 100 руб., но финансовой поддержки не получил.

Весной 1905 г. он вновь возобновил свои просьбы, сославшись на авторитетное мнение Н.И. Веселовского о важности проведения археологических исследований в Моршанском уезде. ТУАК в свою очередь

¹ Тарасов П.Г. Курганы Тамбовской губернии и их исследование // Известия ТУАК. – Вып. 51. – Ч. 2. – С. 5.

² Там же. – С. 29.

³ Тарасов П.Г. Новооткрытое доисторическое поселение // Известия ТУАК. – Вып. 52. – Ч. 1. – С. 1 – 30.

обратилась с ходатайством в ИАК, в котором, в частности, говорилось: «Богатые памятники седой древности Тамбовской губернии почти не исследованы еще, за исключением одиночных мест. Сама Тамбовская ученая архивная комиссия при скудости своих средств не может принять на себя ведение археологических исследований. Но среди ее членов проявляется самоотверженное служение науке, и в высшей степени было бы жаль, если это энергичное исследование, давшее, даже при скромных условиях, столько ценного материала, должно заглухнуть, будучи лишено поддержки»¹. Обращение ТУАК увенчалось успехом, и ИАК назначила субсидию. П.Г. Тарасов в 1905 году заложил траншеи, позволившие ему определить границы поселения, а также пополнил коллекцию с памятника предметами из камня, кости и кремня². Это были последние раскопки под эгидой ТУАК в дореволюционное время.

Одним из плодотворных направлений деятельности ТУАК стала организация и содержание губернского музея, в котором нашлось место и археологическим находкам. Мысль о создании музея впервые была высказана секретарем статистического комитета К.В. Коханским еще до образования ТУАК в 1873 году. Губернская земская управа изъявила готовность предоставить для него соответствующее помещение, в котором предполагалось собрать «разные предметы по сельскому хозяйству, фабричной и промышленной торговле и другим предметам, могущим иметь интерес в разных отношениях»³.

Однако губернское земское собрание отклонило ходатайство об открытии музея. Вновь с идеей открытия музея выступил И.И. Дубасов в 1879 году в связи с юбилеем – 100-летием Тамбовского наместничества. Эта инициатива была поддержана ректором Тамбовской духовной семинарии архимандритом Димитрием, губернским предводителем дворянства Г.В.

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903 г. Д. 79. Л. 26 – 26об.

² Отчет ИАК за 1905 г. – СПб., 1908. – С. 81.

³ Покровский Н.А. Об образовательном значении музеев: По поводу открытия музея в городе Тамбове. – Тамбов, 1880. – С. 7.

Кондоиди, уездными предводителями дворянства. Инициативная группа встретила с губернатором А.А. Фредериксом. Было принято решение об образовании специальной комиссии для выработки программы музея и о возбуждении соответствующего ходатайства перед министерством внутренних дел. Возглавил комиссию сам губернатор. По примеру Тверского губернского музея была разработана программа будущего музея. После получения положительного ответа из МВД начался сбор средств для организации музея.

В структуре будущего музея предполагалось три отдела. В первом объединялись археологические и палеонтологические находки, нумизматические коллекции, церковные древности, предметы бытового характера, рукописные акты, библиотека местных изданий. Во втором должны быть собраны образцы сельскохозяйственного производства, фабричных, ремесленных и кустарных изделий, а также орудий труда. Третий отдел предполагался этнографический ¹. Было также решено обратиться к комитету Тамбовской публичной библиотеки с просьбой о предоставлении помещения.

К началу 1880-х годов энтузиазм организаторов несколько поулег, и дело организации музея приостановилось. Вопрос об открытии музея оставался нерешенным вплоть до открытия ТУАК. Архивной комиссии были переданы только разрозненные коллекции. На заседании 8 марта 1885 года И.И. Дубасов поставил вопрос о необходимости приведения в порядок коллекций и составления их описи. Это было поручено П.А. Дьяконову, М.Г. Розанову, А.И. Мирославскому. Одновременно была продолжена работа по приему в дар предметов музейного значения и пожертвований. Осенью 1886 г. ТУАК через местную печать обратилась к жителям с просьбой присылать в музей случайно найденные древние предметы. Но поскольку это шло вразрез с существовавшей практикой передачи находок в Императорскую археологическую комиссию, то было принято компромиссное решение,

¹ ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 – 2.

согласно которому ИАК выразила готовность ходатайствовать перед императором о пополнении музея в Тамбове теми находками, которые будут присылаться в ее адрес.

В 1887 году по завершении строительства помещения для ТУАК музей разместился там же. Первым хранителем стал П.И. Пискарев, наблюдение за сохранностью предметов было поручено С.К. Платоновой. До начала 1890-х годов музей был закрыт для посетителей. В качестве основной причины указывалось на «бедность его внутренней обстановки». Тем не менее, с 1892 г. музей открылся для бесплатного посещения в воскресные дни с сентября по май.

С 1893 года и вплоть до революции 1917 г. музей располагался в достаточно просторных помещениях Нарышкинской читальни (Э.Д. Нарышкин был председателем комитета музея и почетным членом ТУАК), хотя Общество по устройству народных чтений и не особенно было заинтересовано в таком соседстве и дальнейшем развитии музея. К примеру, с 1904 года музей открывался для посетителей не чаще одного раза в месяц.

В это время структура музея включала семь отделов: археологический, палеонтологический, нумизматический, бытовых предметов, церковный, рукописный, иллюстративный. К 1889 году в музее было 654 экспоната, из которых в археологическом отделе – 80: 37 предметов из Лядинского могильника, 10 – с Ширингушского городища, поступившая в 1884 году каменная баба из имения саратовского вице-губернатора близ с. Политова, а также фрагменты древней керамики. К 1916 году в музее насчитывалось 1270 экспонатов, из которых в археологическом отделе – 248 предметов ¹. Большое значение ТУАК придавала систематизации и описанию хранящихся предметов. За время существования музея ТУАК было создано три каталога,

¹ Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее состоящей под высочайшим его имп. величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1916.

подготовленных П.А. Дьяконовым и А.И. Самоцветовым в 1889, 1895, 1916 гг.¹

В целом, деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по археологическому обследованию края значительно уступала размаху ее работ в области архивного дела. Данное обстоятельство объясняется как недостаточной подготовленностью ее сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и отсутствием желания повысить свой профессиональный уровень в этом направлении. Надо полагать, что члены ТУАК в качестве приоритетных своих задач четко осознавали деятельность по изучению и сохранению письменных памятников. Констатируя практическое отсутствие произведенных силами комиссии сколько-нибудь масштабных раскопок, в то же время следует признать ее неоспоримый вклад в дело накопления и обобщения данных об археологических объектах края, сохранения археологического наследия в музейных фондах.

На рубеже XIX-XX вв. Воронеж и Курск оставались одними из немногих губернских центров, в которых отсутствовали научные общества и организации историко-археологического профиля, в то время как в других городах России разворачивали свою работу в этом направлении, прежде всего, архивные комиссии.

Как уже было сказано в предыдущей главе, после возвращения с XI Археологического съезда, проходившего в 1899 г. в Киеве, Л.М. Савелов обнаружил в «Воронежском Телеграфе» призыв создать и в Воронеже Ученую Архивную Комиссию (УАК). В декабре 1899 г. группа заинтересованных лиц (10 человек), в том числе и делегаты XI Археологического съезда Л.М. Савелов и С.Е. Зверев, обратилась к

¹ Дьяконов П.А. Описание предметов, хранящихся в Тамбовском историческом музее. – Тамбов, 1889; Он же. Каталог историко-этнографического музея. – Тамбов, 1895; Самоцветов А.И. Указ. соч.

Губернатору с просьбой об открытии ВУАК. 23 сентября 1900 г. последовало разрешение, и 1 декабря состоялось ее торжественное открытие ¹.

Анализу археологической деятельности ВУАК предварим краткую характеристику аналогичного направления в работе Курской ученой архивной комиссии, которое уже было предметом пристального внимания в соответствующем диссертационном исследовании ².

Подготовка к XII Археологическому съезду стимулировала постановку вопроса и об открытии ГУАК в Курске, но события здесь развивались несколько иначе. Весной 1900 года П.С. Уварова по приезду в Харьков для организации местного отделения Предварительного комитета по устройству съезда обратилась к курскому губернатору графу А.Д. Милютину с просьбой позаботиться об учреждении специальной комиссии помощи делу Археологического съезда при местном статистическом комитете. Подходящей кандидатурой на роль руководителя работ по изучению губернии в археологическом и этнографическом отношении она считала учителя Курска статского советника А.А. Танкова, который уже был известен своими публикациями на темы местной истории. Обращение графини продублировал авторитетный историк Д.И. Багaley – Председатель Предварительного комитета. У губернатора возникло встречное предложение об организации не временной, а постоянно действующей историко-археологической комиссии при статистическом комитете. Эту идею в письме к губернатору подал известный нам своей деятельностью в Тамбове И.И. Дубасов, к тому времени директор народных училищ Курской губернии. С аналогичным предложением выступал в периодических изданиях и секретарь КГСК Н.И. Златоверховников.

В июле 1901 г. в МВД отправилось соответствующее ходатайство об учреждении в Курске своей ГУАК, но при этом настаивали в ее создании при

¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. I – II.

² Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). – С. 27 – 28.

ГСК. Решение вопроса затянулось. И комиссия была открыта явочным порядком 3 декабря 1901 г. на заседании ГСК. Председателем утвердили А.А. Танкова, членами – учредителями Н.Г. Фон-Бюнтинга (вице-губернатора), И.И. Дубасова, В.В. Лапина (директора мужской гимназии), Ю.М. Штокмана (преподавателя), Н.И. Златоверховникова. Вновь созданной комиссии разрешили использовать помещение в здании губернского правления, из бюджета ГСК выделялось 100 руб. в год. Решение осталось только на бумаге вплоть до смены курского губернатора. Пришедший на смену А.Д. Милютину Н.Н. Гордеев оказался более просвещенным и заинтересованным в изучении вверенного ему края. Его первым мероприятием в этом направлении становится получение субсидии в размере 10000 руб. от Императора на первоначальное оборудование музея, а 23 апреля 1903 г. состоялось действительное открытие Курской ученой архивной комиссии. Пост правителя дел получил Н.И. Златоверховников. Заместителем председателя, а затем председателем стал Александр Николаевич Кобылин – товарищ председателя окружного суда, археолог-любитель и коллекционер-нумизмат.

По замыслу Центральных властей, археологическая деятельность архивных комиссий могла быть по их собственному желанию лишь сопутствующей при выполнении ими прямой обязанности. Тем не менее, уже во вступительной речи по поводу открытия Курской УАК Губернатор Н.Н. Гордеев отметил, что «веря в плодотворное воспитательное значение отечественной истории и этнографии...» необходимо «организовать, направить и объединить все местные работы по изучению губернии в археологическом и этнографическом отношениях... и создать то хранилище, без которого не представляется возможности спасти уцелевшие здесь предметы старины и представить наглядно в хронологическом порядке образцы труда русского народа с древнейших времен»¹.

¹ Труды Курской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – Курск, 1911. – С. 6.

Полевая археологическая деятельность Курской ГУАК, как и Тамбовской, не отличалась последовательностью. Полевые работы производились эпизодически при появлении в губернии опытных археологов.

В этой связи обратим внимание на исследования КУАК в мае – июне 1907 года при подготовке к XIV Археологическому съезду в Чернигове. Руководство экспедицией курских краеведов взял на себя В.Е. Данилевич (приват-доцент Харьковского университета, к тому времени уже имевший опыт полевых работ). От Курской ГУАК в исследованиях приняли участие А.Н. Кобылин, Н.И. Златоверховников, Н.Н. Лоскутов и К.Н. Родионов. В результате поведенных работ был раскопан курган около д. Лукино, заложены три раскопа на Липинском городище и траншея на Липинском селище. На бытовых памятниках были зафиксированы жилые и хозяйственные сооружения, найдены орудия труда, предметы обихода, украшения. По окончании раскопок была проведена разведка в том же районе (д. Старково, д. Липино, д. Лукино, с. Дьяконово), в ходе которой обнаружено 27 курганов, 3 городища и 3 неолитических стоянки. Все материалы экспедиции (более 500 находок) были сданы в Курский музей, список находок опубликован в «Каталоге выставки XIV Археологического съезда в Чернигове: отдел древностей», а отчет – в «Трудах» Курской ГУАК¹.

Главным открытием экспедиции по праву считается обследование комплекса памятников в основном древнерусского времени у с. Липина на Сейме, где работы с некоторыми перерывами ведутся вплоть до настоящего времени².

¹ Данилевич В. Е. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. I, ч. 1. – Курск, 1911. – С. 127 – 130.

² Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. Сборник в честь 60-летия Б.А. Рыбакова. – М., 1968; Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. – Липецк, 1996; Енуков В.В., Енукова О.Н. «Городи Посемьские»: древнее Липино// 60 лет кафедре археологии МГУ. – М., 1999.

Важным был также почин В.Е. Данилевича, призванный активизировать работу курских краеведов по составлению археологической карты губернии. Он составил и опубликовал в Курске «Материалы к археологической карте губернии» с перечнем нескольких обследованных им лично объектов Курского уезда ¹. В дореволюционное время других публикаций такого рода карт куряне не осуществили, но в 1990-е годы С.П. Щавелеву удалось обнаружить в архиве ИИМК РАН подготовленную археологическую карту Курской губернии.

Спустя два года после работ В.Е. Данилевича, в 1909 году КУАК была проведена еще одна масштабная экспедиция, теперь уже под руководством маститого столичного археолога Д.Я. Самоквасова. О его исследованиях в Курской губернии будет сказано в главе 3-ей, здесь же отметим, что при организации данных работ особенно успешно проявил себя член КУАК Константин Петрович Сосновский (1861 – после 1916). Он приехал в Курскую губернию в августе 1907 г. в связи с получением здесь должности управляющего акцизными сборами, вскоре вступает в действительные члены КУАК и избирается в ее правление. В июне 1909 г. именно он провел предварительные разведочные работы в Обоянском уезде для выбора объектов раскопок под руководством Д.Я. Самоквасова. Пройдя и проехав территорию от истока Псла до с. Белого Суджанского, он зафиксировал 32 археологических памятника; попутно выкупил у местных жителей целый ряд случайных находок, записал их рассказы о наиболее приметных древностях. Итоги своего обследования он изложил в публикации ². Незаурядные способности рисовальщика и чертежника К.П. Сосновского пригодились не только при проведении раскопок Д.Я. Самоквасовым, но и впоследствии при подготовке материалов к публикации.

¹ Данилевич В. Е. Материалы для археологической карты Курского уезда // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. I, ч. 1. – Курск, 1911. – С. 131 – 133.

² Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского у., Курской губ. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – Курск, 1911. – С. 299 – 320.

Накануне своего отъезда из губернии К.П. Сосновский «передал эстафету» проведения полевых археологических работ начинающему исследователю – выпускнику Московского археологического института, учителю истории Курского реального училища Павлу Сергеевичу Рыкову (1884 - 1942). По его рекомендации П.С. Рыков получил открытый лист от ИАК и вместе с тогда еще гимназистом Львом Николаевичем Соловьевым (1884 – 1967) в июне – июле 1912 года провел новые раскопки гочевских курганов. В течение 5 недель по совету Сосновского молодые энтузиасты с помощью уже опытных в полевой археологии местных крестьян раскопали на снос 109 курганов. Было обнаружено 111 погребений, находки в которых подтвердили их славянскую атрибуцию. Более того, удалось уверенно проследить переход от полного, затем частично трупосождения к трупоположению в земляных ямах и затем уже в гробах. Результаты своих работ Рыков опубликовал гораздо позднее ¹.

Спустя год П.С. Рыков покинул Курск и поселился в Вильно, Л.Н. Соловьев после окончания гимназии продолжал учебу в Московском, затем Харьковском университете. Но в 1920-е годы его археологическая деятельность в Курской губернии возобновилась, и мы к этому сюжету еще вернемся.

К числу заслуг Курской ГУАК следует отнести заботу о сохранении археологического наследия в рамках музейной деятельности. 18 января 1905 года после длительного организационного периода наконец открылся для посещения всеми желающими историко-археологический и кустарный музей Курского края. Он разместился в здании присутственных мест, первоначально объединив в фондах около 2500 экспонатов. В структуре музея было выделено три отдела. Первый – археологический. В нем самые эффектные вещи были выделены в экспозицию и группировались по хронологическому принципу; массовый же материал хранился в чулане,

¹ Рыков П.С. Северо-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) // Ученые записки Саратовского университета. Т. 1. Вып. 3. – Саратов, 1923.

нашитый на картоны. Второй отдел объединял образчики культуры и быта XVII – XIX вв., третий – этнографические материалы. Заведование взял на себя Н.И. Златоверховников, члены КУАК А.Н. Кобылин и К.П. Сосновский составили каталог.

Таким образом, как следует из вышеизложенного, археологическое изучение Курской губернии за время существования КУАК еще не приобрело планомерного характера. В то же время, благодаря стараниям курских краеведов, до нас дошли ценные сведения об отдельных памятниках, они подготовили первую археологическую карту губернии и поставили вопрос о сохранении археологического наследия.

Более продуктивной в сравнении с Тамбовской и Курской комиссиями стала деятельность в области археологии членов Воронежской ученой архивной комиссии. Уже во вступительной речи по поводу открытия Воронежской УАК Л.М. Савелов, говоря о направлениях деятельности образованной комиссии, отметил, что она распадается на три отдела: архивный, историко-археологический (включает исследование местной истории, раскопки курганов, описание вещественных памятников старины) и этнографический. Археологической разработке, по его словам, подлежит время с «глубины веков» до конца XVI века (когда появляются документы). «Комиссия должна по этим безмолвным памятникам, по этим костякам, черепкам, монетам и т.п. рассказать нам, чем был наш край...»¹. Показательным является и факт принятия уже на первом заседании в почетные члены ВУАК председателя Императорского Московского Археологического Общества графини П.С. Уваровой, председателя Императорской Археологической Комиссии графа А.А. Бобринского, директора Археологического Института профессора Н.В. Покровского². Но даже и появление письменных документов, по мнению Л.М. Савёлова, не

¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – С. II – III.

² Там же. – С. VII.

отменяет необходимости изучать вещественные памятники; только совместная работа археологов, археографов и этнографов позволит в полной мере воссоздать историческое прошлое края. С этой же целью комиссия «должна озаботиться составлением музея» с историко-археологическим отделом.

По поводу музея на этом же заседании было решено обратиться к общему собранию ВГСК с просьбой: «не изменяя настоящего характера существующего музея, и, сохраняя настоящую его администрацию, соединить музей, при нем библиотеку и архив с возникшей архивной комиссией»¹. (Попутно заметим, что постановление статистического комитета о передаче музея ВУАК было принято только 30 августа 1913 г. Вероятно, государственные деятели полагали, что музею лучше оставаться при официальном учреждении. А реально передача музейных предметов по инвентарным книгам от ВГСК в ведение ВУАК осуществилась лишь 24 октября 1916 года².)

Уже на следующем заседании ВУАК С.Е. Зверев более определенно высказался о начале нового этапа именно в археологическом изучении губернии: «С открытием в Воронеже двух археологических обществ – архивной комиссии и церковного археологического комитета, начинается новая эра в деле изучения нашего края в археологическом отношении. Будущее покажет плоды ученых трудов вновь организованных обществ, выделит местных ученых-археологов, определит их значение в разъяснении разного рода местных археологических вопросов»³.

Справедливости ради отметим, что были и скептически настроенные деятели. Так, например, в «Московских ведомостях» появилась статья, перепечатанная затем «Воронежским телеграфом», в которой высказывались опасения, что возникновение в Воронеже двух организаций, состоящих из одних и тех же «членов-работников», ранее «объединявшихся в качестве

¹ Там же. – С. VI.

² Протокол заседания ВГСК 22 декабря 1916 года. – С. 10-11.

³ Журнал заседаний ВГУАК // ТВУАК. – Воронеж, 1902. – Вып. I. – Отдел III. – С. XI.

членов губернского статистического комитета», и решающих сходные задачи, приведет к раздробленности этих учреждений¹. По нашему мнению, опасения не оправдались, и обществам удалось наладить плодотворное взаимодействие по разным направлениям. ВУАК и ВЦИАК сотрудничали при организации музейных выставок, при подготовке к всероссийским археологическим съездам, обменивались информацией, устраивали совместные заседания.

ВЦИАК ставило своей целью изучение церковно-религиозной жизни воронежского края. Специальными исследованиями светских древностей церковный комитет не занимался, они изредка попадали в сферу внимания членов ВЦИАК в первые годы его существования. В 1901 г. в Комитете на основе «Записки для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова (1851) была разработана программа для историко-статистического описания епархии, в которой требовалось описывать остатки церковных и «общих древностей» – курганов, городищ, валов, пещер и проч.² (кстати, собранные сведения были впоследствии использованы Л.М. Савеловым для дополнения археологической карты³).

При ВЦИАК существовал музей, в котором также долгое время хранились различные светские древности. Их доставляли в музей жертвователи, чаще всего священники. К примеру, в отчете Комитета за 1902 год заведующий музеем Т.С. Рождественский сообщил: «Из вновь поступивших пожертвований нельзя не отметить, как особенно ценные для музея... весьма интересные коллекции разных предметов из древнего могильника и с полей сел Буйлова и Горохова Павловского уезда, доставленные священниками Д. Поповым и И. Суриновым. В состав этих коллекций входят каменные ножи и наконечники стрел, черепа из могильника, древние глиняные сосуды (в целом виде и в черепках с

¹ Архивные учреждения // Воронежский телеграф. – 1902. – № 8.

² Журналы заседаний Совета ВЦИАК и Общих собраний комитета // Воронежская старина. – Воронеж, 1903. – Вып. 1. – Отдел II. – С. 6, 46.

³ Журналы заседаний ВГУАК // ТВУАК. – Воронеж, 1904. – Вып. II. – Отдел III. – С. II.

разнообразными орнаментами), костяные предметы (с изображением оленя), женские украшения (части ожерелий, серьги), бронзовые и железные наконечники стрел, принадлежности конской сбруи, обломки сабель, часть кольчуги, пушечные ядра из затонувшего когда-то на Дону судна, татарские монеты и пр.»¹. Некоторые из этих предметов участвовали в выставке XII Археологического съезда в Харькове. Все эти древности заведующий музеем записывал отдельно от церковных вещей («инвентарь светский») в особую книгу с обозначением всех данных. С.Е. Зверев высказывал обеспокоенность тем, что таким образом приращение музеев будет затруднено, и предлагал «в целях лучшего будущего для местных музеев» установить между ними «обмен поступлений по специальностям»². Для реализации поставленной цели 30 ноября 1906 г. на заседании ВУАК он продемонстрировал светские древности, собранные в музее ВЦИАК – «фрагменты посуды, каменные орудия, наконечники стрел, бронзовые предметы – браслеты, бусы, фибулы, металлическое зеркальце и проч., монеты, этнографические предметы», и сообщил, что «по взаимному соглашению вещи передаются в губернский музей в обмен на памятники церковной старины»³.

В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание на археологической направленности в деятельности ВУАК, поскольку именно в этой организации она заняла приоритетное направление. Документы, отражающие работу ВУАК в целом, к сожалению, сохранились весьма фрагментарно. Лучше всего документированы первые годы работы этой организации. В частности, мы располагаем журналами заседаний за первые семь лет существования ВУАК, судя по которым, всего за это время было проведено 41 заседание, на которых заслушано 89 докладов и рефератов, 24 из них (27 %) были на археологические темы. 13 докладов и сообщений по археологической

¹ Рождественский Т. Музей церковного историко-археологического комитета // Воронежский телеграф. – 1903. – № 36.

² Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1901-1903 годах. – С. 3 – 4.

³ Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. // Труды ВУАК. – Воронеж, 1908. – Вып. IV. – Отдел III. – С. LXXXIII.

тематике полностью опубликованы в «Трудах ВУАК»¹. Вопросы же, имеющие археологическую направленность, обсуждались практически на каждом заседании (за 6 лет исключение составляют 4 заседания).

Рассмотренные вопросы, имеющие отношение к археологии, могут быть классифицированы следующим образом: итоги проведенных раскопок, итоги археологических экскурсий членов комиссии, сообщения о случайных археологических находках на территории Воронежской губернии, работа по сохранению памятников старины, подготовка и участие в работе Всероссийских и Областных археологических съездов, проблемы средневековой истории Воронежского края и данные археологии.

Вначале остановимся на полевых археологических работах, проведенных членами ВУАК. По нашим сведениям, за все годы существования организации раскопки и экскурсии (разведки) проводились в восьми (из двенадцати) уездах Воронежской губернии: Бирюченском, Бобровском, Воронежском, Задонском, Землянском, Коротоякском, Острогожском, Павловском.

Начало этим работам положили раскопки по собственной инициативе четырех курганов в Острогожском уезде у с. Владимировки члена ВУАК Владимира Николаевича Тевяшова, начатые в 1900 г., о которых было доложено в комиссии 20 февраля 1901 г. (на четвертом заседании)². Тогда же было решено опубликовать результаты раскопок в первом выпуске «Трудов ВУАК» (что и было реализовано³) и продолжить начатые работы в текущем году.

Всего в 1901 г. проводились раскопки на трех археологических памятниках в пределах губернии: помимо В.Н. Тевяшова, продолжившего изучение курганов у с. Владимировка (было вскрыто еще 3 кургана), членом

¹ Труды ВУАК. – Вып. 1. – Воронеж, 1902; Вып. 2. – Воронеж, 1904; Вып. 4. – Воронеж, 1908.

² Труды ВУАК. – Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. XX – XXI.

³ Тевяшов В.Н. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900 – 1901 годах // Труды ВУАК. – Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. 93 – 114.

комиссии Михаилом Павловичем Труновым были исследованы 2 кургана у с. Новый Буравль и 3 кургана у с. Мечетка Бобровского уезда.

Показательным является отношение авторов этих работ к своей полевой деятельности. Так, В.Н. Тевяшов, докладывая на заседании ВУАК о результатах своих раскопок, сказал: «Лишенные научной подготовки и практической опытности в деле археологических изысканий, но при запасе любознательности и познакомившись с описаниями исследований древних памятников известными археологами, мы решились сделать не научное исследование, а лишь подготовительные к нему раскопки. Мы придерживались следующих правил: производить работы только под личным наблюдением, записывать ход работы и местонахождение всякой вещи с производством замеров, сохранить в возможной целостности все предметы, сняв с них рисунки»¹.

И действительно, итоговые доклады В.Н. Тевяшова содержат иллюстрации, подробные характеристики найденной керамики и тщательные промеры обнаруженного в погребении черепа, выполненные специалистами Военно-Медицинской Академии (профессором Нормальной Анатомии И.Э. Шавловским и членом – учредителем Антропологического общества при этой академии военным инженером Н.А. Козловым)².

Столь же педантичное отношение к проводимым исследованиям характерно и для М.П. Трунова. Когда при обследовании «каменных» курганов у с. Мечетки Бобровского уезда, представлявших собой развалины какой-то постройки, среди обломков кирпича он обнаружил куски изразцов синего, голубого, зеленого и белого цвета, то обратился за консультацией к специалисту по керамике, бывшему управляющему Императорского фарфорового завода С.П. Петухову, что позволило правильно датировать полученные свидетельства «монгольской эпохой»³.

¹ Тевяшов В.Н. Указ соч. – С. 94.

² Там же. – С. 112 – 114.

³ Трунов М.П. Раскопки в Бобровском уезде // Труды ВУАК. – Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. XLII.

Заслушав на своих заседаниях отчеты М.П. Трунова (27 сентября 1901 г.) и В.Н. Тевяшова (11 марта 1902 г.) о проведенных ими раскопках, ВУАК запросила на 1902 г. на имя этих двух исследователей официальное разрешение на проведение полевых археологических работ в ИАК, которое и было получено.

М.П. Трунов, планируя раскопки на Маяцком городище, тщательно готовился к предстоящим работам. Предварительно им был изучен в Румянцевском музее в Москве архив художника Д.М. Струкова, который за несколько лет до него вел там раскопки. В частности, М.П. Трунов установил, что Струковым изучался участок крепостной стены, где был обнаружен наряду с другими находками и один меловой блок с надписью.

Получив «Открытый лист», М.П. Трунов провел продуктивные раскопочные работы на Маяцком археологическом комплексе: к востоку от городища им были исследованы разрушенные водоотводной канавой погребения в катакомбах, а на площадке городища одна землянка, в которой наряду с фрагментами керамики был обнаружен камень с изображением животного. Им же был раскопан и один курган у ст. Лиски, не содержащий, как сказано в отчете, ничего интересного в археологическом отношении ¹.

В мае того же года пробные раскопки на Маяцком городище организовал и Л.М. Савелов. А непосредственно накануне съезда он раскопал несколько курганов в Коротоякском уезде: один в окрестностях с. Горки, где обнаружил «небольшой камень со следами отделки и с какими-то правильно расположенными зарубками» и два близ слоб. Репьевки, в одном из которых был «небольшой обделанный камень», а в другом – ничего ². В.Н. Тевяшов полевых работ не возобновил.

¹ Отчет о деятельности ВУАК за 2 год ее существования (1 декабря 1901 г. – 1 декабря 1902 г.) // Труды ВУАК. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XXXIII – XXXV; Отчет ИАК за 1902 год. – СПб., 1904. – С. 146.

² Савелов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 1. – С. 162, 166.

В 1903-1904 гг. членами ВУАК раскопки не проводились. Критически оценивая собственный уровень археологической подготовки и не располагая необходимыми для организации раскопок средствами, они стремились привлечь для работ на территории Воронежской губернии столичных археологов. На заседании ВУАК 27 сентября 1902 г. при подведении итогов XII археологического съезда и в ответ на просьбу ИМАО продолжать исследования и собирание материалов к следующему XIII съезду комиссия постановила «просить ИМАО принять на себя руководство раскопками в пределах Воронежской губернии, приняв на себя также и материальные издержки». Соответствующее постановление было направлено в адрес ИМАО 3 декабря 1902 г. («Отношение за № 232») ¹.

Повторно вопрос об организации на территории Воронежской губернии раскопок под руководством столичных археологов был поставлен на заседании ВУАК 18 апреля 1903 г. в ответ на предложение ИМАО организовать в Воронеже при ВУАК Отделение Предварительного комитета к XIII археологическому съезду. Было решено сообщить о готовности ВУАК в полном ее составе содействовать целям будущего съезда и вновь просить о командировании в пределы губернии кого-либо из членов ИМАО для производства раскопок на специальные средства съезда ².

Несмотря на явное стремление ВУАК наладить сотрудничество с ИМАО, бóльшую заинтересованность, нежели ИМАО, в археологическом исследовании Воронежской губернии проявила ИАК. В августе 1903 г. в Твери на II Областном археологическом съезде известный отечественный археолог Александр Андреевич Спицын сообщил делегатам ВУАК, что ИАК предполагает начать систематические раскопки в Воронежской губернии ³ (подробнее о роли этого исследователя в становлении региональной археологии см. главу 3).

¹Труды ВУАК. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XII – XIII.

²Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. XVIII.

³Там же. С. XLV.

Стремясь организовать полевые археологические работы в губернии, члены ВУАК не ограничились направлением в ИМАО прошений. М.П. Трунов разработал по примеру Тверской Ученой Архивной Комиссии «Программу местных археологических курсов», с которой выступил на заседании 2 июня 1904 г.¹

Эта программа предполагала организацию теоретических (в зимнее или весеннее время) и практических (в летнее время) курсов по археологии в Воронежском крае под руководством опытного учителя – археолога от ИАК или другого столичного общества, снабженного средствами. Члены ВУАК могли при этом частично компенсировать расходы, оплатив лекции и лично участвуя в полевых работах. Кроме того, значимость курсов определялась и привлечением учащейся воронежской молодежи, из которой, по мнению М.П. Трунова, вырастет впоследствии, если не армия археологов, то поколение граждан, сознательно относящихся к дорогим памятникам прошлого.

Можно предполагать, что данная программа в первую очередь была сориентирована на сотрудничество с А.А. Спицыным, поскольку именно его работа «Производство археологических раскопок» (СПб., 1895) значится в ней как обязательная для предварительного изучения.

Программа М.П. Трунова была одобрена членами ВУАК, а члену комиссии М.К. Паренаго, едущему на курсы в Тверь, было поручено собрать подробные сведения об условиях организации археологических курсов².

Не предпринимая, как уже было сказано, масштабных археологических раскопок, члены ВУАК ежегодно совершали «археологические экскурсии» (сейчас мы сказали бы «археологические разведки») с целью изучения отдельных территорий в археологическом отношении.

Так, в 1901 г. Е.Л. Марков обследовал бассейны рек Валуха и Тихая Сосна в пределах Валуйского, Бирюченского, частично Острогожского

¹ Трунов М.П. К организации изучения Воронежского края в археологическом отношении // Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. XV – XVIII.

² Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. XIV.

уездов с целью изучения остатков укреплений «Белгородской черты» первой половины XVII века. Он осмотрел и описал древние городища Ольшанска, Ливенска, Верхососенска, Усерда, а также Ольшанский, Иловский, Верхососенский и Красненский земляные валы (по подсчетам В.П. Загоровского, общая протяженность этих участков составляет 96 км ¹), составил карту местности с нанесением древнего Калмиусского шляха, о чем и было доложено комиссии 30 ноября 1901 г. ²

В 1902 г. членом комиссии А.А. Орловым были обследованы дюнные стоянки по берегам р. Оскол в окрестностях с. Шалаева Валуйского уезда. Он представил в ВУАК фрагменты древней керамики, кремневые орудия, костяные изделия. Стоянки «со смазкой» были датированы им в пределах 100 - 50 тыс. лет до н.э. и интерпретированы как близкие обнаруженным Хвойко в Поднепровье ³. Впоследствии эти материалы были положены в основу доклада А.А. Орлова на XIII археологическом съезде.

Объектом же наиболее пристального внимания членов комиссии стали окрестности города Воронежа. Это было обусловлено возобновившейся в среде воронежских краеведов дискуссией о локализации летописного Воронежа XII века. Летом 1902 года член комиссии А.И. Милютин обследовал северные окрестности Воронежа от с. Подклетного до с. Подгорного, где им была зафиксирована цепочка курганов, известная местным жителям под названием «Стрелица» или «Частые курганы» и включающая, по преданию, княжеские захоронения. А.И. Милютиным был собран подъемный материал (керамика, грузила, кремль, шлаки, кость), а у полы одного из курганов заложен пробный раскоп, в котором обнаружены кости животных и фрагменты керамики ⁴.

¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: ЦЧ книжное изд-во, 1969. – С. 31.

² Труды ВУАК. – Вып. 1. – Воронеж, 1902. – С. XLVII.

³ Орлов А.А. Стоянка каменного века на р. Осколе // Труды ВУАК. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. 143 – 146.

⁴ Милютин А.И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда // Труды ВУАК. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XIX – XXII.

Сообщение А.И. Милютин на заседании комиссии 14 октября 1902 г. возбудило общий вопрос об учреждении особой специальной Комиссии по раскопкам в пределах Воронежской губернии из членов ВУАК, уже занимавшихся раскопками единолично. Реализация этого проекта была поручена С.Е. Звереву ¹. Ему потребовалось несколько лет для того, что объединить усилия своих коллег в этом направлении.

Осенью 1904 года С.Е. Зверев и А.И. Милютин продолжили обследование воронежских окрестностей, осмотрев уже более обширную территорию: в пределах 30 – 40 км во все стороны вокруг Воронежа. Особое внимание они уделили курганам на правом берегу р. Воронеж близ Хазарского городища и на Лысой горе, где, по их подсчетам, находилось до 350 курганов. В разных местах обследуемой территории был собран подъемный материал: монеты II века у с. Шилово, золотоордынские монеты XV века у с. Подклетное, кости мамонта у с. Костенки и др.²

Члены ВУАК стремились взять под свой контроль и работу по учету случайных археологических находок с территории Воронежской губернии. К моменту образования ВУАК сведения о находках, в основном, сосредоточивались в Губернском статистическом комитете и Губернском музее, который существовал при этом комитете. Уже при подготовке к XII археологическому съезду ВУАК были предприняты ряд усилий в этом направлении. Находки же 1904 г. способствовали более решительным шагам в этом направлении. 17 февраля 1905 г. в ходе обсуждения вопроса о находках близ с. Мастюгина и х. Гаевки было принято решение о ведении специального журнала археологических находок в пределах Воронежской губернии; было решено также просить Губернатора передавать для рассмотрения в комиссию все поступающие от уездных исправников сведения об археологических находках и сами вещи ³.

¹ Труды ВУАК. - Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XVIII.

² Отчет о деятельности ВУАК за 4 год ее существования (1 декабря 1904 г. – 1 декабря 1904 г.) // Труды ВУАК. – Вып. 4. – С. XXXVI – XXXVIII.

³ Там же. – С. XLVI.

Знакомство со скифскими древностями из с. Мастюгино, поступившими в ИАК, стимулировало и скорейшую командировку в Воронежскую губернию членов ИАК А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко. Итоги их деятельности на территории губернии будут проанализированы в соответствующей главе, здесь же отметим, что А.А. Спицын активно сотрудничал с членами ВУАК. Они принимали участие в полевых работах под его руководством, наиболее интересные из полученных при этом находок стали предметом обсуждения на заседаниях комиссии (к примеру, на одном из заседаний членом комиссии М.К. Паренаго был продемонстрирован реконструированный им серебряный сосуд из разрушенного скифского захоронения у с. Мастюгино ¹). Особенно активно сотрудничал с А.А. Спицыным член ВУАК Александр Иванович Милютин, неизменно участвуя во всех полевых работах под его руководством ². Неслучайно поэтому, что именно на А.И. Милютина А.А. Спицын возложил обязанности по руководству дальнейшими раскопками на Маяцком городище, о результатах которых было доложено на заседании ВУАК 27 сентября 1906 года ³.

Что же касается исследований Н.Е. Макаренко, то хотя они и оказались весьма плодотворными, но имеющиеся в нашем распоряжении источники по деятельности ВУАК не содержат какой-либо информации о сотрудничестве комиссии с этим археологом.

Самостоятельно члены ВУАК в 1906 г. продолжили обследование окрестностей города Воронежа по р. Воронеж, в котором принимали участие уже пять членов ВУАК (С.Е. Зверев, А.И. Милютин, А.И. Мартинович, В.Д. Языков, М.К. Паренаго). Вверх по течению ими была обследована территория от Хазарского городища до с. Чертовицкого, вниз по течению до с. Шилово. Группы курганов у Хазарского городища и за лесным кордоном

¹ Труды ВУАК. – Вып. 4. – С. LXIII – LXV.

² Отчет ИАК за 1906 год. – СПб., 1909. – С. 110; Отчет о деятельности ВУАК за 6 лет ее существования (1 декабря 1905 г. – 1 декабря 1906 г.) // Труды ВУАК. – Вып. 4. – С. LXXXIX.

³ Труды ВУАК. – Вып. 4. – С. LXXXII; Отчет ИАК за 1906 г. – СПб., 1909. – С. 110 – 111.

были сняты и нанесены на план В.Д. Языковым и М.К. Паренаго, у лесного кордона ими же было открыто новое городище ¹.

В 1907 г. членом комиссии В.Д. Языковым по «Открытому листу» от ИАК было продолжено изучение площади Маяцкого городища. В ходе раскопок ему удалось раскопать одно коллективное захоронение и четыре жилища ².

В 1908 г. ВУАК не получила разрешения на самостоятельные раскопки, и на Маяцком городище работы велись под руководством Н.Е. Макаренко. Им же было продолжено изучение Мастюгинских курганов ³.

На 1909 г. ВУАК запросила «Открытый лист» для проведения раскопок на могильнике «Частые курганы» под Воронежем, который уже упоминался выше в связи с предварительным его обследованием А.И. Милютиным. Получив разрешение, осенью того же года С.Е. Зверев и А.И. Мартинович предприняли попытку раскопать один курган, закончившуюся безрезультатно с началом озимого сева ⁴.

Впоследствии раскопки на этом памятнике велись уже с привлечением достаточного количества рабочих и дали выдающиеся материалы скифского времени. В 1910 г. С.Е. Зверевым, А.И. Мартинович, В.Д. Языковым, М.К. Паренаго были раскопаны две наиболее крупные насыпи в южной части могильника ⁵. В 1911 г. теми же членами ВУАК при участии А.Л. Дольского были вскрыты еще три насыпи ⁶. В этом же 1911 г. продолжались и раскопки членов ВУАК «на свой счет». В.Н. Тевяшов исследовал 11 курганов в двух могильниках на правом берегу Дона, у сл. Марки Острогожского уезда. Его отчет «Киммерийская эпоха в Воронежской губернии» прочитал А.И. Мартинович на заседании ВУАК 23 января 1912 г.; к отчету были приложены

¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Вып. 4. – С. LXXX.

² Отчет ИАК за 1907 год. – СПб., 1910. – С. 102 – 103.

³ Отчет ИАК за 1908 год. – СПб., 1912. – С. 163 – 164.

⁴ Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки ВУАК 1910-1915 гг.) // Советская археология. – VIII. – 1946. – С. 10.

⁵ Там же. – С. 10.

⁶ Отчет ВУАК за 1911 г. – Воронеж, 1912. – С. 11, 29-32.

планы обоих могильников, чертежи двух раскопанных курганов, зарисовки и фотографии части материалов ¹. Раскопки проводились колодцами и траншеями. Были обнаружены погребения в скорченном положении и на спине, инвентарь отличался «однообразием и бедностью» (горшки с простым орнаментом и несколько железных предметов). В.Н. Тевяшов отнес найденные погребения к «каменно-бронзовому периоду» и приурочил их к эпохе киммерийцев, живших в бассейне Дона раньше скифов.

«На свой счет» в 1911 г. провела и первые исследования Маргарита Петровна Юргенсон. Маргарита и Надежда Юргенсон были дочерьми полковника; занимались этнографическими исследованиями в Землянском уезде, где находилось родительское имение. Надежда Петровна была художником, ее картины «на этнографические сюжеты» демонстрировались на выставке, посвященной юбилею Кольцова (1910)². В сентябре 1911 г. М.П. Юргенсон организовала раскопки одного кургана в могильнике у с. Нижняя Ведуга Землянского уезда ³. В отчете указано, что он был одним из 20 курганов в могильнике «недалеко от шоссе Курбатово-Землянск, на 16-й версте от ст. Курбатово Киево-Воронежской железной дороги». В ходе раскопок были обнаружены части человеческого скелета в двух местах (как она полагала от одного костяка): верхняя часть в западном углу колодца, с бронзовой серьгой возле левой височной кости и фрагментами сосуда с правой стороны черепа, и нижняя часть, покрытая остатками сгнившего дуба, «к востоку от верхней половины» (план погребения имеется в отчете).

В 1911 году членами ВУАК были проведены и несколько археологических экскурсий. Первая состоялась 1 мая. Члены ВУАК осмотрели провал земли на семилукском кособоре в той же местности, которую С.Е. Зверев обследовал в 1894 г. в связи с находкой клада

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 47. Д. 2. Л. 1-3; В архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1912. – № 21.

² Воронежский телеграф. – 1910. – № 32.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 250. Л. 4 – 6; Качалова Н. К. Курганы у села Нижняя Ведуга // АСГЭ. – Л.-М., 1966. – Вып. 8. – С. 18 – 19.

золотоордынских монет ¹. В XVII в. на этом косогоре осела земля под постройками находившегося там монастыря; в связи с этим монастырь был перенесен на другое место. Весной 1910 г. в этой местности вновь был обнаружен провал земли. На его осмотр выехали два члена ВЦИАК – Т.М. Олейников и М.И. Скрябин. Они обнаружили глубокий подземный ход, расходящийся на две стороны, сняли его план, сфотографировали виды провала и окружающей местности ². Члены ВУАК при осмотре обнаружили еще один коридор, ведущий в комнату, на потолке которой находились «четверокопечные накопченные кресты» ³.

Еще несколько экскурсий члены ВУАК совершили в местность при впадении реки Воронеж в Дон, известную в народе под названием «Чермного Яра». Экскурсии сопровождались опросами крестьян-старожилов, съемкой местности и небольшими по объему раскопками. Это урочище было издавна известно находками самых разных эпох: здесь находили орудия каменного века, фрагменты керамики, стеклянные разноцветные бусинки, наконечники стрел, человеческие кости, остатки железа, крест-энколпион со старинными славянскими надписями (был передан в губернский музей), предметы петровской эпохи (голландский мундштук, монеты). Члены ВУАК во время раскопок обнаружили остатки рыбных костей и рыболовных принадлежностей, медные монеты начала XVIII в. ⁴. По результатам экскурсий С.Е. Зверев издал в 1911 г. брошюру «Археологические экскурсии на Червлёный Яр в 1911 году».

Ходатайство ВУАК о выдаче открытого листа на раскопки «Частых курганов» в 1912 г., высланное в ИАК вместе с отчетом А.И. Мартиновича за 1910-1911 гг., не было удовлетворено. С.Н. Замятнин называет несколько причин: «ряд промахов в ведении раскопок, особенно обративших на себя

¹ Древние пещеры под Семилуками // Воронежский телеграф. – 1911. – № 114; Зверев С.Е. Отчет ВУАК. 1910 – 1 дек. 1911. – Воронеж, 1912. – С. 7 – 10.

² Археологическая поездка // Воронежский телеграф. – 1910. – № 155.

³ Древние пещеры под Семилуками // Воронежский телеграф. – 1911. – № 114.

⁴ Археологические экскурсии // Воронежский телеграф. – 1911. – № 228; Зверев С. Е. Отчет ВУАК. 1910 - 1 дек. 1911. – Воронеж, 1912. – С. 6 – 7.

внимание благодаря исключительному характеру находок» и запоздание с отчетом. Но особенное негодование ИАК, по его словам, вызвало «невыполнение ВУАК обычного порядка представления коллекций в ИАК (не через председателя ИАК, графа Бобринского, а сами, через губернатора Апраксина)»¹. ИАК ответила на ходатайство отношением с разбором недостатков отчета, а открытый лист на раскопки «в пределах Воронежской губернии» выдала Н.Е. Макаренко² (Н.Е. Макаренко провести исследования в Воронежской губернии не смог).

На заседании ВУАК 2 июля 1912 года было постановлено оповестить всех членов комиссии, что желающие могут принять участие в раскопках «Частых курганов» и ассигновать на них «не свыше 300 руб.»³. Объявление о начале раскопок было напечатано в «Воронежском телеграфе»⁴. Руководил раскопками вновь А.И. Мартинович, участвовали А.Л. Дольский и С.Е. Зверев. Раскопали четыре кургана в центральной части группы. По словам С.Н. Замятина, были приняты меры к более тщательному ведению работ. Доклад о раскопках с демонстрацией найденных предметов сделал А.И. Мартинович на заседании ВУАК 1 февраля 1914 г. Есть сведения, что в 1913 г. доклад о раскопках «Частых курганов» был сделан М.К. Паренаго на Международном конгрессе историков в Лондоне.

В 1912 г. сестры Юргенсон продолжили раскопки в окрестностях с. Нижняя Ведуга Землянского уезда⁵. В июне под руководством Маргариты Петровны был вскрыт один курган в могильнике, который располагался «по обе стороны шоссе, ведущего из г. Землянска на станцию Курбатово, на возвышенном ровном поле между реками Землянка и Ведуга» у с. Кондрашевки Рождественской волости. В августе совместными усилиями сестер были раскопаны два кургана в могильнике из 15 курганов «на Мамышевом поле», находившемся на возвышенном участке между селами

¹ Замятин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. – С. 11.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 145. Л. 2 – 4.

³ В архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1912. – № 124.

⁴ Воронежский телеграф. – 1912. – № 183.

⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 250. Л. 1, 8, 30 – 97.

Нижняя Ведуга, Гнилуша и Гончариха ¹. В числе находок были орнаментированные горизонтальными вдавленными полосами и «елочкой» сосуды, черепки, кремневые наконечники стрел, «истлевшая шкура», следы дерева. Сообщение Н.П. Юргенсон «О раскопках в окрестностях с. Киевки Землянского уезда» В.Д. Языков прочитал на заседании ВУАК 31 октября 1912 г. Исследовательница считала, что погребения относятся к последнему периоду каменного века ². В литературе имеется упоминание о том, что курганы у с. Кондрашевка раскапывал и В.Д. Языков. Как нам удалось установить, впервые эта информация появилась в работе О.А. Кривцовой-Граковой; она сослалась на устные сведения, полученные в Воронежском краеведческом музее³. Никаких подтверждений этой информации обнаружить не удалось.

В 1913 г. М.П. Юргенсон продолжила исследования могильника у с. Кондрашевка Землянского уезда ⁴. В отчете она сообщила, что в мае раскопала три кургана, в августе – шесть, еще два кургана раскопали А.И. Мартинович и А.Л. Дольский. Доклад об археологических раскопках в Землянском уезде при с. Нижняя Ведуга прочитал А.И. Мартинович на заседании ВУАК 9 февраля 1914 г.⁵. В архиве ИАК хранится только отчет М.П. Юргенсон о раскопках десяти курганов за 1912-1913 гг.; к отчету приложены чертежи, фотографии, рисунки («всего 44 номера», в том числе и фотографии вещей, найденных А.И. Мартиновичем и А.Л. Дольским). В заключении к отчету М.П. Юргенсон отметила: «Сопоставляя данные, добытые мной при исследовании этих курганов с теми, которые получили Мартинович и Дольский при исследовании двух курганов возле шоссе, в

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 250. Л. 10 – 16.

² Граф Библио. Заседание архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1912. – № 247.

³ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. – М., 1955. – № 46. – С. 84.

⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 250. Л. 30 – 97; РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913 г. Д. 363. Л. 3; Отчет ИАК за 1913 – 1915 годы. – Пг., 1918. – С. 224, 235; Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху поздней бронзы. – М., 1964. – С. 51.

⁵ Зверев С. Е. Отчет... ВУАК. Четырнадцатый год существования (1913 г.-1 декабря 1914 г.). – С. 21 – 22; Граф Библио. В архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1914. – № 35.

которых могильные ямы хотя и были более тщательно устроены, но заключали в себе не только мелкие костяные и бронзовые предметы и форму для отливки топора, но и маленький сосуд из серой глины по форме и орнаменту совершенно схожий с найденным мною в кургане № 3, можно прийти к заключению, что все эти курганы составляют одну группу и принадлежат одному племени бронзового века, довольно культурному, т.к. оно умело изготавливать оружие и разнообразные предметы из бронзы и кости, а также сосуды всевозможных форм, украшая их иногда искусно выполненным орнаментом...»¹. Одно из исследованных А.И. Мартиновичем погребений описано в отчете ВУАК: «Очень интересную находку дал 5-й курган: в нем оказалась глиняная форма (из двух частей) для отливки бронзового топора и кусок (из плотной глины) блюдцевидного сосуда, в котором плавилась бронза, а также кусок кремня, служившего, вероятно, орудием отделки и шлифовки того же топора»². Прорисовка глиняной формы приводится в книге С.Н. Замятина. Он же отметил, что топор из дер. Скакун и топор, найденный вместе с наконечником копья близ Дивногорского монастыря, одинаковые по форме³. Все находки из курганов близ с. Кондрашевки предполагалось возвратить в воронежский музей, но по ошибке несколько сосудов отправили в Эрмитаж.

В июле следующего 1914 года С.Е. Зверев и М.П. Трунов совершили две поездки «с историко-археологической целью». В Задонском уезде они осмотрели церковь в селе Боринские Заводы и «петровскую мельницу» близ бывшего города Белоколодска. В с. Романово Липецкого уезда Тамбовской губернии также осмотрели церковные древности и «царский» колодезь, находившийся под горой, на которой, по преданию, стоял дворец боярина

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 250. Л. 75.

² Зверев С. Е. Отчет...ВУАК. Четырнадцатый год существования (1913 г.-1 декабря 1914 г.). – С. 21 – 22; Граф Библио. В архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1914. – № 35.

³ Замятин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. – Воронеж, 1922. – С. 13. Рис. 4; С. 14.

И.Н. Романова, дяди царя Михаила Федоровича. Местные старики еще помнили кирпичи на горе, где стоял дворец ¹.

В 1915 году С.Е. Зверев и А.Л. Дольский по открытому листу ВУАК раскопали еще четыре «частых» кургана ². В раскопках впервые участвовал Сергей Николаевич Замятнин *, в будущем известный советский археолог (подробнее о его деятельности речь пойдет в следующем разделе работы). Отчет не был доставлен в ИАК. Все материалы раскопок хранились в губернском музее, впервые их опубликовал С.Н. Замятнин ³. По его словам, раскопки 1915 г. были документированы наиболее полно: для всех курганов имелись дневники и полевые планы погребальных камер, фотографии. Это были последние работы членов ВУАК на этом памятнике. В целом, раскопки именно «Частых курганов» составили наиболее яркую страницу полевых археологических исследований ВУАК.

В 1916-1917 гг. С.Н. Замятнин провел несколько археологических экскурсий в окрестностях с. Подгорного Воронежского уезда и близ Павловска. Отчет об экскурсиях в с. Подгорном был прочитан на заседании ВУАК. Поводом к ним послужил слух «о находках около села человеческого скелета и при нем глиняного сосуда». Артефакты разных эпох (вплоть до XIII-XIV вв.), среди которых автор упоминает следы железного шлака, человеческие костяки, фрагменты керамики, различные костяные, медные, бронзовые, серебряные, железные изделия (шило, гвоздик, предметы христианского культа, серьга, рыболовный крючок, наконечники стрел и т.д.), обнаруживались, согласно отчету, главным образом, в оврагах, прорезавших высокий левый берег Подгоренских озер и лежащих к юго-западу от села. Овраги, лежащие к северо-востоку были осмотрены один раз, «на протяжении трех верст», и осмотр дал только небольшое количество

¹ Зверев С. Е. Отчет... ВУАК. Четырнадцатый год существования (1913 г.-1 декабря 1914 г.). – С. 22 – 24.

² Отчет ИАК за 1913 – 1915 годы. – Пг., 1918. – С. 230, 244.

³ Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. – С. 36 – 48.

черепков ¹. В окрестностях г. Павловска, в местности «Перебой», С.Н. Замятниным были обнаружены находки неолитического времени (более подробное исследование местности он провел в 1925 г., в ходе которого была собрана коллекция неолитической керамики и найдена «пара интересных костяных поделок» ²).

Это были последние полевые археологические работы архивной комиссии.

Немаловажное значение для членов архивной комиссии имела и деятельность по сохранению памятников старины. Анализ проделанной работы в этом направлении давался в ежегодных отчетах ВУАК, где отдельный, третий раздел именовался «Наблюдение за сохранением памятников древности». В рамках этой работы предпринимались усилия по составлению археологических карт Воронежской губернии и ее отдельных территорий, а также практические действия по прекращению разрушения археологических объектов.

Так, например, на заседании комиссии 30 ноября 1901 года обсуждался вопрос о необходимости принятия мер «к охранению Дивногорских меловых столбов» в связи со строительством вблизи них Балашовской железной дороги и выработкой извести. Принятие мер по данному вопросу взял на себя губернатор П.А. Слепцов ³, а членом комиссии М.П. Паренаго в течение 1902 г. были сделаны снимки акварелью с «Див» ⁴.

14 октября 1902 г. обсуждались меры по охране уже упоминавшейся стоянки у с. Шалаева Валуйского уезда, в результате чего в уездную земскую управу и к уездному исправнику были направлены соответствующие предложения ⁵.

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 69. Д. 85. Л. 25 об.

² Замятнин С. Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне – июле 1925 г. // Известия Воронежского краеведческого общества. – Воронеж, 1925. – № 2. – С. 20.

³ Труды ВУАК. – Вып. 1. – С. XLVI – XLVII.

⁴ Отчет о деятельности ВУАК за 2 год ее существования (1 декабря 1901 – 1 декабря 1902 г.) // Труды ВУАК. – Вып. 2. – С. XXXVI – XXXVII.

⁵ Труды ВУАК. – Вып. 2. – С. XVIII.

В 1906 г. в ВУАК и ВЦИАК проходило обсуждение «Основных положений об охране древних памятников и зданий». Проект положений был выработан Особой комиссией при МВД по поручению Государственного Совета, обратившего внимание на недостаточность и отрывочный характер постановлений, касающихся памятников старины. Проект предполагал разделение империи на археологические округа во главе с окружными охранными органами (Воронеж, по проекту, входил в Харьковский округ, окружной охранный орган – историко-филологическое общество при Харьковском университете). Все памятники старины, согласно этому документу, делились на две группы: «имеющие первостепенное археологическое, историческое или художественное значение» и остальные. «Поддержание» памятников первой группы «при отсутствии для сего средств у тех учреждений, в ведении коих они состоят», должно было осуществляться за счет государства. Памятник «первостепенного значения» мог быть отчужден у частного владельца за вознаграждение; предусматривалась уголовная ответственность за «перемещение, снесение, разрушение или видоизменение» памятников и др.¹ В ВУАК обсуждению данного документа были посвящены два заседания (26 января и 3 февраля), в результате чего были выработаны поправки и дополнения к проекту, направленные, главным образом, на усиление самостоятельности местных организаций. Было предложено в перечень памятников, подлежащих охране, включить «естественные памятники (произведения природы), замечательные по своей форме, историческим преданиям и значению в местной литературе (Большие и Малые Дивы, Острогужского у.; скалы Донской беседы на правом берегу р. Дона у с. Паниковца Задонского у. и проч.)». Воронежские деятели также посчитали неуместным назначение определенного срока, по истечении которого объект становится памятником (в проекте указывалось, что «памятник становится таковым по истечении 150 лет существования») и

¹ Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. // Труды ВУАК. – Вып. IV. – Воронеж, 1908. – Отдел III. – С. LXXIII - LXXIX.

предложили оставить это на усмотрение местного органа. Было отвергнуто разделение страны на археологические округа, вместо этого предлагалось создать сеть местных учреждений во главе с высшим центральным органом и т.д.¹ Данный проект впоследствии не раз пересматривался, закон об охране памятников старины до революции так и не был принят.

Как уже говорилось выше, мощным стимулом для самой организации в Воронеже Ученой архивной комиссии стала подготовка к XII археологическому съезду. Впоследствии без участия делегатов от ВУАК не обходилось не только ни одного Всероссийского, но также и Областного археологического форума. Рассмотрим более подробно этот аспект деятельности ВУАК.

На протяжении 1901 – первой половины 1902 года практически на каждом заседании комиссии обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к XII Археологическому съезду: направление вопросных листков в уездные учреждения, сбор археологических материалов для выставки, направление депутатов на съезд и т.п. Итоги проведенной работы были подведены на заседании ВУАК 27 сентября 1902 г., где правитель дел комиссии С.Е. Зверев выступил с докладом «Воронеж на XII археологическом съезде»². В нем отмечалось, что, начиная работу по подготовке к этому форуму, члены ВУАК рассчитывали как на материальную, так и на научную помощь со стороны ИМАО. Но ни той, ни другой не последовало. Из профессоров Харьковского университета, по словам С.Е. Зверева, лишь однажды случайно заглянул в Воронеж А.Н. Краснов, а что касается материальных средств, затраченных на воронежскую археологию, то они составили всего 36 рублей (в то время как Харьковский комитет израсходовал 14 тыс. рублей из пособия ИМАО). Сама же ВУАК находилась еще на стадии становления, что также создавало определенные трудности. В силу этих причин, по мнению С.Е. Зверева,

¹ Там же. – С. LXXI – LXXII.

² Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде. – С. 147 – 158.

Воронеж не был представлен на съезде «в надлежащей полноте современных местных историко-археологических данных»¹.

Тем не менее, результаты работы ВУАК, продемонстрированные на съезде в г. Харькове, выглядели весьма солидно. К этому событию ВУАК приурочила первый выпуск своих «Трудов», по содержанию вполне подходящий к его общей проблематике. Интерес у участников съезда вызвали и представленные на выставке археологические находки с территории Воронежской губернии. Большая их часть была привезена из губернского музея и частных коллекций. Отбором материала специально занимались члены ВУАК Л.М. Савелов, В.Н. Тевяшов, В.А. Перелешин и М.П. Трунов².

В отделе первобытных древностей воронежские экспонаты были представлены преимущественно случайными находками: кремневыми и бронзовыми орудиями. Серий, полученных в результате раскопок, было две: находки с Маяцкого городища (по раскопкам М.П. Трунова), керамика из Владимировских курганов (раскопки В.Н. Тевяшова). В витрине были выставлены также чертежи и общие виды Хазарского и Маяцкого городищ, Больших и Малых Див³. Хотя цельного впечатления об археологических памятниках губернии витрина не создавала, но при этом демонстрировала разнообразие археологических культур края. Интерес к ней проявили участвовавшие в съезде известные отечественные археологи В.А. Городцов и В.Б. Антонович. П.С. Уварова обратила внимание на орнамент керамики⁴.

В работе XII съезда приняла участие делегация ВУАК в следующем составе: С.Е. Зверев, В.С. Преображенский, Л.М. Савелов, М.Д. Свербеев, В.Н. Тевяшов, а также в качестве частных лиц члены комиссии В.А. Перелешин и М.П. Трунов⁵.

¹ Там же. – С. 151.

² Там же. – С. 156.

³ Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде. – С. 154.

⁴ Там же. – С. 154.

⁵ Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 3. – С. 249, 256, 258.

Воронежские краеведы представили на съезде, прежде всего, результаты составления археологических карт губернии. Л.М. Савелов, выступая 23 августа в отделении «Древности первобытные» с рефератом «Коротоякский уезд (Воронежской губернии) в археологическом отношении», продемонстрировал снимки уездных достопримечательностей, а также археологическую карту уезда, на которую было нанесено 622 кургана, 12 городищ и 3 майдана¹. За составление этой карты Д.Я. Самоквасов выразил докладчику благодарность. Она была вместе с рефератом опубликована в «Трудах съезда»².

26 августа в том же отделении археологическую карту Воронежской губернии продемонстрировал В.А. Перелешин. Она была выполнена в трехверстном масштабе в основном на материалах Военно-топографического отдела Главного штаба³. Эта карта, хотя и изобиловала археологическими сведениями, не представляла собой законченный труд: она не имела пояснительной записки и обозначения населенных пунктов, автор пользовался собственной системой знаков. Несмотря на ряд недостатков, карта вызвала интерес со стороны участников съезда. По словам С.Е.Зверева, ею интересовались В.Б. Антонович, В.И. Сизов, И.Е. Бранденбург, о ней «особенно и одобрительно» отзывалась П.С. Уварова, которая просила автора к очередному съезду устранить пробелы, замеченные другими археологами⁴.

В данном контексте уместно также отметить, что непосредственно в Харьковский предварительный комитет «три выкопировки с карты Воронежской губернии 10-ти верстного в дюйме масштаба» с обозначением курганов и городищ отправил известный этнограф Борис Станиславович

¹ Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 1. – С. 167.

² Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 3. – С. 352; Савелов Л.М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 1. – С. 157 – 168.

³ Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде. – С. 152.

⁴ Там же. – С. 152.

Познанский, проживавший в Острогожске ¹. Посланные материалы включали карту части Коротоякского уезда с группой курганов на левом берегу р. Потудань недалеко от с. Солдатского; карту северной части Павловского уезда «с обозначением древностей, расположенных вдоль упраздненной почтовой дороги на Саратов между селами Шестаково и Нижний Кисляй»; карту окрестностей Павловска с нанесенными на нее «ясными остатками укреплений времен Петра I» в самом городе и курганами и «остатками каких-то укреплений» при р. Гавриле.

В целом же, опыт составления археологических карт Воронежской губернии, в контексте такой же работы по Харьковской и Черниговской губерниям, а также Кубанской и Донской областям, П.С. Уварова расценила как «начало изучения Половецкой степи» ².

Еще одним активным участником XII Археологического съезда был член ВУАК М.П. Трунов. Приняв участие в обмене мнениями о культурной принадлежности Салтовского могильника, которому был посвящен реферат А.М. Покровского, М.П. Трунов по аналогии с этим памятником поставил вопрос о хазарской принадлежности Маяцкого городища в Острогожском уезде Воронежской губернии ³, что впоследствии и было подтверждено.

По итогам работы Харьковского съезда ВУАК сделала для себя верный вывод о «необходимости систематического исследования губернии в отношении археологическом, так как современные археологические данные, касающиеся занимаемой губернией местности, недостаточны и отрывочны» ⁴.

Кроме того, после сообщения С.Е. Зверева о выступлении воронежской делегации на XII археологическом съезде член ВУАК Г.И. Можаров предложил в дополнение к «Трудам» учредить особое издание под названием «Археологический атлас, издаваемый ВУАК», в котором собрать имеющиеся

¹ Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС. – Харьков, 1902. – Т. 1. – С. 179 – 180.

² Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 3. – С. 395.

³ Там же. – С. 332.

⁴ Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. XLIV-XLV.

в распоряжении Комиссии карты, рисунки, чертежи, планы, снимки с древних мест, предметов, портреты исторических деятелей и т.п.¹. Было признано, что это вполне осуществимый проект, но реализован он, к сожалению, не был.

Воронежская губерния оставалась в зоне активного изучения и XIII Археологического съезда, который был назначен на август 1905 г. в Екатеринославе. По рекомендации предшествующего археологического собрания в Воронеже была сохранена подготовительная комиссия в лице ВУАК на правах отдела Московского Предварительного комитета. 12 сентября 1902 г. руководство ИМАО обратилось к ВУАК с «покорнейшей просьбой продолжать исследование и собирание материалов и убедить лиц, поработавших для Харькова, не оставлять начатой работы»².

На заседания Московского Предварительного комитета, трижды собиравшегося в январе 1903 г., от ВУАК был приглашен С.Е. Зверев, который внес в программу будущего съезда несколько тем, в том числе и тему «Литература по археологии и этнографии Воронежского края»³, которая заняла весомое место в деятельности ВУАК при подготовке к съезду⁴.

Была продолжена и работа по составлению археологической карты губернии. Карта В.А. Перелешина была дополнена новыми данными по Воронежскому уезду, собранными членами ВУАК С.Е. Зверевым, А.И. Милютиным, В.Д. Языковым. Было начато и составление описательного приложения к карте, первоначально по памятникам Воронежского уезда⁵.

¹ Журналы заседаний ВУАК // Труды ВУАК. – Вып. II. – Воронеж, 1904. – Отдел III. – С. XXVII.

² Труды ВУАК. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XII-XIII.

³ Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. – М., 1908. – Т. 3. – С. 122 – 139.

⁴ Чесноков В.И., Чесноков И.В. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах // Русская провинция. – Вып. 2. – Воронеж, 1995. – С. 127 – 128.

⁵ Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. – М., 1908. – Т. 3. – С. 188.

Продолжалось археологическое обследование губернии и посредством опросных листов ¹.

Протоколы заседаний ВУАК свидетельствуют, что в ноябре 1904 г. она по предложению ИМАО командировала на съезд группу из шести человек: С.Е. Зверев, А.И. Милютин, П.В. Никольский, Н.И. Поликарпов, Л.М. Савелов, А.Д. Фаддеев ². Реальный состав делегатов от ВУАК в Екатеринославе был меньшим. Заседания съезда фиксируют лишь Л.М. Савелова и С.Е. Зверева.

Нормальному участию в работе съезда помешали революционные события 1905 года, а также вспышка национализма в среде местной интеллигенции. Время его работы было сокращено до одной недели.

На съезде воронежской археологической тематике был посвящен уже упоминавшийся доклад члена ИМАО и ВУАК А.А. Орлова «Стоянка каменного века на реке Оскол близ села Шалаева Валуйского уезда Воронежской губернии» ³. Указания на отдельные древности Воронежской губернии содержались в выступлениях Л.М. Савелова по докладам В.А. Харламова «Раскопки на берегах реки Калки и в Области Войска Донского» и Е.Н. Мельник-Антонович «Карта курганов-майданов» ⁴.

Советом XIII Археологического съезда было решено следующий форум провести в Чернигове. И хотя Воронежская губерния официально не охватывалась специальными исследованиями предстоящего съезда, ВУАК, получив 15 февраля 1906 г. приглашение ИМАО «поработать для съезда» ⁵, готовилась к нему. В состав Московского Предварительного комитета от ВУАК были выдвинуты С.Е. Зверев, А.И. Милютин и В.Д. Языков ⁶, а из личных средств П.С. Уваровой, выделенных для нужд съезда, часть денег

¹ Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. XXVI.

² Там же. – С. XXVIII.

³ Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. – М., 1908. – Т. 3. – С. 106 – 109.

⁴ Там же. – С. 236, 249.

⁵ Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. LXXIX.

⁶ Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908. – М., 1911. – Т. 3. – С. 20; Труды ВУАК. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. LVII.

получила и ВУАК. С.Е. Зверев участвовал и в февральских заседаниях Предварительного комитета в Москве, и в составе Совета съезда, заседавшего 31 июля 1908 г., где его избрали одним из секретарей отделения «Древности первобытные» вместе с В.А. Городцовым и В.Г. Ляскоронским¹.

В 1906 – 1908 гг. ВУАК состояла в переписке с ИМАО, на заседаниях рассматривались отчеты о ходе археологических исследований в губернии и выполнении подготовительной программы. В выставке съезда комиссия участвовала «своими музейными коллекциями»². В качестве делегатов съезда от ВУАК были заявлены С.Е. Зверев, В.Д. Языков, А.И. Мартинович. Вместо В.Д. Языкова в работе съезда участвовал В.С. Преображенский³.

Воронежские доклады на XIV съезде были посвящены исключительно археологической проблематике. В реферате В.Д. Языкова «О Маяцком городище на Дону», зачитанном С.Е. Зверевым, был поставлен вопрос о культурной принадлежности памятника. Д.Я. Самоквасов, по аналогии с городищами в Осетии, Салтовским могильником и другими памятниками, высказался в пользу хазарского его происхождения. Академик В.В. Радлов, расшифровавший по поручению ИАК надписи на маяцких находках, нашел в них сходство с уйгурскими письменами⁴.

А.И. Мартинович доложил съезду о ходе и результатах раскопок на Хазарском городище. По его сообщению, всего в окрестностях Воронежа членами архивной комиссии было обнаружено пять городищ, но раскопкам подвергли только Чертовицкое и Хазарское. Вскрыто было также 26 могил⁵.

Третьим от воронежской делегации с докладом «Камень Буил на Дону» выступил С.Е. Зверев, который представил вниманию собравшихся любопытный памятник – гранитный утес с площадкой по реке Дон в семи

¹ Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908. – М., 1911. – Т. 3. – С. 10, 26 – 27, 32.

² Там же. – С. 52.

³ Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908. – М., 1911. – Т. 3. – С. 37 – 41.

⁴ Там же. – С. 78 – 79.

⁵ Там же. – С. 113.

верстах от города Павловска, глубоко вдающийся в реку и описанный не раз в путевых записках и статистических изданиях¹. С.Е. Зверев рассуждал о происхождении названия камня, его соотношении с названиями ближайших селений. Ставя вопрос об этом «чуде природы» ледникового происхождения, докладчик руководствовался соображениями исторического свойства: доказать, что «камень Буил» имел в древности языческое культовое использование, и оставить о нем какие-то следы в литературе, поскольку сам утес был продан на гранит некоему подрядчику и усиленно разрабатывался. Фотографические снимки «камня» и его описание, помещенные в «Трудах» съезда, остались последним воспоминанием о «донском чуде», в скором времени уничтоженном.

Городом проведения XV Археологического съезда был избран Новгород. Делегация от ВУАК первоначально была заявлена в следующем составе: С.Е. Зверев, В.Д. Языков, А.И. Мартинович, В.Р. Апухтин. Накануне съезда в нее дополнительно включили М.К. Паренаго, М.Н. Писарева, Т.М. Олейникова, Н.П. и М.П. Юргенсон. Однако на съезде от ВУАК присутствовал только Т.М. Олейников, который был избран в Совет съезда². В силу географической, этнографической и исторической отдаленности Северо-Западного региона воронежская проблематика не была представлена на заседаниях съезда. Сам же съезд, открывшийся 22 июля 1911 г., завершил собой череду Всероссийских археологических форумов, составивших яркое явление научной жизни России второй половины XIX – начала XX вв.

По следам археологических съездов общероссийского уровня пошли областные историко-археологические съезды, у истоков которых стояли уже краеведческие организации, и, прежде всего, губернские ученые архивные комиссии. В их организации и проведении участвовала и ВУАК.

Всего удалось провести четыре таких съезда, состоявшихся с 1901 г. по 1909 г. в Ярославле, Твери, Владимире и Костроме и объединивших научные

¹ Марков Е.Л. Поездка к камню Буилу. – С. 129 – 130.

² Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911. – М., 1914. – Т. 1. – С. 38.

общества и организации главным образом тех губерний, которые находились на территории древней Ростово-Суздальской земли.

В организационном плане областные историко-археологические съезды заимствовали опыт Всероссийских, во многом следуя их программе применительно к региональной истории и археологии. В том числе, в программу съездов включались и вопросы, связанные с изучением первобытных древностей.

Поскольку первый областной съезд состоялся в Ярославле в августе 1901 г., то есть еще до открытия ВУАК, то история сотрудничества нашей губернской комиссии с этими форумами начинается с подготовки ко Второму съезду в Твери.

14 октября 1902 г. на заседании ВУАК была заслушана «Программа Второго областного археологического съезда», проведение которого было намечено на август 1903 г. И хотя его проблематика напрямую не была связана с Воронежской губернией, все же решено было послать депутатов, коими по собственному желанию стали Л.М. Савелов и М.Д. Свербеев¹. Фактически же в работе съезда приняли участие Л.М. Савелов и С.Е. Зверев². Как уже говорилось, именно на нем была достигнута договоренность с А.А. Спицыным о начале раскопок под его руководством в Воронежской губернии.

На протяжении 1904 – 1906 гг. на заседаниях ВУАК пять раз затрагивались вопросы, связанные с проведением Третьего областного историко-археологического съезда во Владимире, в работе которого 20 – 26 июня 1906 г. приняла участие группа депутатов от ВУАК (С.Е. Зверев, А.И. Милютин, Л.М. Савелов, С.Н. Введенский)³. Правда, обсуждаемые ими вопросы касались исключительно церковной проблематики.

¹ Труды ВУАК. – Вып. 2. – С. XVII.

² Отчет о деятельности ВУАК за 3 год ее существования (1 декабря 1902 г. – 1 декабря 1903 г.) // Труды ВУАК. – Вып. 4. – С. XLIX.

³ Труды ВУАК. – Вып. 4. – С. LXXXI.

Не остались члены ВУАК равнодушными и к идее проведения Областного археологического съезда в г. Тамбове по проблемам региональной истории и археологии средней полосы России¹. И хотя в силу объективных и субъективных причин Тамбовская УАК так и не смогла довести до конца дело организации областного научного съезда, тем не менее, предпринимавшиеся попытки свидетельствуют о стремлении краеведов вести научно-исследовательские разработки в тесном контакте со своими коллегами из ближайших губернских центров.

Подводя итог анализу археологической деятельности ВУАК, отметим, что основные цели, которые были поставлены перед этой организацией и озвучены на первом заседании, последовательно реализовывались. Работа в области археологии велась по нескольким направлениям, включавшим и собственно полевые работы, и введение полученного материала в научный оборот, и сотрудничество со столичными и другими провинциальными исследователями. Этот период можно считать весьма результативным в истории тогда еще только формирующейся местной археологии.

Итак, археологическая деятельность всех трех губернских ученых архивных комиссий ЦЧР включала следующие основные направления: проведение экскурсий (разведок) с целью выявления памятников старины; обобщение сведений о них в виде археологических карт; проведение раскопок; открытие (в Воронеже дальнейшая организация работы) музея с археологическим отделом; подготовка и участие в работе Всероссийских и Областных археологических съездов; разработка отдельных проблем местной истории с привлечением данных археологии. Во всех трех губерниях благодаря усилиям местных краеведов при стимулирующем содействии столичных специалистов поступательно развивавшийся процесс институционализации местной археологии привел к формированию краеведческо-археологических сообществ.

¹ Алленова В.А. Из истории организации областных археологических съездов в России начала XX века // Страницы истории и историографии Отечества: Сб. науч. тр. – Воронеж, 1999. – С. 3 – 16.

Глава 3.

Роль столичных ученых в становлении региональной археологии (последняя треть XIX – первые десятилетия XX вв.)

Качественному росту уровня археологического знания в губерниях Центрального Черноземья в последней трети XIX – первых десятилетиях XX вв. способствовала деятельность квалифицированных и авторитетных специалистов из столичных научных сообществ (инициирование разработки актуальной исследовательской тематики, обеспечение должного профессионализма в проведении полевых работ, унификация схемы составления отчетов по полевым исследованиям, культурная атрибуция полученных свидетельств и т.д.).

3.1. Роль Дмитрия Яковлевича Самоквасова в развитии археологии Курской губернии

Первым из авторитетных исследователей древностей в указанное время, чья деятельность была связана, в том числе, и с археологическим изучением Центрального Черноземья, следует назвать Дмитрия Яковлевича Самоквасова (1843 – 1911).

Характеристике самых разных сторон его деятельности посвящено немало публикаций, но лишь в некоторых из них уделено место анализу его вклада в развитие региональной археологии Центрального Черноземья. В-первых, это работы С.П. Щавелева и А.Н. Голотвина, в которых анализируются полевые исследования Д.Я. Самоквасова в Курской губернии¹. Источниковедческую ценность имеет также опубликованная к

¹ Щавелев С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. – Курск: Изд-во Курского гос. мед. университета, 1998. – 282 с.; Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). Автореф. дисс...д.и.н. – Курск: КГМУ, 2002. – С. 25 – 27; Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и изучение древних курганов Курской губернии // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы

настоящему времени переписка Д.Я. Самоквасова с тамбовским краеведом И.И. Дубасовым¹.

Опираясь на уже введенные в научный оборот материалы, охарактеризуем его роль в развитии археологии Курского края. С этой территорией Самоквасова связывали тесные личные и творческие контакты. Его научный дебют и эпилог археологических занятий произошли на Курской земле.

В 1872 году Д.Я. Самоквасов подал прошение Курскому губернатору А.Н. Жедринскому о предоставлении денежного пособия для раскопок в губернии. Ответ был положительным, и начинающий археолог получил 200 руб. из бюджета Курского ГСК. На эти деньги было раскопано в июле 1872 г. 86 курганов у Николаевской Белогорской пустыни на берегу р. Псла и 6 насыпей неподалеку – возле городка Мирополья в Суджанском уезде. Была также произведена шурфовка двух городищ – Большого и Малого Горнальского. Находки Д.Я. Самоквасов атрибутировал как северянские. Часть найденных вещей он передал в Курский ГСК. Оставшиеся у него суджанские находки в составе всей его коллекции древностей с ее полным каталогом были переданы в 1891 году в РИМ (горнальские находки и сегодня украшают экспозицию ГИМа). Научные результаты работ сезона 1872 года Д.Я. Самоквасов опубликовал в одном из изданий ИМАО².

В это же время ученый лично организовал проведение анкетирования для выявления памятников старины сначала у себя на малой родине (в

межрегиональной научной конференции. – Курск: «Мечта», 2005. – С. 104 – 105; Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – С. 66 – 69, 80 – 82, др.

¹ Голотвин А.Н. Из истории выявления объектов археологического наследия на территории Тамбовской губернии // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. – Тамбов: ТГУ, 2010. – С. 126 – 128.

² Самоквасов Д.Я. О раскопках в Курской и Черниговской губерниях летом 1872 г. // Древности. Труды ИМАО. – Т. IV. – Вып. 1. – М., 1874.

Черниговской), а затем в Курской губернии (в 1872 г.). Потом уже в эту акцию были включены 49 губерний и 5 областей Российской империи ¹.

Курский список оказался одним из самых полных и обстоятельных. В ответах здешних волостей были упомянуты 863 кургана и более 100 городищ. Сотрудники статистического комитета обработали полученную информацию и составили сводный «Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии». Вместе с комментариями Д.Я. Самоквасова этот каталог был опубликован в Трудах КГСК ².

В последующие годы Д.Я. Самоквасов несколько раз производил раскопки в Курской губернии. В 1875 г. под его руководством были вскрыты 24 насыпи в Курском уезде у с. Клюквы и д. Александровки, д. Городище; 8 насыпей – в Сумском уезде у с. Сотникова и Софроньевского монастыря; 7 насыпей – в Путивльском уезде у с. Марьяновки; тогда же он обследовал Ратское городище в 20 верстах от Курска в поисках летописного города ³. Материалы этих работ нашли отражение в его итоговых трудах «Могилы русской земли» (1908) и «Северянская земля и северяне по городищам и могилам» (1908).

В августе – сентябре 1891 г. раскопаны 3 кургана у с. Воробьевки Курского уезда ⁴, где обнаружены захоронения «со скорченным остовом» и скудным инвентарем самого начала эпохи металла.

Как указывает в своем исследовании С.П. Щавелев, Д.Я. Самоквасов поддерживал плодотворные отношения сотрудничества с курскими любителями истории Н.И. Златоверховниковым, А.Н. Кобылиным, К.П.

¹ Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872 – 1873 гг. и ее результаты) // СА. – 1992. - № 1. – С. 257 – 258.

² Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. IV. – Курск, 1874. – С. 177 – 214.

³ Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843 - 1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С.П. Щавелева. – Курск: КГМУ, 2007. – С. 484.

⁴ Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. – С. 487.

Сосновским. Историки-любители из Курска были частыми посетителями Московского архива Министерства юстиции. Здесь они приобретали профессиональные навыки в области палеографии и текстологии; заимствовали образцы описей, методику работы с документами. На избрание в почетные члены КУАК Д.Я. Самоквасов откликнулся присылкой своих научных трудов и полным комплектом изданий архива. Его работы активно использовались, на что указывают ссылки в протоколах заседаний КУАК.

Одной из последних, руководимых Д.Я. Самоквасовым археологических экспедиций, была подготовленная курянами в 1909 г. по предварительной договоренности с ним. В январе 1909 г. в Москве состоялась встреча фактически председателя КУАК А.Н. Кобылина и правителя дел КУАК Н.И. Златоверховникова с Д.Я. Самоквасовым. Было решено провести исследование археологических памятников в районе села Гочева Обоянского уезда. О существовании громадного могильника комиссия за несколько лет до этого (в 1905 г.) от местной учительницы. Специальная разведка, проведенная К.П. Сосновским, позволила уточнить характер гочевского комплекса памятников: были выявлены два городища и огромный курганный могильник. Д.Я. Самоквасов получил от ИАК открытый лист. 3 апреля 1909 г. прочитал в помещении КУАК платную публичную лекцию «История культуры населения Русской земли по могильным древностям». Собранные деньги и личные средства пошли на организацию раскопок.

С 18 по 26 августа Д.Я. Самоквасов с группой из Архивной комиссии в составе А.Н. Кобылин, Н.И. Златоверховников, К.П. Сосновский, Ф.П. Амелин, председатель уездного кружка любителей старины П.П. Афанасьев провел раскопки в Гочево. Из числа местных крестьян было нанято до 80 чел. Раскопали до 270 курганов, еще 9 погребений в пределах городищ, заложили 4 траншеи на его территории. Кроме того, провели раскопки на песчаных дюнах соседней деревни Шмырёвой, где были обнаружены более древние урновые погребения.

Так как большинство лиц, прибывших на работы, участвовало в раскопках в первый раз, то члены Курской комиссии просили Д.Я. Самоквасова показать им образцовые приемы работ по вскрытию курганов, а также порядок ведения полевого журнала. Д.Я. Самоквасов, идя навстречу этой просьбе, произвел вскрытие пяти первых пробных курганов с соблюдением всех технических приемов работ, выработанных им многолетней практикой. Изучив по первым курганам особенности некрополя, остальные он велел копать колодцами. За каждым раскопом наблюдали его ученики, попарно они вели дневники фиксации находок, сам Самоквасов переходил от кургана к кургану и руководил работами ¹.

Полученный в ходе работ материал привезли в Курск. Здесь Сосновский и Амелин по указаниям Самоквасова разобрали и очистили вещи, законсервировали самые ветхие, нашли на картоны погребально. Д.Я. Самоквасов сам составил отчет для ИАК и с ее разрешения передал всю гочевскую коллекцию в музей Курска. Дневник раскопок и атлас гочевских древностей образцово издали К.П. Сосновский и его помощники из КУАК.

В завершение анализа деятельности Д.Я. Самоквасова на территории Центрального Черноземья отмечу, что признанием его заслуг в профессиональных археологических кругах стал тот факт, что он единственный из ученых, изучавших древности ЦЧР, стал членом-корреспондентом с 1886 г. (всего же этого звания вплоть до 1917 г. удостоились 18 чел.), а затем сверхштатным членом с 1891 г. (всего же таких к 1917 г. было 13 чел.) Императорской археологической комиссии ².

¹ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных профессором Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. – М., 1915. – С. IV.

² Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. – С. 187 – 195.

3.2. Археологические изыскания Владимира Николаевича Майнова: первая археологическая карта Воронежской губернии

В 70-е годы XIX века в рамках деятельности ИРГО была осуществлена первая попытка создания археологической карты Воронежской губернии. Карта с нанесенными на нее археологическими объектами (городищами, курганами, валами) была опубликована в 1875 году в журнале «Древняя и Новая Россия»¹. Ее появление – это один из результатов исследования, проведенного в 1869 – 1870 годах членом Императорского Русского географического общества (впоследствии секретарь Отделения этнографии ИРГО), писателем и этнографом Владимиром Николаевичем Майновым (1845 - 1888).

Автор не ставил перед собой цель создать археологическую карту губернии, он предпринял попытку «привести в порядок разрозненные факты и восстановить по возможности целую систему укреплений, которая должна была ограждать Россию с юго-востока и юга в пределах Воронежской губернии»². Для реализации поставленной задачи В.Н. Майнов обследовал территорию «от г. Усмани Тамбовской губернии до слободы Уразовой, находящейся в южной части Валуйкского (*имеется в виду Валуйского – Е.З.*) уезда Воронежской губернии»³, общей протяженностью более 1000 верст в направлении с севера на юг⁴. По его словам, при этом не было пропущено «ни одного остатка древних укреплений»⁵. Подробному описанию результатов проделанной работы посвящена отдельная статья, в которой

¹ Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии // Древняя и Новая Россия. – СПб., 1875. – Т. II. – С. 59 - 77, рис. 1.

² Там же. – С. 59.

³ Там же. – С. 59.

⁴ Известия Императорского Русского географического общества. – Т. XI. – Вып. 3. – СПб., 1876. – С. 92.

⁵ Там же. – С. 92.

помещалась и карта ¹; основные выводы доложены на заседании Русского географического общества ².

Поскольку мы в данном случае имеем дело с историческим исследованием, в котором задействованы археологические источники, вначале кратко остановимся на том резонансе, который вызвала статья В.Н. Майнова в среде историков. Важность и степень изученности данной проблемы рельефно обозначены в фундаментальном труде его современника Д.И. Багалея (1887): «Нечего доказывать, какое громадное значение в науке русской истории имеет вопрос о колонизации вообще. Это достаточно выяснено С.М. Соловьевым, К.Н. Бестужевым-Рюминым и [С.В.] Ешевским. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать также и то, что в настоящее время мы еще далеки от решения этого вопроса» ³. В этой работе автор высказывается и по поводу анализируемой нами публикации: «Статья эта представляет значительный интерес; к несчастью, далеко не всегда оказывается возможным определить время построения тех укреплений, о которых мало сообщаются сведения. Наблюдения и соображения г.Майнова только тогда получают особенную ценность, когда будут пояснены историческими данными. Без этого выводы, которые помещены в конце статьи, не имеют еще полной достоверности» ⁴.

Дальнейшее исследование защитных укреплений Белгородской черты связано с деятельностью воронежских историков во второй половине XX века, прежде всего В.И. Кошелева и В.П. Загоровского. В отношении проделанного В.Н. Майновым первый из них писал: «Майнов не обосновал свои утверждения историческими источниками, и не мог обосновать, так как значительная часть его рассуждений представляет фантазию» ⁵. А наиболее

¹ Майнов В.Н. Указ. соч. – С. 59 – 77.

² Известия Императорского Русского географического общества. – Т. XI. – Вып. 3. – СПб., 1876. – С. 91 - 92.

³ Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887. – С. 1.

⁴ Там же. – С. 519, сн. 1.

⁵ Кошелев В.И. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 12. – Вып. 1. – Воронеж, 1950. – С. 137.

авторитетный специалист по этой проблематике В.П. Загоровский в историографическом обзоре даже не посчитал нужным назвать его имени среди дореволюционных исследователей¹; нет упоминания о Майнове В.Н. и в составленной им же Воронежской исторической энциклопедии². Биографические сведения о В.Н. Майнове содержатся в соответствующей статье А.Н. Акиньшина в Воронежской историко-культурной энциклопедии³.

Оставив в стороне собственно исторические построения В.Н. Майнова, мы обратимся к анализу археологической составляющей выполненной им работы. Ее важность обуславливается, прежде всего, тем обстоятельством, что для территории Воронежской губернии мы впервые фиксируем сам факт археологического обследования указанной местности с сугубо научной целью – выявление сооружений защитно-сторожевой линии.

Несколько слов о той ситуации, в которой проводилось данное обследование. В 1860-е годы столичные научные сообщества уже развернули активную работу по вовлечению провинциальной интеллигенции в дело изучения своей родины, поэтому вполне в духе времени выглядит наполненное патриотизмом стремление В.Н. Майнова инициировать такого рода исследования, причем не только в рамках отдельной губернии, но и в масштабах страны. Как зафиксировано в протоколе заседания Русского географического общества, докладчик выразил желание, «чтоб его работа вызвала подобные же объезды в разных местностях России, так как таким путем явится возможность составить полную карту засек в России ...и приступить к составлению истории колонизации южной, юго-восточной и восточной России»⁴.

В.Н. Майнов занялся изучением этого вопроса, вероятно, также в силу личных обстоятельств: наиболее детальному обследованию и

¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – С. 6 - 9.

² Загоровский В.П. Воронежская историческая энциклопедия. – Воронеж, 1992. – 249 с.

³ Акиньшин А.Н. Майнов Владимир Николаевич // Воронежская историко-культурная энциклопедия. – Воронеж, 2009. – С. 318.

⁴ Известия Императорского Русского географического общества. – Т. XI. – Вып. 3. – СПб., 1876. – С. 92.

картографированию подвергнуты археологические памятники в непосредственной близости от его имения, располагавшегося в Воронежском уезде. В целом, протяженность маршрута, как мы сейчас сказали бы, проведенной археологической разведки впечатляет. Более 1000 км было обследовано, вероятнее всего, за два полевых сезона (1869, 1870 гг.). Именно в это время В.Н. Майнов находился в Воронежской губернии по делам службы. Согласно данным его «Формулярного списка о службе» он – чиновник особых поручений Министерства Финансов – в феврале 1869 года был командирован в распоряжение Главного Управляющего Воронежской Казенной палатой ¹, а в конце февраля 1871 г., по сообщению Н.В. Воскресенского, не вступая в должность секретаря Воронежского губернского статистического комитета, возвратился в Санкт-Петербург ².

Вызывает уважение тщательность обследования территории. Проезжая по избранному маршруту, В.Н. Майнов лично осматривал древности и расспрашивал о них местных жителей. В своей работе он неоднократно указывает на то обстоятельство, что «правильных раскопок в этих местах никогда еще не производилось» ³, и потому информация ограничивается рассказами о случайных находках углей, кирпичей, монет, кусков железа, вероятно, ржавого оружия. По его словам, справлялся он и «насчет костей» под курганами, но их «нигде не находили».

Не будем забывать, что в конце 1860-х годов в научных и околону научных кругах отечественных археологов еще только начинал дискутироваться вопрос о методике археологического картографирования, поэтому исследователи на местах руководствовались, в бóльшей степени, собственными установками на этот счет. В нашем случае, вероятно, сыграла свою роль специфика образования, полученного В.Н. Майновым в Александровском лицее. Как известно, в этом учебном заведении

¹ Майнов В.Н. Формулярный список о службе // ГАВО. Ф. 29. Оп. № 134. Д. 3. Л. 24об.

² Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. – Воронеж, 1888. – Т. 1. – С. 584.

³ Майнов В.Н. Указ. соч. – С. 61 и сл.

гуманитарные дисциплины, в том числе и история, занимали значительное место.

В ходе обследования В.Н. Майнов предпринимает попытку не только выявить археологические объекты, используя общепринятые наименования, но и составить их классификацию в соответствии с назначением.

Так, при характеристике курганов он отмечает особенности их расположения, разделяет по величине насыпи, а также указывает на возможные причины разрушения. «Насыпанные в степи, и при том всенепременно или на прикручине берега реки, или на залысине лога, курганы эти, так сказать, командуют местностью на довольно значительное пространство; есть курганы, с которых местность видна в округе верст на 20 и даже более; есть, однако, и такие, которые, вследствие ветров, сносивших с них составлявшую их высохшую глину, а также и вследствие весенних потоков и постоянных распашек, дают возможность обозреть с них местность только лишь верст на 5 кругом»¹.

Все сооружения такого типа, выявленные в ходе личного осмотра местности, В.Н. Майнов связывал со строительством «засечно-сторожевой линии» и считал наблюдательными пунктами, на которых располагались «передовые пикеты», «стояла сторо́жа». Значительное число выявленных курганов позволило исследователю разделить их на две группы в зависимости от величины насыпи. Первая группа, объединяющая наиболее крупные курганы, по его мнению, предназначалась для постоянных или долговременных сторо́ж; вторая, к которой отнесены курганы пониже, «снабжались сторо́жей в том только случае, когда опасность для сторожевой линии наступала явная»² (*к сожалению, на карте все курганы обозначены одинаково; их общее число – 33 – Е.З.*).

К курганам первой группы (постоянные сторо́жи) автор отнес сравнительно небольшое число насыпей (в целом менее двух десятков).

¹ Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии. – С. 59.

² Там же. – С. 59.

Помимо выдающихся размеров, отличительной чертой этих курганов является наличие у каждого прозвища, данного местными жителями, и связанного с ним предания (у Майнова подробно изложены сюжеты, посвященные двум курганам: Кокуеву и Сидоркину ¹). На обследованном участке по направлению от Воронежа к Липецку он перечислил их все в порядке выявления: Гололобовский (близ одноименного хутора в 5 верстах от с. Усмани-Собакиной), Паруснинский (недалеко от с. Парусного, при впадении р. Хавы в р. Усмань), Витневский (у одноименного селения), Поворотный, Сидоркин, два кургана Байгорских, Масоловский или «Крестный», Кокуев (близ с. Княжой-Байгоры), Казацкий (у с. Московского близ дороги Усмань - Козлов) ². На других участках столь пристального внимания этой группе курганов он не уделил. Курганов второй группы (временные сторожки) В.Н. Майновым учтено гораздо больше; только на участке от Воронежа к Липецку их 23 ³; в остальных случаях он воздерживается от указания точных цифр и нанесения соответствующих значков на карту.

Этот подход в оценке курганов уже был подвергнут критике В.И. Кошелевым, который писал: «Ошибочно также Майнов считает курганы признаками защитной черты. Они не являются сооружениями оборонного характера. Курганы принадлежат не к XVI – XVII векам, а древним насельникам Воронежского края. Лишь при удобстве расположения некоторые из них могли быть использованы для сторожевых постов» ⁴. В свою очередь отмечу, что при отсутствии в работе подробного описания каждого из выявленных объектов, точка зрения В.Н. Майнова не может быть подвергнута критике. Вполне вероятно, что к этой категории – «курганы» –

¹ Майнов В.Н. Указ. соч. – С. 60; Он же. Предание о Сидоркином кургане // Русская старина. – Т. V. – СПб., 1872. – С. 962 – 965.

² Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии. – С. 60.

³ Там же. – С. 60 – 61.

⁴ Кошелев В.И. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 12. – Вып. 1. – Воронеж, 1950. – С. 139.

наряду с погребальными комплексами более ранних эпох, отнесены и остатки культовых сооружений, и бытовые памятники.

Но нельзя не согласиться с В.Н. Майновым в том, что «правильно, научно веденная раскопка, по крайней мере, курганов первого рода, могла бы дать интересные результаты». Он же с сожалением констатирует: «Но до сих пор ничего еще ровно не сделано в виду того, что у людей знающих не хватает для раскопок средств (раскопки обойдутся здесь очень дорого, как вследствие дороговизны рабочей силы вообще, так и вследствие непривычки местного населения к землекопным работам), а обеспеченным людям не до курганов, да они и не сумели бы взяться за дело»¹.

Следующей категорией обследованных древностей являются остатки валов. В.Н. Майновым было выявлено и охарактеризовано четыре сохранившихся участка древних валов (см. карту). Наиболее тщательному изучению подвергся первый участок, именуемый Усманским валом. Он был прослежен от г. Демшинска «непрерывно приблизительно верст на 40»; было установлено, что «кое-где имеются прорезы для вылазок», на поворотах «возможно предполагать существование если не башен, то небольших бастионов, или земляных прикрытий для сторожи». «Средняя вышина его по подъему доходит до 2 сажень, а абсолютная высота немного более одной сажени; ширина его у основания простирается до двух сажень, а в вершине – едва доходит до одной сажени; следует думать, что эскарпов на валу никогда не было»².

Еще одна категория древностей – «укрепленные места или городки». Сопоставив обследованные памятники (*всего на карту нанесено 48 городищ – Е.3.*), он выделил среди них два типа: степной и горный. В качестве образца первого приводится описание городища в Демшинске, второго – в Дивогорье³. Для авторской реконструкции сторожевой линии важным было

¹ Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии. – С. 61 – 62.

² Там же. – С. 62 – 63.

³ Там же. – С. 62, 68 - 69.

еще и то обстоятельство, что некоторые из городков помещались «на самом валу и составляли с ним как бы одно целое» (Демшинск, Сторожевая слобода, др.); иные – «вне непрерывной укрепленной линии» (Сторожевое, Орлов, др.). При описании городков В.Н. Майнов часто оперирует понятием «старое городище», в которое вкладывает всегда одинаковый смысл – «место старого противутатарского городища». Из нескольких десятков обследованных городков-городищ наиболее перспективными для дальнейших археологических раскопок исследователю представлялись следующие: Старое Маяцкое городище (Дивогорье), Ольшанская крепость, Алексеевское городище, Усердское городище, городище в Палатове. Проведенные археологами уже в XX веке раскопки на этих памятниках, как известно, дали разновременные материалы, которые не позволяют считать их звеньями в единой цепи сторожевой линии, в то же время историками на основе письменных источников составлен достоверный перечень сторожевых пунктов различного ранга Белгородской засечной черты.

Работа, выполненная В.Н. Майновым, соответствовала ведущим тенденциям в отечественной археологии третьей четверти XIX века, когда необходимость составления археологических карт как важнейшего элемента исследования не только была осознана, но и предпринимались практические шаги по их созданию (к примеру, соответствующие вопросы обсуждались на Всероссийских археологических съездах, начиная с первого). Воронежские исследователи вернулись к вопросу создания археологической карты своей губернии спустя примерно четверть века, но предпринятые усилия не привели к желаемому результату¹. Более того, и в настоящее время отсутствует подробная археологическая карта Воронежской области, так что проблема ее создания по-прежнему актуальна.

¹ Замаева Е.В. Первые археологические карты Воронежской губернии // Новик. – Вып. 11. – Воронеж, 2006. – С. 41 - 49.

3.3. Иван Семенович Поляков и Александр Иванович Кельсиев: открытие палеолита в Костёнках

В конце 1870-х – начале 1880-х годов на территории Воронежской губернии впервые были проведены раскопки палеолитических памятников представителями столичных научных учреждений И.С. Поляковым и А.И. Кельсиевым на должном методическом уровне с последующим оперативным введением информации о них в научный оборот.

Вклад И.С. Полякова в развитие отечественного палеолитоведения в целом, а также его полевые работы в разных уголках России, в том числе и непосредственно в Костенках, уже были предметом анализа целого ряда авторитетных специалистов ¹. Это обстоятельство делает излишним детальное рассмотрение сюжета, связанного с изучением И.С. Поляковым палеолита Костенок, на страницах данной рукописи.

Обобщая уже высказанные суждения по этому поводу, отмечу наиболее важные для темы данного исследования выводы. Открытие палеолита в Костенках – обнаружение здесь стоябища древнего человека – стало крупнейшим событием в дореволюционной русской археологии ². Оно состоялось уже на качественно ином уровне – не случайно, а в результате проверки научной гипотезы о «совстречаемости культурных остатков с ископаемой мегафауной», горячим сторонником которой выступал И.С.

¹ Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2008. – С. 14 – 18; Васильев С.А. Русская дореволюционная археология палеолита // На пользу и развитие русской науки. – Чита, 1999. – С. 5 – 28; Никонова А.А. О пользе общего дела (документы о коллекциях каменных орудий И.С. Полякова) // Невский археолого-историографический сборник. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 153 – 159; Праслов Н.Д. История изучения палеолита Костенковско-Борщевского района и сложение костенковской школы // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. – Л.: «Наука», 1982. – С. 7 – 13; Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. – М.: «Наука», 1983. – С. 47 – 57; Эпштейн Е.М. Исследователь Олонецкого края // Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1991. – С. 5 - 44.

² Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – С. 9.

Поляков¹. Его труды по праву относятся к числу первых отечественных научных монографий по эпохе камня в России. В этих работах достойное место заняли материалы и из Костенок². Сообщение об открытии палеолита в Костенках нашло отражение и в обобщающей работе А.С. Уварова³. На мой взгляд, не противоречат, а лишь дополняют друг друга два высказанных в печати оценочных суждения исследований И.С. Полякова. По мнению С.А. Васильева, в его трудах, как и в работах его именитых современников (А.С. Уварова, К.С. Мережковского), «описание и графическая фиксация носит еще достаточно условный и приблизительный характер, а стиль и содержание ближе к традиционному жанру «ученых путешествий» с частыми экскурсами в область географии, этнографии и т.д.»⁴. Но справедлива и другая оценка, акцентирующая внимание на появлении в «путевых заметках» И.С. Полякова «свежих, неординарных трактовок», позволяющих считать, что «этот ученый стоял у истоков целой серии новых подходов к изучению каменного века»⁵. К сожалению, уже при жизни Иван Семенович Поляков столкнулся с большими проблемами по сохранению полученного материала. Только благодаря его личным усилиям удалось добытые коллекции частично сохранить в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

Спустя два года по поручению комитета той же Антропологической выставки раскопки в Костенках организовал Александр Иванович Кельсиев. Им были атрибутированы новые виды палеолитических орудий: скребки, проколки, пластинки с ретушированным краем (до 330 экземпляров). На

¹ Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Указ. соч. – С. 16.

² Поляков И.С. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию // Записки Императорской Академии наук. – Т. XXXVII. – Приложение I. – С. 9 - 43; Поляков И.С. Каменный век в России // Живописная Россия. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб.-М., 1881. – С. 381 – 402.

³ Уваров А. С. Археология России. Каменный период. – М., 1881. – Ч. 1. – С. 147; Т. 2. – С. 144.

⁴ Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – С. 13.

⁵ Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Указ. соч. – С. 15.

противоположном берегу Дона собраны неолитические кремневые стрелки. Весь материал был передан в Исторический музей ¹. На V Археологическом съезде в Тифлисе (1881) А.И. Кельсиев выступил с докладом по результатам раскопок в Костенках ². Отчет о результатах его работ был также опубликован в «Трудах ИМАО» ³.

Исследования И.С. Полякова и А.И. Кельсиева в Костенках приходится на один из пиков активности в развитии археологии палеолита в дореволюционное время. Материалы Костенок, в совокупности с другими артефактами, стали базой для формирования принципов исследования индустрий, первых реконструкций облика верхнепалеолитических стоянок, дискуссии о соотношении роли охоты и сбора костей мамонта в жизни их обитателей. Но затем исследования в этой области надолго были свёрнуты, что явилось отражением той ведущей тенденции в русской археологии последних десятилетий XIX века, согласно которой вследствие идеологических факторов магистральный путь развития оставлял науку о первобытности в стороне ⁴.

3.4. Александр Андреевич Спицын – «заведующий регионом»

Как уже было сказано в предшествующей главе данной рукописи, с 1886 г. (в эпоху Бобринского) археологические древности Центрального Черноземья включаются в сферу научных интересов ИАК. Это повлекло значительное расширение направлений ее деятельности по их изучению. Одним из таковых стало вменение с 1896 г. в служебные обязанности

¹ Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. – С. 27.

² Труды Пятого Археологического съезда в Тифлисе. 1881. – М., 1887. – С. LXVI – LXVII, LXXXV.

³ Кельсиев А. И. Палеолитические остатки в с. Костенках, Воронежского уезда // Древности: Труды ИМАО. – 1883. – Т. 9. – Вып. 2 – 3. – С. 154 – 180.

⁴ Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. – С. 19 – 20.

штатного члена ИАК Александра Андреевича Спицына «заведования» регионом, в который включено и Центральное Черноземье.

К его миссии относилось ведение археологическими делами и производство собственных полевых исследований, собирание сведений о памятниках древности, принятие мер к сохранению случайных находок, их ученая оценка и издание, рассмотрение вопросов реставрации монументальных памятников, подготовка итоговых отчетов об исследованиях на данной территории для последующей публикации, организация хранения, учета и выставок поступивших в Комиссию древностей, а также их распределение по музеям ¹.

Мне уже доводилось писать и говорить о значительном вкладе А.А. Спицына в становление воронежской археологии ². Здесь же уместно изложить в обобщенном виде результаты деятельности А. А. Спицына по заведованию ЦЧР.

Повседневная кропотливая работа с разного рода документами, поступающими в ИАК из Центрального Черноземья нашла отражение в подготовленных к публикации отчетах и сообщениях о полевых работах местных деятелей и случайных находках (всего около 30), давала материал для пополнения фонда знаменитых «корочек», в котором около 300 карточек отражают информацию по Центральному Черноземью, в большей или меньшей степени археологической проблематике Центрального Черноземья посвящены 12 статей учёного, в том числе и первые обобщающие работы по археологии Воронежской и Тамбовской губерний.

А. А. Спицын совершил несколько поездок в губернии Центрального Черноземья: в 1895 и 1905 гг. побывал в Тамбовской, в том же 1905 и

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 25. Д. 241. Л. 1 - 2; Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. – С. 168 – 169.

² Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в становлении археологии Воронежского края // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 148 – 152; Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в развитии воронежской археологии // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 43 – 47.

следующем 1906 г. в Воронежской губерниях¹. Он был первым профессиональным археологом, проводившим раскопки в этих губерниях, организовав своего рода «мастер-класс», столь необходимый для провинциальных исследователей старины. Причем объектами его изучения были базовые памятники региона: в Тамбовской губернии это древнемордовские Давыдовский и Серповский могильники, а затем и Давыдовское городище этого же времени; в Воронежской – Мاستюгинский могильник раннего железного века, славянские городище и могильник у с. Борщево, по его инициативе были возобновлены и приобрели характер ежегодных исследований вплоть до 1911 г. работы на Маяцком городище салтово-маяцкой культуры.

Пребывание А.А. Спицына и в Тамбове, и в Воронеже стало знаменательным событием для местных исследователей старины: они получили столь необходимые методические указания при проведении полевых работ, были разрешены многие вопросы, связанные с определением древних вещей из коллекций местных музейных собраний. В благодарность Александр Андреевич был избран в члены обеих губернских учёных архивных комиссий.

А. А. Спицын инициировал работы в регионе и других столичных исследователей: Николая Емельяновича Макаренко в Воронежской (1905, 1908, 1909 гг.)² и Тамбовской (изучение Томниковского могильника – 1910г.)³ губерниях, Владимира Ниловича Глазова в Тамбовской (изучение

¹ Моисеев Н. Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. – Тамбов: Тамбовский государственный университет, 1999. – С. 9 – 10; Захарова Е. Ю. Роль А. А. Спицына в становлении археологии Воронежского края // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 150.

² Подробный анализ работ Н.Е. Макаренко в Воронежской губернии см.: Захарова Е.Ю. Становление воронежской археологии: роль Н.Е. Макаренко // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев (5 – 8.10.2010)). – СПб.: «Нестор-История», 2011. – С. 156 – 161.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902 г. Д. 94. Л. 15 – 24; Отчет ИАК за 1909 – 1910 гг. – СПб., 1913. – С. 190.

Кошибеевского могильника – 1902 г.¹), Воронежской (1910 г.)² и Курской (изучение гочевских памятников – 1913, 1915 гг.³) губерниях. Раскопки под их руководством также дали информативные материалы, поскольку были выполнены на высоком профессиональном уровне.

Более подробно остановимся на анализе вклада перечисленных выше археологов в изучение воронежских древностей. Археологические памятники губернии попадают в сферу профессиональных интересов А.А. Спицына в начале 90-х годов XIX века, когда он переехал в Санкт-Петербург из Вятки в связи с назначением на должность члена ИАК. К ее исполнению А.А. Спицын приступил с 1 февраля 1892 г.⁴ К этому времени, как мы уже писали, в Воронеже активизируется археологическая деятельность ВГСК, прежде всего, в лице ее секретаря Л.Б. Вейнберга, отчеты которого о проведенных экскурсиях и раскопках на территории Воронежской губернии и становятся первыми подготовленными к печати работами А.А. Спицына по Воронежской губернии. В частности, в восьмом томе Записок ИРАО А.А. Спицыным была опубликована информация о раскопках Л.Б. Вейнберга близ Задонска⁵.

В это же время А.А. Спицын взял на себя труд подготовить к печати сведения о городищах и курганах, собранные в 1873 г. по инициативе проф. Д.Я. Самоквасова. По мнению А.А. Спицына, вплоть до середины 90-х годов XIX века именно они оставались наиболее полными и систематизированными, а потому необходим был розыск неопубликованных

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902 г. Д. 91. Л. 8 – 10об., 30 – 31.

² Сюжет о пребывании В.Н. Глазова в Воронежской губернии отражен на страницах книги: Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. В поисках древностей забытого урочища. – С. 46 – 60.

³ Глазов В.Н. Отчет о раскопках в Обоянском уезде в 1913 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913 г. Д. 123; Он же. Отчет о раскопках в Обоянском уезде в 1915 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1915 г. Д. 93.

⁴ Дело ИАК об определении г. Коллежского Ассессора А. Спицына Членом Археологической Комиссии. 1891 – 1918 // Архив ИИМК РАН. 1891 г. Ф. 1. Д. 199. Л. 10.

⁵ Раскопки Л.Б. Вейнберга близ гор. Задонска // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 187 – 189.

материалов и их издание ¹. Ко времени подготовки восьмого тома «Записок» ИРАО уже были опубликованы материалы по 16 губерниям; в данном издании увидели свет сводки еще по трем, в том числе и по Воронежской. Следует заметить, что материалы по Воронежской губернии Д.Я. Самоквасов лично не анализировал, а передал для обработки в ИАК, где они и были подготовлены к печати А.А. Спицыным (анализ данной сводки содержится во второй главе настоящей работы).

В этом же издании была опубликована еще одна работа А.А. Спицына по древностям Воронежской губернии, носящая обобщающий характер ². В статье исследователь систематизирует известный ему материал по хронологическому принципу и по категориям памятников.

На территории Воронежской губернии, по мнению А.А. Спицына, представлены памятники нескольких эпох. Самые древние, в том числе уже широко известные находки из окрестностей с. Костенки, относятся к палеолитической и неолитической поре каменного века. При этом ученый предполагал, что в меловых пещерах по правому берегу Дона также впоследствии будут найдены остатки каменного века (пока предположение не подтвердилось). К каменному веку им были отнесены и несколько курганов, в том числе на Тюнином селище, а также близ с. Скорнякова. Правда, в отношении последних предполагалась также датировка медным веком ³. Итак, второй период применительно к древностям Воронежской губернии по А.А. Спицыну – это медный век, которым он датировал еще и материалы Скакунского клада. Что касается свидетельств бронзового века, то А.А. Спицын пишет, что их «не было найдено вовсе, и нет надежды, чтобы

¹ Сведения 1873 года о городищах и курганах: Воронежская губерния // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 237.

² Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губ. // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 132 – 140.

³ Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губ. – С. 132 – 134.

их много было найдено со временем»¹. Иначе ему представлялась перспектива в отношении памятников II – V вв., также неизвестных к моменту публикации. Нет сомнения, пишет Спицын, что «курганы этого времени есть и будут открыты при первых же серьезных раскопках»². Обращает он внимание на несколько интересных находок V – VIII вв., вообще чрезвычайно редких в Средней России (в их числе могильник у с. Колосково, в д. Воробьевка, в Поповом лесу в имении г. Муравьевой, на Дивьих горах около Задонска). Древностей же X – XIII вв., по его мнению, мы здесь пока не знаем. Встречаются, правда, курганы с каменными бабами, но содержание их пока не известно. От XIV в. сохранились монеты, а от более позднего времени – железные кольчуги, захоронения в деревянных гробах и другие свидетельства.

Обобщая сведения о памятниках, А.А. Спицын пишет, что курганов известно уже весьма значительно, из городищ наиболее интересны майданы, довольно многочисленные в крае, а также большие городища особых редких форм (полукруглых и четырехугольных, среди которых «Козарское» под Воронежем). В отдельную категорию им выделены случайные находки³.

Попутно замечу, что из перечисленных категорий древностей самостоятельный интерес для А.А. Спицына представляли майданы, характеристике которых, как известно, он посвятил отдельную работу⁴. Для аргументации своего основного вывода о происхождении майданов от промысла по выварке селитры А.А. Спицын привлекает как письменные источники – сообщения в Воронежских актах, так и археологические данные об обнаруженных и раскопанных майданах в Воронежской губернии. После тщательного анализа источников, выполненного В.А. Городцовым⁵ и А.А. Спицыным действительно «одной загадкой в русских древностях стало меньше».

¹ Обзорение некоторых губерний и областей России ... – С. 134.

² Там же. – С. 135.

³ Там же. – С. 138 – 140.

⁴ Спицын А. Майданы // ЗОРСА. – Т. VIII. – СПб., 1906. – С. 1 – 28.

⁵ Городцов В.А. Майданы // Древности. – Т. XX. – Вып. II. – М., 1904. – С. 29 – 39.

Возвращаясь же к статье А.А. Спицына по Воронежской губернии, отмечу, что это первая обобщающая работа по воронежским древностям и единственная, из опубликованных работ самого ученого, по археологии губернии в целом. Впоследствии он привлекает лишь отдельные воронежские материалы при разработке различных исследовательских проблем.

Однако в рукописном архиве А.А. Спицына в ИИМК РАН сохранилась незаконченная работа, содержание которой свидетельствует о том, что он после посещения Воронежского края в 1905 – 1906 гг. перерабатывал проанализированную выше публикацию с учетом новых сведений от местных краеведов, а также полученных в ходе раскопок в губернии Н.Е. Макаренко, С.Ф. Платоновым и им лично; в документе отражена и проработка А.А. Спицыным коллекций Воронежского Губернского музея (см. приложение № 8) ¹. Анализ привлеченных А.А. Спицыным источников позволяет установить время работы исследователя над рукописью. Оно ограничивается 1906 – 1909 гг. Впоследствии к работе над рукописью А.А. Спицын так и не вернулся.

В отличие от опубликованной статьи, рукопись содержит вводную часть – пространное географическое описание губернии, составленное на основе соответствующей статьи Л.Б. Вейнберга в энциклопедическом словаре ². Наряду с уже охарактеризованными в статье периодами в работе выделены памятники старшего (в виде курганов с окрашенными и скорченными костяками), среднего и младшего медного века ³, курганы средне-сарматской культуры ⁴, древности X – XI вв. ⁵. Ряд памятников и отдельных находок интерпретирован по-иному. В частности, А.А. Спицын отказался от возможности отождествления курганов на Тюнином селище

¹ Спицын А.А. Воронежская губерния // РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 148. 15 л.

² Вейнберг Л. Воронежская губ. // Энциклопедический словарь. Под ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. VII. – СПб., 1892. – С. 205 – 209.

³ Спицын А.А. Воронежская губерния // РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 148. Л. 3 – 6.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 11.

близ Задонска и близ с. Скорнякова Задонского уезда с каменным веком, связав их со старшим медным веком ¹. Эта точка зрения исследователя нашла отражение и в опубликованной им сводке курганов с окрашенными костяками ². К этому же времени им отнесены и находки из кургана близ с. Белый Колодезь Валуйского уезда, ранее описанные в разделе древностей после XIV в. ³. Там же упомянутые находки из кургана близ церкви с. Хвощеватки Землянского уезда теперь отнесены к XIV в. Сам же раздел и вовсе исчез из работы, уступив место разделу «курганы неизвестных культур» ⁴. Большинство из указанных там памятников, по сегодняшним представлениям, относится к эпохе бронзы, но А.А. Спицын по-прежнему считал, что памятников этого времени в губернии нет, а потому они и оказались «разбросанными» по разным эпохам.

Попутно укажу, что лишь в одной из своих последних работ при анализе медных и бронзовых топоров А.А. Спицын отказался от постулата о принадлежности курганов со скорченными костяками исключительно медному веку, отнеся при этом Воронежский курган (речь идет о Кондрашевском II кургане, раскопки ВУАК 1912 г. – Е.З.) с глиняной формочкой для отливки медных топоров к эпохе бронзы ⁵.

Возвращаясь же к анализу рукописи отмечу, что показательным с точки зрения анализа эволюции взглядов исследователя является и иное обозначение отдельных категорий находок: «копья» из Скорняковских курганов теперь именуется «ножами», вместо названий «стрелки с острыми концами» или же «дрот» употребляется «острие».

О кропотливой работе А.А. Спицына при подготовке обобщающей публикации по Воронежским древностям можно судить на основании

¹ Там же. Л. 3 – 4.

² Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. – Т. XI. – Вып. 1 – 2. – СПб., 1899. – С. 74.

³ Спицын А.А. Воронежская губерния // РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 148. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 12 – 13.

⁵ Спицын А.А. Карта распространения медных и бронзовых топоров // Труды секции археологии. Институт археологии и искусствоведения РАНИОН. – IV. – М., 1929. – С. 484.

анализа знаменитых «спицынских корочек». Карточки, отражающие информацию по древностям Воронежской губернии, насчитывают 87 экземпляров¹. Следует отметить, что наряду с собственно «корочками» – выписками о находках, в этом архивном деле содержатся и некоторые письма к А.А. Спицыну из Воронежской губернии: от В.П. Трунова (1901), С.Ф. Платонова (1909), А.И. Кудрявцева (1919), С.Н. Замятина (1922).

Сами же карточки могут быть разделены на две группы: периодизация воронежских древностей (набросок уже проанализированной выше статьи 1896 г.), характеристика памятников губернии или отдельных находок по опубликованным работам (69 карточек) и отчетам (9 карточек). Большая часть информации (63 карточки) относится ко времени, предшествующему публикации А.А. Спицыным обзорной статьи по Воронежской губернии для «Записок РАО» (1896 г.), и проанализирована им в указанной работе.

Из остальных 15-ти карточек одиннадцать отражают информацию, по времени предшествующую его поездке в губернию (до 1905 г.) и три относятся ко второй половине 1920-х годов (связаны с полевой деятельностью в крае С.Н. Замятина). Последняя по времени информация отражает итоги раскопок у с. Шелаево на р. Оскол в 1929 г.

Не представлен в картотеке период 1905 – 1918 гг. (за исключением единственной карточки с информацией о раскопках В.Н. Глазова 1910 г.), хотя именно в это время в губернии наиболее активно развернулись целенаправленные полевые работы как столичных, так и местных исследователей. Начало им, кстати говоря, было положено самим А.А. Спицыным.

С 90-х годов XIX века связь А.А. Спицына с воронежскими исследователями древностей приобрела постоянный характер: он визировал запросы частных лиц и воронежских организаций по поводу выдачи открытых листов, а затем редактировал и готовил к печати присылаемые отчеты. Не случайно поэтому, что именно А.А. Спицын был в числе тех

¹ Спицын А.А. Губернии В – Д: Воронежская // РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 396. Л. 209 – 296.

столичных специалистов, с кем представители Воронежской Ученой Архивной Комиссии вели активные переговоры о начале систематических раскопок на территории Воронежской губернии. Члены ВУАК были полны решимости изучать археологические древности края, но им не хватало ни профессиональных навыков, ни денежных средств.

Как мы уже писали, в июне 1903 г. на Втором областном историко-археологическом съезде в Твери Л.М. Савеловым и С.Е. Зверевым было получено принципиальное согласие А.А. Спицына начать в Воронежской губернии раскопки, о чем они с воодушевлением сообщили по возвращении в Воронеж на заседании комиссии¹.

Скорейшему же приезду А.А. Спицына в Воронежскую губернию способствовали известные находки раннего железного века у с. Мастюгино. Впоследствии он писал: «Некоторые из обывателей с. Мастюгино, насмотревшись «на линии», т.е. на раскопки в Кубанской обл., осенью 1904 г. собрали несколько артелей для раскопки местных курганов. Раскопали четыре значительных и несколько более меньших... Вещи были препровождены в ИАК, что и вызвало мою поездку на место»².

А.А. Спицын не только решил сам выехать на место находок, но также привлечь к работам в Воронежской губернии Н.Е. Макаренко, планировавшего на лето поездку в Харьковскую и Полтавскую губернии. Не случайно поэтому, что на себя А.А. Спицын взял обследование памятников в Коротоякском уезде, а Н.Е. Макаренко поручил работы в Валуйском уезде (на границе с Харьковской губернией).

В архиве ИИМК РАН сохранилась подробная инструкция А.А. Спицына относительно целей первого приезда Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию (см. приложение № 9)³. Показательна дата этой инструкции – 30 апреля 1905 г. Той же датой отмечено официальное

¹ Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. // Труды ВУАК. – Вып. IV. – Отдел III. – Воронеж, 1908. – С. XLV.

² РА ИИМК. Ф. 5. Д. 90. Л. 5.

³ РА ИИМК. Ф. 1. 1905 г. Д 70. Л. 2 – 2 об.

уведомление ИАК, направленное в Воронежскую Ученую Архивную Комиссию и столь долгожданное для нее, о приезде самого А.А. Спицына в губернию (*подготовлено им же – Е.З.*). Таким образом, был спланирован первый приезд профессиональных археологов в губернию. Члены ВУАК, со своей стороны, выразили желание и готовность принять участие «в археологических экскурсиях по Воронежской губернии».

Первый приезд А.А. Спицына в Воронежскую губернию датируется 15 – 29 мая 1905 г. В течение этого времени он провел раскопки в с. Мастюгино (Коротоякский уезд), с. Борщево и с. Голышевка (Воронежский уезд). Результаты проведенных работ были опубликованы в ежегодном отчете ИАК¹.

В с. Мастюгино А.А. Спицын вместе с членами ВУАК доследовал два кургана, сильно попорченных хищническими крестьянскими раскопками и пожарищем. Среди находок — золотая трубочка, медные браслет и наконечники стрел, следы ткани, украшенной золотыми бляшками различных форм и др. По словам исследователя, Мастюгинские курганы «могут быть относимы к III в. до Р.Х.», обнаруженная в них «скифо-сарматская» культура «еще не встречалась до сих пор в Воронежской губернии», а курганы подобного устройства «еще нигде находимы не были»².

При посещении «уже известного прежде городища» близ с. Боршева на Дону А.А. Спицын снял план, собрал подъемный материал, по которому отнес памятник к древним городищам «типа донецких»³. Наверху, за городищем им был обнаружен курганный могильник, в котором насчитывалось около 30 курганов. А.А. Спицын вскрыл восемь курганов; во всех были обнаружены остатки трупосожжения, в двух — на материке деревянные ящики из плах с полом и крышкой. Боршевские курганы, по его

¹ Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 год. – СПб., 1908. – С. 82 – 84.

² Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. // Труды ВУАК. – Вып. IV. – Воронеж, 1908. – Отдел III. – С. LXIII; Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 год. – СПб., 1908. – С. 83.

³ Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии. – С. 83.

мнению, «аналогичны с курганами близ дер. Федяшевой на верховьях р. Оки»¹. По скату горы, примыкающей к городищу, он обнаружил остатки жилищ; раскопал два из них; однако находки не позволили определить время их существования. Зная, что у подошвы Боршевского городища выкапывали кости мамонта, А.А. Спицын заложил пробную траншею и обнаружил их уже на небольшой глубине; при костях находились осколки кремня. Исследователь предположил, что «здесь будут найдены такие же остатки палеолита, как в Костёнках»². Спустя два десятилетия боршевский комплекс памятников, впервые обследованный А.А. Спицыным, стал широко известен как исследователям палеолита, так и славистам благодаря работам экспедиции ГАИМК под руководством П.П. Ефименко (подробнее речь об этом пойдет в следующей главе).

Сам же А.А. Спицын, судя по опубликованной в 1915 г. статье «Русский палеолит», полученные в с. Борщево материалы палеолитической эпохи, как, впрочем, и известные костенковские, впоследствии активно использовал в читаемом им университетском курсе по археологии³.

Близ с. Гольшевки А.А. Спицын осмотрел «позднее большое городище, входящее в систему русских укреплений XVI-XVII вв.»; которое, по словам исследователя, «включает в себя два древние небольшие городка, относящиеся ко времени, близкому к боршевскому»⁴.

Николай Емельянович Макаренко приехал в губернию через несколько дней после отъезда Александра Андреевича Спицына и провел здесь без малого месяц (3 - 27 июня 1905 г.). Он последовательно исполнял полученные от наставника задания: после обследования окрестностей Герасимовки провел там раскопки двух майданов и одного кургана (с 8 по 14 июня), в течение следующей недели осмотрел окрестности Уразова, Соболевского, Швыдунова, Демино, 22 июня выезжал в Колосково, 25 июня

¹ Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии. – С. 83 – 84.

² Там же. – С. 84.

³ Спицын А.А. Русский палеолит // ЗОРСА. – Т. XI. – Петроград, 1915. – С. 159 – 164.

⁴ Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии. – С. 84.

– в Гаёвку, в самих Валуйках осмотрел место находки клада и приобрел медные браслеты, и по исполнении всех поручений 27 июня выехал из Валук в Харьков¹.

За все время пребывания самые масштабные работы были организованы, как и следовало ожидать, в окрестностях Герасимовки. Были обследованы окрестности слободы на расстоянии до 20 км и установлено, что вся территория «наполнена насыпями в изобилии; как возвышенности, так и сравнительно низкие места покрыты курганами и майданами всевозможных форм и величин»². Для раскопок была избрана группа майданов и курганов, расположенная примерно в 3 км к северо-востоку от слободы. В майданах были обнаружены погребения эпохи бронзы и средневековья (частью разрушенные, частью непо потревоженные), что послужило еще одним аргументом в пользу интерпретации майданов в качестве разрушенных курганов (еще раз напомним, что вопрос о природе майданов в это время активно обсуждался в археологической литературе). Раскопанный же Н.Е. Макаренко в этой группе курган содержал единственное захоронение плохой сохранности без инвентаря, так что установить его культурную принадлежность ныне не представляется возможным. Попутно им было осмотрено кремневое месторождение «В Ярку», где собрана серия кремневых изделий: обломок ножа, заготовка долота, клин, тесло (рисунки или фотографии в отчете отсутствуют, дальнейшая судьба коллекции не известна).

Посещение других местностей Валуйского и соседнего Бирюченского уезда было вызвано потребностью в уточнении обстоятельств наиболее ярких находок, поступивших в ИАК. У деревни Колосково было не только осмотрено место клада серебряных и медных вещей, найденных в 1895 г. (из категории т.н. «древностей антов»; оценка в системе аналогичных комплексов на современном уровне развития археологии содержится в

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1905 г. Д 70. Л. 35 – 36.

² Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. – СПб., 1906. – С. 29.

работах О.А. Щегловой и И.О. Гавритухина ¹), но и в указанном местными жителями месте по левому берегу р. Оскола заложено 5 траншей протяженностью около 21 м, при ширине 1,5 – 2 м ². К сожалению, каких-либо результатов они не дали. Кроме того, была обследована местность по левому берегу р. Оскол к северо-западу от села, где на песчаных холмах в изобилии были обнаружены фрагменты древней керамики, датированной исследователем от «периода скорченных костяков» до «русского времени» ³, а в 2-3 км от села на правом высоком берегу Оскола в урочище «Городище» действительно был обнаружен, как писал Н.Е. Макаренко, «обширный по своим размерам (площадь осталась неизмеренной) городок, по-видимому, позднего периода четырехугольной формы с тремя валами и двумя рвами с промежуточными площадками между теми и другими» ⁴.

У хутора Гаёвка дополнительные сведения были получены относительно уже упоминавшейся выше находки серебряных поясных и упряжных бляшек с золотой византийской монетой XI в. Оказалось, что все вещи были найдены при захоронении с конем (кости были зарыты находчиками, а затем отысканы Н.Е. Макаренко). В проложенной Н.Е. Макаренко в непосредственной близости от места находки траншеи был обнаружен еще один костяк в положении лежа на спине, голову на северо-запад с вытянутыми руками и ногами; на его правой руке был медный браслет ⁵. Данный комплекс, впоследствии неоднократно анализировавшийся специалистами, получил неоднозначные оценки с точки зрения этнической

¹ Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сб. науч. тр. – Вып. 1. – Курск, 1990. – С. 162 – 182; Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996. – С. 53 – 57.

² Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. – СПб., 1906. – С. 34 – 35.

³ Там же. – С. 36.

⁴ Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. – С. 36 – 37.

⁵ Там же. – С. 38.

принадлежности ¹, но нельзя не согласиться с восторженным определением его в качестве шедевра международного класса².

Посетил Н.Е. Макаренко и урочище «Попов лес» в имении Муравьевой, где уточнил место и обстоятельства найденных при костяке шлема, кольчуги, пряжек и византийских монет VIII века. Им был осмотрен курган – место находки, а также близлежащий овраг на предмет обнаружения других погребений, но безрезультатно ³.

Последней акцией этой поездки в губернию стала покупка в Валуйках трех медных массивных браслетов из только что обнаруженного клада при строительных работах в городе на левом берегу Оскола. Клад был найден в небольшом глиняном горшочке, но остальные вещи разошлись по рукам рабочих ⁴. Впоследствии эти вещи были переданы в фонды ИРИМ, в то время как остальные его находки поступили в Воронежский Губернский музей ⁵.

В следующем 1906 году А.А. Спицын решил продолжить раскопки у с. Мастюгино. 13 мая он получил открытый лист, и во второй половине августа (с 18 августа по 1 сентября) вновь посетил Воронежскую губернию. В течение недели исследователь находился в с. Мастюгино, затем посетил Дивногорье, на обратном пути заехал в Воронеж и через Москву отправился в Санкт-Петербург. Отчет о проведенных работах опубликован ⁶.

У с. Мастюгино А.А. Спицын окончил исследование разграбленных курганов; у местных крестьян были куплены еще несколько вещей из этих курганов — обломки металлического «кувшина» с изображением человеческого лица, флакон синего стекла, обломки золотых украшений,

¹ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.-Л., 1958. – С. 173, 178; Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. – Л., 1973. – С. 26 – 28.

² Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. – С. 27.

³ Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. – С. 38 – 39.

⁴ Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. – С. 39 – 40.

⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1905. Д. 70. Л. 31, 33.

⁶ Раскопки А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1906 год. – СПб., 1909. – С. 109 – 111.

медные пика и застежка (все находки отправили в Эрмитаж). В раскопках А.А. Спицына принимал участие член ВУАК А.И. Милютин, который составил доклад «Археологические находки и раскопки в окрестностях с. Мастюгина Коротоякского уезда в 1905 и 1906 годах», зачитанный С.Е. Зверевым на заседании ВУАК (А.И. Милютин уже был тяжело болен) после редакторской правки А.А. Спицына ¹. Спустя полвека, в 1957 - 1962 гг. Мастюгинский могильник был полностью исследован экспедицией ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова и стал одним из эталонных памятников скифского времени Среднего Подонья (подробно осветим данные события в пятой главе данного исследования).

Маяцкое городище А.А. Спицын посетил «для определения размеров и удобства исследования находящегося там древнего могильника» ². 30-ым августа 1906 г. датировано его письмо на имя Вас. Вас. Латышева с просьбой «...не отказать выслать открытый лист на раскопки близ Дивногорского монастыря Острогжского у. Воронежской г. Члену ВАК А.И. Милютину (Воронеж, Туликовская ул. г. Турбиной)... Там я осмотрел важный памятник аланской поры, а Милютину поручаю начать раскопки» ³. Эти раскопки действительно были проведены А.И. Милютиним совместно с другими членами ВУАК с 8 сентября по 7 октября, отчет передан в ИАК, отредактирован А.А. Спицыным (судя по архивным материалам, правки носили стилистический характер) и опубликован в Известиях ИАК ⁴.

Сам А.А. Спицын считал, что Маяцкое аланское городище не является укреплением, так как «размеры его ничтожны, посада кругом нет, едва ли возможен колодец, так как городок стоит на сплошной меловой скале, совершенно сухой, и едва ли допустимы меловые стены для крепости, по их

¹ Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. // Труды ВУАК. – Вып. IV. – Воронеж, 1908. – Отдел III. – С. LXXXIX, XCIV.

² Дело ИАК о раскопках Члена Комиссии А.А. Спицына в Воронежской губернии и члена Воронежской архивной комиссии А.И. Милютина // РА ИИМК РАН. 1906 г. Ф. 1. Д. 68. Л. 5.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // Известия ИАК. – Вып. 29. – СПб., 1909. – С. 153 – 163.

непрочности и неудобству для защиты» и, что это скорее «остатки монастырька, современного могильнику, древний погост, обслуживающий своим кладбищем окрестности, может быть на значительное расстояние»¹. Как известно, эта точка зрения не выдержала испытания временем, и в настоящее время Маяцкое городище достоверно отождествляется с хазарской крепостью.

Во время посещения Воронежа А.А. Спицын не остался равнодушным к археологическим коллекциям Губернского музея. Как свидетельствует протокол заседания ВУАК от 19 января 1907 г., на котором обсуждалась составленная А.И. Милютиным «Записка о первобытных древностях Воронежской губернии по находкам, хранящимся в Воронежском музее», данный документ находился в руках А.А. Спицына, который после осмотра коллекции внес в него правки и сделал собственные определения вещей². ВУАК постановила опубликовать этот документ, но, к сожалению, сделано этого не было.

ВУАК высоко оценила археологическую деятельность А.А. Спицына в губернии: 30 ноября 1906 г. он был избран членом этого научного сообщества³. Больше А.А. Спицын сам в Воронежской губернии не был, но по-прежнему инициировал и планировал поездки сюда Н.Е. Макаренко (последний еще дважды побывал в воронежском крае: 23 мая - 11 июня 1908 г. и 1 - 12 июля 1909 г.). Работы 1908 г. Н.Е. Макаренко проводил на тех памятниках, которые уже изучались раскопками или были осмотрены А.А. Спицыным, а наиболее интересующий его объект – Маяцкое городище – стало единственным памятником, исследовавшимся Н.Е. Макаренко в 1909 г.

Подтверждением неусыпного контроля со стороны А.А. Спицына за работами на территории Воронежской губернии может служить тот факт, что на Маяцком городище в эти же годы (с 1906 по 1910 (?)) по открытому листу

¹ Спицын А. Историко-археологические разыскания: I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. – Ч. XIX. – СПб., 1909. – С. 78.

² Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904-1907 гг. – С. СХ.

³ Там же. – С. ХСVI.

ИАК работали и члены ВУАК, которым, однако, в отличие от Н.Е. Макаренко было запрещено после 1906 г. вести раскопки на территории крепости, а дозволялось исследовать лишь прилегающую к ней площадь ¹.

Итак, второй приезд Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию состоялся в 1908 году. Несколько дней он провел в с. Голышевка Коротоякского уезда, где обследовал обширное городище к юго-востоку от села, которое тремя годами раньше посетил А.А. Спицын. Н.Е. Макаренко снял глазомерный план этого городища. В его оценке согласился с мнением А.А. Спицына: «Устройство части городища едва ли не относится ко временам колонизации московской Русью Слободской Украины и смежных земель» ². Впоследствии этот памятник не остался без внимания воронежских археологов. В 1949 – 1953 гг. именно Архангельское (Голышевское) городище становится основным объектом археологических исследований экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством А.Н. Москаленко (всего на памятнике вскрыто около 1300 кв.м). Памятник оказался многослойным, содержащим материалы эпохи бронзы, раннего железного века, боршевского времени, а также остатки русского стоялого острога, возведенного в 1653 г. (подробнее об этих событиях речь пойдет в шестой главе данного исследования).

В курганной группе у с. Мастюгино Коротоякского уезда под руководством Н.Е. Макаренко было раскопано еще 5 курганов, давших богатые вещевые комплексы и интересные погребальные сооружения скифского времени ³. Впоследствии материалы раскопок Н.Е. Макаренко были переизданы А.П. Манцевич ⁴, сам же могильник полностью раскопан Воронежским отрядом Лесостепной (Скифской) экспедиции ИА АН СССР

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1907 г. Д. 56. Л. 5.

² Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907 – 1909 годов // Известия ИАК. – Вып. 43. – СПб., 1911. – С. 76, 78.

³ Там же. – С. 47 – 74.

⁴ Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собраний Государственного Эрмитажа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 15. – Л., 1973. – С. 12 – 46.

под руководством П.Д. Либерова в 1957 – 1962 гг., материалы в полном объеме опубликованы ¹. Они занимают приоритетное место при характеристике среднедонских древностей скифского времени.

Как уже говорилось выше, А.А. Спицын особое внимание уделял работам на Маяцком городище и не случайно поэтому, что именно на этом памятнике сосредоточил свое основное внимание и Н.Е. Макаренко, организовавший там раскопки и в 1908, и в 1909 гг.

В течение первого полевого сезона был снят план городища и дано его подробное описание; раскопана юго-восточная стена в средней ее части (ошибочно названа в отчете ю.-з.), частично раскопано «внутреннее четырехугольное пространство, окруженное небольшим валиком» (цитадель), исследована внешняя часть восточного угла крепости ².

Во второй сезон раскопками была изучена часть стены у ворот, внутренняя и внешняя часть стены у южного угла, заложена траншея на площади городища для определения состава и толщины культурного слоя, раскопаны две впадины на площади городища и десять впадин, расположенных за пределами крепости на поле, примыкающем к городищу с восточной стороны ³. На всем протяжении полевых работ собирались и учитывались находки камней с рисунками, надписями и отдельными знаками, которых в общей сложности, судя по отчету, было обнаружено тридцать один ⁴. Материалы, полученные в ходе работ Н.Е. Макаренко, будучи документированными на должном для начала XX века уровне, в течение более чем полувека определяли представления ученых о салтово-маяцкой культуре на Среднем Дону.

Перед отъездом из Воронежской губернии Н.Е. Макаренко посетил Нижнедевицкий уезд, где в окрестностях с. Подвислое осмотрел торфяник - место находки серии каменных орудий и костей различных древних

¹ Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). – М., 2001. – С. 47 – 123.

² Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907 – 1909 годов. – С. 7 – 9, 12 – 20.

³ Там же. – С. 20 – 42.

⁴ Там же. – Рис. 7, 12, 14, 16, 17, 19 – 22, 27 – 38, 42.

животных, в том числе мамонта. Сам он обнаружил там же фрагменты лепной керамики¹.

В том же 1909 году Воронежскую губернию посетил и один из близких друзей и коллег А.А. Спицына известный отечественный историк Сергей Федорович Платонов (1860 – 1933). Многогранная деятельность С.Ф. Платонова уже неоднократно являлась предметом научных изысканий. Не обойдён вниманием историков, археологов, краеведов и сюжет, связанный с его пребыванием в Воронежской губернии².

Актуальность же обращения к нему вновь обусловлена тем, что в работах моих предшественников содержатся различные, подчас диаметрально противоположные, оценки археологической составляющей в научной деятельности С.Ф. Платонова. Для аргументации своей точки зрения авторы используют, в том числе, и некоторые из источников, отражающих события конца июня – августа 1909 года, когда С.Ф. Платонов находился в уездном городе Валуйки Воронежской губернии. Все вышесказанное, на мой взгляд, и определило потребность более детального рассмотрения «воронежского» эпизода в жизни С.Ф. Платонова. Результаты моего исследования уже нашли отражение в публикации³. В данной рукописи рассмотрим этот сюжет с позиций становления региональной археологии.

Документирован он достаточно полно. К периоду пребывания семьи Платоновых в Валуйках относятся семь писем из опубликованного

¹ Макаренко Н.Е. Указ. соч. – С. 78 – 79.

² Акиншин А.Н. С.Ф. Платонов и воронежцы // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. – СПб., 2011. – С. 486 – 489; Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова // Российская археология. – 2011. – № 1. – С. 166, 167, 168; Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. – СПб., 2011. – С. 351; Щербаченко В.И. Валуйский биографический словарь. – Белгород, 2002. – С. 16 – 18, 112; Митрофанов В.В. Археологические раскопки в Валуйках в 1909 г. // Клио. Журнал для ученых. – 2015. – № 6 (102). – С. 113 – 121.

³ Захарова Е.Ю. К вопросу об археологических занятиях Сергея Федоровича Платонова (раскопки 1909 г. в Валуйках) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 1 (172). – Вып. 29. – С. 136 – 141.

эпистолярного наследия С.Ф. Платонова (№№ 257 - 263)¹, еще два письма этого же времени фигурировали в специальной статье без введения в научный оборот их полного текста², одно письмо было впервые опубликовано в указанной выше моей статье (см. приложение № 10). Кроме того, участие С.Ф. Платонова в губернских и уездных мероприятиях июня – августа 1909 г. отражено в газетных и журнальных публикациях³, отчетной документации⁴, дневниковых записях и письмах его жены⁵, кратком отчете самого С.Ф. Платонова⁶, опубликованной и рукописной заметках А.А. Спицына⁷.

Период пребывания С.Ф. Платонова в Воронежской губернии известен из писем его самого и жены и ограничивается временем с 20-х чисел июня по середину августа, т.е. Сергей Федорович провел с семьей в Воронежской губернии чуть меньше двух месяцев. Посещение воронежского края было предпринято, по его собственным словам, «...нарочно для того, чтобы отдохнуть в совершенном удалении от служебных дел...»⁸.

О причинах, побудивших С.Ф. Платонова принять решение провести летние месяцы на юге Воронежской губернии, высказался А.Н. Акиншин, предположивший, что он приехал по приглашению И.А. Блинова (в то время возглавлявшего Сенатский архив в Петербурге, владельца имения в

¹ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. – Т. 1. – М., 2003. – С. 125 – 130.

² Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын. – С. 351.

³ Празднование 200-летнего юбилея Полтавской победы // Воронежский телеграф. – 1909. – 28 июня. – № 143; Н. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. – 1909. – 19 августа. – № 183; Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к Вып. 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). – СПб., 1910. – С. 84 – 85.

⁴ Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 год. – Воронеж, 1910. – С. 5.

⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5749. Л. 17; опубл.: Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова. С. 166.

⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1351. Л. 1; опубл.: Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова. С. 168.

⁷ А.С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. – Вып. 35. – СПб., 1910. – С. 131; А.А. Спицын. По поводу кургана, раскопанного в г. Валуйках // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6724. Л. 3 – 5; опубл.: Митрофанов В.В. Археологические раскопки в Валуйках в 1909 г. С. 120.

⁸ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. – Т. 1. – С. 126.

Валуйском уезде) и остановился в доме у его брата С.А. Блинова. Последний инициировал выступление С.Ф. Платонова с публичными лекциями в рамках отмечавшейся в губернии 200-летней годовщины Полтавской битвы (26 июня – в здании Валуйского женского училища; 29 июня – в Зимнем театре в Воронеже) и во время работы уездных учительских курсов в Валуйках (в первой половине августа)¹. Из писем жены Платоновой, опубликованных В.В. Митрофановым позднее, следует, что семья остановилась на даче купца Синельникова², и тем самым данное обстоятельство проясняется, предположения снимаются.

Для учителей начальных народных училищ и всех интересующихся были организованы и раскопки одного из курганов, находящегося поблизости.

Нет никаких оснований утверждать, что С.Ф. Платонов прибыл из Петербурга в Валуйки во главе целой археологической экспедиции специально для проведения раскопок³. Напротив, программа участия С.Ф. Платонова в уездном съезде учителей, особенно в части организации полевых археологических работ, надо полагать, согласовывалась с ним уже непосредственно в Валуйках, подтверждением чему могут служить его реплики из писем. Так, в письме к В.Г. Дружинину от 4 июля он пишет: «...Я плохо собрался на лето и не имею «обстановки» для каких-либо работ здесь...»⁴. Ситуация еще более проясняется с учетом просьбы к А.А. Спицыну о необходимости присылки печатных руководств по археологическим раскопкам, высказанной немногим позже⁵. Надо полагать, не имея возможности отказать гостеприимным хозяевам, С.Ф. Платонов и дал свое согласие на организацию раскопок. Его отношение к ним очень рельефно иллюстрируется отрывком из письма к В.Г. Дружинину от 6 августа: «...Представь себе: я, пожалуй, здесь произведу раскопку заведомо

¹ Акиншин А.Н. С.Ф. Платонов и воронежцы. – С. 488 – 489.

² Митрофанов В.В. Археологические раскопки в Валуйках в 1909 г. – С. 121.

³ Щербаченко В.И. Валуйский биографический словарь. – С. 16 – 18, 112.

⁴ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. – С. 126.

⁵ Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын. – С. 351.

плохого курганчика – для демонстрации сего дела, а равно существующих здесь «майданов», членам учительского съезда, существующего с 1 августа в Валуйках...»¹.

Вскоре после отправки этого письма и был раскопан один курган «на выгоне города Валук» «недалеко от вокзала» («майданы» не копали – Е.З.)². Хроника проведенных работ нашла отражение в публикации газеты «Воронежский телеграф»³ (затем она была перепечатана «Известиями Императорской Археологической Комиссии»⁴) и дневниковых записях жены Платонова Надежды Николаевны⁵, а научные результаты – в рукописном отчете С.Ф. Платонова⁶ и на его основе – в публикации А.А. Спицына⁷. Как я уже указала выше, еще одна работа А.А. Спицына по поводу Валуйского кургана (в рукописном варианте) обнаружена В.В. Митрофановым и опубликована. Большая часть текста посвящена характеристике древнего медного века на территории южной России, по терминологии автора, информация же о результатах раскопок не противоречит известной по другим источникам⁸.

Раскопки носили показательный характер, а потому были организованы соответствующим образом. «13 августа профессор Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платонов закончил чтение лекций по русской истории, читавшихся им в здании женского приходского училища. За несколько дней до этого под его же руководством начата была раскопка кургана за городом, около станции железной дороги, и на 14 августа к месту раскопки были приглашены учащиеся начальных народных училищ,

¹ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. – С. 130.

² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5749. Л. 17; А.С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. – Вып. 35. – СПб., 1910. – С. 131.

³ Н. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. – 1909. – 19 августа. – № 183.

⁴ Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к Вып. 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). – С. 84 – 85.

⁵ Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова. – С. 166.

⁶ Там же. – С. 168.

⁷ А.С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. – Вып. 35. – СПб., 1910. – С. 131.

⁸ Митрофанов В.В. Археологические раскопки в Валуйках в 1909 г. – С. 120.

прибывшие в город Валуйки на курсы, устроенные уездным земством. Раскопка была прекращена тогда, когда докопались до скелета. Прибывшим к месту раскопки учащимся профессор прочитал краткую лекцию сначала о способе разрытия курганов, а затем о времени погребения отрытого скелета, характера погребения, к какому племени относился погребенный и проч. По словам профессора, погребение это относится ко времени около 3000 лет назад. После лекции профессору на прощанье был поднесен букет из живых цветов. Перед началом лекции приглашенным фотографом было сделано несколько снимков с места раскопки и со скелета»¹.

В процессе раскопок под курганом было обнаружено два погребения. Одно из них, лучшей сохранности, было совершено в неглубокой яме. Скелет лежал на правом боку, головой на юго-восток. Костяк был посыпан слоем охры, вокруг него «проходила рамка из кусочков кремня и известняка, шириною до 1 вершка». Это захоронение относилось, по терминологии того времени, к «погребениям с окрашенными костяками» (в современном понимании археологических реалий, учитывая особенности погребального обряда, вероятно, к кругу древнеямных древностей эпохи ранней бронзы – Е.З.); от другого сохранились только фрагменты конечностей скелета. Из сопровождающего инвентаря найдены лишь «два отдельных черепка от двух сосудов»². Как сообщал «Воронежский телеграф», «полуразрушенный череп скелета профессор взял с собой, а остальное опять закопали»³.

На другой день после окончания работ семья Платоновых покинула Валуйки. В данной связи представляется необходимым уточнить следующее утверждение И.Л. Тихонова: «После окончания этих раскопок Спицын писал Платонову: «Спасибо за сведения о Майдане. Они удовлетворительны, но мы, археологи, ведь не сытая утроба – кое-что хорошо бы знать еще»; далее следовал целый ряд вопросов относительно устройства насыпи и

¹ Н. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. – 1909. – 19 августа. – № 183; Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к Вып. 34 (Хроника и библиография. Вып. 17). – СПб., 1910. – С. 84 – 85.

² А.С. Раскопка кургана в г. Валуйках. – С. 131.

³ Н. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. – 1909. – 19 августа. – № 183.

конструкции валов»¹. Это письмо, датированное июлем 1909 года, предшествовало раскопкам. К тому же, как явствует из приведенных выше источников, исследован был курган, а не майдан. Учитывая интерес А.А. Спицына к майданам как самостоятельной категории древностей, характеристике которых он посвятил вышедшую тремя годами ранее отдельную работу², раскопанный объект никак не мог быть им назван «майданом».

Ситуацию проясняет обнаруженное мною в рукописном архиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук письмо С.Ф. Платонова А.А. Спицыну, датированное 4 июля 1909 г. Важность этого документа определяется еще и тем обстоятельством, что большинство писем, адресованных А.А. Спицыну, погибло во время пожара в его квартире³. В приложении № 10 приводим его текст полностью.

Очевидно, что в ответном письме А.А. Спицын и просит подробнее охарактеризовать обнаруженный Платоновыми майдан. Были ли в итоге получены Спицыным дополнительные сведения на этот счет, пока установить не удалось.

Современные исследователи научной деятельности С.Ф. Платонова неоднозначно оценивают место в ней археологических изысканий. Излишне патетически звучат, на мой взгляд, суждения в этой связи В.В. Митрофанова, который полагает, что «интерес к археологии С.Ф. Платонов пронес через всю свою творческую жизнь»; «при любой возможности, особенно во время своих летних отпусков, любил заняться раскопками курганов»; «приведенные факты (в указанной заметке – Е.З.) позволяют его считать не только археологом-любителем, но и археологом-профессионалом»⁴.

Гораздо более взвешенной мне представляется точка зрения И.Л. Тихонова, считающего, что «С.Ф. Платонов непосредственно археологией не

¹ Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын. – С. 351.

² Спицын А. Майданы // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. – Т. VIII. – СПб., 1906. – С. 1 – 28.

³ Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын. – С. 349.

⁴ Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова. – С. 166, 167, 168.

занимался, за исключением нескольких эпизодов ... Небольшими эпизодами и экскурсиями на показательные раскопки во время археологических съездов и ограничивался опыт С.Ф. Платонова по части полевой археологии. Однако следует иметь в виду, что в то время археология понималась значительно шире, чем сейчас: как комплекс вспомогательных исторических дисциплин, исследующих разнохарактерные источники, и не только вещественные»¹. При таком подходе, конечно, вполне оправданным выглядит привлечение именитого историка к сотрудничеству в разного рода сообществах археологической направленности, в том числе и его многолетнее пребывание на посту руководителя славяно-русского отделения Русского Археологического Общества. В этом же ключе следует рассматривать и взаимодействие С.Ф. Платонова с провинциальными исследователями древностей.

Возвращаясь к событиям 1909 года, отмечу, что почти двухмесячное пребывание Сергея Федоровича Платонова в Воронежской губернии осталось единственным его посещением этого края, однако достаточно интенсивные научные контакты с воронежскими историками и краеведами продолжались вплоть до трагических событий последних лет его жизни².

Появление в губернии в следующем 1910 году Владимира Ниловича Глазова – еще одного представителя петербургской археологической школы, хотя и не было напрямую инициировано А.А. Спицыным, однако стало следствием знакомства В.Н. Глазова с уже неоднократно упоминавшейся статьей А.А. Спицына (1896) о воронежских древностях. В этой публикации В.Н. Глазова привлекла информация о «могильнике VIII в. ... на вершине так

¹ Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын. – С. 351.

² Подробнее по этому вопросу см.: Акиншин А.Н. С.Ф. Платонов и воронежцы. – С. 484 – 492; Митрофанов В.В. Сотрудничество С.Ф. Платонова с историками Воронежского края // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». – Вып. 4. – 2010. – С. 33 – 42.

называемых Дивьих гор»¹. Но поскольку А.А. Спицын локализовал эти горы «на самом северном конце губернии, около Задонска», очевидно, перепутав с упоминавшимся Л.Б. Вейнбергом «Галичьими горами», то В.Н. Глазов и запросил в апреле 1910 года у ИАК разрешение на проведение «в течение лета на свои средства археологических изысканий и раскопок в районе Задонского Воронежской губернии уезда по исследованию сармато-аланских древностей»². ИАК поддержала его инициативу и выдала открытый лист. Датированные 1909 годом работы А.А. Спицына, отражающие результаты его собственных исследований на Дивьих горах³, как, впрочем, и то обстоятельство, что по поручению А.А. Спицына с 1906 г. там проводятся ежегодные раскопки, не были известны В.Н. Глазову.

О самом исследователе долгое время имелась лишь отрывочная информация, что побудило нескольких исследователей заняться поиском биографических данных о нем. Собранная информация уже опубликована⁴, и из нее следует, что археология Черноземья не входила в сферу интересов В.Н. Глазова, раскопки в Тюнино были одним из немногих эпизодов в его полевой практике. В науке Владимир Нилович Глазов известен, прежде всего, как исследователь средневековых курганных древностей на территории Северо-Запада Руси.

Учитывая то обстоятельство, что раскопки в Тюнино были проведены лишь потому, чтобы, как писал сам В.Н. Глазов, «такая дальняя поездка не

¹ Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губ. – С. 136.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 1.

³ Раскопки А.А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1906 год. – СПб., 1909. – С. 109 – 111; Спицын А. Историко-археологические разыскания: I. Исконные обитатели Дона и Донца. – С. 77 – 79.

⁴ Платонова Н.И. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1-я треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. – СПб., 2004. – С. 44; Щавелев С.П. Историки Курского края: Биографический словарь. – Курск, 2009. – С. 87; Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. В поисках древностей забытого урочища: находки и легенды окрестностей Задонска. - Тула, 2012. - С. 46 – 60; Медведева М.В., Соболев В.Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. – Вып. 20. – СПб., 2014. – С. 395 – 426.

пропала даром»¹, т.е. явились своего рода вынужденным мероприятием, они никак не увязываются с современными им археологическими событиями в регионе.

Данные о проведенных раскопках составили содержание отчета В.Н. Глазова в адрес ИАК от 10 июля 1910 г.², сопровождавшегося рисунками вскрытых курганов и находок из них (см. приложения №№ 11, 12). Вместе с этим документом он препроводил в адрес ИАК коллекцию найденных вещей, которую просил передать на хранение в ИРАО, что и было исполнено. Сегодня она хранится в Государственном Эрмитаже. Результаты работы с ней отражены в нескольких наших публикациях³.

Вполне понятно, что, поскольку полученные материалы были за пределами исследовательских интересов В.Н. Глазова, больше к их анализу он не возвращался. Первая публикация информации о результатах этих работ была осуществлена спустя четверть века А.А. Иессеном в уже упоминавшейся статье, посвященной анализу тюнинских древностей в целом⁴.

Подводя итоги проведенных им работ, прежде всего, отметим, что сам исследователь оказался неудовлетворенным их результатами. Он писал, что «потратив много времени над раскопкой двух наиболее массивных курганов, оказавшихся пустыми, я не нашел нужным продолжать раскопки этой группы, не представляющей особого интереса, а только подтверждающих отчасти исследования Вейнберга... Я ... прекратил работу с грустным сознанием, что и эта поездка моя оказалась почти безрезультатная за отсутствием в Задонском уезде Дивьих гор и предполагавшегося там интересного могильника. Из всего этого только лишний раз можно

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 4, 4об.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 4 – 12 об.

³ Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. История одной коллекции (материалы раскопок В.Н. Глазова в Воронежской губернии) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. – СПб. – Красноярск, 2012. – С. 83 – 92.

⁴ Иессен А.А. Раскопки В.Н. Глазова у села Тюнино в 1910 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 6. – С. 96 – 98.

убедиться, насколько убоги и ненадежны наши статистические сведения о памятниках древности и насколько развито на Руси кладоискательство, сводящее часто на нет все труды археолога! Пользуясь случаем, еще раз убедительнейшее прошу Императорскую Археологическую Комиссию и О-во в прямых интересах науки и дела археологии – возбудить энергичное ходатайство перед правительством о скорейшем издании строгого специального закона, преследующего кладоискательство и вообще всякое бессмысленное и преступное уничтожение и искажение памятников родной старины»¹.

Как мы видим, для каждого из охарактеризованных выше исследователей раскопки в Воронежской губернии были лишь кратковременным эпизодом в научной биографии.

Из архивных материалов следует, что А.А. Спицын надеялся на продолжение работ на территории Воронежской губернии, прежде всего, Николаем Емельяновичем Макаренко. Так, в 1912 г. ему был выдан «открытый лист» в том числе и для производства раскопок в Воронежском, Коротоякском и Острогожском уездах. В сопроводительном письме А.А. Спицын писал: «Императорская Археологическая Комиссия, ввиду любезно выраженного Вами согласия, имеет честь покорнейше просить Вас произвести археологические раскопки в группе «Частые курганы» близ Воронежа, а также в иных местностях Воронежского, Коротоякского и Острогожского уездов. Открытый лист на производство раскопок и талон на получение из кассы Министерства Императорского Двора назначенных Вам на раскопки 500 руб. при сем препровождаются»². Однако из находящегося в этом же деле финансового отчета Н.Е. Макаренко следует, что в Воронежскую губернию он не приезжал³. Завершая анализ деятельности Н.Е. Макаренко на территории Воронежской губернии следует отметить, что он на протяжении всех своих командировок строго придерживался указаний,

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 10 об., 11, 11 об.

² РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 145. Л. 3.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 145. Л. 10 – 26.

данных ему ИАК в лице А.А. Спицына. Программы работ были в полной мере выполнены, все работы проведены на должном уровне, отчеты оперативно опубликованы (в краткой форме они вошли в соответствующие тома отчетов Императорской Археологической Комиссии ¹, но при этом были изданы и отдельными публикациями в полном объеме ²). Но эти материалы не увлекли исследователя, не стали базой для каких-либо последующих изысканий. Впоследствии он не возвращался к анализу полученных материалов, воронежская тематика не закрепились в сфере его научных интересов.

Сам А.А. Спицын в десятые годы по-прежнему курировал полевую деятельность воронежских исследователей. Он не остался в стороне и от весьма напряженной переписки ИАК с ВУАК 1910 – 1911 гг., связанной с некоторой неразберихой в полевой документации, а затем и с некорректным, хотя и объяснимым, поведением ВУАК по отношению к ИАК. Полученные в эти и последующие годы членами ВУАК яркие свидетельства скифского времени в могильнике «Частые курганы» на окраине г. Воронежа в совокупности со сведениями раннего железного века, полученными в Воронежской губернии ранее, нашли отражение в обобщающей работе А.А. Спицына «Курганы скифов-пахарей». Эта статья явилась, по словам автора, первой попыткой классификации скифских древностей. Они были разделены А.А. Спицыным на три этнографические группы: киевскую, полтавскую и кубанскую. В состав полтавской группы вошли древности Харьковские, Черниговские и Воронежские. Воронежские включают курганы у с. Мастюгино, «Частые могилы» (по терминологии А.А. Спицына), курганы 2, 5 у сл. Владимировки (раскопки В.Н. Тевяшова 1900-1901 гг.), курган близ с. Мазурки, а также случайные находки (стрелы близ с. Колыбелки, сл.

¹ Отчет ИАК за 1905 г. – СПб., 1908. – С. 84 – 86; Отчет ИАК за 1908 г. – СПб., 1912. – С. 163 – 165; Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг. – СПб., 1913. – С. 189 – 190.

² Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. – СПб., 1906; Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907 – 1909 годов // Известия Императорской Археологической Комиссии. – Вып. 43. – СПб., 1911.

Подколотковской; фрагмент гривны с р. Ведуга). Некоторые из вещей Мастюгинских и Частых курганов А.А. Спицын датирует IV – III вв. до н.э., погребение у с. Мазурки относит к более поздней поре, но, подытоживая, пишет, что «давать хронологическое определение этим вещам, как и другим воронежским, мы не решаемся»¹.

Из документов последующего десятилетия, свидетельствующих об интересе А.А. Спицына к воронежской археологии, помимо уже упоминавшихся «корочек», можно выделить два. Письмо С.Н. Замятина к А.А. Спицыну, датированное 1922 г., в котором С.Н. Замятин, будучи еще хранителем археологического отдела воронежского краеведческого музея, знакомит А.А. Спицына с проводимой им работой по систематизации археологических коллекций и просит по возможности помочь со специальной литературой по археологии (см. приложение № 13)². Второе упоминание содержится в составленной А.А. Спицыным в 1925 г. сводной таблице изданных карт и археологических описаний по губерниям. В графе «Воронежская губерния» он отметил, что карт не издавалось, а из описаний указал лишь собственную работу 1896 г.³.

Возможно, конечно, появление дополнительных сведений, относящихся к завершающему периоду деятельности А.А. Спицына, но, учитывая солидный возраст исследователя и его противоречивые взаимоотношения с новым политическим режимом, вполне вероятно, что интерес к воронежским древностям остался в прошлом.

¹ Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // Известия Археологической Комиссии. – Вып. 65. – Петроград, 1918. – С. 132 – 133.

² Спицын А.А. Губернии В – Д: Воронежская // РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д 396. Л. 212 – 213 об.

³ Спицын А.А. Сводка сведений о составленных археологических картах и археологических описаниях отдельных губерний с 1873 г. по 1925 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 134. 2 л.

Раздел 2. Становление региональной археологии в системе советской исторической науки (1920-е – 1970-е гг.)

Глава 4.

На переломе эпох: региональная археология в первые десятилетия советской власти

Двадцатые годы XX века в истории отечественной археологии – это время сосуществования традиций дореволюционной русской археологии и формирования новых направлений уже в рамках марксистско-ленинской идеологии. Жесткой централизации науки тогда еще не было, что давало возможность реализовать себя и представителям старой научной традиции, и нарождающейся новой. Н.И. Платонова обосновала правомерность более подробной периодизации первого десятилетия в истории советской археологии. Согласно концепции этой исследовательницы на протяжении 1920-х годов выделяются три периода: 1917 – 1924 гг. – это организационный период, связанный с определением структуры археологической науки в новом государстве; 1925 – 1927 гг. – период обозначившихся противоречий; конец 1929 – 1930 гг. – период разгрома и ломки организационных структур¹.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. как в центре, так и в регионах была проведена серия теоретических дискуссий и организационных перестроек научных учреждений в области истории, избранных советской властью в качестве формы резкого усиления идеологического давления. Большинство исторических учреждений страны было закрыто, были упразднены факультеты общественных наук в университетах, уничтожено краеведческое движение, а десятки историков репрессированы. Эти

¹ Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб., 2010. – С. 216 – 217.

катаклизмы не миновали и археологию¹. С них берет свое начало новый «марксистский» период в истории отечественной археологии.

Новое руководство ГАИМК стремилось к полной унификации. Установки должны были стать обязательными для археологов всей страны. Для этого нужно было опереться на непререкаемые авторитеты. В качестве таковых назывались классики марксизма, а также М.Н. Покровский и Н.Я. Марр. Археология была объявлена вспомогательным направлением в истории с упором на социологическую тематику. При этом внедрялся антимиграционизм и неременное прослеживание повсеместного автохтонного развития общества по единым законам стадильности².

«Новый взгляд на археологию», по выражению Б. А. Рыбакова, привел к крутому перелому в выборе раскопочных объектов: наряду с изучением курганов и античных городов археологи занялись исследованием стоянок, городищ, селищ, больших городов, замков, одним словом, поселений, позволяющих раскрыть хозяйственно-социальную историю данного общества³. Для этого поселенческий материал необходимо было изучать с позиции реконструкции системы жилых комплексов, а также с целью восстановления всех сторон жизни обитавшего здесь населения. Данный подход противопоставлялся попыткам копать поселения на выборку материала и формировался в рамках т.н. «метода восхождения»: «...от памятников, характеризующих развитие производительных сил, к общественно-экономическим формациям...»⁴.

Ведущие тенденции в отечественной археологии конца 1920-х – 1930-х годов в полной мере нашли отражение в исследовании памятников Центрального Черноземья. Изучение костенковско-борщевского района с

¹ Формозов А.А. Археология и идеология (20 – 30-е годы) // Вопросы философии. – 1993. – № 2. – С. 70 – 83; Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – С. 37 – 39.

² Формозов А.А. Археология и идеология (20 – 30-е годы). – С. 77 – 78.

³ Рыбаков Б. А. Советская археология за 50 лет // Вопросы истории. – 1968. – № 1. – С. 29.

⁴ Арциховский А.В. Новые методы в археологии // Вестник Ком. Академии. – № 35 - 36. – М, 1929. – С. 20.

этих позиций позволило войти ему в вузовский учебник по истории первобытного общества как яркий пример наличия на ограниченной территории «вещественных памятников по крайней мере от трех ступеней развития первобытного общества»¹ (подробнее об этом будет сказано далее). В конце 1930-х годов Г. В. Подгаецкий с сожалением писал, что на Среднем Дону «...за последние 10 – 15 лет исследовались почти исключительно поселения. Исторически это вполне понятно и объяснимо. Однако нужная координация различного рода источников не создалась. Курганы, вследствие низкого уровня методики их раскопок, оказались теперь менее изученными, чем синхронные им поселения»².

В региональной археологии Центрального Черноземья в указанный промежуток времени помимо идеологической ломки, ставшей началом утверждения марксистского подхода к археологии, произошла и подлинная трагедия, приведшая к гибели или отказу от продолжения своей деятельности наиболее авторитетных в регионе краеведов. По указке свыше воронежскими чекистами в 1930 – 1931 гг. было сфальсифицировано «дело», в которое оказались вовлеченными краеведы всех крупных городов Центрально-Черноземной области. Подробная характеристика этих событий уже дана в ряде публикаций³.

Исследователи показали, что сталинский режим развязал настоящую войну со скромными и бесправными подвижниками местной культуры, в которой они были обречены. Справедлива оценка произошедших событий, данная им А.Н. Акиньшиным: «Расправа поражает своей масштабностью и бессмысленностью по отношению к беззащитным людям. Пятеро приговорены к расстрелу, подавляющее большинство к заключению в

¹ Равдоникас В. И. История первобытного общества. – Ч. 1. – Л., 1939. – С. 16 – 17.

² Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 2 Д. 146. Л. 10.

³ Акиньшин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. – Воронеж, 1992. – С. 208 – 235; Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – Тамбов: ТГУ, 2002. – С. 360 – 372; Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). – Курск: КГМУ, 2007. – С. 50 - 131.

концлагерь сроком от 3 до 10 лет и лишь несколько человек – к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан»¹.

После этих событий о роли краеведческого сообщества в дальнейшем развитии региональной археологии не приходится. В структурах местных музеев остается по одному (в Воронеже два) сотруднику, которые лишь обеспечивают посильную помощь специалистам из академических структур, продолжающих работу в регионе. В качестве еще одного подтверждения сложившейся в регионе кадровой ситуации сошлюсь на обнаруженный мною в архиве ИИМК РАН отзыв П.П. Ефименко на работы оставшегося на свободе Н.В. Валукинского, где он прямо называет его единственным воронежским археологом (см. приложение № 14).

4.1. Создание, деятельность и разгром археологического краеведения на местах

4.1.1 Археология в деятельности краеведческих обществ Центрального Черноземья (1920-е гг.)

Окончание гражданской войны в центральных районах России, а также введение новой экономической политики способствовали некоторой стабилизации жизни в стране. В области археологии это проявилось в том, что исследователи смогли возобновить полевые работы, вернуться к публикации своих трудов, создавать новые научные объединения.

Новой формой объединения всех лиц, заинтересованных в изучении своей родины, становятся краеведческие общества. Первое послереволюционное десятилетие отмечено быстрым ростом краеведческих объединений по стране. По данным на 1927 г., за десять лет число таких обществ возросло с 61 до 1112, а музеев краеведческого профиля – с 94 до

¹ Акиншин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. – Воронеж, 1992. – С. 219 – 220.

576 ¹. Деятельность местных краеведческих обществ направлялась Центральным бюро краеведения (ЦБК), возглавлявшимся Д.Н. Анучиным и вице-президентом Академии Наук С.Ф. Ольденбургом. Активным сотрудником ЦБК был А.А. Спицын. По справедливому замечанию Н.И. Платоновой, «просветительская краеведческая работа оказалась настоящей экологической нишей для провинциальной интеллигенции, недовольной революционными преобразованиями в обществе» ². Самые сильные из них, по мнению А.А. Формозова, после революции возникли на базе ученых архивных комиссий ³. Люди, вошедшие в эти объединения, спасли множество культурных ценностей, краеведы продолжили и свои занятия в области археологии.

В Воронежской губернии возобновление краеведческой, а в ее рамках и археологической, деятельности местными силами связано с дальнейшим функционированием Губернского музея, который, хотя и претерпел значительные изменения, но, главное, в условиях ликвидации ВУАК и ВЦИАК остался организационным центром для местных краеведов. В 1918 г. он был реорганизован «из музея при Воронежской губернской архивной комиссии с неопределенным числом совершенно бесплатных сотрудников (членов архивной комиссии)» в «учреждение с определенным штатом платных сотрудников, подведомственное Губернскому отделу народного образования – Воронежский губернский музей» ⁴.

С.Е. Зверев, не захотевший отказаться от духовного сана, вынужден был оставить заведование музеем, и стал завхозом. В январе 1920 г. он вошел в Совет Губархива от губернского музея ⁵, а 16 марта умер от сыпного тифа. На заседании Совета Губархива, посвященного его памяти (состоялось 19

¹ Святский Д.О. К созыву III Всесоюзной конференции по краеведению // Известия ЦБК. – 1927. – № 8. – С. 266.

² Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – С. 216.

³ Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. – М., 1990. – С. 71.

⁴ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

марта), заведующий Губархивом К.Н. Лукьянчиков (также член ВУАК) отметил: «Со смертью Зверева ученая архивная комиссия лишилась последнего представителя своего президиума»¹. В марте 1920 г. рассматривался вопрос о возможном возрождении ВУАК как исторического общества², но осенью краеведы, среди которых были и бывшие члены ВУАК, организовали Воронежский отдел Общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского при Московском Археологическом институте. Целью общества провозглашалось «научное обследование старины вообще, а местной, ... в особенности»; задачами объявлялись следующие: «...и научные экскурсии, и раскопки, ...и устройство исторических, археологических... выставок и многое другое»³.

Одной из самых насущных забот воронежских краеведов в начале 1920-х годов продолжала оставаться проблема подготовки профессиональных кадров в области археологии в самом широком смысле этого термина. О работе в этом направлении в предшествующее время мы уже писали, здесь же укажем, что еще накануне революционных потрясений, в 1916 году, архивная комиссия обратилась к ректору Московского археологического института А.И. Успенскому с проектом открытия в Воронеже филиала института. Осуществить этот проект удалось в 1920 году⁴. Задачи нового учебного заведения определялись в Положении о Воронежском отделении МАИ следующим образом: «подготовка кадров квалифицированных работников в деле охраны памятников искусства и

¹ ГАВО. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1. Л. 190; Чесноков В. И. За архивной строкой // Записки воронежских краеведов. – Воронеж, 1979. – С. 90 – 91.

² ГАВО. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 3а. Л. 12 – 13.

³ Цели и задачи Воронежского Отдела «Общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского» // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 1. – С. 3 – 4.

⁴ Чесноков В. И. Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. – Воронеж, 1987. – Вып. 3. – С. 81 – 82; Акиншин А. Н., Алленова В. А., Сафонов И. Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.) // Исторические записки. – Воронеж, 2004. – Вып. 10. – С. 129 – 161.

старины для местного края»¹. Студентами могли стать лица не моложе 16 лет с законченным средним образованием; срок обучения был рассчитан на четыре года. В структуру института входили три факультета: археологический, археографический, истории искусств. К концу первого учебного года всего обучалось 106 человек. На археологический факультет был принят 31 человек (15 мужчин и 16 женщин), к концу года было уже 47. К преподаванию были привлечены известные воронежские ученые и краеведы (всего 14 человек, из которых 4 профессора). К занятиям приступили 11 сентября в здании губернского музея².

Воронежское отделение МАИ просуществовало до июня 1922 г. После принятия Государственным ученым советом 26 мая названного года постановления об открытии в составе факультетов общественных наук Петроградского и Московского университетов археологических отделений взамен закрытых Археологических институтов для подготовки «музейных работников, массовых исследователей-археологов, а также научных работников»³ 9 июня Президиумом коллегии Главпрофобра было принято решение о закрытии всех провинциальных отделений МАИ. Заведующий ВО МАИ Е.Н. Коровин предпринял поездку в Москву для выяснения дальнейшей судьбы института. После его возвращения, 8 августа, состоялось заседание преподавателей и старостата ВО МАИ: появилась возможность для учреждения местных отделений историко-археологического и художественного Общества с правом создания археологических курсов⁴.

2 октября произошла перерегистрация существовавшего с осени 1920 г. Воронежского Отдела Московского общества по исследованию памятников

¹ Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919 – 1926 гг.). Публ., предисл. и коммент. О.Г. Ласунского; примеч. А.Н. Акиншина // Из истории Воронежского края: Сб. статей. – Вып. 11. – Воронеж, 2003. – С. 201 – 202.

² Акиншин А. Н., Алленова В. А., Сафонов И. Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.). – С. 132 – 133.

³ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. – С. 147.

⁴ Акиншин А. Н., Алленова В. А., Сафонов И. Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.). – С. 137.

древностей. Теперь он стал именоваться Воронежским Историко-Археологическим обществом ¹. Губоно санкционировало открытие при нем историко-археологических курсов «как преследующих специальную цель подготовки работников – специалистов в области изучения археологии и исследования родного быта и старины», утвердило «Положение о курсах» и учебный план ².

15 октября 1922 г. в здании Губернского музея состоялось публичное заседание, на котором и последовало торжественное открытие Воронежских историко-археологических курсов (ВИАК) ³. В Комитет ВИАК вошли директор – проф. М.Н. Крашенинников, зав. учебной частью – проф. А.М. Путинцев, зав. хозяйственной частью – преп. университета М. К. Паренаго, секретарь – П.И. Симаков. Всего же в списке профессоров и преподавателей курсов числилось 12 чел. ⁴

Согласно Положению, целью курсов было, «с одной стороны, сообщать теоретические сведения в области археологии, этнографии, археографии и истории искусств, с другой – давать практическую подготовку музейным и архивным работникам и исследователям народного быта преимущественно местного края». Планировалось три отделения: археолого-этнографическое, археографическое, истории и теории искусств ⁵. Программа была рассчитана на 9 учебных триместра, общей продолжительностью 3 учебных года, при этом два первых года слушатели всех отделений изучали одинаковые дисциплины, а на последнем году происходила специализация ⁶.

Таким образом, вместо отделения МАИ открылись историко-археологические курсы почти с той же программой, составом преподавателей, но несколько реорганизованной структурой. Археологическое отделение было преобразовано в археолого-

¹ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 62, 63

² ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 15.

³ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 23.

⁴ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 58, 65.

⁵ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 61.

⁶ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 822. Л. 64 – 65.

этнографическое, отделение истории искусств – в отделение истории и теории искусств, археографическое осталось в неизменном виде.

В том же месяце – октябре 1922 г. – в канцелярии и учебных аудиториях курсов представителями ГПУ и губполитпросвета был произведен обыск. Часть комнат была опечатана. Проверка документов курсов велась и в январе 1923 г. Точная дата закрытия курсов пока не установлена, но никакого набора летом 1923 г. не проводилось¹. По мнению авторов указанной статьи, некоторый свет на причины закрытия курсов проливает архивно-следственное дело, по которому в 1935 г. проходили бывшие профессора и студенты ВО МАИ. К 1922-1924 гг. чекисты относили создание контрреволюционной организации интеллигенции «Союз спасения России»².

Как мы стремились показать, едва наметившаяся возможность получения археологического образования в Воронеже была пресечена, проблема кадров продолжала оставаться одной из наиболее насущных.

В исследовательской деятельности воронежские краеведы в первой половине 1920-х годов стремились продолжать работу по тем направлениям, которые оформились в предшествующие десятилетия.

В рамках музейной деятельности необходимо было провести инвентаризацию и каталогизацию уцелевших коллекций; обустроить заново экспозиционный зал; для пополнения музейных фондов требовалось продолжение полевых работ на территории губернии; необходимо было вновь наладить публикацию археологических материалов.

Весь этот груз забот в первые годы послереволюционного лихолетья лег на плечи двух молодых людей, примерно ровесников, студентов Воронежского отделения Московского археологического института,

¹ Акиншин А. Н., Алленова В. А., Сафонов И. Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.). – С. 140.

² Акиншин А. Н., Алленова В. А., Сафонов И. Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920-1923 гг.). – С. 142.

сотрудников отдела первобытных древностей Губернского музея Сергея Николаевича Замятина (1899 – 1958) и Дмитрия Дмитриевича Леонова (1903 – 1981). Первый из них впоследствии стал известным археологом – исследователем каменного века, возглавившим отдел археологии МАЭ в Ленинграде; второй до конца своих дней оставался верен родному музею.

Интерес к археологии у С.Н. Замятина проявился достаточно рано: по окончании губернской мужской гимназии, в 1915 г., он принял участие в раскопках ВУАК могильника «Частые Курганы»¹. С этого времени начинается его сотрудничество с Губернским музеем. Поскольку до 1918 года музей был общественным учреждением, поначалу, надо полагать, Сергей Замятин оказывал добровольную помощь (таких деятелей именовали «друзьями музея»), и такого рода деятельность не нашла отражения в личном деле С.Н. Замятина. Мы же считаем 1915 год отправной точкой, основываясь на его собственных записях², а также на информации из «Отчета по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за время с сентября 1921 по сентябрь 1922 гг.», где сообщается, что он является «младшим научным сотрудником музея с 1915 года»³. С февраля 1921 г. по январь 1925 г. Замятин работал в качестве хранителя археологического отдела музея⁴.

Д.Д. Леонов пришел в музей в 1921 году, будучи студентом - первокурсником археологического факультета ВО МАИ.

Именно в это время их усилиями и налаживалась вновь археологическая деятельность в Губернском музее. Она документируется архивными документами, несколькими публикациями сотрудников музея; а также серией фотографий археологической коллекции и экспозиции

¹ Замятин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910 – 1915 гг.) // Советская археология. – М. – Л., 1946. – Т. VIII. – С. 12.

² На обложке одного из дел в РА ИИМК РАН его рукой подписано: «Выписки сделаны мною в бытность гимназистом, в 1915 или 16 гг., когда я начал работать в Музее» // РА ИИМК РАН.Ф. 69. № 85 – з.

³ ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 25

⁴ ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 12624. Л. 8.

Воронежского музея, обнаруженных мною в ОПИ ГИМ (они были сделаны С.Н. Замятниным в 1923 году для В.А. Городцова ¹).

Характеристику многогранной деятельности музейных археологов в этот период начнем с фондовой и экспозиционной работы. Обратимся к свидетельствам современницы тех событий, также сотрудницы музея С.Н. Шестовой. «Первые три года революции были для музея периодом преимущественно собирательной работы, накопления ценностей. Последующие пять лет были отданы организационной работе: разбор накопленных материалов,...и, наконец, развертывание отделов... Развертывание отделов шло постепенно, в связи с освобождением помещений, занятых посторонними учреждениями...Из них первым развернулся подотдел первобытных древностей. При этом сотрудникам – археологам пришлось в буквальном смысле слова завоевать себе помещение, бывшее под угрозой захвата посторонним учреждением. Собственное помещение в собственном здании музея было отвоевано и собственноручно отремонтировано археологами, превратившимися в маляров, и отдел был развернут» ².

Согласно отчетной документации музея, археологическая экспозиция расположилась «на первом этаже в зале общей площадью 17,14 кв. сажень (\approx 78 кв.м – Е.З.)». «Отдел этот (первобытных древностей – Е.З.) наиболее интересен и важен... Последняя перегруппировка и развеска, начатая еще летом истекшего 1923 года, направлена к полному обособлению краевого материала и, по возможности, к приведению его в хронологический порядок... Хорошо представлен палеолит с его стоянками в Костенках и неолит близ села Шелаева. Достаточно выявлена «Салтовская» культура предметами с Маяцкого городища с фигурами и надписями на камнях, предметами домашнего обихода и двумя деформированными черепами.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 288.

² Шестова С.Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк) // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. Воронеж, 1925. С. 28 – 29.

Скифо-Сарматская культура представлена раскопками из урочища «Частые курганы» близ г. Воронежа... Культура кочевников – одна витрина: с оружием, украшениями, сосудами и каменная баба. Всего 102 планшета и 139 отдельных предметов, из которых 99 сосудов. Переустройством витрин (собственными силами) и переразмещением устранена теснота в залах при обозрениях и достигнуто удобство осмотра предметов. Работа велась настолько интенсивно и была при отсутствии средств, технического персонала и мастерской так тяжела, что в ближайшее время производства иного размещения и перевески не предполагается, считая, что закончить этот труд удастся к концу февраля или началу марта 1924 г.»¹ (см. приложение № 15).

В Государственном архиве Воронежской области имеется весьма показательный документ: «Акт обследования музея № 184 от 24 января 1923 г. по предписанию Вор. Губ. РКИ». В нем, в частности, записано: «По отделу первобытных древностей имеется совершенно полный инвентарный каталог, выделенный из общего; все предметы проведены по их логической классификации и нашиты на таблицы, которые пронумерованы, как по общему инвентарю цифровому, так и буквенно на самом картоне. Вся работа по этому отделу выполнена на 75 %²».

Важно отметить также то обстоятельство, что С.Н. Замятнин предпринял определенные усилия для восстановления существенных событий из истории археологического изучения губернии в дореволюционный период. С этой целью он провел два с половиной месяца в Ленинграде (с 1 января по 15 марта 1924 г.), где «проработал ряд дел в архиве бывшей Археологической комиссии; заказал отпечатки с наиболее интересных негативов с воронежскими находками; в музеях проработал вещи

¹ Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. // ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4.

² Акт обследования музея № 184 от 24 января 1923 г. по предписанию Вор. Губ. РКИ // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 29 об.

воронежского происхождения; предпринял шаги для получения некоторых древностей из Воронежской губернии¹».

Впоследствии (вплоть до Великой Отечественной войны) целенаправленная работа по систематизации археологических фондов и организации экспозиции соответствующего профиля, начатая под руководством С.Н. Замятина, продолжалась уже благодаря усилиям Н.В. Валукинского (1886 – 1950).

Поскольку до конца 1921 г. С.Н. Замятин работал также в должности музейного инструктора в Губмузее (затем уволен по сокращению и зачислен уже штатным сотрудником Воронежского историко-археологического музея²), он становится координатором работы по учету и сохранению археологических памятников и находок на территории губернии. Как сообщалось в отчете Воронежского Губернского Управления Музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (Губмузей) о произведенной работе за 1921 г., «в первой половине 1921 г. работа Губмузея, главным образом, была направлена на спасение историко-археологических и художественных ценностей, которым грозила опасность быть расхищенными и припрятанными от государственной регистрации... Склад находился при Воронежском Губернском Музее»³.

27 июля 1921 г. состоялся девятый Губернский съезд, согласно постановлениям которого «Губмузей принял на учет курганы Воронежской губернии; поручил музейному инструктору Замятину составить археологическую карту Воронежской губернии; разослал по уездным отделам народного образования анкету с указаниями по собиранию первобытных древностей; входит в сношение с местными любителями

¹ ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 1238. Л. 55 – 56; Оpubл.: Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919 – 1926 гг.). Публ., предисл. и коммент. О.Г. Ласунского; примеч. А.Н. Акиншина // Из истории Воронежского края: Сб. статей. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 213 – 214 (№ 15).

² ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 592. Л. 11, 12

³ Отчет Воронежского Губернского Управления Музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (Губмузей) о произведенной работе за 1921 г. // Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 592. Л. 8-8 об.

древностей о наблюдении за сохранностью уцелевших курганов; Губмузей по охране курганов вошел в сношение с Академией Истории Материальной Культуры, которой принадлежит высшее наблюдение за курганами и раскопками Республики»¹.

В рамках проводимой работы, С.Н. Замятнин в 1921 г. публикует статью «По поводу археологической карты Воронежской губернии», где критически анализирует проделанную его предшественниками работу и предлагает свою программу по учету памятников археологии на территории края².

Начатая работа была продолжена и в 1922 г. В отчете Губмузея под названием «Сведения за время с января по июнь 1922 г.» читаем следующее: «Работе ГубМузея оказывали также помощь сотрудники Воронежского историко-археологического музея. Почти все они собирали сведения и регистрировали музейные предметы по Воронежу, а один из них, С.Н. Замятнин, совершал поездки по губернии, собирал сведения о курганах, городищах и других памятниках старины, занося, где нужно, их планы и зачерчивая топографию местности, ее рельефы и проч. Он же был командирован Губмузеем в губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей для отображения тех предметов церковной старины, которые имеют ценность или в археологическом, или в художественном отношении»³.

Результаты проделанной работы по учету археологических памятников Воронежской губернии нашли отражение в дипломной работе С.Н. Замятнина на тему: «Археологические карты, их научное значение и методы их составления» (с приложением археологической карты Воронежской губернии), успешно защищенной 15 июня 1922 г. на археологическом

¹ Отчет Воронежского Губернского Управления Музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (Губмузей) о произведенной работе за 1921 г. // Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 592. Л. 9 – 10 об.

² С.Н.З. По поводу археологической карты Воронежской губернии // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 1. – С. 43 – 47.

³ ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 592. Л. 7, 21.

факультете Воронежского отделения МАИ¹. Дополнительную информацию об утраченной впоследствии археологической карте мы получаем из протокола заседания Правления музея из 8 октября 1925 г. «12) О посылке материала и археологической карты на отчетную выставку Главнауки. Постановили: Археологическую карту Воронежской губернии не посылать, ввиду ее большого размера и трудности пересылки»².

Что же касается итогов работы комиссии по изъятию церковных ценностей, то информацией в полном объеме о результатах проведенной акции я не располагаю, но в одном из отчетов музея содержится следующая информация: «Коллекции пополнены 82 предметами духовного культа, полученных от Комиссии по изъятию церковных ценностей»³.

Одной из важных заслуг ВУАК в области археологии была ежегодная организация археологических экспедиций силами воронежских исследователей. Это направление работы в 1920-е годы последовательно осуществлял, прежде всего, С.Н. Замятнин, а периодически и другие сотрудники музея (Д.Д. Леонов, В.К. Быстржинский, Т. М. Олейников).

В 1921 г. С.Н. Замятнин обследовал неолитические поселения на дюнах у сел Шелаево и Ново-Изрожное на р. Оскол и провел незначительные по масштабам раскопки на Ольшанском городище VIII – IX вв. на р. Тихой Сосне⁴. В начале 20-х гг. им было также обнаружено местонахождение четвертичной фауны и оббитых кварцитов у с. Шубное Острогожского района Воронежской обл. (вернулся к изучению в 1933 г.)

В 1922 году его внимание в основном было сосредоточено на костенковско-борщевском микрорайоне памятников, в то же время были продолжены и разведочные работы у с. Шелаево. В годовом отчете музея сообщалось: «Группа, занимающаяся по отделу первобытных древностей,

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. № 12624. Л. 7.

² ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 3-4.

³ Отчет Губернского музея за май 1922 г. // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 956. Л. 3.

⁴ Замятнин С. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Извлечение из дневников) // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 2. – С. 35 – 39.

сделала несколько археологических разведок у сел Борщево, Шелаево и Костенки. А затем и одну раскопку. Добытый ею материал по палеолиту представляет весьма большой интерес, так как в этих работах одновременно принимал участие и специалист геолог (имеется в виду П.А. Никитин – Е.З.). В этом же отделе производится обработка раскопок 1916 г. в Костенках¹». Информация аналогичного содержания содержится и в других отчетных документах этого же периода². Согласно указателям экспедиционных работ этого времени, были произведены раскопки стоянки Борщево I (открытой в 1905 г. А.А. Спицыным) и разведочные работы в Костенках, где выявлено новое местонахождение палеолитического времени Костенки II. Никитиным П. А. была обнаружена стоянка Борщево II, расположенная на берегу Дона в центре села³.

Зимой 1922-1923 гг., как сообщается в отчетах музея, сотрудники отдела занимались обработкой полученных коллекций, в частности, в декабре «промывались и очищались предметы из раскопок в с. Костенки⁴»; в январе 1923 г. «продолжалась работа по разборке Костенковской коллекции⁵»; в феврале «производилась реставрация керамического производства первобытного человека бронзового века⁶».

¹ ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 4.

² Отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за время с сентября 1921 по сентябрь 1922 гг. // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 26; Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за декабрь 1922 г. // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 15 об.

³ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919 – 1956 гг.: Указатель. – М., 1962. – С. 18; Векилова Е.А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922-1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977. – С. 208.

⁴ Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за декабрь 1922 г. // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 15 об.

⁵ Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за январь 1923 г. // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 18 об.

⁶ Ежемесячный отчет по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за февраль 1923 г. // ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 32 об.

В первой половине 1923 года С.Н. Замятнин побывал в Москве, куда был командирован «для обработки коллекций эпохи каменного века¹». Надо полагать, во время этой командировки и была им достигнута договоренность с П.П. Ефименко об организации совместных раскопок, под руководством последнего, в Костенках и Борщеве. Несомненно, определенный интерес эти памятники продолжали вызывать и у еще одного патриарха отечественной археологии – В.А. Городцова. Остается не вполне понятным, почему он не взял на себя руководство данными работами? Имеющиеся в РА ИИМК РАН документы демонстрируют в то же время явно негативное отношение В.А. Городцова к приглашению П.П. Ефименко в качестве руководителя экспедиции в Костенках. Их конфликт даже стал предметом обсуждения на открытом научном собрании РАИМК (см. приложения №№ 16, 17). Подробнее о пребывании обоих этих исследователей в Воронежской губернии речь пойдет ниже.

Согласно «Протоколу заседания коллектива служащих Воронежского Губернского Музея от 1 августа 1923 г.» совместная экспедиция Воронежского и Русского музеев на средства последнего под руководством П.П. Ефименко начала свою работу с 18 июля и продолжалась полтора месяца. От воронежского музея в раскопках вместе с С.Н. Замятниним приняли участие научные сотрудники Быстржинский В.К. и Леонов Д.Д.². За время ее работы были проведены раскопки на площади стоянок Костенки I, Борщеве I и Борщеве II, выявлены стоянки Костенки III и Борщеве III⁶.

В «Отчете об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг.» об этих работах сообщается следующее: «Сотрудники Первобытного отдела, имея от Академии Истории Материальной Культуры открытый лист, производили археологические разведки, так как на раскопки средств не было. С.Н. Замятнин с проф. Ефименко производили раскопку на месте стоянки каменного века близ с. Костенок. Результаты раскопок, которые

¹ Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. // ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

² ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

производились за счет Центра, уехали в Петроград, как и результаты этнографических работ¹». В том же документе в разделе «Дальнейший план работ» указано, что планируется «в) Ходатайствовать перед Центром о выдаче открытого листа, если не на предмет раскопок, то широких археологических разведок²».

Открытый лист действительно был получен на имя Д.Д. Леонова. Это дало ему возможность провести археологические разведки в Острогожском и Валуйском уездах. На неолитических стоянках у с. Шелаева были собраны для музея коллекции кремневых орудий и остатки глиняной посуды. Из Валуйского уезда были вывезены в музей три каменные бабы хорошей сохранности. В окрестностях Воронежа, на Лысой горе, Д.Д. Леоновым были вскрыты «три кургана с трупосожжениями». В урочище «Частые курганы» им было раскопано 1 погребение скифо-сарматской эпохи, не давшее результатов, так как оказалось разграбленным в древности³.

О результатах проделанной работы Д.Д. Леонов доложил на заседаниях Воронежского общества изучения местного края:

29.04.1924. Курган 14 в урочище «Частые курганы».

26.09.1924. Археологические разведки в Валуйском и Острогожском уездах⁴. Каких-либо сведений об участии в этих полевых работах С.Н. Замятина мною не обнаружено.

В первые месяцы 1924 года, как я уже писала, С.Н. Замятин предпринял длительную командировку в Ленинград, которая, можно предполагать, способствовала положительному решению вопроса о его переезде туда и продолжении учебы в аспирантуре ведущего археологического учреждения ГАИМК. В январе 1925 года он оставляет службу в музее, передает свои полномочия Д.Д. Леонову, который

¹ Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. // ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Л. 10 об.

³ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 14 об.

становится и.о. хранителя отдела ¹, затем на несколько лет единственным сотрудником подотдела археологии и истории ², и уезжает в Ленинград. Однако еще на протяжении нескольких лет С.Н. Замятнин продолжал руководить полевыми археологическими изысканиями музея.

Особенно важно было поддержать воронежских коллег в 1925 г., когда Наркомпрос впервые выделил музею средства на организацию экспедиций (археологической и этнографической). Согласно сохранившемуся в ГАВО документу, 13 января 1925 г. Отдел по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса уведомил, что Воронежскому Областному Музею Главнаукой предложено ассигновать на организацию экспедиций в 1925 г.: археологическую – 100 р., этнографическую – 300 р. В самом срочном порядке необходимо выслать сведения о предполагаемом составе экспедиции, их руководителях, планах и поставленных научных задачах, а также смету ³. 17 января 1925 г. состоялось собрание коллегии музея, на котором была образована комиссия для разработки требуемых сведений (в ее составе С.Н. Замятнина уже нет – Е.З.) ⁴. Заседание этой комиссии состоялось 14 февраля 1925 г. Хотя о планах археологической экспедиции на нем докладывал Д.Д. Леонов, ее руководителем был намечен С.Н. Замятнин, а сам Д.Д. Леонов – его помощником. Районом экспедиции названа местность около села Борщева, поскольку там имеются палеолитические стоянки и уже проводились работы в 1922 и 1923 гг. С.Н. Замятниным и П.П. Ефименко. Экспедиция могла бы закончить исследование I палеолитической стоянки. В то же время на свое имя Д.Д. Леонов предполагал взять открытый лист для производства раскопок в окрестностях Воронежа (район Белой и Лысой горы). Состав и план

¹ ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 3.

² ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 11. Л. 15, 16, 30.

³ ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

экспедиций был принят единогласно¹. В реальности полевая деятельность развернулась в других направлениях.

С.Н. Замятнин провел в экспедиции более полутора месяцев (с 28 мая по 11 июля). За это время была обследована территория по течению р. Дон в пределах Острогожского и Россошанского уездов на протяжении 200 верст, и затем произведены раскопки четырех курганов у г. Россоши (три из них содержали захоронения эпохи бронзы, один – раннежелезного века)². Затем еще в течение не менее месяца обрабатывал полученные материалы в музее³.

Возможно, такое радикальное изменение планов было вызвано письмом из Главнауки, полученным в Воронеже 22 мая 1925 г. В нем сообщалось, что «летом текущего года к вам выезжает из Москвы археологическая экспедиция под руководством проф. Городцова В.А. Экспедиция предполагает произвести раскопки «Частых курганов» вблизи Воронежа и палеолитических стоянок по Дону. Просим оказать возможное содействие в смысле предоставления помещения, транспортных средств и инструментов для работы»⁴. Ожидаемый приезд В.А. Городцова не состоялся. О его работах в воронежском крае речь пойдет далее.

В 1926 г. под руководством С.Н. Замятина были проведены раскопки могильника салтовского типа у с. Подгоровка (Федоровка) на р. Ураевой Валуйского уезда (вскрыто семь катакомб) и обследовано находящееся поблизости селище VIII-IX вв.⁵

Можно предполагать, что он познакомил с результатами исследований коллег из ГАИМК, которая инициировала переписку с воронежским музеем о возможности проведения в дальнейшем

¹ ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 – 5.

² ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 17. Л. 38; Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919 – 1956 гг. – С. 33.

³ ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 6. Л. 62.

⁴ ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.

⁵ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919 – 1956 гг. – С. 42.

совместных работ (см. приложения №№ 18, 19). К сожалению, намеченная экспедиция организована не была.

В том же 1926 году С.Н. Замятниным была открыта верхнепалеолитическая стоянка у с. Гагарино Липецкого уезда Тамбовской губернии, куда он выехал по приглашению в то время заведующего Липецким краеведческим музеем М.П. Трунова для обследования места находок крупных костей животных. В первый выезд на памятнике были проведены небольшие работы – разобран культурный слой, частично сохранившийся на дне погребной ямы¹.

Основные полевые работы в Гагарино были осуществлены С.Н. Замятниным в следующем 1927 г. Культурный слой вскрывался двумя раскопами примерно по 17 кв.м каждый. В ходе раскопок исследователь пришел к выводу о наличии здесь разрушенного постоянного жилища². На стоянке была собрана и значительная коллекция: серия кремневых орудий, женских статуэток, украшений.

Затем исследования здесь были продолжены в 1929 г., когда наряду с раскопками С.Н. Замятниным была проведена также разведочная шурфовка стоянки и снят инструментальный план. Результаты раскопок были опубликованы в виде краткой информации в 1929 г. и обстоятельно в 1935 г.³

С этого времени Гагарино прочно входит в специальную литературу как один из опорных памятников в изучении эпохи палеолита, его материалы широко используются при разработке основных вопросов палеолитоведения⁴. Уместно напомнить, что обнаружение здесь остатков долговременного жилого сооружения изменило существовавшее в то время представление об уровне развития общества в эпоху позднего

¹ Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. – Л., 1979. – С. 6.

² Замятнин С.Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. – Т. II. – Л., 1929. – С. 214.

³ Замятнин С.Н. Указ. соч. – С. 209 – 214; Он же. Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Известия ГАИМК. – Вып. 118. – М.-Л., 1935. – С. 26 – 77.

⁴ Тарасов Л.М. Указ. соч.

палеолита. Это открытие также определило и коренной поворот в методике исследования стоянок; принципиально новая система была разработана в 1930-е годы П.П. Ефименко. Открытие С.Н. Замятнина было признано настолько значительным, что его избрали действительным членом Международного антропологического института в Париже¹.

В эти же годы (1927, 1929) одновременно с работами в Гагарино С.Н. Замятнин проводил раскопки и в других местах Воронежской и Тамбовской губерний. В 1927 г. он совместно с Л.А. Динцес выявил и обследовал шурфовкой неолитическую стоянку у с. Отрожка близ Воронежа на левом берегу р. Воронежа. В археологической литературе эта стоянка хорошо известна и неоднократно становилась объектом пристального внимания специалистов², некоторые из них при этом указывали и на наличие в коллекции подъемных материалов с этой стоянки находок, относящихся к эпохе бронзы³.

В этот же год экспедицией Воронежского историко-культурного музея под руководством заведующего историческим отделом Т.М. Олейникова (при участии Н.В. Валукинского и Д.Д. Леонова) были доисследованы два разрушающихся погребения у с. Семилуки (Воронежского уезда), в которых были найдены бронзовый наконечник стрелы, один миниатюрный сосудик и фрагменты от четырех больших сосудов⁴.

¹ Решетов А.М. Трагико-комический случай из жизни С.Н. Замятнина (к вопросу об аресте С.Н. Замятнина) // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докл. на междунар. конф. – СПб., 1999. – С. 46.

² Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА СССР. – № 29. – М., 1952. – С. 169, рис. 89, 1-4; Формозов А. А. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века // КСИИМК. – Вып. 59. – 1955. – С. 6; Левенок В. П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА СССР. – № 131. – М., 1965. – С. 244 и сл.; Синюк А. Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1966. – С. 107 – 114; др. работы.

³ Пряхин А. Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н.э.: Дис. на соиск. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1966. – С. 30; Синюк А. Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка. – С. 113.

⁴ ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 2276. Л. 37 об.

В 1929 г. С.Н. Замятнин организовал раскопки курганов на Верхнем Дону у соседних с Гагарино сел Донское, Мазанки (Засосенки) и Патриаршее¹. Поскольку материалы этих работ не нашли отражения в его трудах, уже в послевоенные годы он активно помогал воронежскому исследователю А.Ф. Шокову при подготовке их к публикации².

Еще одним важным направлением деятельности краеведов, которое необходимо было возобновить после революционных потрясений, была издательская деятельность. Как указывалось в отчете по Воронежскому Губернскому Историко-Археологическому музею за время с сентября 1921 по сентябрь 1922 гг., «ввиду полного отсутствия средств за время войны и революции никаких трудов не печатали»³. Но уже в 1921 году была предпринята попытка учредить ежемесячный журнал «Воронежский историко-археологический вестник», который должен был выпускать Воронежский Отдел Московского общества по исследованию памятников древностей. Однако вышло лишь два выпуска. В них были опубликованы и первые после революции статьи по археологии. В них, в частности, увидели свет первые публикации по археологии С.Н. Замятнина.

В 1922 г. была издана брошюра С.Н. Замятнина «Очерки по доистории Воронежского края»⁴, в которой он сделал обзор имеющихся в Губернском музее материалов по эпохам камня и бронзы. На 1925/26 гг. им планировалась публикация второй книги в этой научно-популярной серии «Очерки по доистории Воронежского края» под названием «Скифо-сарматская культура» объемом 1 п. л.⁵ Но эти планы реализованы не были. В 1925 году были опубликованы в Воронеже две его статьи, одна из которых была призвана помочь музейным сотрудникам в деле изучения

¹ Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919 – 1956 гг.: Указатель – М., 1962. – С. 49.

² Шоков А.Ф. Памятники эпохи бронзы на территории Верхнего Дона // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж, 1960. – С. 156 – 170.

³ ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 27.

⁴ Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края. – Воронеж, 1922. – 16 с.

⁵ ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

археологических находок, а другая отражала его собственную археологическую деятельность в крае ¹.

В первые послереволюционные годы – вплоть до 1922 года – продолжала свою деятельность Тамбовская ученая архивная комиссия. Изучив этот период ее работы, В.А. Алленова и Ю.А. Мизис установили, что она выражалась в традиционных для нее формах и направлениях, но велась «менее интенсивно и с явной тенденцией к затуханию» ². После отхода от активной организаторской и научной деятельности как несоответствующий «с политической точки зрения» А.Н. Норцов прожил недолго. В феврале 1922 г. он скончался, его весомый вклад в организацию краевых научно-исторических исследований был отмечен на заседании губархивбюро ³. Судьба остальных деятелей комиссии сложилась по-разному, чуть ниже мы коснемся тех из них, кто остался в археологии.

Судьба музея комиссии решалась в соответствии с декретом СНК РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Коллекции музея, состоявшего к тому времени из этнографического, археологического, церковно-исторического и палеонтологического отделов, перешли в ведение Тамбовского народного музея (в 1922 г. переименован в научный, с 1937 г. и по настоящее время – краеведческий). Не случайно, что именно в среде музейных работников возникла идея создания нового краеведческого общества. Весной 1920 г. руководство музея во главе с И.М. Катаевым и П.Н. Черменским обратилось с предложением о создании общества по изучению истории, археологии и

¹ Замятнин С.Н. Инструкция для изучения первобытных древностей // Воронежский краеведческий сборник. Вып. 2. Воронеж, 1925. С. 41 – 44; Замятнин С.Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. // Известия Воронежского Краеведческого Общества. № 2. Воронеж, 1925. С. 19 – 21.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – С. 302.

³ Там же. – С. 309.

этнографии Тамбовского края в Губисполком. Первоначально общество существовало при университете (до 1923 года), а после его закрытия стало самостоятельной организацией. В 1924 году была проведена реорганизация краеведческого общества, все краеведческие силы губернии объединялись в одну организацию с тремя секциями по основным направлениям работы в русле ведущей тенденции того времени ¹.

Как справедливо заметили В.А. Алленова и Ю.А. Мизис, «тамбовское краеведение, имевшее богатые традиции и подготовленные кадры, в 20-е годы переживало свой новый расцвет. В нем активно участвовали как опытные краеведы, получившие подготовку до революции, так и начинающие молодые исследователи» ².

В это время проводит работы по изучению древностей края П.Н. Черменский (в 1919 г. вернувшийся из Петрограда сначала на родину в Лебедянь, а затем переехавший в Тамбов). В сентябре 1920 года он организовал две археологические экскурсии в окрестности с. Волотово с целью отыскания и раскопок знаменитого кургана «Волотова могила». В раскопках участвовало 18 человек, была найдена и передана в Лебедянский музей коллекция древней керамики, кости животных ³. Им была также обследована Периксинская стоянка близ Тамбова (обнаружены керамика, кремневые и костяные орудия, зольники), которую он ошибочно считал неолитической; раскопана часть русского поселения XVII века в урочище «Мордвиже» у с. Татаново Тамбовского района ⁴. Выезжал он на место находки останков мамонта в Красивскую волость ⁵. Во всех этих

¹ Алленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. – С. 314 – 357.

² Там же. – С. 319.

³ Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа. – М.: «Древлехранилище», 2011. – С. 88.

⁴ Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губ // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – № 1. – Тамбов, 1925. – С. 8 – 9; Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. – Тамбов, 1999. – С. 11.

⁵ Черменский П.Н. Новая находка костей мамонта // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – № 1. – Тамбов, 1925. – С. 24.

мероприятиях активное участие принимали слушатели Тамбовского университета.

В 1927 г. краевед Н.Н. Демин открыл несколько неолитических стоянок недалеко от г. Мичуринска: Подзоровскую (левый берег р. Воронеж), Глинище (правый берег р. Воронеж), впоследствии обстоятельно исследованные специалистами¹.

Приоритетное внимание археологическим исследованиям уделялось в работе моршанских краеведов и, прежде всего, одного из их лидеров – Петра Петровича Иванова, благодаря которому в 1918 г. был создан Моршанский историко-археологический музей². Став его директором, он получил возможность собирать древности и производить археологические раскопки в Моршанском уезде. В 1920-е годы им было продолжено начатое в предреволюционные годы обследование окрестностей Моршанска, результатом чего стало открытие нескольких десятков разновременных памятников³. На четырех из них в анализируемое десятилетие он организовал раскопки: в 1924-1925 гг. – на стоянке Сокольники (правый берег р. Цны), где были обнаружены неолитическая керамика, кремневые орудия; в 1927-1928 гг. – на площади Елизавет-Михайловского могильника (правый берег р. Моршевки), где было исследовано 136 древнемордовских погребений VIII-XI вв.; в 1928 г. был частично исследован и Пановский могильник (158 древнемордовских погребений); с 1929 г. начинается изучение Крюково-Кужновского могильника (правый берег р. Цны), продолжавшееся до 1936 года (всего вскрыто 586 погребений). Показательно, что во второй сезон работ (1930 г.) для руководства раскопками этого могильника был приглашен С.Н. Замятнин, а в 1937 году с материалами имела возможность ознакомиться А.Е. Алихова. Практически на всех памятниках, перечисленных выше, в послевоенные десятилетия продолжили

¹ Моисеев Н.Б. Указ. соч. – С. 29, 30.

² Там же. – С. 10.

³ Смирнов А.П. Вступление // Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. – Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. – С. 7 – 8.

раскопки столичные исследователи (Т.Б. Попова, Р.Ф. Воронина, др.). Известные отечественные археологи А.П. Смирнов и А.Е. Алихова инициировали издание материалов раскопок П.П. Иванова, высоко оценив методический уровень его полевых работ и организацию хранения коллекций. «П.П. Иванов проводил археологические раскопки на должном методическом уровне, и полученная его исследованиями коллекция по документации может считаться одной из лучших в собраниях наших музеев»¹. Под общей редакцией А.П. Смирнова в 1952 году были опубликованы материалы Крюково-Кужновского могильника², в 1969 году – Елизавет-Михайловского и Пановского (научная обработка коллекций и прорисовка находок выполнена А.Е. Алиховой)³. Вплоть до настоящего времени они широко используются специалистами при решении различных аспектов археологии и истории мордвы, в том числе составили основу источниковой базы для ряда диссертационных исследований⁴.

В Курске краеведческая деятельность развивалась примерно в том же русле. Она подробно проанализирована на страницах монографического исследования С.П. Щавелева⁵. Организующим центром оставался губернский музей, который хоть и переживал не лучшие времена (выселение из уже освоенного помещения бывшей казенной палаты, а затем переселение еще в 11 разных зданий, пока не втиснули в Верхне-Троицкую церковь ликвидированного женского монастыря). Осенью 1922 г. была организована секция краеведения при педагогическом обществе, а менее чем через год – 17

¹ Смирнов А.П. Предисловие // Материальная культура среднецнинской мордвы VIII – XI вв. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – С. 3.

² Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Под ред. А.П. Смирнова. – Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. – 232 с.

³ Материальная культура среднецнинской мордвы VIII – XI вв. / Под общей ред. А.П. Смирнова. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – 129 с.

⁴ Воронина Р.Ф. Средне-Цнинская мордва VIII – XI вв. Автореф. дисс...к.и.н. – М., 1992. – 17 с.; Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднецнинских могильников древней мордвы. Автореф. дисс...к.и.н. – М., 1998. – 18 с.

⁵ Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). – Курск: КГМУ, 2007. – С. 11 – 49.

июня 1923 г. состоялось учредительное собрание курского городского общества краеведения (с октября общество переименовано в губернское). В нем было выделено несколько секций: культурно-историческая, естественнонаучная, экономическая, педагогическая. В рамках работы культурно-исторической происходили и археологические изыскания. Филиалы общества оформились в Белгороде, Рыльске, Дмитриеве, Короче, Ст. Осколе, Щиграх. Усилиями членов общества музей перевели в более подходящее здание – дом архирея возле Знаменского собора мужского монастыря, где началась работа по каталогизации коллекций и восстановлению экспозиции.

Работа краеведов в области археологии ограничивалась небольшими разведками, которые были связаны с пресечением грабительских раскопок или распашки курганов местными жителями. Лишь однажды, в 1925 году, сотрудники музея и члены КГОК во главе с Г.И. Булгаковым провели раскопки на Шуклинском городище: сделали разрез вала и рва, раскопали курган поблизости.

В 1927 году к обследованию археологических памятников Посеймья вернулся Лев Николаевич Соловьев. Первым годом самостоятельных археологических работ для этого исследователя был 1914 г., когда он пытался обнаружить следы первобытного населения по береговым дюнам Сейма, в 1916 году с этой же целью обследовал ближайшие окрестности Курска. Работы были прерваны революционными событиями и службой в армии (до 1921 г.), затем он несколько лет работал в Крыму и вернулся в Курск в 1927 году, успев в том же полевом сезоне побывать в экспедиции под руководством П.П. Ефименко в Костенках. С 1928 г. Л.Н. Соловьев приступил к работе в краеведческом музее сначала в должности научного сотрудника, затем зав. культурно-историческим отделом. Продолжил начатые разведочные работы, в ходе которых всего было выявлено в окрестностях Курска до 30 поселений разных исторических эпох. Итоги

своих разведок публиковал в издании курских краеведов¹. Как справедливо отметил С.П. Щавелев, «далеко не каждой области СССР «периода строительства социализма» повезло иметь столь профессионально подготовленного археолога, каким на рубеже 1920-х – 1930-х годов был в Курске Лев Николаевич Соловьев»². В 1930 г. он покинул Курск, и дальнейшая его деятельность связана уже с археологией Кавказа. В том же 1930 г. по просьбе сотрудников Курского музея С.Н. Замятнин обследовал новое обнаружение мамонтовых костей и кремневых орудий под Рыльском в д. Сучкине (с. Октябрьское)³.

К концу 1920-х годов внутривластная обстановка в стране резко обострилась в связи с якобы усиливающейся классовой борьбой в обществе. Особенно напряженная ситуация сложилась в гуманитарных науках. Борьба со старой школой исторической науки ставилась в числе приоритетных задач перед политическими и карательными органами власти, в том же ключе мыслилось и «преобразование» краеведческой деятельности. В протоколе первого собрания членов-учредителей общества краеведов-марксистов (январь 1931 г.) зафиксировано, что «краеведческий участок идеологического фронта оказался одним из самых запущенных в виду полного отсутствия внимания делу краеведения со стороны партийно-советской общественности». В связи с этим необходимо подготовить кадры краеведов-марксистов из среды членов ВКП (б) и повести борьбу с антимарксистскими концепциями⁴. Трагические события в Центральном Черноземье, известные как «Дело краеведов», стали ярким проявлением общероссийской тенденции.

¹ Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – № 4. – С. 12 – 33; Он же. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1928. – № 2. – С. 7 – 10.

² Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал»). – С. 18.

³ Замятнин С.Н. Первая находка палеолита в долине Сейма // КСИИМК. – Вып. 8. – М.-Л., 1940. – С. 98.

⁴ Советское краеведение. – 1931. – № 2. – С. 5 – 6, 30 – 32.

4.1.2. Исследования местных археологов – любителей 1930-х гг.

В 1930-е годы из местных деятелей – краеведов в Воронеже остался лишь один человек, который осуществлял самостоятельные археологические исследования – это Николай Васильевич Валукинский (1886 – 1950). Подробные сведения о нем биографического характера приведены в приложении № 20.

Период практической полевой деятельности Валукинского в воронежском Подонье охватывал время с 1923 по 1941 год. Но вплоть до конца 1920-х годов он только принимал участие в экспедициях, организуемых воронежским музеем и ГАИМК, куда был привлечен С.Н. Замятниным. Позже в письме Замятнину Валукинский вспоминал об этом с благодарностью: «Дорогой Сергей Николаевич!... Вы виновник того, что я считаю 1948 год годом 25-летия моей полевой работы по археологии... Вы первый, кто поверил в меня с П. П. Ефименко, который мне очень-очень во многом помог и часто выручал в трудную минуту...»¹.

Выполняя поручения П.П. Ефименко, Н.В. Валукинский не только на протяжении нескольких лет участвовал непосредственно в раскопках (Левобережное Костенковское поселение, славянские памятники на северной окраине Воронежа), но и был задействован в оформлении соответствующих отчетов, что позволило П.П. Ефименко дать положительный отзыв на его работы и способствовать выдаче ему открытого листа на самостоятельные исследования.

В архиве ИИМК сохранилось соответствующее ходатайство Ефименко, датированное 1930 г., где он отмечает следующее: «В настоящее время Н.В. Валукинский является **единственным лицом** (выделено мною – Е.З.), занимающимся систематическим учетом и обследованием археологических памятников в Воронежском крае»².

¹ РА ИИМК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 70/7. Л. 38.

² РА ИИМК. Ф. 2. 1930 АРХ. Д. 168. Л. 18.

За предвоенное десятилетие Н.В. Валукинским были проведены как работы разведочного характера, так и раскопки. Результаты его полевой деятельности нашли отражение в пяти опубликованных работах¹. Из перечисленных работ четыре носят научный характер, указанная брошюра научно-популярного характера (в ней содержится материал не только из раскопок Н.В. Валукинского, на популярном уровне изложены результаты работ экспедиций под руководством П.П. Ефименко, С.Н. Замятина, Г.В. Подгаецкого). Кроме перечисленных, существует еще одна работа Н.В. Валукинского «Материалы к археологической карте бассейна среднего течения Дона», до настоящего времени не опубликованная, фрагментированный текст которой сохранился в архиве С.Н. Замятина.

В течение 1930-х годов Н.В. Валукинским была исследована в археологическом отношении значительная территория по берегам р. Дона и его притоков – Воронежа, Ведуги, Тавровки и Усманки. Результатом проведенной работы стало составление двух археологических карт, одна из которых не была опубликована. По сохранившейся информации, всего им было учтено 244 пункта, в числе которых были бытовые и погребальные памятники, а также места единичных находок². В связи с тем, что обнаруженные в процессе обследования археологические памятники охватывают значительный промежуток времени, Н.В. Валукинским была предложена их классификация по следующим периодам: 1) поздний неолит, 2) поздняя бронза, 3) переходный период (условно назван временем поздней бронзы и раннего железа), 4) раннее железо, 5) развитое железо (условно называемый «дославянский период»), 6) ранние славянские поселения, 7)

¹ Валукинский Н. В. Разведки в Воронеже (1935 г.) // Советская археология. – IV. – М. – Л., 1937. С. ; Валукинский Н.В. Археологические раскопки около Воронежа // Исторический журнал. 1938. № 6. С. 111 – 112; Валукинский Н. В. По следам древних предков. – Воронеж, 1940. с.; Валукинский Н. В. Реки Усманка, Тавровка и Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. – М. – Л., 1941. С. ; Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // Советская археология. – X. – 1948. С.

² Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // Советская археология. – X. – 1948., Валукинский Н.В. Материалы к археологической карте бассейна среднего течения Дона// РА ИИМК.

селища XII-XV вв.¹. Согласно его классификации, наибольшее число памятников соответствуют эпохе бронзы и раннему железу (22/24), в то же время 115 памятников по данной схеме не классифицируются. Работа по составлению археологической карты стала логическим продолжением деятельности предшественников Н.В. Валукинского, о чем мы уже писали ранее.

В те же годы на десяти из обозначенных Н.В. Валукинским памятников производились раскопки. В 1933 г. он обследует поселение эпохи бронзы на берегу р. Инютинки близ пос. Отрожка на месте строительства стадиона. Сборы материалы производились также в 1935 г., а в 1938 г. была заложена траншея 11 x 0,5 м с ответвлениями, в которой обнаружена керамика, плитка со сработанными поверхностями из песчаника, ком обожженной глины².

В июне 1935 г. Н. В. Валукинским было обнаружено поселение эпохи бронзы, а также могильник (не ранее XV века) на левом берегу р. Воронеж недалеко от ВоГРЭСовской дамбы в зоне новостройки, о чем он сообщил в местной газете «Коммуна». С 18 по 29 июля силами 2 – 3 женщин от строительных организаций на средства Комиссии по охране памятников при ОблОНО Н. В. Валукинский проводит обследование данного памятника. Помимо него в работах участвовали инструктор ОблОНО Д. Д. Леонов и инспектор по охране памятников В. А. Ельчанинов. До 25 июля вскрывались погребения (не менее 7), пока у землянки № 4 (по определению Валукинского) не был найден фрагмент литейной формочки. Для определения ее назначения был вызван на место раскопок С. Н. Замятнин, тогда уже старший научный сотрудник Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, оказавшийся в это время в г. Воронеже, который указал на то, что вскрывать погребения далее нецелесообразно, и все внимание надо переключить на землянки: очистить их обрезы, заложить пробные траншеи. Что и было сделано. В пределах предполагаемой землянки

¹ Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // Советская археология. – X. – 1948. – С. 300.

² РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Д. 140. ЛЛ. 5 – 10.

№ 1 (всего Н. В. Валукинским было намечено 19 (по прилагаемому плану), 22 (по тексту статьи) землянок) был заложен раскоп 2 x 3 м. И в первый же день работ (26 июля) найдена была сохранившаяся практически полностью плаvilьная чаша – сосуд, по венчику которого шли мелкие трещинки от жара, а на одной стороне была шлакообразная накипь ¹. В последующие три дня коллекция пополнилась еще несколькими литейными формочками, плаvilьными чашами (тиглями), частично сохранившейся ступкой из сланца со следами охры, обломками керамики и остеологическим материалом, в котором преобладающими оказались кости лошади и коровы ².

Впоследствии Валукинский с гордостью (и не без основания) написал: «Это было первое открытие, со всей ясностью утверждающее, что в далеком прошлом, около трех тысяч лет тому назад, на территории Воронежской области была бронза, что люди, жившие здесь, были знакомы с заготовкой тиглей, формочек, плавкой меди из медной сернистой руды и отливкой бронзовых поделок» ³.

Действительно, археологические материалы, полученные в процессе обследования этого памятника, оказались настолько интересными, что в октябре 1936 г. раскопки поселения были продолжены под руководством Г.В. Подгаецкого ⁴. По соглашению, подписанному Директором Воронежского областного краеведческого музея В. А. Ельчаниновым и старшим научным сотрудником ГАИМК Г. В. Подгаецким, полевые работы проводились на средства Воронежского областного краеведческого музея (выделено 2000 р.), а камеральная обработка материала осуществлялась в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР и Институте истории материальной культуры ⁵.

¹ РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 78. ЛЛ. 2 – 4.

² Валукинский Н. В. Разведки в Воронеже (1935 г.) // Советская археология. IV. М. – Л., 1937. – С. 311.

³ Валукинский Н. В. По следам древних предков. Воронеж, 1940. С. 29 – 30.

⁴ РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 287. Л. 84.

⁵ РА ИИМК. Ф. 2. 1936. Д. 371. Л. 1, 1об.

Были заложены два раскопа общей площадью около 270 кв. м, включавшей очаг (землянка № 4 по Н. В. Валукинскому) и западину естественного происхождения. Оба раскопа дали аналогичный вещественный материал¹: глиняная посуда, по классификации Г. В. Подгаецкого, представленная большими банкообразными, малыми банкообразными и острореберными сосудами; шлаки; плавильные тигли; литейные формы для отливки вислообушных топоров (8), серпов (2), четырехгранного прутика (1), неопределенного назначения (8); металлические предметы (бронзовая трубочка и железное обоюдоострое шило); каменные орудия (в том числе массивный молот, а также обушковая часть боевого топорика); костяные изделия (в том числе тупики) и остеологический материал.

Значимость проведенных работ определяется тем фактом, что именно на этом поселении была собрана огромная серия свидетельств производственной деятельности населения срубной культуры, которая по своим количественным и качественным показателям была непревзойденной вплоть до раскопок Мосоловского поселения (70 - 80 гг. XX века).

В том же 1936 году Н. В. Валукинский провел раскопки на поселении поздней бронзы в пределах ст. Отрожка на левом берегу р. Воронеж у ее притока Инютинки, где была разрезана строительными работами древняя землянка. В результате было частично исследовано полуземляночное жилище (около 10 x 8,5 м). Н. В. Валукинским была предложена реконструкция этого жилища, согласно которой оно имело двускатное камышевое перекрытие, корытообразный пол, два очага, соответственно в восточной и западной частях. Вещественный материал, по мнению исследователя, беден: мелкие обломки костей животных, осколки кремня и обожженного камня, мелкие фрагменты баночных сосудов, некоторые из которых с орнаментом². Поблизости от землянки были найдены

¹ Подгаецкий Г. В. Гор. Воронеж, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. М. – Л., 1941. С. 156 – 160.

² Валукинский Н. В. Реки Усманка, Тавровка и Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. М. – Л., 1941. С. 161.

трехгранный бронзовый наконечник стрелы, фрагмент литейной формочки, круглая подвеска из раковины ¹.

С 4 по 25 августа 1937 г. Н. В. Валукинским произведены раскопки на поселении поздней бронзы в южной части сл. Придачи на левом берегу р. Воронеж, которое было открыто им в 1929 г. (по отчету в 1930 г.), и с этого времени ежегодно обследовалась. Раскопками вскрыты два - три (?) полуземляночные жилища, при этом между второй и третьей прослежены следы навеса. Более содержательной оказалась вторая: прослежена двускатная конструкция кровли, определен вход с юга, очаг в северо-восточном углу. Собрана коллекция, включающая фрагменты сосудов, пряслице, каменные орудия труда (гладилка, отбойник, шлифовальные камни, зернотерки), обломок бронзового полукруглого в сечении браслета, остеологическая серия ². По данным Подгаецкого, в коллекции были два тигля ³ (предполагаю, что речь идет о двух небольших сосудах в кладовой яме в северо-западном углу второй землянки – по Валукинскому).

Как уже было сказано, в 1930-е годы приоритетное внимание уделялось раскопкам бытовых памятников, изучение же курганных древностей в это время ограничивалось работами охранного характера – доисследованием разрушающихся объектов. Так, проведение строительных работ по улице им. Громова в Воронеже грозило уничтожением двух курганов, которые и были раскопаны в июле – августе 1937 г. Н. В. Валукинским под непосредственным руководством П. П. Ефименко ⁴.

Учитывая наличие уже к началу работ в одном из курганов водопроводной канавы и небольшую величину самой насыпи, П. П. Ефименко принимает решение лишь доисследовать в нем разрушенное погребение ⁵. В ходе работ был найден сосуд «хвалынского типа» (по

¹ Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. 294.

² Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. 295, п. 36; РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 198. ЛЛ. 17 – 34.

³ РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 2 д. Д. 146. Л. 86.

⁴ РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 198. ЛЛ. 1 – 16.

⁵ РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 198. Л. 6 – 7.

определению П. П. Ефименко) с гребенчатым орнаментом и бронзовая игла. Приведенный Н. В. Валукинским в публикации рисунок сосуда подтверждает правомерность такой атрибуции (в современном понимании – донская лесостепная срубная культура). В другом кургане были вскрыты три погребения. В южной части был обнаружен вытянутый костяк черепом на север. В его окружении зафиксированы уголь и древесина. Рядом с черепом находился баночный сосудик, орнаментированный по стенкам и дну¹ (сосуд, судя по рисунку, относится к среднедонской катакомбной культуре). В западной части насыпи был обнаружен череп, в восточной – при вытянутом костяке найдена монета XVIII в.²

В сентябре 1940 г. Н. В. Валукинский предпринимает самостоятельные раскопки кургана при участии студентов-историков Воронежского педагогического института (под руководством преп. В.И. Кошелева) и Воронежского государственного университета. Показательно, что историческому факультету университета было всего несколько месяцев (открыт прием студентов в соответствии с приказом № 319 Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 21 апреля 1940 г.), и в составе нового подразделения была создана пока только одна кафедра – истории³.

Всего в первый год на исторический факультет было зачислено 67 человек, из них 27 вошли в состав историко-краеведческого студенческого кружка. Они и приняли участие в раскопках, а затем работали в краеведческом музее, обрабатывая полученные материалы⁴.

В ходе работ был раскопан курган в урочище «Попова дача» на левом берегу р. Инютинки в северной части пос. Отрожка. Сохранившийся в архиве ИИМК отчет о раскопках этого объекта позволяет согласиться с высказанной

¹ РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 198. Л. 7; Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. 299, рис. 4 (1).

² Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. 299.

³ Акиншин А.Н., Карпачев М.Д. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2003. - С. 16 – 17.

⁴ ГАВО. Ф. Р – 33. Оп. 1. Д. 247. Л. 20об. – 21.

в адрес Валукинского критикой со стороны ГАИМК ¹. Автор раскопок сообщил, что был обнаружен костяк, лежавший черепом на север в неглубокой (до 0,4 м) блюдцеобразной яме, девять сосудов (семь целых и два фрагментированных), две медные (бронзовые?) желобчатые височные подвески (фрагменты плохой сохранности) и железный нож ². В отчете, присланном в ГАИМК, Н. В. Валукинский указал, что «погребение было обнаружено в северо-восточном секторе в виде скорченного костяка, передом на запад, головой почти на север. Костяк растянут от темени до пяточных костей на 2,5 м. Между тазовой костью и верхней частью костяка разрыв 0,6 м. Положение черепа несколько выше костяка»³. Данное описание с учетом сохранившихся в архиве ИИМК РАН фотографий обнаруженных вещей свидетельствует о том, что под курганом находилось несколько захоронений, относящихся к эпохе средней и поздней бронзы и, возможно, раннего железного века, но отчет Н.В. Валукинского, к сожалению, не позволяет детализировать это положение.

Проводя раскопки, Н.В. Валукинский, прежде всего, стремился к реконструкции жилищ, так как в первую очередь считал себя этнографом. Исследуя перечисленные археологические памятники, Н.В. Валукинский был собран материал, включающий не только фрагменты керамики, каменные орудия, остеологический материал, но и первые на бытовых памятниках свидетельства металлопроизводства в эпоху бронзы.

Раскопки погребений были менее удачными и вызвали наибольшее число нареканий со стороны ИИМК. В большей степени это касается отчета 1940 года, когда Археологический комитет ИИМК указал на ошибки в методике раскопочных работ и наблюдений, а также на недостаточную полноту отчета и его надлежащее оформление. Имеющийся материал с курганов, содержащих несколько захоронений, не дает возможности

¹ РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 53. Л. 28.

² Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. С. 292, рис. 2.

³ РА ИИМК. Ф. 35. Оп.1. 1940 г. Д. 53. Л. 17.

проследить их стратиграфию из-за преждевременной интерпретации вскрываемых комплексов. Таким образом, к концу 1930-х годов отставание Н.В. Валукинского от современных методических разработок становится наиболее ощутимым. Предложения рационализаторского порядка по изменению методики раскопок курганов также получили отрицательный отзыв в полевом комитете ИИМК¹.

С 1931 года с Курском связана краеведческая, в том числе и археологическая, деятельность Владимира Ивановича Самсонова (1886 – 1964), возглавившего отдел дореволюционного прошлого в краеведческом музее. Он принимал участие в экспедициях столичных археологов (в довоенное время – Б.А. Рыбакова), в июне 1941 года после сообщения о находке бивня мамонта в обрыве реки Рагозны, провел разведку на месте находки, и тем самым положил начало изучению знаменитой Авдеевской стоянки эпохи верхнего палеолита².

В целом, деятельность П.П. Иванова в Тамбовской области (она была суммарно проанализирована в предыдущем подпараграфе), Н.В. Валукинского (Воронежская область), В.И. Самсонова (Курская область), являвшихся в тридцатые годы единичными представителями местной краеведческой археологии, отражает ведущие тенденции в ее развитии, а именно, стремление привлечь внимание столичных исследователей и археологических учреждений к многочисленным памятникам региона, а также своими силами способствовать их изучению и сохранению.

¹ РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 53. Л. 33, 34.

² Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). Автореф. дисс...д.и.н. – Курск: КГМУ, 2002. – С. 30 – 31.

4.2. Археологическое изучение Центрального Черноземья представителями академической науки

Революционные потрясения нарушили процесс становления региональной археологии Центрального Черноземья. В 1920-е годы вновь потребовался импульс из центра, чтобы вывести занятия провинциальных краеведов на соответствующий уровень археологических исследований. В полной мере эта задача реализована не была, но ведущая тенденция прослеживается достаточно четко. Эпизодические встречи столичных профессионалов с краеведами в первой половине 1920-х годов перерастают в спланированные ежегодные исследования на территории Центрального Черноземья с привлечением к ним, по мере возможностей, местных кадров.

Важнейшими научно-исследовательскими учреждениями археологического профиля в 1920-е годы становятся Российская (с 1926 г. Государственная) академия истории материальной культуры, ставшая с 1919 года преемницей Императорской Археологической Комиссии ², и Институт археологии и искусствознания Российской ассоциации научных институтов общественных наук (с 1926 г.) в Москве ³. Именно в этих учреждениях продолжают свою деятельность ведущие археологи страны, а также формируются кадры нового поколения исследователей, уже на базе марксистской идеологии. Если говорить о роли этих учреждений в развитии археологии Центрального Черноземья, то следует отметить, что связь с указанным регионом сотрудников столичных учреждений базировалась на дальнейшей разработке той проблематики, которая была в русле их научных интересов.

4.2.1. Планомерные работы в регионе Петра Петровича Ефименко

Деятельность Петра Петровича Ефименко в 1920 – 1930-е гг. неразрывно связана с Центральным Черноземьем. Будучи ведущим научным

сотрудником ГАИМК, в течение ряда лет он руководил экспедицией для изучения палеолитических культур (1923-1926 гг.), затем юго-восточной (1925-1929 гг.) и Костенковской (1931-1933; 1935-1937 гг.) экспедициями. Основным объектом исследования этих экспедиций стал Костенковско-Борщевский микрорайон памятников. За эти годы были проведены раскопки палеолитических стоянок Костенки I, II, III, IV, VI, Борщево I, II, III, открыты близкие им стоянки Костенки V, XIV. В данной связи приведу суждение С.А. Васильева, которое полностью разделяю. «Начиная с 20-х годов, формируется Костенковская экспедиция – старейшая в стране полевая лаборатория изучения древнекаменного века. Именно материалы Костенок послужили базой для формирования нескольких сменявших друг друга на протяжении десятилетий концепций развития палеолитической культуры»¹.

С 1928 года экспедиция приобретает комплексный характер, и поэтому неслучайно, что в конце 1920-х – 1930-е годы в рамках ее деятельности были открыты и изучены памятники и более поздних эпох (от эпохи неолита до средневековья), особенно яркие свидетельства были получены по археологии донских славян.

Хроника экспедиционных работ под руководством П.П. Ефименко выглядит следующим образом.

1923 г. – совместно с воронежским музеем (С. Н. Замятнин) по поручению и на средства Русского музея раскопки стоянок Костенки I, Борщево I и Борщево II; открытие стоянок Костенки II, Костенки III и Борщево III.

В 1924 г. приезд П.П. Ефименко в Воронеж не состоялся из-за отсутствия финансирования (см. приложение № 21).

1925 г. – по поручению Московской секции РАИМК и РИМ раскопки стоянок Борщево I, Борщево II и Борщево III.

1926 г. – разведочные работы в ближайших окрестностях Костенок.

¹ Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – С. 23.

В 1928 – 1929 гг. ведутся работы на верхнепалеолитических памятниках: 1928 г. – при участии П. Н. Третьякова раскопки на стоянках Костенки III и IV и разведочные работы на вновь открытых стоянках Костенки V, XIV; 1929 г. – при участии П.Н. Третьякова, П.И. Борисковского, Л.Н. Соловьева раскопки стоянок Борщево II, Костенки VI.

В это же время по заданию П. П. Ефименко П. И. Борисковский и Н.В. Валукинский провели разведочные раскопки на Левобережном Костенковском поселении, расположенном на левом берегу р. Дона напротив центра с. Костенки. В разведочной траншее, заложенной недалеко от террасы, были обнаружены признаки землянки, содержащей керамику позднесрубного типа, кости животных и т. п.¹

Здесь же попутно отметим, что изучение этого поселения в 1932 году продолжил В. И. Равдоникас. Им была доследована обнаруженная в 1928 г. полуземлянка и частично раскопана смежная с ней вторая. На территории одной из них было обнаружено погребение в скорченном положении на боку. Результаты работ нашли отражение в четырех публикациях². Еще Г. В. Подгаецкий справедливо указывал, что сведения об этих исследованиях отличаются краткостью, неполнотой и противоречивостью, и при этом чертежи, равно как и остальная полевая документация в архиве ИИМК отсутствуют³. В частности, есть несоответствия в данных о размерах жилищ, их реконструкция⁴ не находит подтверждения на приводимом чертеже⁵. На поселении, согласно описанию В. И. Равдоникаса, были найдены бронзовые

¹ Ефименко П. П. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок // Проблемы истории доклассовых обществ. – 1934. – № 5. – С. 53.

² Равдоникас В. И. Первобытнокоммунистическое общество // Известия ГАИМК. – Вып. 99. – 1934. – С. 12 – 13; Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 1. – Л., 1939. – С. 14 – 15; Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 2. – Л., 1947. – С. 361 – 362; Гольмстен В. Экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 9 – 10. – С. 61.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 146. Л. 29.

⁴ Равдоникас В. И. Первобытнокоммунистическое общество // Известия ГАИМК. – Вып. 99. – М.-Л., 1934. – С. 12.

⁵ Там же. – С. 13, рис. 3.

орудия (серпы, иглы, долото), орудия из костей (проколки и пр.), орудия из камня (скребки); очень много, по его мнению, черепков глиняной посуды, частью украшенной орнаментом, и костей животных ¹. По сведениям Подгаецкого, на поселении была также обнаружена литейная форма для отливки ножей-кинжалов сосново-мазинского типа ², но в опубликованных работах этой информации не содержится.

Впоследствии больших земляных работ на поселении не проводилось. В 1949 г. на поселении археологической разведкой ВГУ было заложено два шурфа, в которых кроме керамического материала и костей найдены четырехгранное бронзовое шило и небольшой железный прутик ³. В 1964 – 1965 гг. сборы подъемного материала с поселения проводились студентами ВГУ и учащимися школы № 30 г. Воронежа ⁴.

В анализируемые 1928-1929 гг. под руководством П.П. Ефименко были проведены раскопки и на памятниках последних веков I тыс., давших выразительный материал славянского облика: на I и II Борщевских городищах, курганного могильника к югу от I Борщевского городища; на Кузнецовском городище и городище у Михайловского кордона, на Кузнецовском и Лысогорском могильниках на северной окраине г. Воронежа. В этих работах участвовали П.И. Борисковский, В.К. Быстржинский, Н.В. Валукинский, Е.Ф. Лагодовская, Д.Д. Леонов и П.Н. Третьяков ⁵.

На Большом Борщевском городище была исследована площадь около 700 кв. м, вскрыты остатки восемнадцати полуземляночных построек, из которых большинство являлось некогда жилыми помещениями, ряд ям-хранилищ и участок, занятый легкими

¹ Равдоникас В. И. Указ. соч. – С. 12.

² РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 146. Л. 78.

³ Москаленко А. Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // КСИИМК. – Вып. XLIII. – 1952. – С. 102, рис. 32, 3-4, с. 106.

⁴ Пряхин А. Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н.э.: Дис. на соиск. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1966. – С. 32.

⁵ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА СССР. – 1948. – № 8. – С. 8 – 9.

сооружениями, имевшими, вероятно, вид навесов. Все эти постройки составляли как бы две группы, из которых большая, отличающаяся своей компактностью, занимала восточный склон, обращенный к Дону, меньшая же, состоящая из расположенных отдельно одно от другого жилищ, - противоположный западный склон. На гребне площадки оставалось некоторое свободное пространство, нечто вроде прохода или проезда. За небольшим исключением все сооружения, исследованные на городище, существовали в одно время¹. Сообщая о результатах раскопок, П.П. Ефименко охарактеризовал открытые экспедицией жилища как «целый улей помещений, лежащих одно возле другого... Эти обширные сооружения... запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда». При этом бытовой уклад жителей «Боршевского городка» представлялся автору «весьма примитивным», главными их занятиями были охота и рыболовство². Эта точка зрения нашла отражение и в монографическом исследовании, посвященном итогам работ анализируемой экспедиции на славянских памятниках Среднего Дона³. Более того, вплоть до середины 1950-х годов это мнение было главенствующим в отечественном славяноведении⁴.

В 1929 г. были произведены также раскопки четырех курганов в северной части большого могильника, расположенного в 400-450 м к югу от городища и состоявшего из нескольких сотен насыпей. Все насыпи были раскопаны целиком, что позволило выявить неизвестную до того времени деталь в устройстве погребальных сооружений: во всех курганах, содержащих останки кремации, по их периферии, под насыпями были обнаружены остатки округлых оград, состоящих из вертикально

¹ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. – С. 18 – 20.

² Ефименко П.П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 8.

³ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. – С. 18 – 20.

⁴ Подробный историографический анализ данной проблемы см.: Ковалевский В.Н. Социальная структура славян Днепро-Донского междуречья VIII – первой половины XI вв. История изучения вопроса (1930 – середина 1990-х гг.) // Археологические памятники Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2005. – С. 167 – 179.

поставленных толстых дубовых плах. 13 сосудов, обнаруженные в курганах, находят аналогии керамике с городища ¹.

Работы на Малом Борщевском городище можно считать исследованиями разведочного характера, имевшими целью выяснить характер памятника и его отношение к Большому городищу. Для разрешения указанных вопросов в 1929 г. на нем были вскрыты четыре жилища ².

Помимо исследования славянских древностей на Дону в районе с. Борщева, в 1928 г. были проведены раскопки на р. Воронеж, которые сосредоточились на группе памятников, состоящей из двух городищ и двух курганных могильников. Наиболее значительные раскопки были предприняты здесь на Кузнецовском городище, которое когда-то было определено как хазарское укрепление. Поверхность городища в 1928 г. была занята дачами и фруктовым садом, поэтому при выборе места для раскопа пришлось остановиться на наиболее свободных от плодовых деревьев участках, которые оказались в центральной части площадки городища, ближе к ее восточному концу. Здесь были заложены два раскопа размером 5x13 м и 7x10 м. В каждом раскопе были открыты остатки жилых комплексов, состоящих каждый из трех полуземляных сооружений: в первом раскопе все они являлись некогда жилыми помещениями, во втором комплексе одно из помещений было кузницей ³.

В последующие годы работы на этом городище велись под непосредственным руководством П.П. Ефименко сотрудниками Воронежского краеведческого музея И.Д. Смирновым и Н.В. Валукинским с некоторыми перерывами вплоть до 1940 г. За это время были изучены тридцать жилых построек, из них двенадцать раскопаны полностью, три хранилища для зерна и несколько помещений для обработки железа.

¹ Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. – С. 81.

² Там же. – С. 73.

³ Там же. – С. 92 – 93.

Собранная во время этих работ коллекция вещей эпохи бронзы и боршевской культуры погибла во время Великой Отечественной войны¹.

На городище у Михайловского кордона для исследования в 1928 году были выбраны остатки двух жилищ, расположенные в южной части памятника. Слой в обоих раскопах почти не содержал находок, за исключением нескольких десятков мелких обломков лепной керамики и костей животных. В первой постройке были обнаружены остатки печикаменки, а во второй землянке простейший очаг². Исследователи отмечали, что столь незначительные раскопки для такого огромного памятника, каким является городище у Михайловского кордона, носили «рекогносцировочный характер», и дали возможность утверждать, что это городище принадлежит к той же эпохе, что и другие славянские памятники, исследованные в 1928-1929 гг.³.

В 1928 г. были также произведены раскопки одного кургана на Лысой горе и двух курганов на Кузнецовском могильнике. Раскопки, по мнению исследователей, имели целью дополнить старые материалы, полученные в результате раскопок, как правило, не целых насыпей, а лишь их центральных частей, и выяснить отношение этих могильников к соседним городищам – Кузнецовскому и у Михайловского кордона⁴.

В 1928 - 1929 гг. экспедиция П. П. Ефименко наряду с раскопками проводит также сбор подъемного материала в пределах сел Борщево и Костенки, в результате чего было выявлено четыре поселения срубной культуры эпохи поздней бронзы (у хуторов Серафимович, Духовского,

¹ Москаленко А.Н., Винников А.З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (материалы к археологической карте) // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ: Т. 64. – Воронеж, 1966. – С. 70.

² Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. – С. 108 – 109.

³ Там же. – С. 109.

⁴ Там же. – С. 111.

Аленки, Задонье)¹, керамика эпохи бронзы более архаического облика в большом количестве была собрана на втором Боршевском городище².

В 1933 г. М. М. Герасимовым, В. В. Храмовой и С. А. Семеновым по заданию и под общим руководством П. П. Ефименко был заложен раскоп площадью 12 кв. м на поселении в урочище «Ерик» на левом берегу р. Дон напротив северного конца с. Костенки. Было изучено углубленное жилище с остатками очага. Найдены каменные изделия, в том числе половина кремневого клинка, кремневый отбойник, точильный камень, катакомбная и многоваликовая керамика (судить можно лишь по описанию – Е.З.), кости животных и фрагменты изделий из них³. П. П. Ефименко обратил внимание на оседлость оставившего поселок населения, сделав при этом вывод о преобладании у него производящих отраслей хозяйства, в частности скотоводства, над потребляющими⁴.

Перу П. П. Ефименко принадлежит около 80 печатных работ⁵. Отдавая дань уважения огромному научному труду П. П. Ефименко, его бесспорному лидерству на протяжении многих лет в науке о первобытности, необходимо отметить его фундаментальный труд «Первобытное общество»⁶. Книга эта издавалась трижды, перерабатывалась, дополнялась. В ней собран огромный материал, изложенный в разработанной П. П. Ефименко системе периодизации памятников палеолита. Книга представляет собой энциклопедию палеолита СССР, органически связанного с европейским палеолитом.

¹ Государственный Эрмитаж. Отдел археологии восточноевропейской степи. №№ 1273, 1276, 1278, 1279; Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 64. – Воронеж, 1966. – С. 79.

² Ефименко П. П. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок // Проблемы истории доклассовых обществ. – 1934. – № 5. – С. 52.

³ Там же. – С. 49-51.

⁴ Там же. – С. 52.

⁵ Бибииков С.Н. Петр Петрович Ефименко (к 100-летию со дня рождения) // Советская археология. – 1984. – № 4. – С. 288.

⁶ Ефименко П.П. Первобытное общество: Очерки по истории палеолитического времени. – Киев, 1953. – 664 с.

Не останавливаясь подробно на характеристике всего научного наследия этого выдающегося исследователя, отметим лишь те из его работ, которые посвящены археологическим памятникам, исследованным под руководством П.П. Ефименко на территории Воронежского края.

П. П. Ефименко сразу же оценил научное значение Костенок как памятника, исключительного по своим научно-информативным возможностям, как своего рода опытную полевую лабораторию для разработки методических приемов раскопок палеолитических стоянок, как объект истории, как источник для изучения крупных исторических проблем и самых, казалось бы, мелких хозяйственных и бытовых свидетельств. Именно этим задачам П. П. Ефименко подчинял научную программу работ. Он постоянно совершенствовал методику полевых исследований.

Главным достижением работ Костенковской экспедиции, руководимой П. П. Ефименко, следует считать внедрение комплексного метода исследований. Он доказал на примере Костенок наличие долговременных жилищ в позднем палеолите, следовательно, относительную оседлость населения в это время. Организацию таких поселений он истолковал как первобытно-общинную в рамках возобладавшей тогда марровской стадияльной теории. Работы П. П. Ефименко показали, что в позднем палеолите особо почитался культ женщины — носительницы родовых начал и традиций, хранительницы домашнего очага и потомства. Культ этот отражал матриархально-родовой уклад в первобытных общинах. Итоги проведенных работ были обобщены в монографии П. П. Ефименко «Костенки I»¹.

Детальный разбор позиций П.П. Ефименко в науке (сильные и слабые стороны его представлений, их идеологическая обусловленность), по моему мнению, отличающийся взвешенностью и

¹ Ефименко П. П. Костенки I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 450 с.

аргументированностью суждений, содержится в коллективной монографии М.В. Аниковича, В.В. Попова и Н.И. Платоновой¹. Не обойдена вниманием научная деятельность П.П. Ефиманко и в монографии С.А. Васильева². К трудам этих авторитетных ученых мы и отсылаем читателя.

В 1938 – 1939 гг. во время раскопок палеолитической стоянки Костенки IV - Александровка А. Н. Рогачевым была вскрыта часть территории и поселения более позднего времени: срубной культуры – финальной бронзы – раннежелезного века. Полученные материалы были переданы Г. В. Подгаецкому, который интерпретировал обнаруженную керамику как результат дальнейшего развития посуды срубного типа. Характерными признаками некоторых сосудов является рогожная и сетчатая орнаментация. Некоторые формы близки известной раннескифской керамике³. Можно полагать, что в данном случае был исследован памятник городецкой культуры на Среднем Дону, тогда еще, правда, не анализирующейся в таком ракурсе.

4.2.2. Археология Среднего Подонья в научном наследии

Василия Алексеевича Городцова

В 1920-е годы с территорией Воронежской губернии были связаны несколько эпизодов из полевой деятельности известного отечественного археолога, в то время возглавлявшего отдел археологии РАНИОН, Василия Алексеевича Городцова. В эти же годы он оказал существенную помощь сотрудникам краеведческого музея, в первую очередь С.Н.

¹ Платонова Н.И., Аникович М. В., Попов В.В. П.П. Ефименко и его позиции в науке // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2008. – С. 23 – 28.

² Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – С. 32 – 34, 42 – 43, 53 – 54.

³ Подгаецкий Г. В. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону (сектор бронзы и раннего железа, 3.1. 1939) // КСИИМК. II. – М.-Л., 1939. – С. 18 – 19; РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 146. Л. 171.

Замятнину, при организации археологической экспозиции по образу и подобию имеющейся в ГИМе. Последний приезд В.А. Городцова в Воронеж датируется весной 1941 г.

В целом, представления В.А. Городцова о среднедонских древностях, помимо изучения соответствующих публикаций, базировались на собственноручной проработке коллекций археологического отдела Воронежского историко-культурного (впоследствии краеведческого) музея, впечатлениях от посещения палеолитических памятников у с. Костенки, а также проведенных лично раскопках на одном из известнейших воронежских могильников – «Частые курганы».

Сохранившиеся архивные материалы позволяют проследить хронику событий, связанных с пребыванием Василия Алексеевича Городцова на воронежской земле. Эти несколько эпизодов заслуживают внимания, на наш взгляд, прежде всего, как дополнительные штрихи к портрету выдающегося отечественного ученого. Среди учеников В.А. Городцова есть и представительница воронежской археологии – это Мария Евгеньевна Фосс, но их знакомство и дальнейшее сотрудничество связаны уже с московским периодом жизни последней.

Приезду В.А. Городцова в Воронеж предшествовало его знакомство со среднедонскими древностями в коллекции РИМ и на выставке XII Археологического съезда, а также изучение специальной литературы в соответствии с интересовавшими его проблемами.

К примеру, во второй половине 90-х гг. XIX в. В.А. Городцов начинает систематизацию археологического материала по каменному веку и эпохе бронзы России и Сибири, что нашло первоначально свое отражение в докладе на XI Археологическом съезде в Киеве (1899 г.) о системе описания русской доисторической керамики, а затем и при анализе полученного материала после хорошо известных раскопок в Изюмском (1901 г.) и Бахмутском (1903 г.) уездах. Свидетельством проделанной кропотливой работы по изучению специальной литературы являются его выписки,

составившие отдельную папку «Сведения о находках и исследованиях каменного и бронзового периода...», которую он начал в апреле 1898 г.; при этом в поле зрения ученого попали и древности Воронежской губернии¹. Отдельные записи, посвященные памятникам Подонья, можно найти и в других, более поздних, архивных материалах ученого. Доподлинно известный факт – интерес, проявленный Городцовым к выставке воронежских древностей, организованной в период работы XII Археологического съезда (1902 г.), на котором впервые фиксируется и использование В.А. Городцовым археологического материала со Среднего Дона в научной публикации.

Самые ранние сведения, указывающие на стремление В.А. Городцова посетить Воронежскую губернию, по нашему мнению, относятся к 1907 г. Его интересом к славянским древностям в целом в первые годы XX века, и в особенности, надо полагать, отстаиванием славянской атрибуции Донецкого городища можно объяснить желание Василия Алексеевича провести в 1907 году раскопки близ села Борщево². Двумя годами раньше, как мы уже писали, здесь побывал А.А. Спицын, отнесший обследованное им городище (ныне известное в науке под названием Большое Борщевское) к «типу донецких»³. Кроме этого, у подошвы городища в пробной траншее А.А. Спицын обнаружил кости мамонта и осколки кремня и предположил, что «здесь будут найдены такие же остатки палеолита, как в Костёнках»⁴. Это известие также не могло не заинтересовать В.А. Городцова в свете изучения им каменного периода.

В апреле 1907 г. состоялось распорядительное заседание Московского археологического общества, где В.А. Городцов просил разрешить ему

¹ ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр.136. Л. 20 – 21.

² Цыбин М.В. В.А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-восточного порубежья Древней Руси // Исторические записки. – Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 204.

³ Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 год. – СПб., 1908. – С. 83.

⁴ Там же. – С. 84.

раскопки у с. Борщево. «... Общество одобрило мою просьбу, но с условием, чтобы я исследование произвел по окончании работ в Маджарах (золотоордынский город XIII-XVI вв., р. Кума, Северный Кавказ – Е.З.). Предстоит выработать план работ»¹. Он принял условия МАО, выработал план работ и получил Открытый лист. Городцов командировался в Ставропольскую и Воронежскую губернии с 24 мая по 20 июля 1907 г.² К сожалению, удалось осуществить только первую часть плана. Во время раскопок в Маджарах В.А. Городцов получил сильную травму и не смог поехать в Воронежскую губернию, а вынужден был вернуться в Москву.

Возвращая в конце августа 1907 г. неиспользованный открытый лист, он оставил у себя экземпляр дневника и бланки описи «в надежде получить разрешение на выполнение намеченных раскопок в ближайшем будущем»³.

Летом 1916 г. Городцов вновь планировал поездку в Воронеж. В этот раз поездка не состоялась по семейным обстоятельствам.

Вновь приезда именитого ученого в Воронеже ожидали в 1920 году. Этому предшествовала командировка в Москву в июле-августе 1920 г. С.Н. Замятнина от Воронежского отделения МАИ ради «...приобретения книг для библиотеки отделения и для выяснения ряда вопросов, связанных с жизнью отделения...»⁴. Видимо, в это время состоялась его первая встреча с В.А. Городцовым⁵, во время которой Василий Алексеевич вновь выразил желание посетить Воронежскую губернию. Подтверждением этому предположению является письмо С.Н. Замятнина В.А. Городцову, текст которого приводим в приложении № 22. Но в 1920 г. Городцову удалось осуществить поездку только по поволжским городам.

¹ ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр. 329. Л.163об.

² ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр. 306. Л. 48.

³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1907 г. Д. 59. 6 л.

⁴ НА ВОКМ. №4533 – 134.

⁵ Белановская Т.Д. Воспоминания о Сергее Николаевиче Замятнине // Локальные различия в каменном веке. Тез. докл. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. – СПб., 1999. – С. 45.

Однако воронежские исследователи древностей, очевидно, активно стимулировали реализацию планов В.А. Городцова по посещению Воронежа. С.Н. Замятнин, затем Д.Д. Леонов и Н.В. Валукинский вели с ним переписку, оперативно высылали по его просьбе фотоматериалы из воронежского музея. Наконец, в мае 1925 г., как мы уже писали, Главнаука Наркомпроса уведомила воронежские власти о приезде в июне текущего года археологической экспедиции под руководством проф. В.А. Городцова. И вновь приезд не состоялся. В.А. Городцов изменил свои планы и с июня по август 1925 г., возглавив Волжскую экспедицию ГИМ, проводил обширные раскопки в среднем течении р. Волги в пределах Самарской и Ульяновской губерний¹. В этом же году им были начаты раскопки Старшего Каширского городища, одного из памятников дьяковской культуры VII – IV вв. до н.э., продолжившиеся и в следующем – 1926 г. Вероятно, проблематика раннего железного века в это время становится приоритетной для В.А. Городцова, поскольку он меняет объекты, избранные им ранее для раскопок в воронежском крае и предполагает исследовать к тому времени уже знаменитые «Частые курганы».

Первое посещение В.А. Городцовым Воронежа, наконец, состоялось в 1927 году. К сожалению, архивных материалов, отражающих личные впечатления В.А. Городцова от поездки, не сохранилось. В этой связи хотелось бы предостеречь читателей от возможного недоразумения. Дело в том, что, восстанавливая утраченные дневниковые записи, сам В.А. Городцов датировал 1927 годом те события, которые были связаны с его пребыванием в Воронеже двумя годами позже – в 1929 г. (об этой поездке речь пойдет ниже).

В настоящее время мы располагаем лишь официальными документами и научной публикацией исследователя по итогам работы этой экспедиции. Ее результаты обсуждались на заседании секции Археологии и Искусствознания

¹ Городцов В.А. Волжская археологическая экспедиция // Хочу все знать. – № 6. – М., 1926. – С. 244 – 245.

РАНИОН¹, а затем нашли отражение в статье, опубликованной уже после смерти исследователя².

В состав Воронежской экспедиции РАНИОН помимо самого В.А. Городцова входили его сын М.В. Городцов и студент В.Г. Карцев. В ходе работ было раскопано еще четыре кургана, содержащих в основном скифские захоронения, датированные автором вслед за М.И. Ростовцевым IV-III вв. до н.э., один «курганообразный холм» неопределенного назначения и один курган более древнего времени.

Воодушевленный итогами этих работ В.А. Городцов планирует продолжить исследование данного памятника и, судя по сохранившимся записям, целенаправленно готовится к предстоящей экспедиции. Еще в Москве он вырабатывает «Программу работы по прибытии в г. Воронеж»³, в которой помимо решения организационных вопросов, связанных с представлением местным властям и наймом рабочих, предполагается «войти в связь с краеведческой организацией». Для выполнения последней задачи он составил перечень краеведческих обществ Воронежа с указанием места их расположения и руководителей, для музеев имеется описание структуры⁴. В этом же архивном деле содержатся и наброски В.А. Городцова, сделанные им по итогам первой своей экспедиции в Воронеже. Они касаются особенностей скифского звериного стиля, содержат анализ некоторых предметов инвентаря из «Частых курганов» (особенно подробно о поясных крючках), имеется проработка вопроса о бофрах, обнаруженных им на дне некоторых могил в «Частых курганах» (в том числе о необходимости взять землю на анализ), его суждения по поводу распространения сарматов. Все эти вопросы он именуется «очень сложными и пока еще не разрешимыми»⁵. К сожалению, ничего из

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 257. Л. 47-47 об.

² Городцов В.А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. //Советская археология. – IX. – М.-Л., 1947. – С. 13 – 27.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 78. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 5 – 12.

начатой им аналитической работы не вошло впоследствии в названную выше статью, представляющую собой исключительно публикационный материал.

Запланированный приезд в Воронеж в 1929 году состоялся. С Городцовым, в качестве помощника, на сей раз приехал студент Полубейко. События их пребывания в Воронеже нашли отражение в восстановленных дневниковых записях, с той лишь разницей, что сам исследователь отнес их к 1927 году. В реальности записи соответствуют 1929 году с поправкой по срокам (не с 11 по 25 июля, а с 11 по 21 июля).

Подтверждением поправки в датировке событий, о которых идет речь в записях, служит и представленный В.А. Городцовым официальный «Краткий отчет об экспедиционной работе в летний период 1929 года», где указано, что «в окрестностях г. Воронежа предполагалось продолжить раскопки «Частых курганов», давших богатые скифские погребения и некоторые интересные явления, связанные с погребальным культом. К сожалению, в течение десяти дней пребывания на месте работ нам не удалось нанять рабочих, почему работу раздать оказалось невозможным»¹.

По мнению В.А. Городцова, «это была самая неудачная поездка, не давшая никаких результатов. Причиной служил недостаток средств, обусловивший в свою очередь, трудность найма рабочих»². Археологи остановились сначала в краеведческом музее, а затем на одной из дач в с. Подгорном. В дневниковых записях Городцов описывает свой разговор с дворником, который обслуживал археологов: «...народу без работы в селе много и все с радостью пошли бы, но вам расписка и печать Волисполкома нужны,... а Волисполкомские сейчас же у рабочих делает вычет. Вы положили 1 рубль в день, а Волисполком удержит у них с рубля полтинник, а не то и более. Работа выйдет для них совсем невыгодною»³. Сказались также непогода и скудное финансирование раскопок: «...подсчитали все расходы и смутились: не приступив еще к делу, мы уже прожили почти 100 рублей,

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 78. Л. 136.

² ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 346. Л. 270 об.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед.хр. 345. Л. 272.

равнявшиеся четверти всей суммы, отпущенной на раскопки. Расход наш состоял из денег на покупку двух билетов от Москвы до Воронежа и суточных в размере 8 рублей на двух лиц на... извозчиков и некоторых других...»¹. Воронежский ГубОНО поздно ассигновал В.А. Городцову 300 рублей на раскопки, когда билеты обратно в Москву были уже куплены. Археологи вынуждены были вернуться, не начав раскопок.

Во время пребывания в Воронеже немало времени В.А. Городцов посвятил изучению археологических коллекций краеведческого музея – зарисовал и описал наиболее интересные для него вещи, в последний приезд (1941 г.) восхищение вызвала экспозиция музея почв Воронежского СХИ.

Работа с фондами Воронежского музея позволила В.А. Городцову составить целостное представление об отражении в коллекции музея материалов различных археологических культур. В его альбоме, содержащем зарисовки и описание вещей из воронежского музея, сделанные в 1927 и 1929 годах, имеется также запись под названием «Культуры Воронежского Областного музея», подводящая итог его работе с коллекциями². Все увиденные им материалы систематизированы следующим образом. I. Палеолит: 1) ранняя пора (Костенки I, II, III), 2) неопределенной поры (Борщево I, II). II. Неолит (нет или если есть, то сомнительный) III. Металлический период: 1) Палеометаллическая эпоха, ранняя пора; поздняя пора: 1) катакомбная культура, 2) срубная культура, 3) культуры до-скифские, 4) скифская культура очень богатая, 5) сарматская культура и культура времени переселения народов не выделяются – Каменные бабы и м.б. другие предметы, 6) хазаро-аланская культура представлена хорошо, 7) славянская (рязанская культура) представлена вещами до татарского нашествия, 8) татарская культура и др. поздних кочевников, 9) Российская культура – имеется. В большей или меньшей степени В.А. Городцовым в

¹ ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр.345. Л. 271.

² ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 292. Л. 8 – 10.

своих работах (опубликованных или сохранившихся в рукописном виде и набросках) использованы материалы всех из перечисленных им культур.

Последний приезд В.А. Городцова в Воронеж датируется 22 – 29 мая 1941 года, и связан он был с проведением Воронежского пленума Советской секции INQUA, в рамках которого Василий Алексеевич выступал с докладом. Свои впечатления от этой поездки он подробно изложил в дневниковых записях, вошедших в подборку архивных материалов под названием «Материалы археологических конференций и пленумов. 1926 – 1941»¹. В этот раз осуществилось и давнее его желание посетить «замечательное место» Костенки.

Свидетельства палеолитической эпохи со Среднего Дона, представленные материалами из Костенок I, были отнесены Городцовым к позднему времени ранней поры и подробно проанализированы, включая детальную историю изучения памятника в книге «Археология. Т. 1. Каменный период», вышедшей в 1923 г.² Впоследствии, проводя лично изучение других палеолитических памятников, он постоянно проявлял интерес к работам, проводимым в районе Костенки – Борщево П.П. Ефименко³ и неоднократно намеревался сюда приехать.

Столь долгожданная экскурсия в Костенки, к сожалению, В.А. Городцова разочаровала: показанный участникам конференции шурф «не содержал ничего особенного»; П.П. Ефименко свой доклад «затянул ровно на два часа», да еще и датировал демонстрируемые материалы с точки зрения В.А. Городцова неверно, но при этом «слушатели взирали на оратора и, видимо, ничего не понимали». В.А. Городцов выразил сомнение о наличии стоянки Костенки III, а до Тельмановской участники не смогли добраться из-за болотистости местности, как впрочем, из-за позднего времени не посетили и Борщево⁴.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 111 – 120 об.

² Городцов В.А. Археология. Том. 1. Каменный период. – М.-Пг., 1923. – С. 192 – 197.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 151. Л. 38 – 47 об., 114 – 114 об.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 122. Л. 116 – 117.

Все свои сомнения и несогласия В.А. Городцов высказал на заключительном заседании пленума, и по его инициативе в резолюцию были внесены два пожелания: 1) произвести проверку раскопкам всех палеолитических стоянок, на которых открыты землянки, так как многие землянки вызывают сомнение в правильности их раскопок; 2) ввиду установленной последним геологическим международным конгрессом, в Вене, новой классификации постплиоценовых отложений и новой терминологии, просить археологов увязать археологическую классификацию и терминологию с геологической¹. Данью признательности В.А. Городцову за труды в области палеолита стало присвоение его имени выявленной в 1951 г. стоянке Костенки XV, на территории которой в следующем 1952 году было обнаружено первое в Костенках палеолитическое погребение².

Столь пристального анализа древностей эпохи бронзы или палеометаллической эпохи, по терминологии В.А. Городцова, Среднего Дона, которым он почтил местный палеолит, мы в его работах не встретим, поскольку второй том его «Археологии», посвященный этому периоду, так и остался незавершенным. Его обращение к среднедонским древностям эпохи бронзы было неотъемлемой частью более широкой исследовательской проблематики, разрабатываемой ученым, касающейся эпохи бронзы степных и лесостепных пространств Восточной Европы. Исходя из такого подхода, его вклад в осмысление эпохи бронзы доно-донецкого региона уже был проанализирован в специальной литературе³.

Именно обращение к древностям эпохи бронзы Среднего Дона ознаменовало начало научного интереса к этому региону В.А. Городцова. Как уже было сказано выше, оно фиксируется во время подготовки и работы

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 122. Л. 120 – 120 об.

² Векилова Е.А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922-1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977. – С. 211.

³ Пряхин А.Д., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи бронзы доно-донецкого региона в научном наследии В.А. Городцова (первые десятилетия XX столетия) // Археология восточноевропейской леостепи. Вып. 16: Археология в Российских университетах. – Воронеж, 2002. – С. 49 – 70.

ХІІ Археологического съезда в Харьковѣ. Его собственные раскопки в Харьковской губернии, приуроченные к проведению съезда, совпали по времени с работами члена ВУАК В.Н. Тевяшова в Острогжском районѣ Воронежской губернии, о которых мы уже писали. Наличие в раскопанных погребениях весьма представительной и богато орнаментированной керамической серии срубной культуры не было обойдено вниманием в докладѣ В.А. Городцова, опубликованном затем в Трудахъ съезда¹. В этой же работѣ при характеристикѣ найденных им металлических изделий В.А. Городцов привлѣк к анализу аналогичные находки из Скорняковских курганов (Задонский уезд Воронежской губернии).

В качестве аналогій донскіе находки, прежде всего катакомбного облика, по мнѣнію В.А. Городцова, привлекаются им и при анализѣ результатов собственных раскопок в Екатеринославской губернии при подготовкѣ следующего ХІІІ съезда. При этом исследователь указывает на необходимость особаго, специальнаго изученія катакомбной культуры путем продолженія раскопок как по берегам Дона, так и Дона².

Упомянутыя о воронежских материалах эпохи бронзы впоследствии встречаются в публикаціях по мере надобности привлеченія аналогій (к примеру, вислообушные топоры с территории Воронежской губернии анализируются среди инвентаря фатьяновскаго типа³, в архивных материалах среди подборок по отдельным культурам⁴, и еще в самом названіи «донская срубная культура» в экспозиціи ГИМ (витрина 13), именуемой так в отличіе от «донецкой катакомбной» по принципиальным соображеніям. Дело в том, что по мере обобщенія накопленнаго материала

¹ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды ХІІ Археологического съезда в Харьковѣ. 1902. – Т. 1. – М., 1905. – С. 202 - 205

² Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды ХІІІ Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. – Т. 1. – М., 1907. – С. 233, 235.

³ Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней Россіи. – М., 1916. – С. 31, 34.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 200. Л. 147; Ед.хр. 201. Л. 37 – 38, 123; Ед.хр. 288. Л. 5, 6.

по эпохе бронзы автор пришел к выводу, что «...срубная культура была очень развита в пределах Самарской губ., доходила до Уфы. Много памятников в Саратовской и Пензенской губ., но центр культуры, кажется, был на Среднем Дону, в пределах Воронежской губ.»¹.

При изучении неометаллической эпохи В.А. Городцов интересовался как скифскими, так и сарматскими древностями Подонья. Для исследования первых он предпринял дальнейшие раскопки могильника «Частые курганы», о чем мы уже писали, здесь же хочу остановиться на разработке В.А. Городцовым сарматской проблематики. Речь идет о его упорном стремлении увязать с сарматскими древностями каменные бабы. Корни такой позиции кроются еще в работах начала XX века, которые он и проводить начал для разрешения вопроса о культурной принадлежности каменных изваяний². Уже тогда после обнаружения миниатюрной меловой статуэтки, напоминавшей монументальное изваяние, он попытался связать их между собой и с сарматскими древностями, что вызвало полемику между В.А. Городцовым и Н.И. Веселовским. Спустя почти два десятилетия, Городцов продолжает искать подтверждение своей гипотезе. Он детально прорисовывает и подробно описывает четыре каменных изваяния из воронежского музея, и сопоставляет сосуды, изображенные на скульптурах, с имеющейся в коллекции музея керамикой и найденной им лично в сарматском погребении. Сходство их форм – это еще одно подтверждение, по мнению В.А. Городцова, правильности его позиции: «Мне кажется, нет ничего невероятного, что воронежские каменные бабы также являются памятниками сарматской культуры»³. Как вы понимаете, этот сюжет – скорее штрих к характеру ученого, нежели повод для научной дискуссии.

Что же касается среднедонских древностей последующих эпох, то они не нашли отражения в каких-либо завершенных работах В.А. Городцова, но,

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 201. Л. 2.

² Цыбин М.В. В.А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-восточного порубежья Древней Руси // Исторические записки. – Вып.4. – Воронеж, 1999. – С. 204 – 215.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 292. Л. 9 об., 10 об. – 12, 21.

как уже было сказано, в его альбомах имеются прорисовки значительного количества средневековых вещей. Особенно много зарисовок и фотографий находок с известного Маяцкого комплекса салтово-маяцкой (хазаро-аланской по его терминологии) археологической культуры¹.

Древности Воронежского края, как видно из вышеизложенного, не стали приоритетной исследовательской темой для В.А. Городцова, но с конца XIX века фиксируется периодическое обращение ученого к археологическим материалам Среднего Дона, что обусловлено, надо полагать, известной скрупулезностью Василия Алексеевича при проработке источниковой базы для своих концептуальных построений. Трижды он побывал в Воронеже, и это позволило ему лично познакомиться с археологическим материалом Среднего Подонья.

В качестве еще одного дополнительного штриха к портрету ученого отметим, что в 1928 году он побывал и на Курской земле. Его приезд был связан с необходимостью обследования места находки так называемых суджанских кладов эпохи великого переселения народов у с. Большой Каменец. Вместе с Л.А. Мацулевичем они организовали там раскопки, с помощью уголовного розыска удалось собрать часть драгоценностей. Впоследствии Л.А. Мацулевич обобщил информацию по этому памятнику в соответствующей публикации².

4.2.3. Первое обобщающее исследование по эпохе бронзы региона Георгия Владимировича Подгаецкого

На материалах, полученных в основном в анализируемое время, базируется первое диссертационное исследование по археологии нашего региона. Речь идет о завершённой в предвоенные годы и защищенной 29 сентября 1941 г. на заседании ученого совета ИИМК АН СССР работе Г.В.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 288. Л. 16, 17; Ед.хр. 292. Л. 19, 20, 25, 26.

² Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи // Известия ГАИМК. – Вып. 112. – М.-Л., 1934. – 132 с., илл.

Подгаецкого «Предскифский период на Среднем Дону», посвященной местным археологическим памятникам эпохи бронзы.

Об авторе этой работы – Георгии Владимировиче Подгаецком (1908 – 1941) – написано немного, поэтому мы сочли возможным поместить в приложениях №№ 23, 24 сохранившиеся в РА ИИМК РАН варианты его автобиографий. Что же касается самого труда, то тезисы диссертации опубликованы ¹, полный текст сохранился в РА ИИМК РАН ². Это исследование не обойдено вниманием ученых, его развернутый анализ содержится в работе А. Д. Пряхина ³. В связи с этим считаю уместным обращение лишь к базовым, принципиальным положениям.

В первой части диссертации внимание уделяется характеристике катакомбной культуры в лесостепном Подонье. Серия металлических изделий катакомбного времени, по его мнению, включает лишь три экземпляра: два шила (со стоянки Шелаево 1 и случайная находка из урочища «Маяки» у с. Девница Коротоякского района (водораздел Дона и Девницы)) и один медный нож, также из урочища «Маяки» ⁴. По мнению Г.В. Подгаецкого, население катакомбной культуры Среднего Подонья получало готовые металлические изделия в процессе межплеменного обмена с северокавказскими жителями. Какие-либо признаки местного металлического производства в это время на Среднем Дону, как и почти во всей степной полосе, отсутствуют ⁵.

В период же поздней бронзы область Среднего Дона выступает как один из центров развитой местной металлургии ⁶. Набор металлических (бронзовых или медных?) предметов состоял из проушных топоров

¹ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // КСИИМК. – XIII. – М.-Л., 1949. – С. 134 – 137.

² Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2д. №№ 145, 146.

³ Пряхин А. Д. Археологи уходящего века. – Воронеж, 1999. – С. 40 – 50.

⁴ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2д. №№ 145. Л. 55, 56.

⁵ Там же. Л. 75 – 77.

⁶ Там же. Л. 114 – 115.

различной величины и формы (наиболее распространенная - вислообушная), втульчатых долот, серпов, ножей, кинжалов типа Сосновой Мазы, наконечников копий, шильев и игл, тонких желобчатых браслетов и таких же височных колец. О том, что все эти предметы местного производства, говорят служившие для их отливки глиняные (реже каменные) литейные формы. К числу находок, свидетельствующих о местной металлургии Среднего Подонья, автор отнес встреченные, в частности, и при раскопках Воронежского (в литературе известно под названием «у ВоГРЭСовской дамбы» – Е.З.) поселения вместе с литейными формами тигли и шлаки, образовавшиеся при плавке медно-сернистой руды. Для дробления руды употреблялись каменные массивные молоты с привязной рукояткой. Г.В. Подгаецкий считал, что металлургией Среднее Подонье было связано гораздо теснее с востоком, нежели с югом. Родство форм большинства металлических изделий и аналогичные литейные формы, по его мнению, намечают путь Средний Дон – Нижнее Поволжье – Южный Урал, где есть следы древних разработок медных месторождений¹. Донецкий же бассейн, указанный А. А. Иессен в качестве источника снабжения медью Подонья², писал Г. В. Подгаецкий, насколько мне известно, не числится в перечне областей, содержащих месторождения медносернистых руд, по крайней мере тех, которые в настоящее время имеют промышленное значение. Конечно, нельзя полностью отрицать использование сравнительно бедных медистых песчаников Донбасса в период срубной культуры, как нельзя по анализам шлаков только одного поселения иметь представления о характере сырьевой базы всей среднедонской металлургии. Тем не менее, остальные факты позволяют утверждать, что сырьевым источником металлургов Среднего Дона месторождения меди в Донбассе не были³.

¹ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2д. №№ 145. Л. 120 – 122.

² Речь идет о работе: Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. – Вып. 120. – 1935.

³ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2д. №№ 145. Л. 119.

Закономерно задаваясь вопросом: «В каком виде поступала медь в Среднее Подонье?» Подгаецкий оставляет его «открытым», указывая на то обстоятельство, что наличие массивных молотов-отбойников и шлаков на поселениях свидетельствует, что сырье поступало в виде руды, но это представляется нецелесообразным¹.

Металлургическое производство на данном этапе уже не ограничивалось выплавкой меди. Культурный слой Воронежского поселения содержал также железное шило и шлаки, полученные при кричном процессе выработки железа. Закономерность освоения железа подтверждается и находками железных предметов в типичных комплексах эпохи бронзы².

В период существования срубной культурыковка сменяется литьем, что позволило изготавливать изделия с втулкой. Производство приобрело массовый характер, при этом намечается специализация в металлургическом производстве не только отдельных семей, о чем свидетельствуют находки в погребениях предметов металлургического производства, но и целых поселков. Например, в противоположность Воронежскому поселению, на левобережном Костенковском, где масштаб раскопок был не меньшим, если не большим, за исключением обломка формы для отливки кинжала ничего другого, связанного с литейным делом, найдено не было³.

Как я стремилась показать, многие из проблем, затронутых в диссертации Г.В. Подгаецкого (преемственность катакомбных и срубных древностей, становление и развитие местного металлопроизводства эпохи бронзы, характерные черты и типология местной керамики эпохи бронзы и др.), знаменуют собой отдельные самостоятельные направления исследовательского поиска, прозорливо обозначенные автором. Каждая из

¹ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2д. №№ 145. Л. 125 – 127.

² Подгаецкий Г. В. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону (сектор бронзы и раннего железа, 3.1. 1939) // КСИИМК. – П. – М.-Л., 1939. – С. 18; Подгаецкий Г. В. Гор. Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. – М.-Л., 1941. – С. 160.

³ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2д. №№ 145. Л. 77, 114 – 115.

этих проблем впоследствии стала предметом специального анализа археологов, занимающихся изучением эпохи бронзы Подонья, и получила свое разрешение благодаря многократному увеличению источниковой базы и применению качественно иного уровня его обработки.

В целом же, археологические работы в Центральном Черноземье, приобретшие со второй половины 1920-х годов систематический характер, прежде всего благодаря деятельности экспедиций ГАИМК, способствовали не только формированию целостного представления о древнейшем прошлом региона, но и выходу на концептуальные обобщения. В этом смысле приоритетное место занял костенковско-борщевский микрорайон, вошедший в вузовский учебник по истории первобытного общества как яркий пример наличия на ограниченной территории «вещественных памятников, по крайней мере, от трех ступеней развития первобытного общества: от ступени возникновения родового общества – охотничий лагерь древнекаменного века, от ступени возникновения патриархата – пастушеско-земледельческое поселение периода бронзы с соседними курганами, от ступени образования сельской общины – Боршевское городище также с курганами, но более позднего типа»¹.

Проведенные в конце 1920-х – 1930-е годы полевые работы на славянских памятниках Среднего Дона и Воронежа обусловили и появление в 1948 г. первого монографического исследования по археологии донских славян. Речь идет об уже неоднократно цитированной работе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова «Древнерусские поселения на Дону». Тем самым были заложены основы последующего развития советской славянской археологии «дофеодального» периода.

Таким образом, с позиций становления региональной археологии 1920 – 1930-е годы были периодом неоднозначным. К середине 1920-х годов местными любителями археологии – краеведами была восстановлена система

¹ Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 1. – Л., 1939. – С. 16 – 17.

взаимодействия со столичными археологическими учреждениями, они активно содействовали археологическому изучению края. Трагические события рубежа десятилетий («Дело краеведов») коренным образом изменили ситуацию. Центрально-Черноземный регион становится местом проведения систематических раскопок академических экспедиций при почти полном отсутствии (истреблении) местных кадров. Сотрудники краеведческих музеев по мере возможностей участвовали в работе академических экспедиций, эпизодически проводили и самостоятельные исследования. Полученные материалы пополняли фонды местных музеев; находили отражение как в научных (включая диссертационные), так и научно-популярных работах.

Материалы РА ИИМК РАН свидетельствуют о том, что на начало 1940-х годов было запланировано как продолжение уже начатых исследований (в костенковско-боршевском микрорайоне, на поселениях по р. Воронеж), так и организация работ на новых памятниках (могильники салтовской культуры в Поосколье)¹, но планы изменила начавшаяся война.

Однако, прежде чем перейти к изложению уже послевоенных событий, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что сотрудничество ленинградских археологов с воронежцами продолжилось и во время войны.

С началом Великой Отечественной войны в работе историко-филологического (с весны 1941 г.) факультета произошли существенные перемены. Осенью 1941 г. в составе исторического отделения числилось два курса, хотя количество студентов на них сильно сократилось. Первый учебный год военного времени был проведен в Воронеже, но в начале июля 1942 г., в связи с ухудшившейся обстановкой на фронте, развернулась спешная, заранее не подготовленная эвакуация университета. С огромным трудом небольшой группе студентов и преподавателей историко-филологического факультета удалось добраться до заволжского города Елабуги, в

¹ РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп.1. 1940 г. Д. 53. Л. 27, 28.

котором по решению правительственных инстанций временно разместились Воронежский университет. В Елабугу были также эвакуированы некоторые работники исторического факультета Ленинградского университета, Института истории материальной культуры и других учреждений Ленинградского отделения Академии наук СССР. При всех невероятных трудностях военного времени такое соседство оказалось весьма благотворным для воронежцев. К педагогической работе с немногочисленными студентами исторического отделения ВГУ охотно приступили выдающиеся представители ленинградской научной школы. Сохранились как официальные документы, подтверждающие это сотрудничество, так и впечатления от него обеих сторон: и преподавателей, и студентов.

В «Отчете о работе ВГУ за первый семестр 1942/43 уч. года» мы читаем, что «так как свои кадры не удалось собрать полностью, в штат ВГУ были привлечены сотрудники Ленинградского Государственного Университета, филиала Академии Наук СССР и других учреждений, эвакуированных в Елабугу – профессора П.Н. Тверской, В.И. Равдоникас,...»¹. Как зафиксировано в протоколе заседания Ученого Совета ВГУ от 26 ноября 1942 г., В.И. Равдоникас запланировал для себя на 1943 год научно-исследовательскую тему «Русский город IX и X вв. по археологическим данным»².

О своих впечатлениях от работы в первом семестре 1942/43 учебного года В.И. Равдоникас писал жене следующее: «Через 10-12 дней кончаю свои лекции в университете, которые вел на должной высоте и без пропусков. Остаются экзамены. Последний — 8 февраля, после чего по ун-ту я буду свободен. Как бы там ни было, но этим я безусловно доволен. Мы даже в тяжелых условиях эвакуации сохранили наши Университеты... моя жизнь в Елабуге не прошла бесплодно... Не слишком то еще, отдохнув после

¹ ГАВО. Ф. Р – 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

² ГАВО. Ф. Р – 33. Оп. 1. Д. 250. Л. 77.

Ленинграда, я в Воронежском университете прочитал четыре больших курса и провел годовой семинар. Я выполняю свой долг, сохраняя и поддерживая традиции своей науки в ЛГУ. Восстановил свою кафедру и отделение и останусь на зиму здесь, даже если придется уйти из Академии наук»¹.

А вот как вспоминала об этом тогдашняя студентка, впоследствии доцент кафедры истории СССР досоветского времени ВГУ В.М. Проторчина: «Лекции, – вспоминала Б.М. Проторчина, – нам блестяще читали замечательные ленинградские профессора – Анатолий Васильевич Бенедиктов, Сергей Иванович Ковалев, Владислав Иосифович Равдоникас, Петр Петрович Ефименко. Латинским языком занималась с нами Анна Ивановна Болтунова, известная исследовательница античности»².

У крупнейших авторитетов в археологии – профессоров П. П. Ефименко и В. И. Равдоникаса – воронежские студенты учились и навыкам археологических раскопок во время организованной для них летом 1943 года археологической практики. Нам не удалось пока обнаружить каких-либо официальных документов, раскрывающих механизм ее подготовки и проведения. Можно лишь предполагать, что инициатором ее выступил П.П. Ефименко, поскольку группа студентов именно под его руководством выехала на раскопки могильника в село Ананьино.

Воспоминания В.М. Проторчиной позволяют несколько детализировать ход практики. Вот что она записала в своем дневнике 10 апреля 1943 года: «Недавно нам объявили порядок проведения весенней сессии. Учебный год сокращается, часть предметов будем сдавать досрочно(...). К 15 июня сессия должна закончиться. После этого историки второго и третьего курсов должны отправиться на археологическую практику в Ананьино совместно с Институтом Материальной культуры.»³

¹ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб., 2003. – С. 173.

² Рожденный революцией: Документы, воспоминания. – Воронеж, 1988. – С. 200.

³ Проторчина В.М. Мои студенческие годы (1941 – 1945 гг.). – Воронеж, 2000. – С. 22.

Следующая запись в ее дневнике, связанная с археологической практикой, датируется 5 июля 1943 года. Она пишет: «...Завтра, вероятно, отправимся на практику в Ананьино...» Далее она поясняет: «Сейчас трудно поверить этому, но второй и третий курс, выехавшие на практику, были представлены всего...пятью студентами (из дальнейших записей мы узнаем, что все пять – девочки) (двое со второго и трое с третьего курса), что составляло в то время почти половину от наличного состава студентов этих курсов. Остальные почему-то остались в Елабуге и только приходили к нам в гости...»¹

В целом, археологической практике посвящено еще четыре дневниковые записи и одно письмо домой В.М. Проторчиной². Из них мы узнаем, что практика проходила в селе Луговском (в 7 км от Елабуги) с 7 июля по 5 августа 1943 года. Быт был обеспечен весьма приличный: девочек поселили в школе (на время практики они называли ее «Питекантропия»), выделив по 300 рублей на месяц и 10 кг рыбы как сухой паек (по словам Проторчиной, устроились замечательно – как на даче). Да, и местность была, по воспоминаниям, чудная !

Работа была вначале организована следующим образом: подъем в 7 утра, с 8 до 11 часов – работа, с 11 до 14 часов – перерыв на обед и отдых, затем с 14 до 17 часов снова работа. Вот как описывает археологическую работу сама участница: «Роемся в земле, раскапываем разных покойников второго тысячелетия до нашей эры с их утварью, слушаем беседы проф. Ефименко...Он говорит, что могильник, который мы раскапываем, представляет собой большой научный интерес...За время практики приобретем много ценного, да и отдохнем здесь».

Петр Петрович Ефименко организовал работу так, что практиканты имели возможность вести свой самостоятельный студенческий раскоп. «Мы все делаем сами, - пишет В.М. Проторчина, - ведем дневник,

¹ Проторчина В.М. Мои студенческие годы (1941 – 1945 гг.). – С. 28.

² Там же. – С. 28 – 32.

составляем план, делаем зарисовки. Ефименко сердитый, весь высохший старик, наблюдает за нами и дает указания. Он немного грубоват и бесцеремонен, но зато виднейший специалист в области археологии, и мы много получаем от него»¹.

В ходе раскопок студентами ВГУ были вскрыты как минимум два погребения: коллективное захоронение, содержащее останки женщины и ребенка («у женщины на лбу какая-то медная бляха»), а также мужское - воинское захоронение с «бронзовым топором, стрелами и прочими вещами»².

Однако, уже после двух недель работы «захотелось полентяйничать и отдохнуть». Вскоре студенты нашли предлог: «ведь мы же больные (!) и нам нельзя долго быть на солнце. А мы работаем целый день!» Два дня не выходили на работу, а потом пошли объясняться с П.П. Ефименко: «...так как работа на солнце крайне вредна для нашего здоровья, мы просим отменить физический труд и заменить его исключительно теоретической подготовкой... Ефименко, пожевав губами, после некоторого раздумья согласился, но видно было, что он очень недоволен такой постановкой вопроса. Дал нам две статьи почитать и обдумать несколько вопросов для беседы с ним».

Через неделю после описанных событий на ситуацию пытался повлиять Сергей Несторович Бенклиев, бывший в то время деканом историко-филологического факультета. По воспоминаниям В.М. Проторчиной, им «было приказано немедленно возвращаться и отправляться в колхоз. Но, применив все свои дипломатические способности, мы сумели доказать необходимость нашего оставления в Луговском еще на пять дней».

Во второй половине практики два дня у воронежских студентов гостил в Питекантропии «сам Равдоникас!». Далее приводим дословно с

¹ Проторчина В.М. Указ. соч. – С. 30.

² Там же. – С. 29 – 30.

некоторыми сокращениями. «...Стал расспрашивать про нашу практику. Нам было стыдно сказать, что уже не ходим на раскопки, свалили все на Ефименко – он-де заставлял нас работать как чернорабочих, а мы-де все больные. В общем, Ефименко оказался тираном по отношению к бедным агнцам студентам, то есть к нам. Равдоникас выдвинул предложение перебраться в Елабугу и там продолжить практику уже под его руководством. Мы бы, конечно, рады были продолжать ее здесь под его руководством. Но что поделаешь, согласились, хотя очень жалко уезжать из этого благословенного места...Потом ходили гулять по окрестностям, слушая его объяснения...»¹.

Вот как описывает эту встречу с воронежскими студентками во время археологической практики сам В.И. Равдоникас: «...П.П. Ефименко здесь под Елабугой копает могильник, с ним работает группа моих учеников студентов-воронежцев. Студенты недовольны и, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы практику с ними провел я, что я и обещал сделать. Значит, буду работать в поле, а к сентябрю я должен вернуться в Саратов...»².

Действительно, в течение 1943/44 учебного года профессор В. И. Равдоникас находился в Саратове, где преподавал в Ленинградском университете, объединенным на время эвакуации с Саратовским университетом; в это же время Воронежский университет был реэвакуирован. Участие студентов историко-филологического факультета в археологических работах возобновилось через четыре года, с приходом на факультет ученицы В.И. Равдоникаса Анны Николаевны Москаленко. Об этих событиях речь пойдет в следующей главе диссертационного исследования.

¹ Проторчина В.М. Указ. соч. – С. 31 – 32.

² Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – С. 174.

Глава 5.

Формирование региональной археологии во второй половине 1940-х – 1970-х гг.

Вторая половина 40-х – 70-е гг. XX века – этап институционализации в системе советской исторической науки региональной археологии Центрального Черноземья России. В первые два послевоенных десятилетия ее направленность и уровень развития определялись работами столичных, в первую очередь академических, экспедиций. Именно они сыграли основополагающую роль в изучении и сохранении археологического наследия ЦЧР, заложили основы современного научного подхода к этой проблеме. В это время было начато планомерное обследование территории на профессиональном методическом уровне в рамках решения определенных научных задач; полученные материалы составили золотой фонд археологических коллекций местных краеведческих музеев; основные результаты работ нашли отражение в центральных научных изданиях и серии диссертационных исследований.

В это же время наблюдается активизация археологической деятельности местных организаций и учреждений (музеев и ВУЗов), но векторы их направленности разные в областях ЦЧР. Областные и районные краеведческие музеи активно сотрудничали с представителями академической науки, прежде всего, финансируя (в полном объеме или частично) экспедиции. В ответ столичные деятели не только пополняли археологические коллекции краеведческих музеев, но и оказывали помощь в организации археологических экспозиций, подготовке местных научных и научно-популярных изданий.

Активными участниками академических экспедиций становятся студенты исторических (историко-филологических, геологических, географических и др.) факультетов ВУЗов Черноземья. Из них следует особо

выделить Воронежский государственный университет, где с 1947 г. начинает свою деятельность представительница Ленинградской археологической школы Анна Николаевна Москаленко (1918 – 1981). Благодаря ее усилиям наряду с активным сотрудничеством в рамках работы столичных экспедиций, начинает оформляться и самостоятельная региональная школа в области археологии. Со второй половины 1960-х годов воронежские археологи работают уже на паритетных началах с сотрудниками академических учреждений; к концу 1970-х годов воронежцы выходят на позиции консолидирующего центра региональной археологии ЦЧР.

5.1. Возобновление археологических исследований в регионе учреждениями АН СССР

Со второй половины 1940-х годов экспедиционная деятельность академических учреждений организовывалась в соответствии с общесоюзным планом научно-исследовательских работ по археологии, координировались ИИМК и «Советом по координации» АН СССР ¹.

Отличительной чертой этого процесса в ЦЧР вплоть до середины 1960-х годов можно считать преобладание научного интереса при выборе объекта полевых работ. Появление здесь крупных новостроечных экспедиций относится только к концу 1960-х – 1970-м гг., когда в регионе началось сооружение водохранилищ.

Научные интересы обусловили возобновление работ в ЦЧР на тех объектах, начало исследования которых относится еще к довоенному времени. В данном случае речь идет о Палеолитической (позднее Костёнковской палеолитической) экспедиции ЛОИИМК (ЛОИА), последний предвоенный сезон которой был в 1941 году, а возобновились работы с 1948 года (ежегодно продолжались до 1994 года).

¹ Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946 – 2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). – Тула: Гриф и К, 2008. – С. 123.

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны приступил к реализации задуманного еще в 1940-м году комплексного изучения памятников Курской области М.В. Воеводский, под руководством которого работала Деснинская экспедиция.

Из числа академических экспедиций можно выделить две, научные интересы которых в течение длительного времени полностью были сосредоточены на территории ЦЧР: Донская (Скифская лесостепная) ИИМК (ИА) – рук. П.Д. Либеров (работы в Воронежской, Курской, Белгородской областях с 1954 по 1977 гг. с некоторыми перерывами) и Верхне-Донская ЛОИА – рук. В.П. Левенок (работы в Липецкой и Тамбовской областях с 1959 по 1968 гг.).

ЦЧР (Белгородская, затем Воронежская области) прочно вошло и в сферу интересов Северо-Донецкого отряда Южно-Русской (Черниговской) экспедиции – руководитель отряда С.А. Плетнева (работы в Белгородской обл. с 1957 г.).

Еще одним направлением академических экспедиций в ЦЧР становится проведение разведок и раскопок памятников для сопоставительного анализа с эталонными материалами в рамках решения крупных археологических проблем. В данном случае наш регион выступает в качестве периферийной или пограничной территории.

Речь идет о крупномасштабных разведках, проведенных под руководством Ивана Ивановича Ляпушкина в конце 1940-х – начале 1950-х гг.¹, при решении узловых проблем средневековой археологии. Так, в 1947 году им были обследованы все известные к тому времени городища Сейма и

¹ Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции в 1948 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 263. 98 л., № 264. 65 л., 67 илл.; Он же. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 429. 108 л., 64 илл.; Он же. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции в 1951 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 656. 97 л., № 657. 28 л., 35 илл., № 658. 49 л., 59 илл.; Он же. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного левобережья // Советская археология. – XII. – 1950. – С. 41 – 65; Он же. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА СССР. – № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 85 – 150.

открыт ряд новых памятников. В 1950 году многокилометровый маршрут включил южные районы Воронежской области вверх по течению Дона.

В начале 1960-х гг., изучая процесс славянского этногенеза, разведочные исследования в регионе проводила экспедиция под Эраста Алексеевича Сымоновича ¹. В результате его работ было установлено наличие северо-восточного региона черняховской культуры в области Курского Посеймья, что существенно раздвинуло черняховскую ойкумену.

В числе раскопок, организованных сотрудниками ИИМК (ИА) АН СССР для сопоставительного анализа с материалами других регионов, назову изучение неолитических памятников в Тамбовской области, осуществленное под руководством М.Е. Фосс (1953 г.) ², памятников древнерусского времени в Курском Посеймье – под рук. Т.Н. Никольской (1952-1953) ³, сооружений Белгородской крепости XVI – XVII вв. – под рук. А.В. Никитина (1951, 1955-1956) ⁴.

В послевоенные годы на территории ЦЧР были организованы и экспедиции одного из крупнейших музеев страны – Государственного исторического. В конце 1940-х гг. под руководством старшего научного сотрудника ГИМ В.П. Левашевой – археологическая разведка по р. Битюгу (от г. Боброва до устья р. Битюг), а затем раскопки кирпичных

¹ Сымонович Э.А. Отчет о разведочных работах Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в Курской области в 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2248. 39 л., № 2248а. 44 л., 25 ил.

² Фосс М.Е. Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 г. в Мичуринском районе Тамбовской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 828. 17 л., № 829. 19 л., 34 ил.

³ Никольская Т. Н. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого района Курской области в 1952 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 902. 17 л., 9 ил.; Она же. Отчет о раскопках 1953 г. в Курской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 903. 20 л., 10 ил.; Она же. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого района Курской области в 1952 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 902. 17 л., 9 ил.; 53 59 60

⁴ Никитин А.В. Археологический отчет о раскопках 1951 г. в Белгороде // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 779. 82 л., 20 ил., № 780. 72 л., 93 ил.; Он же. Отчет о археологических раскопках Белгородской крепости в 1955 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1193. 43 л., 56 ил.; Он же. Археологический отчет о раскопках Белгорода в 1956 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1298. 26 л., 21 ил., № 1298а. 30 л., 71 ил.

золотоордынских построек в окрестностях Красного Хутора на р. Мечетке ¹. В 1956 – 1960 гг. под руководством ведущего научного сотрудника ГИМ Т.Б. Поповой – археологические разведки и раскопки на территории Тамбовской области ². За эти полевые сезоны было открыто более 30 новых памятников от эпохи неолита до раннего железного века. На шести открытых и двух уже известных проведены раскопки общей площадью более 1120 кв.м ³. Результаты исследований были обобщены Т.Б. Поповой в статье «Эпоха бронзы на Тамбовщине» ⁴, ставшей первой научной публикацией по бронзовому веку этой территории.

Рассмотрим подробнее деятельность тех академических экспедиций, для которых в указанный промежуток времени археологическое изучение ЦЧР было определяющим в сфере научных интересов.

5.1.1. Палеолитическая (Костенковская палеолитическая) экспедиция ЛОИИМК (ЛОИА)

В 1947 году предварительный осмотр палеолитических памятников костенковско-борщевского микрорайона на предмет их сохранности произвел один из активных участников Костенковской экспедиции ГАИМК довоенного периода С.А. Семенов. Его вывод об их удовлетворительном

¹ Левашева В.П. Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по р. Битюгу от г. Боброва до устья Битюга, произведенном в августе 1947 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 142. 30 л., 18 илл.; Она же. Отчет о раскопках, произведенных летом 1949 г. близ с. Красный Хутор на р. Мечетке в Хреновском районе Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 286. 17 л.; № 287. 15 л., 52 илл.; № 288. 13 черт.

² Попова Т.Б. Отчет о раскопках в Тамбовской обл. 1956 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1295. 27 л., 158 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1491. 17 л., № 1491а. 23 л., 23 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1733. 16 л., № 1733а. 22 л., 22 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1908. 19 л., 57 илл.; Она же. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции ГИМ 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2099. 8 л., № 2099а. 27 л., 27 илл.

³ Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 13, 26, 32 – 34, 37 – 38.

⁴ Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // Советская археология. – 1961. – № 3. – С. 137 – 153.

состоянии послужил сигналом для организации уже в следующем (1948) году экспедиции¹.

В конце 1940-х – 1960-е гг. определяющую роль в ней играли ученики П.П. Ефименко, крупные ученые – Александр Николаевич Рогачев (1912 – 1984) и Павел Иосифович Борисковский (1911 – 1991). Показательно, что первый послевоенный сезон для А.Н. Рогачева начался сразу же после защиты диссертации «Первобытно-общинное поселение палеолитического времени Костенки 4» (раскопками этой стоянки он руководил в 1937 – 1938 гг. накануне ухода в действующую армию, где служил до 1947 года), состоявшейся в ЛОИИМК 7 июля 1948 г.²

О значимости фигур А.Н. Рогачева и П.И. Борисковского в отечественной науке говорит тот факт, что полемика между ними в 1950 – 60-е гг. определяла в целом направление исследовательской мысли в палеолитоведении того времени и привела в начале 1970-х годов к смене парадигм в нем³.

В анализируемое время в рамках деятельности экспедиции вырабатываются основополагающие методические принципы изучения памятников палеолита с использованием комплексного подхода; одновременно ареал работ экспедиции выходит за пределы Костёнковско-Борщёвского района. Под руководством П.И. Борисковского в конце 50-х гг. были проведены обширные разведочные работы с целью выявления свидетельств палеолитической эпохи в пределах Белгородской и Курской

¹ Векилова Е.А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922-1976гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977. – С. 210.

² Платонова Н.И., Аникович М.В. Александр Николаевич Рогачев: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 21 – 24.

³ Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. – С. 31.

областей ¹, а затем и раскопки на памятниках палеолита в Курске (1962 – 1964 гг.) ².

Накопленный в экспедиции опыт реализовал при организации самостоятельных раскопок на Гагаринской стоянке и разведочных работ в Липецкой области (1961 – 1969 гг.) сотрудник ЛОИА Лев Михайлович Тарасов ³. Впоследствии обобщивший итоги своих исследований монографически ⁴.

Без преувеличения можно сказать, что все виднейшие представители палеолита вместе с только начинающими свой путь в археологической науке студентами прошли «школу Костенок». Это касается и студентов Воронежского государственного университета, регулярно принимавших участие в работах Костенковской экспедиции с конца 1940-х годов. Здесь они практически осваивали новейшие приемы ведения раскопок, постигали методику изучения археологических объектов на местах залеганий, приемы фиксации планиметрических данных, стратиграфических наблюдений.

¹ Борисковский П.И. Отчет о работе Костенковского палеолитического отряда ИИМК АН СССР. 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1660. 27 л., 34 ил.; Он же. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда ИИМК АН СССР в 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1805. 27 л., 16 ил.; Он же. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда в 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1868. 43 л., 27 ил.

² Борисковский П.И. Отчет о рекогносцировочных раскопках палеолита в г. Курске 2 – 4 ноября 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2526. 12 л., 7 ил.; Он же. Отчет о работе Курского палеолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2788. 47 л., 27 ил.; Он же. Отчет о работах Курского палеолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1964 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3085. 34 л., 18 ил.

³ Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского отряда в 1962 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2547. 54 л., 38 ил.; Он же. Отчет о полевых работах Гагаринского отряда в 1963 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2786. 40 л., 24 ил.; Он же. Отчет о полевых работах Гагаринского отряда в 1964 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2963. 40 л.; Он же. Отчет о полевых работах Гагаринского палеолитического отряда в 1965 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3146. 33 л., 24 ил.; Он же. Отчет о полевых работах Гагаринского палеолитического отряда в 1966 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3345. 13 л., № 3345а. 15 л., 22 ил.; Он же. Отчет о полевых работах Гагаринского палеолитического отряда в 1967 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3590. 13 л., № 3590а. 19 л., 25 ил.

⁴ Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. – Л.: Наука, 1979. – 168 с.

Не раз Костенки становились исследовательской базой для проведения конференций, совещаний, семинаров, в том числе и с участием иностранных ученых. Здесь происходили дискуссии по актуальным проблемам археологии, четвертичной геологии, общей и региональной хронологии палеолита, культурно-исторической стратиграфии, эволюции среды обитания и экологии позднего палеолита в разных географических зонах, но преимущественно на Русской равнине.

Главным научным итогом работ Костёнковской палеолитической экспедиции становится признание Костёнковско-Борщевского района уникальным в мировом палеолитоведении. Не менее значима заслуга участников экспедиции, прежде всего А.Н. Рогачёва, и в реализации идеи сохранения археологического наследия.

В 1960 г. здесь начался первый в СССР эксперимент по сохранению остатков костно-земляного жилища (в площади раскопа на стоянке Костёнки 11) как музейного экспоната и натурального археологического документа. В 1979 году было завершено строительство здания музея, который первоначально был филиалом Воронежского краеведческого музея, а с 1991 года приобрел статус самостоятельного археологического музея-заповедника¹.

5.1.2. Деснинская экспедиция ИИМК

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны приступил к реализации задуманного еще в 1940-м году комплексного изучения памятников Курской области Михаил Вацлавович Воеводский (1903 – 1948), возглавивший в 1946 г. Деснинскую экспедицию².

¹ Попов В.В. Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки» и проблемы современного состояния памятников Костёнковско-Борщёвского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 48 – 65.

² Воеводский М.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции. 1946 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 72. 77 л., 33 ил.; Он же. Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции 1947 г. //

В центре ее внимания были раскопки Авдеевской палеолитической стоянки и Липинского археологического комплекса. Проведенные той же экспедицией разведки позволили выявить неизвестные ранее городища Кузина Гора, Александровское, Плаксинское и целый ряд других памятников, на которых впоследствии были организованы раскопки коллегами – продолжателями начатых комплексных изысканий М.В. Воеводского: А.Е. Алиховой (Воеводской), П.И. Засурцевым, О.Н. Мельниковской, Р.Л. Розенфельдт, др.¹

Из всех выше перечисленных исследователей наиболее последовательно продолжала изучение древностей Посеймья в 1950 – 1960 гг. (эпизодически и в 1970-е гг.) Анна Епифановна Алихова (Воеводская) (1902 – 1989). Ее научные интересы обусловили планомерное обследование территории с целью выявления памятников раннего железного века² и стационарные раскопки на ряде из них³. Наиболее масштабными стали работы на городище Кузина Гора (1955 – 1961 гг.)⁴, сделавшие его эталонным памятником юхновской культуры в Днепровском Левобережье.

НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 156. 87 л., 15 ил., 35 черт.; Воеводский М.В., Алихова А.Е., Розенфельдт И.Г., Засурцев П.И., Мельниковская О.Н. Отчет о работе Деснинской экспедиции 1948 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 291. 144 л., 20 ил., 145 черт.; № 296, 12 л., 19 ил.

¹ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). – С. 32 – 33; Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого // Очерки истории Курского края (с древнейших времен до XVII в.). – Курск: Изд-во «График», 2008. – С. 593 – 595.

² Алихова А.Е. Отчет о раскопках Авдеевского селища Курской области и о разведке, проведенной в окружающем его районе в 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 349. 36 л., 12 ил., 10 черт.; Она же. Отчет о раскопках, проведенных Курским краеведческим музеем летом 1955 года в Курской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1129. 40 л., 4 илл., 49 черт.

³ Алихова А.Е. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // КСИИМК. – Вып. 77. – М., 1959. – С. 15 – 20; Древние городища Курского Посеймья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 113. Лесостепные культуры скифского времени. – М., 1962. – С. 86 – 129.

⁴ Алихова А.Е. Отчет о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР летом 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1967. 18 л., 39 ил., 24 черт.; Она же. Отчет по Курскому отряду Скифской лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР и Курского краеведческого музея за 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2103. 18 л., 6 ил., 24 черт.; Она же. Отчет о работе Курской экспедиции Института археологии

Близость научных интересов обусловило вхождение Курского отряда под руководством А.Е. Алиховой в состав Скифской лесостепной экспедиции (руководитель П.Д. Либеров)¹. О работе этой экспедиции подробнее будет идти речь далее.

Более подробный анализ влияния экспедиции М.В. Воеводского на развитие археологии Курского Посеймья дан в исследовании С.П. Щавелева². Мы разделяем мнение современных курских археологов, в оценке которых работы этой экспедиции «ознаменовали начало нового этапа в изучении Курской земли»³.

5.1.3. Донская (Скифская лесостепная) экспедиция ИИМК (ИА)

С 1954 г. началась полевая археологическая деятельность в Среднем Подонье Петра Дмитриевича Либерова (1904 – 1983) – бессменного руководителя экспедиции ИИМК, затем ИА АН СССР в лесостепном Подонье, которая продолжалась с некоторыми перерывами на протяжении четверти века (до 1977 г.).

Петр Дмитриевич Либеров относится к числу ведущих археологов – исследователей Среднего Подонья второй половины 1950-х – 1960-х гг. Его научное наследие, в том числе и с позиций сделанного им в Центрально-Черноземном регионе уже было предметом анализа в нескольких научных

Академии наук СССР и Курского краеведческого музея за 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2317. 36 л., 1 ил., 16 черт.; Она же. Древние городища Курского Посеймья. – С. 93 – 116.

¹ Алихова А.Е. Отчет о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР летом 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1967. 18 л., 39 ил., 24 черт.; Она же. Отчет по Курскому отряду Скифской лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР и Курского краеведческого музея за 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2103. 18 л., 6 ил., 24 черт.

² Щавелев С.П. Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и ее вклад в археологическое изучение Курского края // Деснинские древности. – Брянск: БОКМ, 1995. – С. 12 – 15.

³ Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого. – С. 593.

публикациях, в том числе и автора данной работы ¹. Важна для воссоздания истории исследований экспедиции под руководством П.Д. Либерова и носящая мемуарный характер информация из монографического труда В.И. Гуляева, посвященного светлой памяти П.Д. Либерова ². Здесь же уместно обобщить имеющийся материал.

По сведениям, которыми я располагаю к настоящему времени, начало полевой деятельности П.Д. Либерова связано уже с послевоенным временем. С 1946 г. он принимал участие в работе Скифской степной экспедиции под руководством своего научного руководителя Б. Н. Гракова в раскопках Каменского городища на Днепре ³. 1950 годом датируется первый его самостоятельный отчет, отражающий раскопки курганов в Запорожской обл.⁴. В 1953 - 1954 гг. Либеров был начальником Харьковского отряда указанной экспедиции, работавшего в Северском Подонцовье.

Назначение П.Д. Либерова в 1954 г. начальником внеплановой Воронежской экспедиции стало в известной степени неожиданностью для него. Для нас же это весьма показательно. Организация данной экспедиции, как известно, была вызвана начавшимся строительством в г. Воронеже гражданского аэродрома на территории могильника «Частые курганы».

¹ Гуляев В.И. С.Н. Замятнин и П.Д. Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Мат-лы регион. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. – Воронеж, 1999. – С. 63 – 65; Моисеев А.В. П.Д. Либеров и изучение эпохи бронзы лесостепного Подонья // Новик: Сб. науч. раб. аспирант. и студ. истор. фак-та ВГУ. – Вып. 3. – Воронеж, 2000. – С. 24 – 29; Пряхин А.Д., Моисеев А.В. П.Д. Либеров и археологическое изучение лесостепного Подонья // Вестник Елецкого государственного университета. – Вып. 1. Серия "История, право". – Елец, 2002. – С. 156 – 163; Моисеев А.В. П.Д. Либеров и изучение абашевских древностей Подонья // Проблемы гірничої археології (Матеріали І-го Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевск, 2003. – С. 78 – 83; Крупнов Е.И. К 60-летию Петра Дмитриевича Либерова // СА. – 1964. – № 2. – С. 89 – 91; Гуляев В.И. Либеров Петр Дмитриевич (1904-1983) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. – М., 2000. – С. 151 – 153; Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. – 2008. – № 2. – С. 62 – 70.

² Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). – М.: ИА РАН, 2010. – С. 35 – 40, др.

³ Крупнов Е.И. К 60-летию Петра Дмитриевича Либерова // СА. – 1964. – № 2. – С. 90.

⁴ Либеров П.Д. Отчет о раскопках курганов у хут. Харчевник Каменско-Днепровского района, Запорожской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 528. 21 л., 37 илл.

Профессор ВГУ, член-корреспондент АН СССР Борис Михайлович Козопольский написал об этом в Ленинград Сергею Николаевичу Замятнину, который поставил в известность ИИМК АН СССР. В июле ИИМК вмешался в строительство, в августе П.Д. Либеров в сопровождении лаборанта и фотографа выехал в Воронеж. В течение нескольких дней был составлен глазомерный план курганной группы, Воронежский Областной Краеведческий Музей (далее ВОКМ) ассигновал на оплату работы землекопов 1000 р., и были раскопаны пять курганов¹. Можно полагать, что П.Д. Либеров прекрасно осознавал, что в Воронеже не было квалифицированных специалистов, способных взять на себя ответственность за раскопки всемирно знаменитого памятника. С этого момента и началась его полевая деятельность в Подонье.

Правда, в первые годы (1955 – 1956 гг.) Петр Дмитриевич совмещал работы в бассейне Северского Донца и Среднего Дона в рамках работы Донской экспедиции, где он руководил двумя отрядами: Донецким (Северо-Донецким) и Воронежским. С 1957 г. (до 1962 г.) П.Д. Либеров возглавил только Воронежский отряд Лесостепной (Скифской) экспедиции, полностью переключившись на работы в Среднем Подонье. К этому времени охранные раскопки в группе «Частые курганы» были завершены, и продолжение работ в регионе обуславливалось уже исследовательскими интересами П.Д. Либерова. Экспедиция начинает изучение поселений в непосредственной близости от раскопанного могильника и проводит разведочные работы (исходя из сведений конца XIX – начала XX вв.) вниз по р. Дон от Воронежа до Острогожска, по рекам Девиге и Потудани с целью выявления, прежде всего, памятников скифского времени; в этот же год был раскопан и первый курган в известной группе у с. Мастюгино (№ 36), правда, оказавшийся полностью разграбленным и впоследствии при публикации материалов этого памятника даже не учтенный исследователями.

¹ Либеров П.Д. Отчет о раскопках "Частых Курганов" Воронежской экспедицией. Воронежская обл. 1954. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1024. Л. 1 – 3.

В последующие годы задачи Воронежского отряда определялись как исследовательскими интересами П.Д. Либерова, так и в некоторой мере исходя из источников финансирования. Дело в том, что ежегодные работы экспедиции финансировались не только ИИМК (ИА), но и Воронежским и Острогожским краеведческими музеями, последние же были заинтересованы, прежде всего, в пополнении своих коллекций яркими экспонатами. Так, например, раскопки в Мастюгино начались согласно пожеланию ВОКМ, а исследование Волошинских городищ – по предложению Острогожского музея.

В 1962 г. единый прежде отряд делится на две группы, первую из которых возглавил В.И. Гуляев, а вторую – А.И. Пузикова. Это обусловило организационные изменения в экспедиции в целом. С 1963 г. (до 1965 г.) П.Д. Либеров является начальником Лесостепной скифской экспедиции и оставляет за собой руководство Воронежским (затем Левобережным) отрядом, а группа под руководством А.И. Пузиковой выделяется в Тростянский (Острогожский) отряд этой экспедиции.

В 1966, 1967 гг. работы экспедиции продолжаются без П.Д. Либерова. Есть сведения, что в связи с командировками и отпуском Б.А. Рыбакова в летний период он исполнял обязанности директора ИА АН СССР¹. В 1966 г. экспедиция работает в составе двух отрядов: Битюгского (нач. Г.И. Корнюшин) и Хоперского (нач. Н.К. Качалова, А.И. Пузикова) и отдельной разведочной группы по р. Хопру (нач. В.И. Гуляев). В 1967 г. начальником экспедиции официально назначена А.И. Пузикова, при этом ареал работ значительно расширился и вышел за пределы Среднего Дона. Из трех сформированных в тот год отрядов только Битюгский (нач. Б.Г. Тихонов) продолжал работы, начатые под рук. Либерова, два других исследовали новые территории в Саратовской (нач. А.И. Шкурко) и Курской (нач. Ю.А. Липкинг) областях.

¹ Либеров П.Д. Личное дело старшего научного сотрудника, вышедшего из института в связи с переходом на пенсию (01.11.1946 – 29.12.1978) // НА ИА РАН. Р – 6. № 153. Л. 68 – 69, 73.

С возобновлением полевой деятельности П.Д. Либерова экспедиция изменила свой статус и с 1968 г. стала именоваться Воронежской лесостепной скифской экспедицией. П.Д. Либеров оставался ее начальником вплоть до 1974 г. В структуре экспедиции в 1968 г. работали три отряда: Хоперский отряд (рук. В.И. Гуляев); Острогожский отряд (рук. А.И. Пузикова); Битюгский отряд (рук. Б.Г. Тихонов).

1969 год внес коррективы в сложившийся экспедиционный уклад. Хотя Хоперский отряд под руководством В.И. Гуляева продолжал традиционно обследовать бассейн р. Хопер, развернувшееся строительство Воронежского водохранилища обусловило формирование новостроечной Воронежской экспедиции под руководством П.Д. Либерова. Такое назначение в известной мере можно считать формальным: уже несколько предшествующих лет памятники в нижнем течении р. Воронеж активно исследовались экспедицией ВГУ под рук. А.Д. Пряхина. Поэтому представляется неслучайным отказ П.Д. Либерова от постоянного участия в работе данной экспедиции и возложение руководства ею на Б.Г. Тихонова и А.Д. Пряхина¹. Сам же он с 1 по 24 августа в связи с отпуском Б.А. Рыбакова находился в Москве и исполнял обязанности директора ИА АН СССР².

В следующем, 1970 г. Либеров также не участвовал в полевых работах, так как с 1 июня ушел в шестимесячный творческий отпуск для завершения докторской диссертации³. В Подонье в этот год продолжал работу только Хоперский отряд Воронежской лесостепной скифской экспедиции под руководством В.И. Гуляева; впервые в этой экспедиции участвовал А.Т. Синюк, тогда сотрудник ВОКМ.

С 1971 по 1974 гг. экспедиция под руководством П.Д. Либерова возобновляет свои работы, но уже в ином составе, определившем и

¹ Либеров П.Д., Тихонов Б.Г. Отчет Воронежской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках в зоне строительства водохранилища на реке Воронеж. 1969. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3945. Л. 1 – 2.

² Либеров П.Д. Личное дело старшего научного сотрудника, выбывшего из института в связи с переходом на пенсию (01.11.1946 – 29.12.1978) // НА ИА РАН. Р – 6. № 153. Л. 78.

³ Там же. Л. 79.

специфику ее работ. П.Д. Либеров по-прежнему был заинтересован в дальнейшем изучении Волошинских городищ, и эти работы ежегодно проводил отряд № 2 (с 1973 г. № 1) под руководством А.Т. Синюка, но поскольку для самого А.Т. Синюка в первую очередь было важно изучение памятников неолита - бронзы, то именно эти работы приобретают все бóльший вес в полевой деятельности экспедиции. В частности, в 1974 г. начинаются работы на Павловском могильнике, на поселении Дрониха и других памятниках. Небольшие по объему раскопки курганов в рамках работы экспедиции проводит в это время отряд № 1 под руководством А.И. Шкурко.

Последняя экспедиция П.Д. Либерова в Среднем Подонье датируется 1977 годом. В тот год на него было возложено общее руководство Новостроечной Воронежской экспедицией для продолжения исследования курганного могильника в зоне строительства Павловского горно-обогатительного комбината, непосредственно же процессом раскопок курганов Павловского могильника руководил начальник отряда экспедиции, тогда уже доцент ВГПИ А.Т. Синюк (раскопано 17 курганов).

За четверть века работ в Среднем Подонье экспедициями под руководством П.Д. Либерова были проведены раскопки на 14 могильниках (всего раскопано 130 курганов), среди них наиболее масштабными стали раскопки могильников «Частые курганы», Мастюгино, Русская Тростянка; на 6 городищах (общая вскрытая площадь более 4500 кв.м), наибольшие по объему работы выполнены на Волошинских городищах; на 8 поселениях эпохи бронзы и раннего железного века (общая вскрытая площадь около 1700 кв.м). За это же время экспедициями были проведены обширные разведочные работы по среднему течению р. Дона и его притокам: Ведуге, Девице, Потудани, Тихой Сосне, Битюгу и Хопру. Разведки привели к открытию многочисленных памятников эпохи бронзы и раннего железа. Результаты полевых работ нашли отражение в серии публикаций как самого П.Д. Либерова, так и других постоянных участников экспедиции.

Уже в процессе проведения охранных работ на могильнике «Частые курганы» у П.Д. Либерова формируется исследовательский интерес к памятникам раннего железного века Среднего Подонья. При этом он понимает, что для их всестороннего осмысления необходимо также и изучение памятников предшествующего времени в данном регионе. Сочетание исследований памятников эпохи раннего железа с изучением памятников эпохи бронзы становится основным принципом дальнейших работ экспедиций под его руководством. Этой направленности в немалой степени, по словам самого П.Д. Либерова, способствовал и полученный в первые годы работы экспедиции богатый и разнообразный материал катакомбной, срубной и абашевской культур из могильника «Частые курганы»¹.

И все же приоритеты оставались за памятниками эпохи раннего железа. Именно их всестороннее изучение становится основной целью научной деятельности П.Д. Либерова в 1960-70 гг., в то время как специальные исследования культур эпохи бронзы, по словам самого исследователя, были направлены на определение их хронологических рамок и роли в сложении культуры более позднего периода².

В целом, по различным проблемам среднедонской археологии П.Д. Либеровым опубликовано 28 работ (из 46), в том числе обе монографии. Эти работы можно разделить на две группы: публикации новых материалов и аналитические. Характеризуя первую группу, следует отметить своевременность введения материалов в научный оборот, а также широкое привлечение участников экспедиций и специалистов-естественников для обработки коллекций. Работы второй группы отражают интересы П.Д. Либерова в области изучения эпохи бронзы (срубная, особенно абашевская культуры) и раннего железного века (выделение особой культуры Среднего

¹ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М., 1964. – С. 5.

² Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – С. 5; Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону: Археология СССР. САИ. Вып. Д 1 - 31. – М., 1965. – С. 7.

Дона скифского времени, этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время, особенности среднедонского звериного стиля).

При этом авторская концепция относительно среднедонских древностей эпохи бронзы и раннего железного века не претерпевала изменений на протяжении всей исследовательской деятельности П.Д. Либерова. Для него не было характерным также обращение к каким-либо сюжетам, выходящим за рамки его построений. Поскольку эволюции взглядов в данном случае не прослеживается, оправданным представляется анализ концепции П.Д. Либерова как сложившейся системы, основные положения которой он отстаивал на протяжении всей своей научной деятельности.

В наиболее завершенном виде авторская концепция сформулирована в докторской диссертации «Древняя история населения Подонья» (общий объем только текстовой части 996 с.), которая, сообразно логике изложения материала, состоит из двух частей: ч.1 «Эпоха бронзы»; ч. 2 «Эпоха раннего железного века (Будины Геродота)¹.

Согласно представлениям П.Д. Либерова, эпоха бронзы на территории Подонья (по материалам главным образом Среднего Подонья) представлена материалами трех культур: катакомбной, срубной и абашевской. Для данной территории все три культуры являются пришлыми: к концу первой половины II тыс. до н.э. с территории Среднего Подонцовья и Северного Приазовья приходят носители катакомбной культуры, затем в третьей четверти II тыс. до н.э. из Нижнего Поволжья переселяются племена срубной культуры, и, наконец, не ранее последней четверти II тыс. до н.э. появляются выходцы из Среднего Поволжья – носители абашевской культуры. Все три названные

¹ Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ч. I-II. // НА ИА РАН. Р – 2. №№ 2088 – 2089, 2089 а,б.

культуры, сосуществуя, доживают до первых веков I тыс. до н.э., т.е. до раннего железного века¹.

На базе названных культур, при преимущественной роли носителей абашевской культуры, происходит формирование культуры скифского времени Среднего Подонья. Преемственность между этими культурами П.Д. Либеров прослеживает в некоторых чертах погребального обряда (прежде всего, использование «бофров» и наличие глиняной обмазки дна могильных ям под костяками) и сходстве инвентаря (прежде всего сходство некоторых форм керамики, наличие парных отверстий под венчиком). Отсутствие же преемственности в других категориях артефактов он объясняет коренными хозяйственными изменениями на рубеже эпох².

Петр Дмитриевич Либеров приложил много усилий для доказательства существования на Среднем Дону особой среднедонской культуры скифского времени. Благодаря полученным материалам, по его мнению, более четко определились особые черты культуры эпохи раннего железного века на Среднем Дону и ее ареал, а также межплеменные связи и взаимоотношения с античным миром; более четко определилась этническая принадлежность памятников Среднего Дона, что уточняет карту Геродота. Теперь имеются основания, писал П.Д. Либеров, рассматривать племена всей территории Среднего Дона как единое этническое целое с различными основами хозяйства³. В работах представлена ее развернутая характеристика: материальная культура, погребальный обряд, этническая атрибуция, оценка хозяйственно-экономического и социального развития, искусства и идеологии.

¹ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА СССР. – № 151: Население Среднего Дона в скифское время. – М.: Наука, 1969. – С. 17; Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА СССР. – № 177: Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 103 – 105.

² Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время. – С. 105 – 107.

³ Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. – С. 7.

Итак, ученый обосновывает выделение особой среднедонской культуры скифского времени, существовавшей на широких пространствах правобережья и левобережья Среднего Дона: на западе граница проходит вдоль левого берега р. Тихой Сосны до ее верховьев (междуречье Дона и Северского Донца – территория сирматов) и восточнее реки Оскол, до территории юхновской культуры (фиссагеты Геродота); восточная граница недостаточно ясна, примерно до междуречья Хопра и Медведицы; северная граница до верховьев левых притоков Дона (Хопра, Вороны, Савалы, Битюга, Воронежа), в правобережье – до Сосны (по линии контактов с носителями городецкой культуры), южная граница проходит несколько севернее Волгограда¹.

П.Д. Либеровым была разработана хронология памятников скифского времени Среднего Дона, в целом не утратившая своего значения и сейчас, за исключением лишь датировок начального и заключительного этапов. По его мнению, памятники Среднего Дона скифского времени охватывают хронологический отрезок, начиная от VIII – VII вв. и до III в. до н.э., внутри которого выделяются пять этапов².

Либеров обратил внимание на разительные бытовые различия между памятниками скифского времени Левобережья и Правобережья Среднего Дона и дал этому следующее объяснение: «Мы приходим к выводу о том, что правобережная группа памятников может принадлежать оседлым племенам, левобережная – кочевым»³. Это следствие географических и ландшафтных особенностей этих двух территорий. Природа сама определила занятия и быт населения и на данном этапе благоприятствовала развитию производительных сил в этих двух направлениях⁴.

¹ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. – С. 20.

² Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. – С. 24 – 30.

³ Там же. – С. 7.

⁴ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. – С. 16 – 17.

Сопоставив данные археологических и письменных источников о населении Среднего Дона в античную эпоху, он пришел к вполне обоснованному заключению о локализации на Среднем Дону геродотовых гелонов и будинов. При этом, система городищ у д. Волошино была принята предположительно за город Гелон Геродота ¹ (в современной скифологии данный город чаще всего увязывается с Бельскими городищами – Е.З.), а местное население Подонья в эпоху поздней бронзы и раннего железного века – будинов – он рассматривал в этническом отношении как финно-угорское, говорящее на особом языке как по сравнению с гелонами, выходцами из эллинских городов, так и со скифами ².

Подводя итог, можно сказать, что в истории среднедонской археологии фигура Петра Дмитриевича Либерова одна из значительных; благодаря работам экспедиций под его руководством была существенно расширена источниковая база по проблематике эпохи бронзы и раннего железного века; во второй половине 1950-х – в 60-е годы именно его работы определяли уровень изучения этой проблематики в Среднем Подонье, не случайно, что им написаны и первые для нашей территории монографические исследования по данной проблематике. Вместе с тем к началу 1970-х годов процесс дифференциации археологической науки уже диктовал необходимость выхода на новый уровень исследовательского поиска, и в этом смысле сделанное П.Д. Либеровым завершает определенный этап в развитии археологии Подонья.

Важным следствием работы П.Д. Либерова явилось продолжение исследований в регионе участниками его экспедиции, в первую очередь руководителями отрядов.

С 1973 года возглавила самостоятельную Курскую (Курско-Белгородскую) экспедицию Анна Ивановна Пузикова, работы которой в

¹ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. – С. 22 – 26.

² Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время. – С. 115.

регионе продолжались с некоторыми перерывами вплоть до 1991 года (1973 – 1988, 1991 гг.). Анна Ивановна сыграла особенно важную роль в изучении памятников раннего железного века на территории Курской области. В 1970-е годы ею были проведены разведки и раскопки на городищах раннего железного века около с. Жидеевка (Железногорский район), д. Нартово (Курский район), д. Переверзево (Золотухинский район), за несколько полевых сезонов (1973 – 1976 гг.) полностью исследовано Марицкое городище в Льговском районе (вскрыто 3950 кв. м) ¹. Помимо работ на Курской земле, она не прекращала исследований скифских и сарматских курганных захоронений в пределах Белгородской области ².

Опираясь на материалы своих работ, в конце 1970-х годов А.И. Пузикова сформулировала концепцию развития исторического процесса на территории Курского Посеймья в раннем железном веке. По ее мнению, с VI века до н.э. многие городища были заняты населением, носителями традиций лесостепных культур скифского времени, в середине V в. до н.э., под натиском носителей юхновской культуры, в сравнительно спокойной обстановке происходит постепенная смена населения. IV – III вв. до н.э. – время господства юхновского населения ³.

Являясь начальником Курской экспедиции, Анна Ивановна тесно сотрудничала с историческим факультетом Курского пединститута, в особенности с преподавателями археологии Ю.А. Липкингом и К.Ф. Соколом, а также с первооткрывателем ряда памятников Льговского района учителем и краеведом О.Н. Андреевым. В это время в полной мере сложился тот стиль работы, те традиции, которые всегда отличали экспедиции Анны

¹ Пузикова А.И. Раскопки городища Марица // Археологические открытия 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 73 – 75; Она же. Работы Курской экспедиции // Археологические открытия 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 73 – 74; Она же. Продолжение исследований городища Марица // Археологические открытия 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С. 72 – 73; Она же. Работы Курской экспедиции // Археологические открытия 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С. 66 – 67; Она же. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. – М.: Наука, 1981. – 120 с.

² Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). – М., 1995.

³ Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. – С. 100 – 101.

Ивановны. Здесь всегда был налажены повседневный быт, добрые отношения с местными жителями, экскурсии по памятным местам¹.

Обстоятельства сложились так, что руководитель еще одного из отрядов экспедиции П.Д. Либерова Валерий Иванович Гуляев в 1972 году прекратил свои самостоятельные полевые работы в Подонье и по поручению Дирекции ИА АН СССР занялся зарубежной археологией. Но как вспоминает сам Валерий Иванович, он никогда не забывал о делах воронежских: «... Как правило, в летний сезон (июль – август), когда наступает «золотая пора» для археологических изысканий, я отправлялся на Средний Дон в экспедиции своего друга и коллеги Арсена Тиграновича Синюка... В течение нескольких лет я совершал разведочные рейды по окрестным территориям, проверяя и то, что было уже известно ранее и, пытаясь найти новые древности, особенно древности скифской эпохи... С 1988 г. я стал приглашать с собой опытного полевого археолога Евгения Ивановича Савченко... В 1989 году экспедиция, названная Потуданской – по реке, возле которой нам и предстояло в основном работать – была официально создана»². Она продолжает плодотворно работать вплоть до настоящего времени, ее история – это предмет самостоятельного исследования.

Еще одним приемником П.Д. Либерова в деле изучения среднедонских древностей, но уже с акцентом на более ранние периоды, стал Борис Григорьевич Тихонов (1923 – 1995). Его научное наследие уже стало предметом анализа в ряде публикаций, в том числе и автора этих строк³.

¹ Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Анна Ивановна Пузикова: жизнь в археологии // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой): сб. науч. трудов. – Курск: МУП «Курская городская типография», 2012. – С. 5.

² Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии. – С. 50 – 53.

³ Свистова Е.Б. Б.Г. Тихонов и изучение эпохи бронзы Восточной Европы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. – Саратов-Энгельс, 2000. – С. 221 – 224; Щепкин А.В. Б.Г. Тихонов и изучение металлургии и металлообработки населения срубной культурно-исторической общности Уральского региона // Лавский межвузовский научно-студенческий полевой археологический семинар 2003 года. Вып. 2. – Елец, 2003. С. 26 – 28; Захарова Е.Ю. Б.Г. Тихонов и изучение эпохи бронзы лесостепного Подонья //

Археологические работы в Подонье, как мы уже указывали, Б.Г. Тихонов начал в 1967 г. в составе Воронежской лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова, поначалу возглавив Битюгский отряд этой экспедиции. В первый год его работ были раскопаны два кургана (№№ 3, 6) около с. Старая Тойда Аннинского р-на, поначалу интерпретированные автором как срубные третьей – четвертой четверти II тыс. до н.э.¹ Спустя несколько лет третьему старотойденскому кургану Б.Г. Тихонов посвятил специальную публикацию в КСИА, уже отнеся полученные материалы к абашевской культуре Среднего Подонья или же донскому варианту абашевской культуры и при этом датируя их концом II – началом I тыс. до н.э.² Нельзя не увидеть в этой эволюции взглядов влияния изложенной выше концепции П.Д. Либерова на процессы, происходившие на Дону в эпоху бронзы. В дальнейшем Б.Г. Тихонов не обращался к абашевской проблематике применительно к пространствам Верхнего и Среднего Дона, поскольку для этой территории все больше подтверждений получала концепция А.Д. Пряхина, по сути оценочных суждений противоположная точке зрения П.Д. Либерова.

Одновременно с работой в Воронежской лесостепной скифской экспедиции на протяжении двух полевых сезонов (1968 – 1969 гг.) Б.Г. Тихонов участвовал и в исследованиях Верхнедонской новостроечной экспедиции ИА АН СССР вначале как заместитель начальника, а затем возглавив ее³. Материалы эпохи поздней бронзы, происходящие с памятника под номером 229 у с. Казинка, стали предметом специального исследования

Проблеми гірничої археології (матеріали VII-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевськ, 2009. – С. 18 – 26; Захарова Е.Ю. Вклад Бориса Григорьевича Тихонова в развитие региональной археологии Центрального Черноземья России // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 10(138). – С. 143 – 148.

¹ Тихонов Б.Г. Раскопки Старотойденских курганов // Археологические открытия 1967 года. – М., 1968. – С. 40.

² Тихонов Б.Г. Третий Старотойденский курган // КСИА. – 1971. - № 127. – С. 86, 92.

³ Воронина Р.Ф., Левенок В.П., Матвеева В.И., Тихонов Б.Г. Работы Верхнедонской экспедиции // Археологические открытия 1968 года. – М., 1969. – С. 34 – 36; Воронина Р.Ф., Матвеева В.И., Тихонов Б.Г., Федосеева Н.Н. Верхнедонская экспедиция // Археологические открытия 1969 года. – М., 1970. – С. 40.

Б.Г. Тихонова и Н.В. Колышницына ¹. Значимость этого памятника определяется тем обстоятельством, что это первое поселение эпохи бронзы (по мнению авторов, относятся ко второму периоду срубной культуры и датируются XII – IX вв. до н.э.), раскопанное площадью более 100 кв.м, на территории Липецкой области. Особую значимость имеет обнаруженный в раскопе обломок глиняной литейной формы для отливки вислообушного топора.

Впоследствии Б.Г. Тихонов не возобновлял своих работ в Верхнем Подонье.

О событиях 1969 года, послуживших причиной для формирования Воронежской новостроечной экспедиции мы уже писали. В ней было создано четыре отряда, один из которых возглавил Б.Г. Тихонов. Под его руководством в 1969 г. раскапывались поселения Университетские стоянки 1, 2 (общая вскрытая площадь более 1700 кв.м), в 1969 – 1971 гг. – поселение Отрожка 1, в 1970 – 1971 гг. – поселения Отрожка 2, Таврово (вскрыто 2692 кв.м.). Уже в предварительной информации, публиковавшейся в «Археологических открытиях», акцент делался на материалы эпохи бронзы с этих памятников ². В последующие годы материалы эпохи средней бронзы, происходящие с Университетских стоянок, и материалы финальной бронзы с Тавровского поселения нашли отражение в двух публикациях Б.Г. Тихонова с воронежскими соавторами, остальные материалы не опубликованы до сих пор ³.

¹ Тихонов Б.Г., Колышницын Н.В. Поселение эпохи поздней бронзы на реке Матыра Липецкой области // Памятники древнейшей истории Евразии: Сборник в честь О.Н. Бадера. – М., 1975. – С. 244 – 248.

² Либеров П.Д., Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Тихонов Б.Г. Археологические исследования на Воронежском водохранилище// Археологические открытия 1969 г. – М., 1970. – С. 50 – 52; Тихонов Б.Г. Воронежская новостроечная экспедиция // Археологические открытия 1971 г. – М., 1972. – С. 77 – 78.

³ Тихонов Б.Г., Матвеев Ю.П. Университетские поселения среднедонской катакомбной культуры в пойме р. Воронежа // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. – С. 75 – 88; Тихонов Б.Г., Екимов Ю.Г. Тавровское поселение заключительного этапа эпохи бронзы // Древние памятники на территории Восточной Европы. Сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПИ, 1983. – С. 138 – 144.

Поскольку в результате проведенных в лесостепном Подонье во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. работ было получено большое количество свидетельств металлопроизводства эпохи бронзы, Б.Г. Тихонов вновь возвращается к рассмотрению поднятого в предвоенные годы Г.В. Подгаецким вопроса о существовании в указанное время металлургии у населения доно-волжского междуречья¹. Б.Г. Тихонов одним из первых высказался в пользу существования у срубного населения доно-волжского междуречья почти всего комплекса металлургического производства². Но, к сожалению, продуктивно начатая разработка этого вопроса в дальнейшем не получила своего развития.

Постоянное участие в крупномасштабных полевых исследованиях на территории лесостепного Подонья обусловили рост авторитета Б.Г. Тихонова в области изучения эпохи бронзы этого региона. Не случайно, что именно он выступает рецензентом по докторской диссертации П.Д. Либерова, оппонентом по кандидатским диссертациям воронежских исследователей А.Т. Синюка и В.В. Килейникова³. Ему же совместно с А.Д. Пряхиным было поручено написание разделов по катакомбным и срубным древностям донской лесостепи для многотомного издания «Археология СССР».

В заключение анализа археологической деятельности Б.Г. Тихонова в Подонье отметим, что он спустя десятилетие вернулся на несколько лет к полевым работам в лесостепном Подонье (1982, 1984 – 1985 гг.), возглавив Воронежскую археологическую экспедицию ИА АН СССР. За это время под его руководством были проведены раскопки курганов у с. Караяшник Ольховатского р-она (1982 г.), у с. Чесменка Бобровского р-она (1984 г.), в урочище Орлиное Болото Новоусманского р-на (1985 г.). Предварительные результаты этих работ нашли отражение в кратких сообщениях

¹ Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии (сборник статей археологов – ветеранов Великой Отечественной войны). – М., 1978. – С. 86 – 93.

² Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона. – С. 88.

³ Тихонов Борис Григорьевич. Личное дело сотрудника (20.07.1952 – 06.05.1988) // НА ИА РАН. Р – 6. № 212. Л. 49, 68.

«Археологических открытий»¹, детальный анализ материалов из могильника у с. Караяшник содержится в совместной статье с воронежским археологом Ю.П. Матвеевым².

Подведем итог выше изложенному. Изучение Б.Г. Тихоновым эпохи бронзы лесостепного Подонья базировалось, прежде всего, на материалах, полученных им лично в процессе проведения полевых работ. Анализ полученных материалов способствовал введению им в науку конструктивных выводов и гипотез по отдельным аспектам исследовательского поиска в рамках проблематики эпохи бронзы, но какой-либо цельной концепции автор не продемонстрировал.

5.1.4. Верхне-Донская экспедиция (отряд) ЛОИИМК (ЛОИА)

Верхнее Подонье вплоть до середины XX века, как мы уже неоднократно указывали, в археологическом отношении оставалось малоизученным, хотя традиционно эта территория находилась в сфере интересов воронежских любителей древности. Говорить же о начале целенаправленной деятельности по выявлению и исследованию археологических объектов на этой территории можно лишь применительно к периоду конца 1940-х – 1950-м годам. В конце 1940-х – начале 1950-х годов по инициативе и при финансировании Воронежского областного краеведческого музея на территории Верхнего Подонья (будущей Липецкой области) несколько эпизодических по своему характеру полевых исследований организовала и провела А.Н. Москаленко, представительница ленинградской археологической школы, начавшая в это время

¹ Тихонов Б.Г. Исследование курганов у с. Караяшник // Археологические открытия 1982 г. – М., 1984. – С. 90 – 91; Тихонов Б.Г. Курганы у с. Чесменка // Археологические открытия 1984 г. – М., 1986. – С. 76 – 77; Тихонов Б.Г. Курганы в урочище Орлиное Болото // Археологические открытия 1985 г. – М., 1987. – С. 107.

² Матвеев Ю.П., Тихонов Б.Г. Исследование могильника у с. Караяшник // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи: Межвуз. сборник науч. трудов. – Воронеж, 1984. – С. 48 – 60.

преподавательскую деятельность в Воронежском государственном университете¹. К изучению памятников на Верхнем Дону исследовательница возвращалась и позднее², но все же предпочтение было отдано Среднему Подонью (подробнее о деятельности А.Н. Москаленко речь пойдет в следующем параграфе данной работы).

В конце 1950-х годов в Подонье смещаются акценты полевых исследований сотрудника Сектора палеолита ЛОИИМК - ЛОИА АН СССР Всеволода Протасьеви́ча Левенка (1906 - 1985). Правда, сам В.П. Левенок в первом отчете по итогам работ в Подонье сообщает, что «эта территория не была чужда интересам автора и ранее»³ (сведения биографического характера см. в приложении № 25).

В 1958 году, как сообщает в своем научном отчете В.П. Левенок, «в связи с расширением по планкарте Сектора Палеолита ИИМК АН СССР моей прежней деснинской темы на большую по охвату территории тему, формулирующуюся как «Мезолит и неолит Днепровско-Донского лесостепного междуречья», я имел необходимость в отчетном году вынести свои разведочно-раскопочные работы из бассейна реки Десны на более широкую территорию... Полевая работа была разделена на два участка, - на работу в верхнем течении реки Сейма, в пределах Курской области, и работу на среднем Дону в Воронежской области. В обоих случаях работа проводилась в контакте с местными областными музеями – Курским и Воронежским»⁴.

¹ Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притоках в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 326; Москаленко А.Н. Отчет об археологической разведке в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 527.

² Москаленко А.Н. Святилище на реке Воргол // Советская археология. – 1966. – № 2. – С. 203 – 209.

³ Левенок В.П. Археологический отчет к разведкам на верхнем Сейме и среднем Дону (в пределах Курской и Воронежской областей) в 1958 году, произведенным на основании Открытого листа № 122, выданного 5 июня 1958 г. по форме 2, на имя Левенка Всеволода Протасьеви́ча // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1709. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 1.

В пределах Курской губернии был обследован участок в верхнем течении р. Сейм по обоим берегам общей протяженностью 240 км, в результате чего были обследованы 42 археологических памятника различных эпох, большинство из которых впервые ¹. «В дополнение к полевым работам автором были изучены крайне незначительные по объему археологические фонды Курского Областного краеведческого музея, а также личная коллекция краеведа учителя О.Н. Андреева из г. Льгова» ².

Поскольку на Среднем Дону в это время работала Костенковская палеолитическая экспедиция, то именно в ее структуре был сформирован разведочный отряд под руководством В.П. Левенка для обследования отрезка Дона от с. Архангельского до устья р. Воронежа (в пределах 50 км). Цель этого обследования отражена в отчете руководителя отряда. «Одною из главнейших целей разведки явилось отыскание здесь следов мезолита и неолита и определение закономерностей в размещении и залегании памятников этих культур. И одновременно, в связи с тесной увязкой и дружественным рабочим контактом с Воронежским Обл. Краеведческим Музеем (культурное и хронологическое определение материалов и экспонатов, оказавшихся после войны беспаспортными, получение в разведках данных к археологической карте и др.), были учтены также пожелания научных сотрудников музея в отношении попутной регистрации и более поздних памятников» ³. Поставленная цель была достигнута: были получены новые материалы к археологической карте обследованного района (обследовано, в том числе и впервые 34 археологических памятника), доказано наличие стоянок мезолита и неолита на Среднем Дону, а также определена более точная культурная атрибуция памятников других эпох.

С 1959 года В.П. Левенок начинает обследовать Верхнедонской регион, территорию которого будет продуктивно изучать на протяжении

¹ Левенок В.П. Археологический отчет к разведкам на верхнем Сейме и среднем Дону. Л. 1 – 17.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 19 - 20, 36.

последующего десятилетия (до 1968 г.). В 1959 г. в рамках организации экспедиционной работы ЛОИА создается Верхнедонской отряд под его руководством, а со следующего года – это уже возглавляемая В.П. Левенком Верхне-Донская археологическая экспедиция. Благодаря организаторским способностям В.П. Левенка с 1960 по 1964 гг. в ней функционировало до четырех отрядов. Правда, в 1965 году, в связи с обособлением в отдельную экспедицию Гагаринского палеолитического отряда (начальник – научный сотрудник ЛОИА Л.М. Тарасов) и прекращением работы Стрешневского (Данковского) отряда (начальник – директор Данковского краеведческого музея В.Л. Лукин) Верхне-Донская экспедиция вновь была реорганизована в отряд¹.

В целом, этот год можно считать переломным в истории работы экспедиции, потому что с этого времени начинается сворачивание масштабов ее работ, инициированное тогдашним руководством ЛОИА АН СССР. Согласно записям В.П. Левенка, в марте 1965 г. велась активная переписка между ЛОИА и НЛМЗ «о выделении средств для раскопки памятников на р. Матыре»², надо полагать, она оказалась продуктивной (хотя это и не отражено в дневнике – Е.З.), потому что уже спустя год В.П. Левенок получил от руководства НЛМЗ уведомление о необходимости «составить смету на раскопки памятников на р. Матыре». В связи с этим он поставил перед руководством ЛОИА вопрос «об организации Новолипецкой новостроечной экспедиции», предоставив при этом «смету, карту и список раскопов»³. Спустя две недели М.К. Каргер (тогда заведующий ЛОИА) заявил: «ЛОИА не может организовать раскопки памятников на р. Матыре –

¹ Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. В.П. Левенок и его роль в выявлении и изучении древностей эпох палеолита и мезолита в Подонье // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк, 2006. – С. 22.

² Левенок В.П. Дневник: 8, 9-11 марта 1965 г. // Архив ЛОКМ. Левенок В.П. Тетрадь учета работы. Книга II. ЛОИА АН СССР. 1960. С. 138.

³ Левенок В.П. Дневник: 15, 16, 19 марта 1966 г. // Архив ЛОКМ. Левенок В.П. Запись работы, ежедневно проводимой в стенах ЛОИА, заседаний сектора палеолита и других главнейших событий. Книга III. 1965. С. 29.

нет археологов и счетных работников»¹. По его же указанию, В.П. Левенок 1 апреля 1966 г. направил в адрес НЛМЗ отношение, в котором было указано, что «ЛОИА не может выделить археологов для организации экспедиции на р. Матыре, всю организацию этого мероприятия ЛОИА передает Липецкому музею»². Таким образом, ЛОИА сознательно уклонилось от ведущей роли при организации новостроечных работ в зоне строительства Матырского водохранилища, возложив это полностью на Липецкий областной краеведческий музей.

Нельзя не отметить в этой связи активную позицию сотрудников этого учреждения, в то время последовательно демонстрировавших верность лучшим своим традициям, восходящим ко времени основания музея в конце первого десятилетия XX века по инициативе уже упоминавшегося нами воронежского краеведа – археолога В.П. Трунова. Развитию же направления по изучению древнейшего прошлого края существенно мешало отсутствие специалиста-археолога. Так сложилось, что именно В.П.Левенку пришлось восполнять этот пробел, ведь к изучению древностей края приступил не просто опытный археолог, но и высокопрофессиональный музейный работник, знающий до тонкостей специфику музейно-краеведческой работы.

В.П. Левенок сумел наладить тесные связи с краеведческим сообществом Липецкой области, закономерным следствием чего оно стало на весь «верхнедонской» период деятельности В.П. Левенка его верным и действенным помощником как в организации экспедиционной работы, так и в выявлении новых археологических объектов. Показательным результатом этого сотрудничества явилось создание из числа краеведов двух археологических отрядов в составе Верхнедонской экспедиции. Особыми успехами выделялся Стрешневский (Данковский) отряд под руководством тогдашнего председателя Данковского краеведческого общества В.Л. Лукина. К слову сказать, в той части личного архива В.П. Левенка, который

¹ Левенок В.П. Дневник: 15, 16, 19 марта 1966 г. С. 31.

² Там же. С. 32.

хранится в Липецком областном краеведческом музее, имеется документ, свидетельствующий об избрании его 26 октября 1960 года почетным членом Данковского краеведческого общества¹.

В годы работы на Верхнем Дону он, в частности, стал инициатором создания первой археологической экспозиции в Липецком областном краеведческом музее и лично принял в этом активное участие. В итоге, на тот момент была построена одна из лучших археологических экспозиций среди краеведческих музеев Центрального Черноземья. В.П. Левенок провел огромную работу по формированию фондов Липецкого областного краеведческого музея. Благодаря чему, и в настоящее время его коллекции по числу единиц хранения являются наиболее многочисленными².

Показательным в этой связи является также тот факт, что если поначалу сотрудничество идет на паритетных началах, то с 1965 года липчане практически полностью берут на себя бремя организационных мероприятий и расходов, в то время как В.П. Левенок осуществляет научное руководство совместными работами.

За все годы работы В.П. Левенка на Верхнем Дону было выявлено только на территории Липецкой области 372 памятника, а целый ряд из них, благодаря раскопкам под его руководством, получил широкую известность. Среди них городища у сс. Перехваль, Конь-Колодезь, Гудово, Ново-Никольский могильник, Рыбное озеро I, Рыбное озеро II, Ярлуковская протока и другие. Но, конечно, самое важное место в сфере научных интересов В.П. Левенка занимали древности эпохи неолита. Из их числа особое значение для науки имеют многочисленные, хорошо стратифицированные материалы с открытой и исследованной под руководством В.П. Левенка Долговской стоянки. Немаловажен и факт

¹ Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка) // Історія археології: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України. Вип. 9. – Київ: ІА НАН України, 2012. – С. 35 – 36.

² Там же. – С. 36.

быстрого введения их в научный оборот¹. Неслучайно, впоследствии ее стали именовать эталонным памятником для оценки широкого круга неолитических древностей Верхнего Дона и сопредельных территорий².

Результаты проведенных работ на разновременных памятниках региона нашли отражение в публикациях В.П. Левенка³. Следует подчеркнуть, что Всеволод Протасевич всегда стремился к основательности в исследованиях, никогда не гнался за количеством научных публикаций: их у него всего 30. Символично, что основная часть из них явилась результатом эффективного взаимодействия ученого с подвижниками-краеведами. При этом важно, что применительно к Верхнему Подонью содержание ни одной из них не утратило своего значения и до настоящего времени.

Одним из основных результатов его работ на территории Липецкой области стала разработка культурно-хронологической периодизации древностей каменного века бассейна Верхнего и Среднего Дона. Этой проблеме посвящен целый ряд работ, носящих обобщающий характер⁴.

Отдельных научных работ о находках позднеплейстоценовой эпохи В.П. Левенок не оставил, в то же время выявленные им мезолитические комплексы не только были введены в научный оборот, но и впервые была

¹ Левенок В.П. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону // КСИА. – Вып. 92. – М., 1963. – С. 76 – 82; Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА СССР. – № 131. – Т. 5. – М.-Л., 1965. – С. 223 – 251.

² Бессуднов А.Н., Пряхин А.Д. Всеволод Протасевич Левенок: штрихи к портрету археолога // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк, 2006. – С. 6.

³ Левенок В.П. Волотовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж, 1960. – С. 171 – 176; Левенок В.П. Работы в бассейне Верхнего Дона // АО 1965 г. – М., 1966. – С. 150 – 151; Левенок В.П. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком // КСИА. – Вып. 111. – М., 1967. – С. 116 – 120; Левенок В.П. Исследования в зоне Липецкого моря // АО 1967 г. – М., 1968. – С. 32 – 34; др. работы.

⁴ Левенок В.П. К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж, 1964. – С. 142 – 150; Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА СССР. – № 126. – М.-Л., 1966. – С. 88 – 98; Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА СССР. – № 172. – М. – Л., 1973. – С. 187 – 197.

сделана попытка определения их места в системе аналогичных древностей Восточной Европы¹. Ранее уже в рамках историографического анализа различных точек зрения по оценке этих древностей высказывались и неоднозначные суждения о роли В.П. Левенка в процессе развития научных представлений по данному вопросу. Несмотря на разную степень критичности, все авторы уверенно констатируют очевидность его вклада в выявление и изучение древностей палеолита и мезолита².

Неолитические же древности Верхнего Дона составили основу его диссертационного исследования, успешно защищенного в Институте археологии АН СССР (Москва) 22 мая 1970 года. В нем автору удалось на основании анализа новых материалов выделить на Верхнем Дону более древние этапы применительно к неолитической эпохе – мезолит и ранний неолит. Он также показал этнокультурную неоднородность неолитических и энеолитических материалов, относящихся к ранее неизвестным на этой территории культурам – рязанско-долговской и верхнедонскому варианту днепро-донецкой, которые, по мнению В.П. Левенка, на грани развитого и позднего неолита переросли в одну – рыбоозерскую, знаменующую собой заключительный этап эпохи неолита на данной территории³. Впоследствии, несмотря на критику отдельных положений диссертационного исследования В.П. Левенка, как и его концепции по донскому неолиту в целом, специалисты и спустя несколько десятилетий отмечали тот факт, что именно

¹ Левенок В.П. К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж, 1964. – С. 142 – 150; Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА СССР. – № 126. – М.-Л., 1966. – С. 88 – 98; Левенок В.П. Мезолитические и неолитические кремневые орудия Селецких дюн // КСИА. – Вып. 141. – М., 1975. – С. 68 – 75.

² Зотько М.Р. Историографический очерк изучения иеневской и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1994. – Вып. 1. – С. 15 – 16; Бессуднов А.Н. Центральное Черноземье – контактная зона мезолитических культур // Черноземная лесостепь – контактная зона. – Белгород, 2001. – С. 8 – 10; Федюнин И.В. Мезолит лесостепного Подонья в исследованиях В.П. Левенка // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2002. – С. 12 – 15.

³ Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Л., 1969. – 19 с.

он «стал тем исследователем, который впервые обратился к изучению материалов с накольчато-гребенчатой керамикой российской части Днепро-Донского междуречья и справедливо отметил целый ряд существенных особенностей неолита Подонья, связывал ее накольчатую орнаментацию с ранней стадией развития неолита»¹.

Разносторонняя эрудиция Всеволода Протасевича, живость характера, его постоянное стремление поделиться своими знаниями и умениями, а также огромный энтузиазм в исследовательской работе завоевали ему прочный авторитет среди липецких учителей, музейных работников, студентов².

На фоне столь плодотворных результатов экспедиции под руководством Всеволода Протасевича Левенка на Верхнем Дону как-то особенно субъективным выглядит решение руководства ЛОИА свернуть в конце 1960-х годов исследования археологических памятников в этом регионе. Последний год работы В.П. Левенка на Верхнем Дону, как уже было указано, 1968 г. В своем дневнике он прямо не указывает на причины, побудившие его отказаться от дальнейшего изучения верхнедонских древностей, но, у нас есть некоторые основания считать, что это было связано с тем фактом, что с этого же года здесь развернула свои работы Верхнедонская экспедиция ИА АН СССР (Москва) под руководством Б.Г. Тихонова, Р.Ф. Ворониной и Э.А. Юркевич. Указанная экспедиция не только имела то же название, что и структура, некогда созданная В.П. Левенком, но и, как указано в отчете за 1968 г., продолжила работы на памятниках, им открытых и обследованных³.

¹ Гапочка С.Н. Всеволод Протасович Левенок и изучение памятников с накольчато-гребенчатой керамикой // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк, 2006. – С. 20.

² Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка). – С. 36.

³ Тихонов Б.Г. Отчет Верхнедонской экспедиции о раскопках памятников эпохи бронзы. 1968 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3712. Л. 1.

Попутно отметим, что и московские специалисты задержались здесь недолго. Уже с середины 1970-х до конца 1980-х годов каких-либо постоянно действующих экспедиций на территории Липецкой области и вовсе не было. Следующий период в изучении верхнедонских (липецких) древностей, продолжающийся и поныне, связан с деятельностью представителей воронежской археологической школы.

5.1.5. Северо-Донецкий отряд Южно-Русской (Черниговской, Нижне-Донской) экспедиции ИИМК (ИА)

Центральное Черноземье России (Белгородская, затем Воронежская области) прочно вошло и в сферу интересов Северо-Донецкого отряда (в составе Южно-Русской, Черниговской, Нижне-Донской экспедиции), работавшего под руководством С.А. Плетневой. Работы в регионе, включавшие, прежде всего, разведки и раскопки памятников салтово-маяцкой культуры ею были начаты в Белгородской обл. с 1957 г., разведки в пределах Воронежской области с 1962 г.)¹. Первым комплексом памятников, раскопанным под ее руководством, стал Дмитриевский (Дмитровский) в Белгородской области². Впервые комплекс (городище, селище 1 и могильник) был обследован И.И. Ляпушкиным в 1951 году. В

¹ Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1446. 75 л., 38 черт.; № 1446а. 8 л., № 1447. 26 л., 193 ил.; Она же. Отчет Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1742. 111 л., 27 черт.; Она же. Отчет о работе Донецкого отряда Черниговской экспедиции летом 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2065. 51 л., 21 черт.; № 2065а. 17 л., 75 ил.; Она же. Отчет Северо-Донецкого отряда о работе летом 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2242. 36 л.; № 2242а. 35 л., 56 ил.; Она же. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции о работах летом 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2471. 51 л.; № 2471а. 21 л., 73 ил.; Она же. Отчет о работах Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции летом 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2647. 31 л., 6 илл.; Она же. Отчет Северо-Донецкого отряда за 1964 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2989. 83 л.; 60 илл.; Она же. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции летом 1966 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3222. 167 л.; № 3222а. 33 л., 113 ил.

² Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 285 с.

отчетах он именовал его Добринским или Козеевским по двум близлежащим деревням, в публикации назвал у дер. Доброй ¹. Но к моменту выхода публикации И.И. Ляпушкина С.А. Плетнева уже в отчетах назвала его Дмитриевским, и не стала менять название.

Работы на Дмитриевском комплексе под руководством С.А. Плетневой велись почти ежегодно в течение 11 сезонов с 1957 по 1973 гг. За эти годы на городище была вскрыта площадь около 1600 кв.м, на селище 1 – 2000 кв.м, на селище 2 – 100 кв.м, на могильнике – более 3000 кв.м, что позволило исследовательнице вновь обратиться к вопросам хронологии всей салтово-маяцкой культуры ².

Вплоть до 1965 года С.А. Плетнева наряду со стационарными раскопками проводила ежегодные разведки в Подонье и Приазовье. Их масштабы очень впечатляющие: было обследовано более 2000 км, в результате выявлено свыше 120 новых памятников и обследованы почти все известные ранее ³. Результаты проводимой работы нашли отражение в ряде статей, а итогом стала монография 1967 года «От кочевий к городам», послужившая основой докторской диссертации.

В 1950-е годы расширение источниковой базы оставалось актуальной задачей для определения территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры, разграничения территорий славян и кочевников. Перечисленные выше задачи и обусловили маршрут разведки С.А. Плетневой. В результате проведенных работ она смогла уже задействовать данные о 271 пункте, где выявлены памятники салтово-маяцкой культуры, при этом на территории Воронежской и Белгородской областей – 39 (для сравнения укажем, что в предшествующей публикации по данной теме И.И.

¹ Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА СССР. – № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 93, 106, др.

² Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 11 и сл.

³ Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА СССР. – № 142. – М.: Наука, 1967. – С. 8, 191 – 196.

Ляпушкина в 1958 году было учтено 57 пунктов, близ которых расположены памятники салтово-маяцкой культуры, 12 – с территории ЦЧ¹).

Опираясь на надежную источниковую базу, С.А. Плетнева аргументировала целый ряд выводов, надолго определивших дальнейшее направление исследований салтово-маяцкой культуры. Что касается территории ЦЧ, то в монографии 1967 года было показано, что владения Хазарского каганата на северо-западе и севере вплотную подходили к землям славянских племен; границы каганата были довольно сильно укреплены; основными создателями салтово-маяцкой культуры были «болгары, смешанные с аланами»².

Детализировала С.А. Плетнева и предложенную И.И. Ляпушкиным классификацию бытовых памятников, выделяя кочевья-стойбища и «обитаемые полосы», селища, городища с земляными укреплениями, каменные замки и города. На территории ЦЧ ею зафиксированы все типы памятников за исключением городов.

С.А. Плетнева проследила и охарактеризовала три погребальных обычая: труположение в катакомбах, труположение в ямах и трупосожжение. Каждый из них увязывается с конкретным населением.

Несколько слов хочу уделить Маяцкому комплексу памятников, в связи с работами С.А. Плетневой в 1960-е годы. Посетив в 1962 году Маяцкое городище, исследовательница осмотрела его с позиций степени сохранности, сделала «полуглазомерный» план памятника (более ранний датируется 1909 годом), собрала подъемный материал с распахиваемой тогда восточной части селища. Спустя годы она сетовала, что в ходе посещения памятника не был выполнен план расположения на селище серых зольных пятен, характерных для других салтово-маяцких поселений, и четко выделявшихся тогда на черном фоне пахоты. Впоследствии распашка мыса была запрещена, образовался выпас для овец, и обнаружить зольные пятна оказалось

¹ Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 149 – 150.

² Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 186 – 188.

невозможным. Правда, один из зольников все же был зафиксирован в раскопе 3 селища¹.

В ходе данной разведки С.А. Плетнева посетила и городище у с. Сторожевое (И.И. Ляпушкин атрибутировал его как самый северный пункт салтово-маяцкой культуры на Дону²). На площади этого памятника, на валу, у въезда, экспедицией П.Д. Либерова был заложен шурф в предшествующий 1961 г. Площадь городища в то время распаивалась, это дало возможность собрать подъемный материал, в котором скифская керамика составила 90%, были встречены и единичные фрагменты салтовских лощеных сосудов. С.А. Плетнева писала, что «несмотря на их наличие, городище не может считаться салтовским памятником», в списке памятников она атрибутировала его как славянское³.

Уже после первых пяти лет своих работ в регионе, в 1962 году С.А. Плетнева публикует статью, в которой поднимает наиболее актуальный для лесостепного Подонья вопрос о связях алано-болгарских племен со славянами⁴.

Возобновление раскопок на Дивногорских памятниках в середине 1970-х гг. также было обусловлено стремлением разрешить вопросы взаимодействия этносов на данной территории в эпоху раннего средневековья. В Москве в декабре 1974 г. проводилось советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы». Оно было организовано Институтом археологии АН СССР и Венгерской частью Комиссии историков ВНР – СССР совместно с Археологическим институтом Венгерской АН для обсуждения в рабочей

¹ Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 12.

² Ляпушкин И.И. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 429. Л. 52 – 53.

³ Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища у с. Дмитровского Белгородской обл. 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2471. Л. 33; Она же. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 191.

⁴ Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII – IX вв. // Советская археология. – № 1. – 1962. – С. 83 – 94.

обстановке ряда тем, близко касающихся венгерской истории. В центре внимания собравшихся была и проблема локализации расселения древних венгров¹. Поскольку для дальнейшего развития исследований в этом направлении было решено исследовать один из салтово-маяцких памятников Подонья, С.А. Плетнева предложила «знаменитое Маяцкое городище». По ее словам, она руководствовалась двумя причинами: «максимальная приближенность к территории, где действительно попадаются памятники, которые можно сближать с венгерскими (Средняя Волга), и несомненно, высокая научная значимость памятника»².

Наше видение истории изучения Маяцкого археологического комплекса Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией под рук. С.А. Плетневой (1975 – 1982 гг.) изложено в соответствующем разделе монографии, к которому мы и отсылаем читателя³. В целом, именно благодаря работам этой экспедиции Маяцкий археологический комплекс стал одним из наиболее информативных памятников салтово-маяцкой культуры. Анализ полученных материалов позволил осветить целый ряд принципиальных вопросов материальной и духовной культуры населения северной окраины Хазарского каганата. С окончанием работ экспедиции закончился самый масштабный по объему выполненных полевых работ и последовавших затем научных публикаций период в изучении дивногорских памятников.

В последующие годы С.А. Плетнева уделяла большое внимание не только научному осмыслению древностей Хазарского каганата в Центральном Черноземье, но и активно способствовала реализации идеи музеефикации Маяцкого археологического комплекса.

¹ Юшко А.А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 287.

² Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Венгерской археологической экспедиции. 1975 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5313. Л. 1.

³ Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения). – С. 147 – 182.

Как было показано выше, научная направленность охарактеризованных академических экспедиций была разной, но сходны принципы в области изучения и сохранения археологического наследия. Наряду с организацией значительных по охвату территории разведок и раскопок на протяжении нескольких сезонов базовых памятников, они вели большую популяризаторскую работу. Благодаря их деятельности возобновились археологические изыскания местных краеведов (наиболее активные и целеустремленные из них становились начальниками отрядов и начинали самостоятельные раскопки), были восстановлены (в Липецке, Белгороде, Данкове, Острогожске созданы) археологические экспозиции краеведческих музеев¹. Среди наиболее активных краеведов этого периода с многолетним стажем работы в академических экспедициях отметим Ю.А. Липкинга (преподаватель Курского педагогического института, под его руководством студенты проходили практику практически во всех академических экспедициях, работавших в Курской области), Г.И. Корнюшина (учитель Аннинской школы Воронежской области, руководитель отряда в экспедиции П.Д. Либерова), В.Л. Лукина (председатель Данковского краеведческого общества Липецкой области, руководитель отряда в экспедиции В.П. Левенка).

Можно согласиться с высокой оценкой заслуг этих экспедиций в деле профессиональной подготовки студентов-историков местных ВУЗов². Но вместе с тем, немаловажно обратить внимание на тот факт, что в анализируемое время в таких областях Центрального Черноземья как Тамбовская, Липецкая, Белгородская не было местных кадров профессиональных археологов, ведших самостоятельные полевые исследования. В Курской области вплоть до середины 1980-х годов

¹ Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона. – С. 65; Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка). – С. 35 – 36.

² Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Книга 1. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. – С. 33.

единственным держателем Открытых листов был Ю.А. Липкинг. Ситуация радикально отличалась в Воронежской области, о чем речь пойдет в соответствующем параграфе.

Оценивая в целом место академических экспедиций конца 1940-х – 1960-х годов в процессе археологического изучения ЦЧР и становления региональной археологии, можно констатировать, что именно они заложили основы современного научного осмысления фундаментальных проблем в области археологии региона в их взаимосвязи с другими крупными историко-культурными областями; стали школами профессионального мастерства для местных исследователей; сыграли значительную роль в популяризации археологического знания и сохранении археологического наследия.

5.2. Становление основ вузовской археологии в регионе

Разгром краеведения в ЦЧР на рубеже 1920-30-х гг., а затем и военное лихолетье привели к плачевному состоянию в области археологии на местах. В штатах краеведческих музеев в лучшем случае было по одному специалисту, хотя бы в какой-то мере знакомому с археологией (В.И. Самсонов – в Курске, Д.Д. Леонов – в Воронеже). Возобновлять учебную и научную деятельность ВУЗов также приходилось в чрезвычайно сложных условиях. Не было ни соответствующих потребностям учебного процесса помещений, ни пособий и оборудования, но главной проблемой была кадровая.

5.2.1. Об археологии

в Курском и Тамбовском педагогических институтах

В связи с процессом становления региональной археологии в ЦЧР в первые послевоенные десятилетия нельзя обойти вниманием деятельность преподавателя Курского педагогического института Юрия Александровича

Липкинга (1904 – 1983) – историка, археолога и писателя, «последнего романтика краеведческой археологии». Сошлюсь в этой связи на точку зрения С.П. Щавелева, следующим образом оценившего вклад Ю.А. Липкинга в региональную археологию. «Под тактичным и компетентным руководством Ю.А. Липкинга десятки первых курсов истфака, многие студенты-добровольцы... прошли археологическую практику... Он четверть века обеспечивал квалифицированной рабочей силой и собственным участием курские экспедиции М.В. Воеводского, А.Е. Алиховой, П.И. Борисковского, Э.А. Сымоновича, М.Д. Гвоздовер, О.Н. Мельниковской, А.И. Пузиковой... Ведущие московские и ленинградские археологи старшего поколения на равных сотрудничали с ним при разведках и раскопках на территории «его» области»¹.

Вплоть до середины 1980-х годов Ю.А. Липкинг оставался единственным из курян – держателем открытых листов на производство археологических работ. В полевой археологии любимым занятием Ю.А. Липкинга были разведки археологических объектов и их выборочная шурфовка. В результате многолетних работ были собраны данные практически по всем районам Курской области и подготовлен новый вариант археологической карты², в отдельной публикации обобщена информация по городищам Посеймья³. Стационарные самостоятельные раскопки Ю.А. Липкинга достаточно редки, поскольку «явно не любил писать пухлых отчетов по открытым листам». Благодаря его работам были получены первые достоверные данные об оседлом, скорее всего раннеславянском населении лесостепных областей Днепровского Левобережья в VI – VII вв., но до обобщения и публикации столь значимых в научном отношении материалов у исследователя дело так и не дошло.

¹ Щавелев С.П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) // РА. – 1995. - № 3. – С. 214 – 215.

² Липкинг Ю.А. О чем рассказывают курганы. – Воронеж: ЦЧИзд-во, 1966. – Приложение.

³ Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // // МИА СССР. – № 113: Лесостепные культуры скифского времени. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.134 – 141.

Более всего Ю.А. Липкинг известен как автор научно-популярных работ по археологии. Среди них на первое место, конечно, следует поставить книгу «О чем рассказывают курганы» (1966), переизданную в 1971 году после доработки и дополнений под названием «Далекое прошлое соловьиного края». Многие из археологов-профессионалов и просто любителей старины относят это произведение к эталонным образцам научно-популярной литературы, где достоверность сочетается с легкостью и занимательностью изложения (есть, конечно, и погрешности, свойственные автору).

В целом, благодаря Ю.А. Липкингу в Курске не была прервана традиция продуктивного археологического краеведения; укрепились связи со столичными исследователями; была подготовлена база для развития в 1980-1990-е гг. собственной археологической школы.

В Тамбове возобновление археологических изысканий местными силами связано с деятельностью преподавателя (позднее доцента) педагогического института Ларисы Ивановны Чуистойвой (1911 – 1986). Она приехала в Тамбов в 1962 г., и с ее приходом в пединститут там появился историко-археологический кружок, была организована полевая археологическая практика ¹.

Первоначально, в 60-е годы, студенты под ее руководством участвовали в работах экспедиций на юге страны, а в первой половине 70-х годов она вела самостоятельные разведки и раскопки на территории Тамбовской области. За четыре полевых сезона (1970 – 1973 гг.) в бассейне реки Цны ею были открыты около 20 памятников от эпохи бронзы до средневековья, на семи из них проведены раскопки общей площадью более 300 кв. м ².

¹ Алленов А.Н., Моисеев Н.Б. Л.И. Чуистова: археолог, историк, педагог (к 100-летию со дня рождения) // Вестник ТГУ. – Вып. 10 (102). – 2011. – С. 346.

² Алленова В.А., Мизис Ю.А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.). – С. 382; Алленов А.Н., Моисеев Н.Б. Указ. соч. – С. 346.

На основе собственных открытий и работ предшественников Л.И. Чуистова подготовила первый сводный труд о тамбовских древностях¹. До сих пор тамбовчане-историки с благодарностью вспоминают своего учителя, к 100-летию Л.И. Чуистойвой было подготовлено юбилейное издание². К сожалению, коллектива профессиональных археологов под ее руководством не сложилось.

5.2.2. Возникновение научной археологической школы в Воронежском государственном университете

В Воронеже лишь один преподаватель в первые послевоенные годы имел отношение к региональной археологии: преподаватель педагогического института Антон Федорович Шоков (1911 - 1990), приступивший к написанию диссертационного исследования на тему «Скифский период на Среднем Дону» по специальности «всеобщая история».

С 15 апреля 1949 г. по 15 апреля 1950 г. Антон Федорович по направлению учился в Ленинграде в аспирантуре при ИИМК АН СССР и 9 мая 1950 г. на заседании Ученого Совета исторического факультета Ленинградского госуниверситета защитил кандидатскую диссертацию по указанной выше теме. Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН Армянской ССР, д.и.н. Б.Б. Пиотровский и ст.н.с. ЛО ИИМК АН СССР А.А. Иессен.

В личном деле А.Ф. Шокова, хранящимся в архиве ВГУ, имеется отзыв на диссертацию, подписанный зам. директора ИИМК А.П. Окладниковым и секретарем партбюро ИИМК П.И. Борисковским, в котором говорится: «Диссертация актуальна по своей теме и направленности, содержит большой

¹ Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. – Тамбов: Мичуринская гор. тип. управления изд-ств, полиграфии и книжн.торговли, 1982. – 114 с.

² Л.И. Чуистова: археолог, историк, педагог (к 100-летию со дня рождения). – Тамбов: Центр-Пресс, 2011. – 99 с.

приведенный в систему материал и заострена против буржуазных методологических установок Ростовцева и других»¹.

В период учебы в аспирантуре Шоков принимал участие (летом 1949г.) в работе Волго-Донской археологической экспедиции в Саркеле под руководством М. И. Артамонова, при этом был парторгом этой экспедиции, редактором стенгазеты на агитпункте, вел кружок сотрудников библиотеки по истории ВКП (б)².

Вернувшись в Воронеж, А.Ф. Шоков возобновил работу в ВГПИ сначала старшим преподавателем, а с декабря 1951 года – доцентом кафедры всеобщей истории. Сотрудничал он и с ВГУ, куда приглашался для чтения курсов по истории древнего мира. В личном деле А.Ф. Шокова есть информация о его работе над докторской диссертацией: «в августе 1956 г. принимал участие в работах археологической экспедиции АН СССР в Керчи, что было связано с работой над докторской диссертацией»³.

Какова роль А.Ф. Шокова в становлении региональной археологии?

На мой взгляд, она заключается в добротной проработке (не без помощи С.Н. Замятнина) археологических материалов дореволюционного и предвоенного времени с территории Воронежской губернии и введение их в научный оборот. Вплоть до настоящего времени не потеряла своей актуальности серия его статей именно этой направленности⁴. Эпизодически

¹ Шоков Антон Федорович (10 августа 1937 г. – 13 декабря 1956 г.) // Архив ВГУ. Д. № 11 ОК. 1956 г. Л. 16.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Шоков А.Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е. Зверева и В.Н. Тевяшова) // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XV. – Воронеж, 1954. – С. 135 – 147; Он же. Неолитические находки на Дону // Он же. Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXVI. – Воронеж, 1958. – С. 181 - 187; Он же. К сарматским памятникам на Дону // Он же. Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXVI. – Воронеж, 1958. – С. 189 – 197; Он же. Памятники эпохи бронзы на территории Верхнего Дона // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж, 1960. – С. 156 - 170; Он же. К половецким древностям на Дону // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж, 1960. – С. 177 – 181; Он же. Половецкие памятники Подонья // Известия Воронежского государственного

А.Ф. Шоков посещал археологические форумы различного уровня. Иные формы участия в становлении региональной археологии в деятельности А.Ф. Шокова не прослеживаются.

В 1947 г. для работы на историко-филологическом факультете Воронежского университета приехала из Саратова, где предыдущие два года работала в педагогическом институте, Анна Николаевна Москаленко.

Именно Анне Николаевне Москаленко (1918 – 1981) принадлежит ведущее место в становлении археологии на историко-филологическом (историческом) факультете ВГУ в первые послевоенные десятилетия. Занятия археологией в Воронеже ей предстояло начинать практически с нуля как в сфере педагогической, так и научной деятельности.

В этой связи важное значение имел приезд в Воронеж из среднеазиатской ссылки в начале 1949 г. видного историка-энциклопедиста Ильи Николаевича Бороздина (1883 - 1959). Возглавив вскоре кафедру всеобщей истории, И. Н. Бороздин сумел заложить в Воронеже основы подлинно университетского исторического образования, прежде всего, в области славяноведения и историографии. Для нас же важно то обстоятельство, что неизменной поддержкой с его стороны пользовались и начинания А.Н. Москаленко в области археологии, хотя непосредственно под руководством Ильи Николаевича она проработала всего один год (1949/1950 уч.г.). Ей было поручено чтение курса «История первобытного общества с основами этнографии» (94 ч.)¹ и курс по археологии, который тогда предполагал 50 лекционных и 8 консультативных часов на 1 году обучения².

При кафедре всеобщей истории в то время существовал кабинет, где в течение всего рабочего дня (с 8.00 до 22.00) студенты могли заниматься

педагогического института. – Т. 45. – Воронеж, 1964. – С. 129 – 141; Он же. Скифский меч с Верхнего Подонья // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж, 1964. – С. 113 – 115; Он же. Памятники салтово-маяцкой культуры Подонья // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж, 1964. – С. 116 – 128.

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 7. ЛЛ. 1 об., 2 об.

² Там же. Л. 33 об.

самостоятельной работой. Уже в марте 1949 г. на заседании кафедры обсуждался вопрос о необходимости предоставления второй ставки лаборанта в связи с организацией археологического отдела¹.

А на ноябрьском заседании прозвучало предложение доц. Дунаевского об организации археологической практики студентов с учетом их специализации². И действительно, в учебной нагрузке А.Н. Москаленко на 1950/51 уч. г. помимо лекционных часов по археологии для студентов 1 курса значилась археологическая практика для студентов 3 курса (60 ч.)³, но это был единичный случай. Лишь спустя десять лет археологическая практика становится обязательной для студентов исторического факультета ВГУ.

Первые полевые археологические опыты на воронежской земле были сделаны А. Н. Москаленко в 1948 г., когда вместе с группой студентов она включилась в раскопки Костенковской палеолитической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.Н. Рогачева.

О результатах полевых работ А.Н. Москаленко докладывала на первом же в новом учебном году заседании ученого совета факультета (19.10.1948 г.). Доклад вызвал живой интерес у коллег, а прозвучавшие вопросы не нуждаются в комментариях: Какие славяне жили в этой местности? Как видится ей процесс этногенеза славян вообще и в Воронежской области? В прениях выступил А.Ф. Шоков, который сказал, что работы надо продолжать, лучше их финансировать, а проблему этногенеза славянства ставить смелее, поскольку она очень важна, и наши археологические данные могут позволить ее разрешить. Итог обсуждению подвел декан Шуляковский. Он отметил, что во время экспедиции были некоторые организационные неполадки, но это естественно, так как в условиях университета это первый опыт. Работа А.Н. Москаленко является положительной, хотя бы с точки зрения организации учебного процесса:

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 7. Л. 19.

² Протокол № 7 заседания кафедры всеобщей истории от 4 ноября 1949 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 34.

³ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 15. Л. 31 об.

студенты получили некоторые навыки в работе. Трудно судить о научном значении экспедиции: значительной она за такой период быть не может. В этом году мы опять запланируем эту работу. К сожалению, смета и этого года очень скромная. Работа по изучению вопроса этногенеза славян чрезвычайно актуальна, и целевая установка работы экспедиции должна заключаться в этом. Работники музея, педагогического института, весь актив местных археологов должен быть собран для общей работы в этом направлении. В ленинградскую экспедицию она включилась потому, что у нас нет опытных работников – археологов. Музей краеведения в работе экспедиции официально не принимал участия ¹.

Участие воронежских студентов в работах Костенковской экспедиции было продолжено и в последующие годы. Тогда же были заложены основы творческого содружества с такими известными учеными, как П. И. Борисковский, М. М. Герасимов, С.Н. Замятнин, А.Н. Рогачев, общение с которыми принесло много пользы для становления археологии в Воронежском университете в целом и сыграло немалую роль в профессиональном росте А.Н. Москаленко ².

К примеру, на заседании кафедры всеобщей истории 4 ноября 1949 г., где присутствовали и заинтересованные студенты (всего 15 человек), был приглашен начальник экспедиции ИИМК АН СССР А.Н. Рогачев, который выступил с докладом о предварительных итогах Воронежско-Курской экспедиции ИИМК АН СССР в 1949 г. ³

А.Н. Рогачев отметил, что экспедиции предстояло решить две проблемы: проблема истории жилища и проблема хронологического расчленения памятников палеолита. Работы проводились в с. Авдеево и с. Костенки (стоянки Костенки I, Костенки V, Тельмановская), между которыми,

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 6. ЛЛ. 11 – 12.

² Винников А.З. А.Н. Москаленко и ее вклад в развитие археологии в Воронежском университете // Российские университеты в XIX – начале XX века: Сб. статей. Вып. 2. – Воронеж, 1996. – С. 171; Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). – С. 31 и др.

³ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 16 – 16 об.

по мнению Рогачева, существует либо генетическая, либо территориальная связь. В Авдеево производились раскопки жилищ, которые по устройству оказались схожи с костенковскими, а в Костенках решались вопросы хронологии, поскольку на Костенках V было выявлено несколько слоев, что для палеолитических памятников редкость. В настоящее время, по мнению Рогачева, встает вопрос об одновременном изучении целых комплексов памятников материальной культуры, что позволит по-новому подойти к периодизации.

Подводя итог заседанию, И.Н. Бороздин отметил, что для ученых большой интерес представляет вопрос периодизации и изучения комплексов, а для студентов особенно интересным был рассказ о методике раскопок. Бенклиев предложил возбудить ходатайство перед Министерством о разрешении открытия специализации по археологии. Этот вопрос было решено обсудить на следующем заседании кафедры ¹, но обсуждения не состоялось.

Выступал перед коллективом кафедры истории СССР, где тогда уже работала А.Н. Москаленко, и другой руководитель Костенковской экспедиции – П. И. Борисковский ².

Одной из форм сотрудничества университета и педагогического института в области археологии становятся совместные научные мероприятия разного уровня. Так, в апреле 1949 г. было проведено совместное заседание кафедр всеобщей истории по обсуждению итогов археологического совещания в Москве, посвященного результатам полевых исследований ИИМК в 1948 г. В работе совещания принимала участие А.Н. Москаленко, которая и выступала с докладом на заседании. Самого текста доклада в архиве не сохранилось, зато есть резюме зав. кафедрой И.Н. Бороздина. Приводим его полностью. «Бороздин дал положительную оценку доклада.

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 16 об.

² 28 сентября 1953 г. состоялось выступление П.И. Борисковского с докладом «Итоги работ палеолитической экспедиции ИИМК АН СССР на территории села Костенок». См.: Протокол № 5 заседания кафедры истории СССР от 28 сентября 1953 г. // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 43. Л. 8.

Подчеркнул, что советская археология приобрела очень широкий размах и решает сейчас многие принципиальные вопросы исторической науки. Подчеркнул приоритет отечественной науки. Например, работы Марра и Фармаковского выше работ Эванса и др. Отметил огромное значение работ Толстова, открывшего совершенно новую древнюю цивилизацию; Руденко, археологов – славистов и др. Советская археология имеет недостатки (вещеведение, формализм, даже космополитизм), но они будут изжиты. Именно советские археологи сделали археологию исторической наукой»¹.

На этом же заседании обсуждались учебные программы и учебники по университетским курсам, и А.Н. Москаленко критически отозвалась о программе и учебнике по археологии, подготовленных Арциховским, отметив, что в последнем «вопрос историографии совершенно опущен». С замечаниями согласился и проф. Бороздин².

Важно отметить, что совершенствование курса «Основы археологии» было одной из последовательно реализуемых А.Н. Москаленко задач. В ряде статей и рецензий на учебник археологии А. В. Арциховского, опубликованных в 1950-х гг., она определила основные требования к преподаванию данного предмета, которые вполне справедливы и сейчас³. Во-первых, в курсе, по ее мнению, необходимо рассматривать историографические проблемы, студенты должны знать имена и труды выдающихся отечественных археологов; при этом следует знакомить студентов и с достижениями зарубежной археологии. Она считала, что глубина курса и его теоретический уровень зависят именно от того, насколько удастся лектору, на основании анализа конкретного археологического материала, дать историческое обобщение и познакомить студентов с теми проблемами истории нашей страны, для решения которых привлекаются данные археологии; отстаивала она и необходимость

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 7. Л. 22.

² ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 7. Л. 20 об, 21 об.

³ Москаленко А. Н. К вопросу о преподавании курса "Основы археологии" // Вестник древней истории. – 1953. – № 3. – С. 191 – 196; Она же. Рец.: Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954 // Вопросы истории. – 1955. – № 3. – С. 155 – 159.

введения в курс археологии сведений об археологических памятниках зарубежных стран. Отсутствие этих сведений, писала А.Н. Москаленко, обедняет курс и лишает лектора возможности наглядно продемонстрировать общие закономерности исторического процесса и конкретно показать то место, которое народы нашей страны занимали в ходе мировой истории.

А. Н. Москаленко также отстаивала необходимость введения в учебный план подготовки историков практических занятий по археологии, которые способствовали бы более глубокому усвоению студентами лекционного курса, подчеркивала, что студенты должны приобрести навыки практической работы: различать отдельные виды керамики, типы орудий труда, уметь провести простейшее обследование памятника в поле. Для этого она считала необходимым введение помимо лекций практических занятий, завершение которых должно быть в музее и на ближайших археологических объектах. По ее мнению, это будет способствовать ликвидации взгляда на археологию как на какой-то второстепенный предмет, а также более широкому вовлечению студентов в научную работу, что является одной из задач университетского образования. Однако, несмотря на всю очевидность и полезность высказываемых положений, практические занятия по археологии появились в учебных планах исторического факультета лишь в 1980-е годы.

Вернемся к началу научно-исследовательской работы А.Н. Москаленко. Поскольку для послевоенных лет по-прежнему насущной для Верхнего и Среднего Подонья оставалась необходимость обследования территории с целью выявления археологических объектов, на реализацию именно этой задачи была направлена археологическая деятельность Воронежского областного музея краеведения; археологические изыскания были необходимы и в связи с организацией Воронежским госуниверситетом комплексного обследования Гремяченского района Воронежской области в порядке оказания шефской помощи ¹.

¹ Эта работа была запланирована на 1949 – 1951 гг. и осуществлялась экспедицией ВГУ в составе 15 отрядов (22 кафедры) под руководством проф. П.Г. Адерикина. Опыт

Сама А.Н. Москаленко, не имевшая до приезда в Воронеж опыта полевой деятельности, могла поначалу рассчитывать только на «открытый лист» для проведения археологических разведок. Все эти факторы определили содержание полевых археологических работ под руководством А.Н. Москаленко в 1949 г.: Воронежский областной музей краеведения выделил средства для проведения археологической разведки с целью сбора материалов для археологической карты Воронежской области, а комплексная университетская экспедиция включила в свой состав и археологический отряд.

А.Н. Москаленко получает свой первый открытый лист за № 11 третьей формы от 29.04.1949 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притокам в пределах Воронежской и Сталинградской областей и формирует два отряда ¹.

Один отряд (в его состав входили Синайская Г.В. (старший научный сотрудник ВОМК), Корабельников С.Г. (инспектор по охране памятников при отделе Культпросветработы Облисполкома) и студенты Воронежского госуниверситета (Р. Демидов, В. Клесов и Л. Банникова) обследовал район по берегам реки Воронеж от Липецка до с. Вертячьего Хлевенского р-на общей протяженностью около 200 км ². В ходе разведки было выявлено 12 пунктов, содержащих материалы эпохи бронзы. При их интерпретации А.Н. Москаленко вслед за Г.В. Подгаецким выделила керамику среднедонского варианта катакомбной культуры, что позволило ей говорить о возможности расширить территорию этого варианта вверх по р. Воронеж вплоть до Липецка³. Несмотря на то, что публикация была в центральном издании,

комплексного изучения одного района предполагалось затем использовать для подобного же комплексного изучения производительных сил и культуры Воронежской области в целом.

¹ Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притокам в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1949. № 326. Л. 20.

² Там же. Л. 2.

³ Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области) // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLIII. – С. 103.

какого-либо отклика в научной среде эта информация не вызвала. В появившихся через несколько лет обобщающих исследованиях по катакомбным древностям Т.Б. Поповой, О.Г. Шапошниковой она не была учтена.

Другой отряд (А.Н. Москаленко, преп. А.Е. Москаленко и студенты В.Афонюшкин, Т. Сойхер, Р. Демидов и Л. Банникова) обследовал берега Дона в пределах Гремяченского района. Ими был осуществлен осмотр и шурфовка уже известных в науке памятников: стоянки у хут. Семидворки Костенковского сельсовета (в 1932 г. изучалась под руководством Равдоникаса В.И.), Голышевского (с. Архангельское) городища (известно в науке с начала XX в. благодаря работам А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко), а также открыты три новых пункта с материалами эпохи бронзы: у дер. Погоново, в с. Рудкино, в с. Костенки на территории фруктового сада ¹.

Материалы этих разведок составили содержание первой научной статьи А.Н. Москаленко ². О ее результатах исследовательница неоднократно докладывала. Во-первых, 21 октября 1949 г. на заседании кафедры. Помимо сведений научного характера, о которых мы уже сообщили выше, доклад А.Н. Москаленко содержал сл. информацию: во время разведывательной экспедиции велась агитационная работа – Москаленко выступила перед учителями с докладом «Археологические памятники Гремяченского района», проводились частые беседы со школьниками; в выступлении отметила Анна Николаевна активность местного населения – со слов колхозников был открыт ряд памятников у с. Крутогорье ³.

Подводя итог обсуждению, проф. Бороздин сказал, что, признавая значение работ, считает необходимым в дальнейшем не ограничиваться

¹ Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притокам в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1949. № 326. Л. 9 – 10; Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. – С. 105 – 107.

² Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. – С. 99 – 107.

³ Протокол заседания кафедры всеобщей истории от 6 октября 1949 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 11 – 12.

подъемным материалом, а проводить раскопки на местах находок. Необходимо также произвести ряд работ «по скифам» и обратить внимание на поздние памятники. Постановили поставить вопрос в ученом совете университета об организации стационарных археологических работ¹. Такое решение соответствовало логике исследовательского поиска А.Н. Москаленко, поскольку в процессе проведения разведки ею уже был намечен памятник для своих дальнейших археологических исследований – Голышевское городище.

Затем еще неоднократно А.Н. Москаленко докладывала о результатах проведенной разведки. Отчитываясь на заседании кафедры о результатах научной командировки в Москву – Ленинград 27 января – 25 февраля 1950 г., А.Н. Москаленко сказала, что ею были сделаны два доклада на секторах ЛО ИИМК АН СССР: в секторе Древней Руси «Очередные задачи изучения славянских поселений на Дону» и в секторе бронзы и раннего железа «Археологические исследования Воронежской области в 1948 – 1949 гг.». По ее словам, оба доклада вызвали большой интерес. Кроме того, помощь в интерпретации полученных данных оказали проф. М.И. Артамонов и А.А. Иессен².

Доклад А.Н. Москаленко «О раскопках в Воронежской области в 1949 году» был заявлен на научную конференцию Воронежского университета 1950 года³, в рамках работы которой прозвучал на историко-филологической секции⁴. В этом докладе она выделила результаты обследования Голышевского городища как наиболее интересные. Поскольку в предшествующее время городище хотя и неоднократно осматривалось (А.А.

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 12.

² Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притокам в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1949. № 326. Л. 10.

³ Протокол заседания кафедры всеобщей истории от 6 октября 1949 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 32, 32 об.

⁴ Москаленко А.Н. К вопросу об изучении Голышовского городища (Из археологических разведок 1949 г.) // ВГУ. Научная конференция. 1950 г. Секция историко-филологическая. – Воронеж: Типография изд-ва «Коммуна», 1950. – С. 23 – 26.

Спицын, Н.Е. Макаренко, П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков), но не раскапывалось, сформировалось мнение о славянской (боршевского типа) культурной принадлежности памятника. Отметив нетипичную для славянских городищ систему укреплений – наличие длинных внешних валов, а также находки на городище керамики скифского времени, А.Н. Москаленко предположила, что «на его территории до славян жили скифы». Указав, что поселения скифского времени на территории Воронежской области не только не изучались, но и почти не были известны, она наметила продолжение изучения этого «интереснейшего памятника» в 1950 г.¹

Выбор этого объекта был одобрен и непосредственным руководителем А.Н. Москаленко – заведующим кафедры проф. И.Н. Бороздиным, который в отзыве на отчет А.Н. Москаленко за 1949 г., отправленный в ИИМК, также указал на необходимость углубленного изучения Голышевского городища «с правом производства земляных работ, что может быть осуществлено Университетской экспедицией под руководством доц. А.Н.Москаленко»².

Плодотворно начатые полевые археологические работы повлияли и на направленность научно-исследовательской работы факультета. Фактически сразу же по их завершении (еще до отчетного доклада Москаленко), на заседании кафедры 6.09.1949 г. было принято решение поручить зав. кафедрой, проф. Бороздину обсудить с деканом и поставить на ученом совете факультета вопрос об изучении истории Воронежской области, сотрудникам же (А.Н. Москаленко, И. Я. Разумникова, С.Н. Бенклиев) предстояло разработать план связи кафедры с учителями и музеем краеведения³. Спустя две недели, при обсуждении проблематики научно-исследовательской работы кафедры на 1950 г. было принято решение, что «в разработке проблемы

¹ Москаленко А.Н. К вопросу об изучении Голышовского городища (Из археологических разведок 1949 г.) // ВГУ. Научная конференция. 1950 г. Секция историко-филологическая. – Воронеж: Типография изд-ва «Коммуна», 1950. – С. 23 – 26.

² Бороздин И.Н. Отзывы на отчеты за 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1949. № 283. Л. 37, 37об.

³ Протокол заседания кафедры всеобщей истории от 6 октября 1949 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 4.

изучения Воронежской области кафедра принимает участие по линии археологии»¹, но при этом коллективной темой по кафедре оставалась тема «Русские революционные демократы о всеобщей истории», в рамках которой А.Н. Москаленко поручалась разработка темы «Чернышевский о первобытнообщинном строе»².

На этом же заседании были утверждены и темы первых на факультете дипломных работ по археологии, выполнявшихся под руководством А.Н. Москаленко: «Славянские поселения на Дону» (Сойхер) и «Древнейшая история Гремяченского района по археологическим данным» (Банникова)³.

В декабре того же 1949 года, отчитываясь о научно-исследовательской работе, А.Н. Москаленко сказала, что руководство Липецкой экспедицией было осуществлено сверх плана по просьбе краеведческого музея, с которым она осуществляет сотрудничество в рамках работы по организации связи с производством⁴.

27 мая 1950 г. на очередном заседании кафедры Москаленко просит, чтобы ее освободили от научной работы над коллективной темой, поскольку работа над темой Гремяченского района по составлению карты не дает ей возможности выполнить полностью план. Зав. кафедрой категорически против отказа от участия в коллективной теме. В итоге было решено, что детальную разработку по Гремяченскому району Москаленко должна запланировать на следующий год, в текущем же году должна быть выполнена взятая тема для коллективной работы⁵. Вновь к этому вопросу вернулись уже через месяц. Докладывая о результатах научно-исследовательской работы во втором квартале 1950 г., Москаленко рассказала о разведочных работах, проведенных в июне месяце в Водопьяновском районе, и о завершении обработки

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 47.

материалов по Гремяченскому району. По Чернышевскому не работала в связи с недостатком времени¹.

С нового учебного года (1950/1951) А.Н. Москаленко продолжала свою преподавательскую деятельность на факультете уже в составе кафедры истории СССР². Одной из основных причин ее перехода на эту кафедру стало расширение блока краеведческой работы, в который прекрасно вписывалась ее тема, связанная с изучением древнейшего прошлого Гремяченского района. Так, в октябре 1950 г. кафедральный коллектив решил написать совместный очерк по истории Гремяченского района под редакцией Шуляковского³.

Действительно, полевой сезон 1950 года выдался для А.Н. Москаленко напряженным. Это был первый год работ на Архангельском (Гольшовском) городище, которое становится основным объектом археологических исследований А.Н. Москаленко и в последующие 1952 – 1953 гг.; в то же время необходимо было выяснить характер разрушаемого археологического памятника в районе глиняного карьера по левому берегу р. Дон у дер. Никольское Водопьяновского района (сейчас Задонский район Липецкой области). Годом раньше в Воронежский областной музей краеведения оттуда были доставлены три глиняных сосуда и череп человека. По мнению А.Н. Москаленко, у дер. Никольское был разрушен могильник катакомбной и срубной культур эпохи бронзы⁴.

В дальнейшем эти работы вызвали интерес специалистов. Дискуссионной оказалась как интерпретация самого памятника в качестве могильника, так и культурная принадлежность и датировка отдельных сосудов. Все исследователи согласились с выделением катакомбной керамики и указали на ошибочность интерпретации других сосудов в

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 48, 48 об.

² ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 15. Л. 32.

³ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 15. Л. 47 об.

⁴ Москаленко А.Н. Отчет об археологической разведке в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1950. № 527. Л. 4; Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области) // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLIII. – С. 105.

качестве срубных, признав их абашевскую принадлежность. При этом А.Х. Халиков датировал материалы первой половиной II тыс. до н.э.¹. П.Д. Либеров считал серию происходящей с поселения, причем более позднего времени, нежели предполагал А.Х. Халиков². Свое мнение по поводу Никольских материалов высказал в кандидатской диссертации, затем в монографиях А.Д. Пряхин. По его мнению, что у дер. Никольское существовали поселение и погребения, насыпи над которыми возможно впоследствии оказались спланированными. Согласившись с датировкой катакомбных комплексов, предложенной А.Х. Халиковым, А.Д. Пряхин высказался за одновременность катакомбных и абашевских материалов³. С 2005 г. работы на памятнике возобновила экспедиция Липецкого Государственного педагогического университета⁴.

Все же основные усилия университетской экспедиции были сосредоточены на исследовании Архангельского городища. Памятник оказался многослойным, содержащим материалы эпохи бронзы, раннего железного века и боршевского времени, но приоритетное внимание при его исследовании уделялось анализу свидетельств скифского времени. Это городище стало первым из поселений середины I тыс. до н.э., изученных в Среднем Подонье.

Основные итоги его изучения целесообразно подвести суммарно. По полученным материалам раннего железного века А.Н. Москаленко были опубликованы три статьи⁵. Кроме того, в феврале 1954 г. ею был сделан

¹ Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье: МИА. - № 97. - М., 1961. - С. 225.

² Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. - М.: Наука, 1964. - С. 113 - 114, 128 - 129.

³ Пряхин А.Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II - начале I тыс. до н.э.: Дисс. канд.ист.наук. - Воронеж, 1966. - С. 36 - 37; Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. - Воронеж, 1971. - С. 35; Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. - Воронеж, 1976. - С. 61; Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. - Воронеж, 1977. - С. 28.

⁴ Ивашов М.В., Бессуднов А.Н. Тайны древних погребений (Никольский могильник эпохи бронзы). - Липецк, 2007. - С. 5 - 7.

⁵ Москаленко А.Н. Архангельское (Голышовское) городище // КСИИМК. - 1952. - Вып. 48. - С. 103 - 106; Москаленко А.Н. Некоторые итоги работ на Архангельском городище

доклад на конференции в Институте археологии Украинской ССР в Киеве, тезисы которого опубликованы¹. Материалы эпохи бронзы с этого памятника позднее были проанализированы в совместной работе А.Н. Москаленко и А.Д. Пряхина².

Поскольку исследование поселка эпохи бронзы самостоятельного интереса для экспедиции не представляло, первоначальная информация о полученных материалах в печати весьма лаконична: получены фрагменты керамики времени катакомбной культуры, обломки кремневого наконечника стрелы и сверленного каменного топора эпохи бронзы³. Позднее, в связи с подготовкой П.Д. Либеровым первой монографии по эпохе бронзы Среднего Дона⁴, Москаленко А.Н. и Пряхин А.Д. провели более детальный анализ имеющейся с памятника керамической серии эпохи бронзы. По типу орнамента (мотив, способ нанесения) было выделено семь групп, что, однако, не стало основой для конкретизации культурной атрибуции памятника, датированного авторами второй половиной II тыс. до н.э.⁵.

Главное внимание исследовательница, как уже было сказано, сосредоточила на анализе материалов раннего железного века. Работы 1950 года⁶, включавшие инструментальную съемку памятника (уточнены планы городища, сделанные А.А. Спицыным и Н.Е. Макаренко), разрез валов и

Воронежской области в 1952 – 1953 гг. (к вопросу об изучении культуры раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона) // Из истории Воронежской области (Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г.). – Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1954. – С. 62 – 70; Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952 – 1953 гг. // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 84 – 94.

¹ Москаленко А.Н. Памятники скифского времени на Среднем Дону // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 84 – 94.

² Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1964. – С. 190 – 194.

³ Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952 – 1953 гг. // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 94.

⁴ Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1964.

⁵ Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1964. – С. 190 – 194.

⁶ В работах принимали участие студенты историко-филологического (В.Попова, Л. Рубцова, В. Капралова) и геологического (А. Рязанцев, Р. Курбатова, Н.Попова) факультетов ВГУ и школьники (4 чел.)

раскопки одной хозяйственной ямы (получены материалы скифского времени), привели А.Н. Москаленко к заключению о распространении скифской культуры до области Дона¹.

Работы на Архангельском городище были продолжены в 1952 г. совместно с Воронежским областным музеем краеведения². В течение месяца (со 2 июля по 3 августа) были заложены 3 раскопа и вскрыта площадь около 600 кв.м³. На первом же заседании кафедры в новом учебном году А.Н. Москаленко сообщила о состоявшейся летом археологической экспедиции⁴. Более обстоятельно итоги работы археологической экспедиции на раскопках Гольшевского (Архангельского) городища анализировались на заседании кафедры 6 февраля 1953 г.⁵.

После раскопок 1952 г. исследовательница уже иначе интерпретирует материалы раннего железного века. В отчете она пишет: «Уже сейчас можно сказать, что весь облик культуры изучаемого нами городища скорее тяготеет к районам Днепровского лесостепного левобережья (особенно район Посулья). Нет никаких оснований связывать это городище со скифами, как я это делала в отчете 1949 г. и в тезисах научной конференции 1950 г.»⁶.

В следующем, 1953 г. экспедиция под руководством А.Н. Москаленко⁷ работала на памятнике с 1 июля по 10 августа, была вскрыта площадь 624

¹ Москаленко А.Н. Отчет об археологической разведке в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1950. № 527. Л. 5 – 10; Москаленко А.Н. Архангельское (Гольшовское) городище // КСИИМК. – 1952. – Вып. 48. – С. 106.

² В экспедиции участвовали сотрудник музея А.В. Музальков, студенты ВГУ Н.Демидова, М.Иванникова, Л. Красикова, В. Мирошников, П.Немченко, Р.Сафонова.

³ Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1952. № 723. Л. 1.

⁴ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 34.

⁵ Там же. Л. 66.

⁶ Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1952. № 723. Л. 11.

⁷ при участии учителя Н.М. Анучина, студентов ВГУ: П.Немченко, В.Мирошникова, Н.Плахотникова

кв.м¹. В результате работ получены разновременные материалы, но наибольший интерес, по мнению А.Н. Москаленко, представляли остатки культуры раннего железного века. На городище была раскопана прямоугольная, столбовая или частокольная постройка площадью около 170 кв.м и связанные с ней хозяйственные ямы, который исследовательница поначалу интерпретировала как первый из изученных комплексов бытовых сооружений скифского времени², однако впоследствии выяснилось, что это были остатки русского стоялого острога, возведенного в 1653 г., о чем в печати сообщила сама А.Н. Москаленко³. Впервые в научный оборот вводился массовый (главным образом керамический) материал; была предложена его типология: миски с загнутыми внутрь краями, горшки двух видов, кувшины с ручкой, шарообразные сосуды⁴. Впоследствии эти типы включаются в более детальную классификацию поселенческой керамики⁵.

Выделив местные особенности керамики: несколько более грубая фактура (нет той плотности, сухости и звонкости, которая присуща сеймской), относительно широкое распространение лощения (по сравнению с керамикой Подонцовья), указав на особую форму рогового псаля и подчеркнув уникальность изученного строительного комплекса, А.Н. Москаленко ставит вопрос о наличии Среднедонского варианта культуры лесостепи скифского времени, близкого к культурам лесостепного междуречья Днепра и Дона⁶.

¹ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченского района Воронежской обл. 1953 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1953. № 870. Л. 1.

² Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952 – 1953 гг. // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 90 – 91.

³ Москаленко А.Н. Святилище на реке Воргол // СА. – 1966. – № 2. – С. 209.

⁴ Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952 – 1953 гг. // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 85 – 87.

⁵ Пузикова А.И. Культура оседлых племен правобережья Среднего Дона в скифское время: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1971. – С. 8 – 9.

⁶ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченского района Воронежской области. 1953 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1953. № 870. Л. 16; Москаленко А.Н. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952 – 1953 гг. (к вопросу об изучении культуры раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона) // Из истории Воронежской области

Эта точка зрения была в русле концепции Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой, выдвинутой ими в 1952 г. на научной конференции ИИМК АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии¹. Архивные материалы свидетельствуют о том, что А.Н. Москаленко принимала непосредственное участие в этом форуме. Ее доклад об итогах работы данной конференции обсуждался на открытом заседании кафедры истории СССР 21 февраля 1952 года. На заседании было решено ознакомить и студентов с выводами этой конференции².

Впоследствии предложенный А.Н. Москаленко термин занял свое место в ряду других в археологической науке³.

Увлеченность А.Н. Москаленко проблематикой раннего железного века в начале 1950-х годов по времени совпала с защитой кандидатской диссертации по скифским памятникам на Дону (1950), а затем и публикацией доцентом Воронежского пединститута А.Ф. Шоковым брошюры «Скифы на Среднем Дону» (1952), последняя стала предметом весьма критического анализа со стороны Москаленко⁴. По мнению А.Н. Москаленко, на территории Среднего Дона в I тыс. до н.э. размещались нескифские племена, предположительно будины, хотя вопрос о том, кто именно, нельзя признать окончательно решенным. Актуальным остается вопрос о выделении местных особенностей культуры Среднего Дона. В этой связи необходимо продолжение изучения поселений, которые, однако, нет оснований связывать ни с городами с обособившимся ремеслом, ни с местом проживания преимущественно знати. Представление об охоте, рыболовстве и

(Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г.). – Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1954. – С. 69; Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952 – 1953 гг. // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 94.

¹ Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М., 1954. – С. 82.

² ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 16, 16 об.

³ Обзор см.: Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. – М., 1999. – С. 53.

⁴ Москаленко А.Н. Рец. на кн.: Шоков А.Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1952. // СА. – Т. XIX. – 1954. – С. 344 – 347.

собирательстве как основных видах хозяйственной деятельности в эпоху бронзы вызывает недоумение, а суждение о главной роли скифов в процессе этногенеза славян ошибочно. Таковы наиболее существенные вопросы, по которым А.Н. Москаленко высказалась в данной рецензии. В развернутом виде эти положения были ею изложены в уже проанализированных научных работах.

В последующие годы интерес А.Н. Москаленко к проблематике раннего железного века ослабевает. Она ограничивается лишь публикацией новых материалов¹.

Не остались воронежские ученые в стороне от общеполитической тенденции в науке, выразившейся в начале 1950-х годов в критике учения Марра. 2 ноября 1950 г. состоялось открытое заседание кафедры всеобщей истории под названием «Значение трудов тов. Сталина для изучения всеобщей истории». На заседании выступал в том числе и Шоков, который показал, что работа имеет большое общенаучное значение, поскольку дает ряд указаний для изучения истории первобытного общества. Так, Сталин указал, что язык возник в доклассовом обществе, в период разложения родового строя. В свете указаний тов. Сталина мы должны обратить особое внимание на изучение жизни отдельных племен в период родового строя, а также на их историю в системе древних и средневековых империй².

30 ноября 1950 г. на ученом совете факультета обсуждался вопрос «О результатах перестройки работы факультета в связи с работой тов. Сталина по языкознанию». Бороздин отметил, что перестройка еще не закончена, можно еще говорить только о мероприятиях. Марризм больше всего сказался в

¹ Москаленко А.Н., Попов Д.А. Волошинское городище Воронежской области // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 53. – Вып. 1. – Воронеж, 1961. – С. 167 – 172; Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Поселения раннего железного века у хутора Титчиха // МИА. – № 151. – М., 1969. – С. 96 – 104.

² Протокол № 5 заседания кафедры всеобщей истории от 2 ноября 1950 г. // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 22. Л. 10 – 12.

истории южных и западных славян и в истории первобытного общества. В исследовательской работе мы переживаем перелом¹.

20 декабря 1950 г. состоялось заседание, посвященное юбилею И.В. Сталина, на котором А.Н. Москаленко сделала доклад «Вопросы этногенеза восточных славян в свете трудов тов. Сталина по вопросам языкознания»².

22 сентября 1952 г. состоялось открытое совместное заседание обеих кафедр исторического профиля с целью обсуждения статьи Максимова «О журнале «Вопросы истории». Фактически речь вновь шла о преодолении «марризма». Выступая на этом заседании, Москаленко негативно отзывалась о брошюре Шокова «Скифы на Среднем Дону», назвав ее в качестве примера «углубления марровских ошибок». Она отметила два негативных аспекта марровской теории в археологии: проблема этногенеза и вопрос периодизации³.

Отчитываясь о научно-исследовательской работе за 1950 г., Москаленко сказала, что плановая тема «Составление археологической карты Гремячского района» выполнена, ею была представлена статья «Древнейшая история Гремячского района» с картой, отчетом о работе экспедиции, чертежами, фото, материалами⁴. В качестве внеплановой работы ею названы археологические разведки на территории Воронежской области (1949 – 1950 гг.), по итогам которых написана статья $\frac{3}{4}$ п.л. На 1951 г. она запланировала тему «Памятники древнейшей истории Воронежского края», в связи с чем обратилась с просьбой о предоставлении командировки в Москву – Ленинград с 10 января по 6 февраля 1951 г. для подготовки нового спецкурса и собирания материала по теме научной работы⁵.

¹ Протокол № 3 заседания Ученого совета факультета от 30 ноября 1950 г. // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 17. Л. 6 об.

² ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 15. Л. 51 – 51 об.

³ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 37 – 38.

⁴ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 15. Л. 52.

⁵ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 15. Л. 54.

Спустя год, отчитываясь за научно-исследовательскую работу в 1951 г. А.Н. Москаленко отметила, что плановая тема выполнена. Ею написана брошюра «Очерк древней истории Воронежского края», в качестве внеплановой работы ею были написаны рецензии и отзывы на издания по археологии последних лет¹. На заседании ученого совета факультета ею была также отмечена успешная работа археологической секции при ДOME пионеров в истекшем году².

Надо полагать, что в данном случае имелось в виду рабочее название вышедшей в 1955 году научно-популярной книги А. Н. Москаленко о древнейшем прошлом Верхнего и Среднего Дона³, в которой автор рассказывает о новейших археологических открытиях на территории Воронежской области. Конечно, такого рода издание было очень актуальным, ведь с момента выхода научно-популярной брошюры Н.В. Валукинского прошло уже полтора десятка лет. Это небольшое по объему издание способствовало популяризации археологических знаний, привлечению к археологии учителей, студентов, школьников, широкого круга краеведов.

Несмотря на проведение в первые годы своей жизни в Воронеже полевых работ на разновременных памятниках региона, А.Н. Москаленко сохранила верность славянской проблематике. Об этом свидетельствует тот факт, что при обсуждении на майском (1952 г.) заседании кафедры вопроса о пятилетнем плане повышения научной квалификации профессорско-преподавательского состава А.Н. Москаленко в качестве направления своей исследовательской работы уже определенно заявила тему «Славянские памятники VIII – IX вв. на территории Днепровского левобережья. Роменско-боршевская культура» и просила прикомандировать в докторантуру с 1956 года⁴.

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 12 об.

² Протокол № 3 заседания Ученого совета факультета от 12 декабря 1951 г. // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 17. Л. 36.

³ Москаленко А. Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. - Воронеж: Воронеж.кн.изд-во, 1955. – 75 с.

⁴ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 22, 22 об.

Однако начало нового 1952/53 учебного года проходило под знаком обсуждения приказа Министерства высшего образования «О недостатках в научно-исследовательской работе ВГУ и мерах по их устранению». На заседании кафедры было решено: в основу научно-исследовательской работы положить изучение истории Воронежской области и соседних областей Черноземного Центра, пересмотреть в этом направлении план научных работ; провести в текущем году конференцию, посвященную изучению истории Воронежской и соседних областей¹.

Обозначенная тенденция была реализована при обсуждении 5-летних планов научно-исследовательской работы. В частности, А.Н. Москаленко скорректировала свою тему сл. образом: «Славянские памятники VIII – XI веков в бассейне Среднего Дона и Воронежа (по материалам городища в с. Архангельское)»².

Уже в первый год работы в этом направлении А.Н. Москаленко подготовила научно-популярную статью «Славянские памятники по Среднему и Верхнему Дону и Воронежу в VIII – X вв.», о чем доложила, отчитываясь за научно-исследовательскую работу в 1952 г. Кроме того, вне плана, ею было написано еще шесть статей, из которых три рецензии, открытое письмо о преподавании археологии, две научные статьи для КСИИМК. Во время проведения раскопок она читала лекции для местного населения о древнейшей истории Гремячского района и об археологических памятниках Воронежской области³.

Поставленная задача решалась кафедральным коллективом последовательно на протяжении ряда лет, одним из плодотворных результатов на этом пути стал выход в 1961 году первого тома «Очерков истории Воронежского края», где глава первая «Воронежский край в эпоху

¹ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 31 – 34.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л.62.

первобытно-общинного строя и становления феодализма» был написан А.Н. Москаленко¹.

Несмотря на достаточно жестко ограниченные территориальные рамки исследований, фактически с середины 1950-х гг. Воронежский университет становится одним из научных центров по изучению истории восточных славян эпохи раннего средневековья.

Раскопки Титчихинского городища на Дону, проводившиеся в течение девяти лет (1954 – 1962), дали не просто значительный по объему, но и качественно новый материал для характеристики восточно-славянской культуры последних веков I тыс. (эпоха образования и раннего этапа развития Древнерусского государства). На этом памятнике раскопано 7188 м площади, где выявлено и проанализировано 46 полуземляночных построек, 79 хозяйственных ям славянского времени, обнаружено несколько десятков изделий из черного металла, значительная коллекция вещей из цветных металлов, большая серия изделий из кости, камня. Раскопкам подверглись и оборонительные сооружения, где изучены деревянные конструкции. Титчихинское городище, наряду с Новотроицким городищем (Днепровское Левобережье), исследованным И. И. Ляпушкиным, до сих пор остается одним из наиболее полно изученных поселений восточных славян конца I тысячелетия н.э.

У хутора Титчиха были получены материалы и предшествующего времени: изучены два поселения раннего железного века²; выявлены серии артефактов эпохи бронзы³.

Наряду с работами на базовом памятнике, практически ежегодно А.Н. Москаленко организовывала экспедиции охранного характера.

¹ Москаленко А.Н. Воронежский край в эпоху первобытнообщинного строя и становления феодализма // Очерки истории Воронежского края. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1. – Воронеж, 1961. – С. 9 – 27.

² Москаленко А.Н., Пряхин А.Д. Поселения раннего железного века у хутора Титчиха // МИА. – № 151. – М., 1969. – С. 102 – 103.

³ Там же. – С. 96.

В 1952 г. под руководством А.Н. Москаленко был раскопан один курган в могильнике у с. Платава (правобережье р. Девичы). Этому предшествовали сообщение в Воронежский музей краеведения о разрушении курганов в ходе сооружения оросительной системы и обследование памятника сотрудниками музея Е.В. Кременецкой и В.А. Афонюшкиным. Решено было раскопать один из сильно распаханных курганов в группе из пяти оставшихся (два уже были снесены). Результатом работы совместной экспедиции ВГУ и Воронежского краеведческого музея (с 3 по 13 августа) стало обнаружение под курганом 11 погребений срубной культуры, содержащих в общей сложности 17 сосудов и бронзовый нож (в погребении № 4)¹. Это был первый памятник эпохи бронзы, раскопанный в бассейне р. Девичы. Но работы на нем продолжены не были, так как Воронежский краеведческий музей не смог ассигновать обещанных средств².

В октябре 1954 г. экспедицией ВГУ были начаты раскопки на кургане 7 распахиваемой курганной группы близ пос. Никольское на окраине Сталинского района г. Воронежа (междуречье рек Песчанки и Воронежа). Руководителем работ выступил помощник А.Н. Москаленко Н.М. Анучин (директор и учитель истории школы рабочей молодежи № 4 г. Воронежа). В северо-западном секторе насыпи были обнаружены три срубных горшка и скопление костей животных, в юго-западном – один срубный сосуд. Предварительное сообщение о проведенных раскопках А.Н. Москаленко направила в ИИМК, указав, что работы в следующем году будут продолжены³, но этого не произошло⁴.

¹ Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1952. № 723. Л. 12; Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платава Воронежской области // Труды ВОКМ. – Вып. 1. – Воронеж, 1960. – С. 87 – 93.

² Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченского района Воронежской области. 1953 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1953. № 870. Л. 19.

³ Москаленко А.Н. Отчет о раскопках городища у хутора Титчиха (Давыдовского района Воронежской области) в 1954 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1954. № 979. Л. 14 – 15.

⁴ Москаленко А.Н. Отчет о полевых работах 1955 года // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1955. № 1154. Л. 19.

Получив от учителя Волошинской школы подъемный материал с расположенного неподалеку городища, она поручила в 1955 г. обследовать его студенту ВГУ Д. А. Попову, а в мае 1957 г. вместе со студентами и школьниками побывала там сама. Был сделан глазомерный план, заложен разведочный шурф и собрана коллекция вещей (фрагменты керамики, пряслица, две глиняные статуэтки, зернотерка, бусины), синхронизирующаяся с нижним слоем Архангельского городища раннего железного века¹. О результатах обследования А.Н. Москаленко сообщила П.Д. Либерову², который в ходе разведки по берегам реки Дон 24 мая того же 1957 г. посетил памятник и тоже заложил шурф³. С 1958 г. Волошинские городища (всего открыто было шесть), как мы уже писали, становятся одним из основных объектов исследования Воронежского отряда Лесостепной Скифской экспедиции.

Не прекращая изучения Титчихинского городища, А.Н. Москаленко начала исследование ряда других славянских городищ и могильников на Дону и Воронеже.

С 1959 года начались работы на ныне широко известном Воргольском городище (с. Нижний Воргол Елецкого р-на Воронежской (в настоящее время Липецкой) обл.). В первый год группой студентов во главе с А.Д. Пряхиным был собран подъемный материал, а в 1961 году под его же руководством начаты раскопки (в 1960 г. на памятнике работала Верхнедонская экспедиция ЛОИА АН СССР и ЛОКМ под руководством В.П. Левенка, заложившая 17 шурфов 1x1 м). Как явствует из отчета А.Н. Москаленко, с 5 по 21 октября отрядом на основном мысу был разбит раскоп

¹ Москаленко А.Н., Попов Д.А. Волошинское городище Воронежской области // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 53. – Вып. 1. – Воронеж, 1961. – С. 167 – 172.

² Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на городище у хут. Титчиха Давыдовского района Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1957. № 1566. Л. 44.

³ Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной Скифской экспедиции // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1957. № 1460. Л. 14.

бхб м, а также выкопано 6 шурфов¹. В 1964 году А.Д. Пряхин продолжил изучение этого памятника уже по собственному открытому листу, возглавив экспедицию ВГУ².

С 1962 года начались работы на славянских памятниках у северной окраины Воронежа. В первый год в ходе разведки по правому берегу р. Воронеж в пределах Рамонского района были обследованы городище и могильник на Белой горе³. В 1965 году были раскопаны два кургана на Лысогорском могильнике⁴, спустя два года – еще два. В том же 1967 г. были произведены раскопки внутреннего вала на Белогорском городище; заложены два шурфа на его площади, а также раскопано 4 насыпи Белогорского могильника⁵. Это были последние полевые работы, проведенные под руководством А.Н. Москаленко.

В 1963 году была организована первая университетская экспедиция по изучению Борщевских памятников. В первый год ее работы была изучена оборонительная система на Большом Борщевском городище и заложены раскопы на площади примыкающего к нему селища (144 кв.м); на Малом Борщевском городище было вскрыто 364 кв.м (наряду с материалами славянского времени, здесь были открыты и комплексы эпохи бронзы⁶, не ставшие предметом специального анализа А.Н. Москаленко; их публикация и

¹ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Титчихинском и Воргольском городищах. 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1961. № 2285. Л. 35 – 40.

² Пряхин А.Д. Отчет о раскопках Воргольского городища в Липецкой обл. и разведочных работах в пределах Липецкой и Воронежской областей. 1964 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2896. 135 л.

³ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Титчихинском городище Лискинского района Воронежской области. 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1962. № 2474.

⁴ Москаленко А.Н. Отчет о работе Славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета. 1965 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1965. № 3056.

⁵ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Белогорском городище и могильнике Рамонского р-на Воронежской области. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3516. 28 л.; Москаленко А.Н. Отчет славянского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета об археологических работах. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 8175. 14 л.

⁶ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках славянских памятников в с. Борщево Гремяченского р-на Воронежской обл. и славянского поселения у г. Ливны Орловской обл. 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1963. № 2669. Л. 16.

анализ содержатся в монографии А.Д. Пряхина¹); на Боршевском курганном могильнике в тот год было раскопано 6 курганов²; еще 17 курганов на этом могильнике было раскопано в 1965 году³.

Материалы, полученные А. Н. Москаленко в процессе раскопок, дали возможность охарактеризовать разнообразные стороны материальной и духовной культуры донских славян. Многие вопросы получили совершенно новое в сравнении с работами ее предшественников освещение в двух монографиях⁴ и многочисленных статьях, опубликованных в местных и центральных изданиях. А. Н. Москаленко в своих исследованиях затронула практически все вопросы, связанные с историей донских славян: хозяйство, происхождение, хронологию, племенную принадлежность, связи с соседними народами, общественные отношения и т.д.

Выступления А. Н. Москаленко на ежегодных пленумах Института Истории материальной культуры (с 1959 г. Института археологии) АН СССР с информацией о проведенных работах, встречались научной общественностью с интересом. Так, А.Д. Пряхин пишет, что начинания А.Н. Москаленко были поддержаны известными археологами М.И. Артамоновым, М.П. Грязновым, А. А. Иессен, И. И. Ляпушкиным⁵.

Эти работы внесли существенную корректировку в представления об истории и культуре донских славян, но поскольку научный анализ полученных результатов неоднократно уже давался учениками А.Н.

¹ Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – С. 111 – 115.

² Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках славянских памятников в с. Боршево Гремяченского р-на Воронежской обл. и славянского поселения у г. Ливны Орловской обл. 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1963. № 2669. 76 л.

³ Москаленко А.Н. Отчет о работе Славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета. 1965 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1965. № 3056. 84 л.

⁴ Москаленко А. Н. Городище Титчиха. – Воронеж, 1965; Она же. Славяне на Дону (Боршевская культура). – Воронеж, 1981.

⁵ Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. – Воронеж, 1999. – С. 54.

Москаленко – ныне ведущими специалистами – археологами, то считаем возможным в данном случае лишь сослаться на них ¹.

Организация археологических исследований в лесостепном Подонье была бы невозможна без широкого привлечения к ним студенчества. Однако, по-прежнему нерешенной оставалась проблема подготовки в регионе кадров профессиональных археологов. Это прекрасно понимала А.Н. Москаленко, в 1948 г. организовав и возглавив научный студенческий археологический кружок. Планируя его работу на 1949/1950 уч. г. Анна Николаевна сказала, что кружок «продолжит в этом году работу над древнейшей историей Воронежской области (по археологическим данным). В первую очередь, нужно обработать материалы, собранные во время полевой практики. Кроме того, предполагается поставить доклады по следующим разделам: классики марксизма-ленинизма о первобытном обществе и археологии; наиболее интересные археологические памятники на территории СССР и за рубежом; рецензирование новых работ»².

В связи с этим уместно будет отметить, что начинание Анны Николаевны Москаленко отражало актуальную тенденцию в организации внеаудиторной работы студентов факультета. 23 апреля 1948 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета было решено создать студенческое научное общество; руководить им поручили доценту С.Н. Бенклиеву³. Регулярно стали проходить научные студенческие конференции. В отчете факультета в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции (1957 г.) декан факультета И.Я. Разумникова сообщала, что оживление научных студенческих кружков является

¹ Синюк А.Т. А. Н. Москаленко и археологическое изучение лесостепного Подонья // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. – Воронеж, 1983 – С. 3 – 8; Винников А. З., Пряхин А. Д. А. Н. Москаленко — ученый и педагог // СА. - 1986. - № 4. – С. 112 – 115; Пряхин А.Д. Педагог, ученый и воспитатель // Анна Николаевна Москаленко: Указатель трудов. – Воронеж, 1991. – С. 5 – 8; Винников А.З. А.Н. Москаленко и ее вклад в развитие археологии в Воронежском университете // Российские университеты в XIX – начале XX века: Сб. статей. Вып. 2. – Воронеж, 1996. – С. 171 – 179;

² Протокол заседания кафедры всеобщей истории от 6 октября 1949 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 7 об.

³ ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 6. Л. 6.

значительным фактором, стимулирующим самостоятельную работу студентов. По приведенным ею сведениям, в 1949/1950 учебном году на факультете работало пять таких кружков, в 1950/1951 – шесть (истории СССР, археологии, русского языка, русской литературы, всеобщей истории, международных отношений), на следующий год – семь. Каждый кружок объединял не менее 30 человек, ребята собирались регулярно (за год проводилось до 10-11 заседаний). Как писала И.Я. Разумникова, «студенты проявляли к этому делу большой интерес»¹.

Что же касается интересующего нас археологического кружка, то его с известной долей допущения можно считать своего рода научным подразделением на историческом факультете. Во время проведения полевых археологических работ студенты выполняли и функции лаборантов, и научных работников, руководя отдельными участками раскопов, большинство были столь необходимой в поле рабочей силой. Кружковцы обрабатывали и готовили к публикации материал, полученный во время раскопок, иногда выступая при публикациях в качестве соавторов. Отдельные студенты уже на старших курсах начинали самостоятельные полевые исследования, получив открытый лист.

Первые поколения участников кружка внесли значительный вклад в развитие исторического краеведения. Как пишет А.Д. Пряхин, «из шести студентов – участников первой археологической разведки впоследствии связали свою профессиональную деятельность с историческим краеведением В.А. Афонюшкин (некоторое время работал в Воронежском областном краеведческом музее, затем — заведующий кафедрой Воронежского университета), Р. Г. Демидов (известный историк-краевед), М. С. Владиславская (впоследствии заместитель директора Воронежского

¹ Разумникова И.Я. Историко-филологический факультет // Воронежский государственный университет к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Воронеж, 1957. – С. 141.

областного краеведческого музея), Т. С. Сегал (учитель, организатор историко-краеведческой работы в одной из воронежских школ)»¹.

Археологический кружок, созданный и в течение многих лет руководимый А. Н. Москаленко, получил широкую известность во многих университетах страны².

А.Д. Пряхин так объясняет успех этого начинания А.Н. Москаленко: «Далеко не последнюю роль в этом сыграли такие черты руководителя кружка, как четко выраженная гражданская позиция, потребность мыслить широкими историческими категориями, стремление учить и учиться в непосредственном исследовательском поиске. Именно эти качества Анна Николаевна стремилась развивать в своих молодых помощниках»³.

В научно-студенческом кружке археологии, прежде всего, формировалась модель учителя-исследователя, учителя-краеведа; благодаря усилиям Анны Николаевны и ее учеников в школах Воронежа и области были заложены основы базирующегося на занятиях археологией школьного исторического краеведения. Но это же объединение способствовало и воспитанию профессиональных археологов из числа выпускников исторического факультета ВГУ.

Не случайно, что студенты историко-филологического факультета ВГУ 1950-х годов Л.М. Тарасов и Н. Д. Праслов стали профессиональными исследователями палеолита, связав свою жизнь с ИИМК (ЛО ИА) АН СССР.

В 1960-е годы работы уже непосредственно под руководством Анны Николаевны Москаленко будили исследовательский интерес к памятникам Подонья разных эпох, они стали необходимой предтечей целенаправленного изучения отдельных археологических эпох и культур лесостепного Подонья.

К середине 1960-х годов устойчивый интерес к древностям эпохи бронзы сформировался у одного из учеников Анны Николаевны – Анатолия

¹ Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. – Воронеж, 1999. - С. 53.

² Москаленко А. Н. О работе студенческих археологических кружков // Советская археология. - 1960. - № 4. – С. 215 – 217.

³ Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. – Воронеж, 1999. - С. 53.

Дмитриевича Пряхина. С 1962 года наряду с продолжением работ по изучению славянских памятников лесостепного Подонья, которые по-прежнему координирует А.Н. Москаленко, начинается целенаправленное выявление и исследование памятников неолита – бронзы под его руководством ¹. Спустя четыре года, в 1966 году, работая ассистентом кафедры истории СССР досоветского периода, А.Д. Пряхин защищает кандидатскую диссертацию под названием «История населения Верхнего и Среднего Подонья во II - начале I тыс. до н.э.»².

С этого же 1966 года самостоятельные полевые работы начинает еще один ученик А.Н. Москаленко, на тот момент учитель Стрелицкой школы, Арсен Тигранович Синюк ³, впоследствии крупный специалист, прежде всего, по эпохе неолита, основоположник археологической школы в Воронежском педагогическом институте (в настоящее время – университете).

С 1967 года начинает самостоятельные полевые исследования тогда аспирант кафедры истории СССР досоветского периода Анатолий Захарович Винников ⁴, ставший впоследствии авторитетным археологом – славистом, прямым продолжателем дела всей жизни А.Н. Москаленко.

Расширение сферы научных интересов археологов ВГУ в течение нескольких лет оформилось и организационно: общее руководство работами экспедиции переходит к А.Д. Пряхину, при этом каждый из названных археологов формирует экспедиционный отряд со своими целевыми установками.

¹ Пряхин А.Д. Отчет к открытому листу № 55 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей // НА АМВУ. Р – 1. № 80. 23 л., 6 илл.

² Пряхин А.Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II - начале I тыс. до н.э.: Автореф. дисс... канд.ист.наук. – Воронеж, 1966. – 20 с.

³ Синюк А.Т. Отчет о работе Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского гос.университета. 1966 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3318. 39 л.

⁴ Винников А.З. Отчет о разведке по р. Кшень притока Быстрой Сосны (Курская, Орловская и Липецкая области). 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3730. 9 л., прил. илл. на 12 л.

Обозначившаяся тенденция способствовала не только более полному обследованию и изучению археологических памятников Воронежской, но и соседних с ней областей Центрального Черноземья.

Так, в 1963 г. археологической экспедицией ВГУ под руководством А.П. Пряхина впервые было проведено обследование берегов в пределах верхнего и среднего течения реки Красивая Меча в Ефремовском районе Тульской области ¹. В 1964 году той же экспедицией наряду с раскопками нескольких памятников в Воронежской области (Архангельское городище, поселения Масловское и Волковское в черте Воронежа) была обследована территория в Долгоруковском и Задонском районах Липецкой области и продолжены раскопки на Воргольском городище у с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области ².

В отчетах 1967 года зафиксирована работа двух археологических экспедиций ВГУ: одна из них, под руководством А.Н. Москаленко (зам. А.З. Винников), как мы уже писали, продолжила изучение славянских памятников ³; вторая, под руководством А.Д. Пряхина, исследовала памятники неолита – бронзы. В этот год были проведены разведки и раскопки в зоне будущего Воронежского водохранилища, раскопки на поселении эпохи бронзы у с. Борового под Воронежем и разведка по р. Усманке; доследовано центральное погребение в кургане у г. Россоши Воронежской области; вскрыт один из трех курганов у пос. Хохольский Воронежской обл.; выявлены новые поселения по р. Девица; проведены

¹ Пряхин А.Д. Отчет к открытому листу № 113 на право производства археологических разведок по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой обл. за 1963 г. // НА АМБУ. Р – 1. № 76. Л. 1; НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2672. Л. 1.

² Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 год // НА АМБУ. Р – 1. № 2а. 66 л., 68 илл.

³ Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Белогорском городище и могильнике Рамонского р-на Воронежской области. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3516. 28 л.

разведки в среднем Поосколье в пределах Белгородской обл. и по берегам р. Кшень в пределах Липецкой, Орловской и Курской областей¹.

При этом работы по р. Девица, в том числе и раскопки кургана у пос. Хохольский, и в нижнем течении р. Тихая Сосна велись по открытому листу уже поступившего в аспирантуру ВГУ А.Т. Синюка²; разведка по р. Кшень – по открытому листу аспиранта ВГУ А.З. Винникова³. Каждый из них, согласно отчету А.Д. Пряхина, возглавлял отряд в составе руководимой им экспедиции⁴. Показательно, что в работах участвовали не только студенты ВГУ (практиканты и старшекурсники – члены археологического кружка), но и привлекались студенты историко-филологического факультета Липецкого государственного педагогического института⁵.

В связи с начавшимся строительством Воронежского водохранилища экспедиция университета много внимания уделила работам в пойме р. Воронеж на участке от Отрожкинского моста до Шиловского кордона. Здесь были обследованы не только уже известные поселения различных эпох, но и обнаружены 14 ранее неизвестных бытовых памятников⁶. Полученные сведения были оперативно опубликованы⁷.

Для оценки складывающейся ситуации в региональной археологии показательным является заключительная часть научного отчета о проведенных работах, направленного в ИА АН СССР А.Д. Пряхиным. Он писал: «В заключении хотелось бы отметить, что пойма р. Воронеж, которая

¹ Пряхин А.Д. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского государственного университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 3431. 51 л.

² Синюк А.Т. Отчет Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1 Р – 1. 1967. № 3573. 32 л.

³ Винников А.З. Отчет о разведке по р. Кшень притока Быстрой Сосны (Курская, Орловская и Липецкая области). 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 3730. 9 л., прил. илл. на 12 л.

⁴ Пряхин А.Д. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского гос. университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 3431. Л. 1.

⁵ Пряхин А.Д. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского гос. университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 3431. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2 – 27.

⁷ Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Древности из зоны Воронежского моря. – Воронеж, 1968. – 35 с.

в 1970 г. будет затоплена, крайне богата памятниками древности, имеющими неоценимое значение в науке. Согласованное их изучение в ближайшие годы необходимо. Между тем, уже в 1967 г. можно было наблюдать тот факт, что после обследования участка поймы от Отрожкинского моста до Шиловского кордона экспедицией ВГУ, здесь побывали сотрудники Института археологии. А участок поймы от Шиловского кордона до места сооружения плотины все еще не обследован. Между тем, земляные работы на участке сооружения плотины ведутся уже сейчас. Такого рода «накладки» вряд ли полезны.

Экспедиция ВГУ планирует основное внимание сосредоточить на раскопках четырех памятников в пойме – 1 и 2 Университетские поселения (№№ 19, 21), Масловское поселение (№ 28), Шиловское поселение (№ 30). Будут продолжены и разведки на участке от Отрожкинского моста до Шиловского кордона»¹.

Таким образом, позиция воронежских археологов обозначена четко: на данной территории ведутся работы собственными силами, которые необходимо учитывать при планировании маршрутов академических экспедиций.

В следующем 1968 году археологическая экспедиция ВГУ под общим руководством А.Д. Пряхина имела в своем составе уже четыре отряда: А.Д. Пряхин возглавлял отряд по изучению памятников эпохи бронзы, А.Т. Синюк руководил отрядом по изучению памятников эпохи неолита и энеолита, два отряда (под рук. А.З. Винникова и Н.Ф. Чеботаревой) были разведочными. Масштабы проводимых работ выглядят впечатляюще. Полевой сезон продолжался с конца апреля до начала ноября, к работам было привлечено более 120 человек. Среди них сотрудники ВОКМ, студенты ВГУ дневного, вечернего и заочного отделений (всего 56 чел.); студенты-практиканты ВГПИ (27 чел.), слушатели школы «Молодого историка» (15

¹ Пряхин А.Д. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского гос. университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 3431. Л. 28.

чел.), уч-ся сш № 1 Воронежа (23 чел.), студенты Ивановского педагогического института (2 чел.). Экспедиция в основном финансировалась за счет ВГУ, небольшие средства поступили от Воронежского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников и ВОКМ, но по-прежнему отсутствовали новостроечные ассигнования¹.

Тем не менее, археологическая экспедиция основное внимание уделила изучению памятников в зоне будущего Воронежского водохранилища. Работами двух отрядов (руководители – А.Д. Пряхин и А.Т. Синюк) удалось обследовать площадь 17 древних поселений, абсолютное большинство из которых теперь находится под водами водохранилища. Кроме того, под руководством А.Д. Пряхина была проведена разведка и вскрыт один курган в бассейне р. Девица, совершены поездки на разрушаемые памятники в Валуйки и с. Фисенково (Воронежская обл.). А.З. Винников продолжил разведку в бассейне р. Кшень, Н.Ф. Чеботарева обследовала левый берег р. Снова (Липецкая обл.)².

И вновь обратимся к событиям 1969 г., которых мы уже касались в предыдущем параграфе. В этот год произошло закономерное объединение усилий столичных и воронежских археологов в рамках Воронежской новостроечной экспедиции, первоначально под руководством П.Д. Либерова. Его отказ от постоянного участия в работе экспедиции и возложение руководства на Б.Г. Тихонова и А.Д. Пряхина в свете проанализированных

¹ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по обследованию памятников эпохи бронзы. 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1968. № 3674. Л. 1.

² Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по обследованию памятников эпохи бронзы. 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1968. № 3674. Л. 33 – 45; Синюк А.Т. Отчет о работе неолитического отряда археологической экспедиции Воронежского гос. университета. 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1968. № 3846. 62 л.; Винников А.З. Отчет о разведке по р. Кшень притока Быстрой Сосны (Курская, Орловская и Липецкая области). 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1967. № 3730. 9 л.; Чеботарева Н.Ф. Отчет о разведке по р.Снова Липецкой области. 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1968. № 3851. 13 л.

выше событий представляется неслучайным. Впервые на паритетных началах в составе экспедиции сотрудничали столичные и местные исследователи.

В составе объединенной экспедиции университетский отряд фактически имел два подразделения, поскольку в нем работали также сотрудники ВОКМ во главе со старшим научным сотрудником А.Т.Синюком. Воронежские археологи основное внимание сосредоточили на объектах ниже дамбы Вогрэсовского моста (поселения Шиловское, Масловское, Стрельбище), кроме того, были проведены раскопки на пос. Университетское 3, на поселении северо-восточного района Воронежа. Общая исследованная на этих памятниках площадь составила около 3500 кв.м¹.

Но эти широкомасштабные работы не исчерпывали содержания полевого сезона 1969 года воронежских археологов. В тот же год (в течение мая и августа) были проведены разведки и раскопки в других местах Воронежской области, а также на территории соседних Липецкой и Тамбовской областей. Самое непосредственное участие в них приняли сотрудники краеведческих музеев: из воронежского – помимо А.Т. Синюка научный сотрудник В.В. Попов, из липецкого – зам. директора Н.Н. Федосеева, из тамбовского – научный сотрудник Е.Н. Писарев. Краеведческие музеи взяли на себя и частичное финансирование. В Воронежской области работы велись в Хохольском и Репьевском районах².

В ходе работ на территории Тамбовской области был обследован левый берег р. Цна от Тамбова до с. Знаменка, левый берег р. Челновая от ст. Селезни до с. Сосновка, левый берег р. Большой Ломовис в пределах с. Знаменка. Экспедиция ставила перед собой задачу не только выявления новых археологических памятников, но и определение степени сохранности уже известных по работам экспедиции ГИМа; были заложены шурфы с

¹ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 1969. № 4302. Л. 55 – 150.

² Там же. Л. 34 – 54.

целью стратиграфического анализа залегания абашевской и срубной керамики¹.

На территории Липецкой области экспедиция принимала участие в раскопках на Сокольском поселении вместе с сотрудниками Верхне-Донской экспедиции ИА АН СССР².

Не менее масштабными по объему выполненными работ стали и последующие два года работ воронежских археологов как в составе совместной новостроечной экспедиции в зоне строительства воронежского водохранилища, так и в рамках реализации собственных исследовательских задач³. В эти годы были продолжены работы не только на территории соседних областей (в Тамбовской области работает отряд под руководством А.Т. Синюка⁴), но и начаты исследования в Поволжье (экспедиция под руководством А.Д. Пряхина провела исследования в Пензенской области⁵).

С 1971 года в составе экспедиции ВГУ начинает работу Левобережный донской отряд под руководством В.И. Сагайдака (одного из первых учеников А.Д. Пряхина), предметом исследований которого становится территория Аннинского района Воронежской области, где было выявлено и знаменитое теперь уже Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. В дальнейшем работы экспедиции ВГУ под руководством А.Д. Пряхина будут сосредоточены именно на этом памятнике.

В то же время славянский отряд под руководством А.З. Винникова после нескольких сезонов на Белогорских памятниках (1974, 1976 гг.)

¹ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. Л. 2 – 22.

² Там же. Л. 23 – 33.

³ Пряхин А.Д. Отчет о раскопках Шиловского поселения. 1970 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4145. 121 л.; 4145 а. 121 л.; Пряхин А.Д. Отчет об археологических исследованиях памятников периода поздней бронзы в Воронежской области. 1971 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4507. 101 л.; 4507а. 95 л.

⁴ Синюк А.Т. Археологические работы Тамбовского краеведческого музея. 1970 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4444. 56 л.

⁵ Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета. 1972 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4681. 65 л.

приступит к раскопкам значимого для славянской археологии Животинного городища (с 1977 г.), а также станет одним из отрядов в структуре совместной Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции по изучению Маяцкого археологического комплекса раннего средневековья (1977 – 1982 гг.).

Своего рода базовые памятники обозначаются и в полевой деятельности экспедиции под руководством А.Т. Синюка: Павловский могильник, поселения Копанище и Дрониха, давшие важные свидетельства эпох неолита – бронзы.

Таким образом, на рубеже 1960-х – 1970-х гг. становится очевидным, что воронежские исследователи приобрели достаточный научный потенциал для закрепления за собою лидерских позиций в археологическом исследовании Центрально-Черноземного края. Воронежский госуниверситет постепенно приобретает статус координирующего учреждения в области региональной археологии. Дополнительные сведения оценочного характера имеются в приводимом отрывке отчета кафедры истории СССР досоветского периода за 1969 г. (см. приложение № 26).

В связи с оценкой значимости излагаемых мною событий представляется также важной информация, обнаруженная в протоколах заседаний кафедры истории СССР досоветского периода. А.Д. Пряхин сообщил «предложение ИА АН СССР о созыве в Воронеже на базе исторического факультета ВГУ Всесоюзного симпозиума «Эпоха раннего металла лесостепи Восточной Европы». Желание участвовать высказали акад. Б.А. Рыбаков, Д.Я. Телегин, О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, Д.А. Крайнов, И.В. Синицын и др.

Постановили: ходатайствовать о проведении такого симпозиума на базе исторического факультета ВГУ; ответственным назначить А.Д. Пряхина»¹.

¹ Протокол № 14 заседания кафедры истории СССР досоветского периода от 7 июня 1969 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 261. Л. 84.

Хотя такой симпозиум и не состоялся, сам факт обсуждения возможности его проведения в Воронеже уже свидетельствует о признании значимости проводимых здесь археологических исследований. Перечень городов областного ранга, которые принимали участников Всесоюзных археологических форумов во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. очень скромный. В европейской части России можно указать лишь Ростов-на-Дону и Куйбышев.

Рост научного потенциала воронежских археологов закономерно вызывал необходимость изменений статуса «археологии» в системе университетской науки и образования, структурных преобразований в рамках факультета и университета в целом. Процесс этот на протяжении 1950-х – первой половины 1970-х годов имел поступательный, но надо признать, вялотекущий характер на всех уровнях университетской структуры. Обобщим имеющуюся информацию в рамках основных направлений, ставших предпосылками возникновения воронежской археологической школы.

В научной сфере. Как уже было сказано выше, в первые годы работы А.Н. Москаленко, ее археологические исследования шли вразрез с основной научной темой кафедрального коллектива, а потому признавались лишь «внеплановыми». Постепенно к коллегам на факультете пришло понимание значимости и признание плодотворности археологической деятельности А.Н. Москаленко, но вплоть до 1966 года она не представляла для факультета самостоятельной ценности и традиционно включалась в качестве составной части в краеведческое направление, развивающееся на кафедре истории СССР досоветского периода.

В отчете за 1966 год впервые археологические исследования, проводимые А.Н. Москаленко, А.Д. Пряхиным, А.З. Винниковым, составили содержание одного из «основных научных направлений по кафедре»¹.

¹ Отчет кафедры истории СССР досоветского периода о научно-исследовательской работе // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. №. 221. Л. 3.

С приходом на должность заведующего кафедрой В.П. Загоровского (1971 год) «археология» вновь теряет статус самостоятельного научного направления, теперь уже будучи включенной в направление сначала под названием «История Подонья в первобытно-общинное время и эпоху феодализма» (характеризуя его разработку, зав. кафедрой указывал, что «кроме письменных источников используется археологический, лингвистический, историко-географический материал. По этому направлению есть точки соприкосновения у сотрудников кафедры»¹), а спустя два года, в направление с более широкими географическими рамками «История Подонья и соседних территорий (выделено мной – Е.З.) в эпоху первобытно-общинного строя и феодализма». В отчете за 1973 год сказано, что оно «в научной работе кафедры явно вышло на первое место. Результаты научной работы кафедры по данному научному направлению в 1973 г. представляются плодотворными.

1. Археологическое исследование Мосоловского поселения и находящихся здесь интереснейших памятников древнейшей металлургии имеют большое научное значение.

2. Впервые в советской научной литературе дана характеристика исторической топонимики как вспомогательной исторической дисциплины и проведено подробное историко-топографическое исследование территории Воронежского края, результаты которого отражены в монографии 1973 г.

3. Научная экспедиция, организованная кафедрой, провела в 1973 году поиски «летописного» Воронежа, привлекла к ним широкие круги общественности и позволила сделать ряд интересных научных выводов.

4. Результаты научных исследований опубликованы в печати: две монографии, 5-й выпуск Сборника научных работ»².

Несмотря на многократно возросшие масштабы работ археологической экспедиции ВГУ, их широкий научный резонанс, еще и в 1975 году при

¹ Итоги научно-исследовательской работы в 1971 г. // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 313. Л. 16.

² Отчет кафедры истории СССР досоветского периода по научно-исследовательской работе // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. №. 346. Л. 10-11.

утверждении отчета о научно-исследовательской работе факультета за год на Ученом совете факультета А.Д. Пряхину вновь пришлось доказывать коллегам, что «проблематику первобытно-общинного строя нельзя ставить в краеведение. Это союзная тема, а не местная»¹.

Ситуация радикально изменилась лишь в 1976 году с началом деятельности А.Д. Пряхина в должности заведующего кафедрой истории древнего мира и заместителя декана по науке. Археология стала в отчетных документах фигурировать как одно из ведущих направлений научной деятельности факультета, сам термин «археология» был включен в название кафедры, и она стала именоваться «кафедрой истории древнего мира и археологии»².

В учебном процессе. Археологическая подготовка студентов – историков в послевоенные десятилетия велась в рамках лекционного курса по археологии, в процессе выполнения ими курсовых, а впоследствии и дипломных работ, а также участия в полевых исследованиях на добровольных началах. Немаловажную роль в повышении уровня профессиональной подготовки студентов играли регулярные научные студенческие конференции, проводившиеся как в рамках университета, так и имеющие статус Всесоюзных.

С 1960 года в учебные планы вводится обязательная археологическая (археолого-этнографическая) практика, но при этом остается нерешенным вопрос со специализацией по археологии. В разные годы вплоть до 1977/78 уч. г. лишь эпизодически читались спецкурсы по археологии как самими археологами ВГУ, так и приглашаемыми специалистами из столичных академических Институтов археологии. Введение первой специализации по археологии на факультете было связано с необходимостью обучать студентов из Вьетнама (1967 год).

¹ Протокол № 5 заседания Ученого совета исторического факультета от 10 января 1975 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 360. Л. 28.

² Протокол № 6 заседания Ученого совета исторического факультета от 27 января 1977 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 391. Л. 53.

В 1976/77 уч.г. на кафедре истории древнего мира и археологии под руководством А.Д. Пряхина был разработан и стал последовательно реализовываться план специализации по археологии и истории древнего мира с привлечением специалистов из Институтов археологии (Москва, Ленинград, Киев).

Формирование структурных подразделений в области археологии.

Первым структурным подразделением в области археологии в Воронежском университете стал кабинет археологии. Первые упоминания о его функционировании встречаются в отчете кафедры истории СССР за 1953/54 уч.г., где говорится, что «единственное улучшение материально-производственной базы выразилось в организации небольшого музея археологии», а затем он же именуется «кабинетом археологии»¹. До середины 1970-х годов лишь дважды на заседаниях кафедры истории СССР, к которой он относился, обсуждался вопрос о его работе: в марте 1966 года об этом докладывала А.Н. Москаленко² и в январе 1974 года – А.Д. Дегтярева³.

Выступление А.Н. Москаленко о работе кабинета археологии отражено в протоколе следующим образом. «В кабинете археологии при кафедре истории СССР досоветского периода ведется большая и разнообразная работа. Кабинет является центром археологических исследований Воронежского края, проводимых воронежским университетом. В кабинете проводится камеральная обработка полевых материалов, выполняются графические работы по отчетам о раскопках.

Кабинет является основой студенческих работ по археологии. Студенты готовят здесь доклады для научного студенческого кружка по археологии, на материалах кабинета выполняются курсовые и дипломные работы.

¹ Отчет о работе кафедры истории СССР // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 39. Л. 26, 34.

² Протокол № 6 заседания кафедры истории СССР досоветского периода от 17 марта 1966 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 202. Л. 21.

³ Протокол № 5 заседания кафедры истории СССР досоветского периода от 15 января 1974 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 344. Л. 19 – 20.

Через кабинет осуществляется связь со школьными археологическими и краеведческими кружками». По итогам обсуждения этого вопроса было принято следующее решение: «Кафедра находит необходимым ходатайствовать перед ректоратом о выделении для кабинета единицы младшего научного сотрудника и должности заведующего кабинетом».

Почти через десять лет отчет о работе кабинета археологии зафиксирован следующим образом. «Кабинет археологии работает по трем направлениям. Ведутся списки литературы, выдается монографическая литература, даются консультации студентам по экспозиции кабинета. Проведена археологическая практика двух студентов – задолжников. Организована работа студентов в кабинете, работа археологического кружка, материал готовится к переезду, ведется подготовка к археологической практике (в этом году будут две базы практики). Постоянно ведется обработка фондов, составление описей, осуществляется связь со школой (экскурсии школьников по экспозиции кабинета, проведено обновление экспозиции археологического музея в сш № 33, готовится конференция юных археологов)». Итог обсуждения этого вопроса: «нужно ввести в штатное расписание университета кабинет археологии».

В октябре 1971 года зав. кафедрой В.П. Загоровский при обсуждении результатов проведения археологической практики ставит вопрос о необходимости открытия в университете археологического музея, поскольку, по его словам, «собраны интересные археологические коллекции и есть база». На этом заседании постановили: «Кафедра считает целесообразным возбудить вопрос об организации археологического музея в университете. Проект организации музея поручить подготовить А.Д. Пряхину, В.П. Загоровскому, А.Н. Москаленко»¹.

Однако, к началу 1976/77 уч.года по-прежнему существовал кабинет археологии, в котором при передаче кафедре истории древнего мира, было

¹ Протокол № 3 заседания кафедры истории СССР досоветского периода от 14 октября 1971 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 313. Л. 7.

две штатные единицы – ст.лаборанты Ю.Г. Екимов и Н.Ф. Щедрина¹. Только в апреле 1977 года А.Д. Пряхин сообщил на заседании кафедры истории древнего мира и археологии, что «в структуре университета утвержден Музей археологии (контроль за исполнением этого распоряжения возложить на ст.лаборанта Т.С. Старцеву)»².

Таким образом, по всем основным параметрам, статус археологии в Воронежском университете в середине 1970-х годов изменился. Процесс ее институализации был завершен. Налицо все факторы, свидетельствующие о возникновении научной школы (по Сорокиной И.А.), а именно: наличие в регионе профильных учреждений, берущих на себя организацию экспедиций, некоторого количества археологов-профессионалов, одного или нескольких вузов, обеспечивающих подготовку новых специалистов, преемственность в традициях проведения полевых работ, обработки материала и введения его в научный оборот³.

Предстоял период становления, дальнейшего совершенствования и укрепления лидирующих и координирующих позиций воронежской школы в регионе. Основными характеристиками ее последующего развития стали организация планомерного систематического изучения региона, создание системы подготовки кадров в рамках специализации по археологии и дальнейшего обучения в аспирантуре; координация деятельности археологических структур и отдельных исследователей всего центрально-черноземного региона.

¹ Протокол № 1 заседания кафедры истории древнего мира от 30 августа 1976 года // ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 407. Л. 1.

² Там же. Л. 109.

³ Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946 – 2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). – С. 121.

Заключение

В последние два десятилетия в отечественной археологии наблюдается заметный рост интереса к ее истории, по меткому выражению И.Л. Тихонова, своеобразный «историографический бум». Произшедшие в это время перемены в идеологии, переоценка ценностей в обществе в целом и в области исторических наук, в частности, смена методологических подходов, открытие архивов дали возможность по-новому взглянуть на деятельность государственных учреждений и научных сообществ, крупных исследователей в области археологии, оценить в целом процесс развития отечественной археологии, как в дореволюционный, так и в советский период. Вместе с тем, до сих пор ощущается отсутствие обобщающих трудов по истории археологии крупных российских регионов, в том числе и Центрального Черноземья, которые основывались бы на современных научных исследованиях.

Процесс становления и развития региональной археологии Центрального Черноземья России, с одной стороны, подчинен логике формирования и развития науки в столичных центрах, с другой стороны, демонстрирует своеобразие, отражающее специфику восприятия ведущих тенденций на местном уровне. В частности, процесс институционализации региональной археологии в силу объективных и субъективных причин оставался незавершенным вплоть до конца 70-х гг. XX века.

Исходя из выше изложенных принципов и проделанного в этом направлении исследования, можно сделать следующие выводы.

На протяжении второй половины XVIII в. научный интерес к древностям региона эпизодически проявляет Санкт-Петербургская императорская академия наук (экспедиции В.Ф. Зуева, Самуила-Готлиба Гмелина-мл); происходит накопление информации о местных памятниках археологии по ходу исполнения топографических и строительных работ; у

наиболее образованной части провинциального общества проявляется интерес к коллекционированию предметов родной старины.

В «Описаниях» Курской (С.И. Ларионов) и Воронежской (Е.А. Болховитинов) губерний последней четверти XVIII в. – первой четверти XIX века впервые проявляет себя познавательный интерес к вещественным древностям «малой родины», выразившийся во включении информации о них в общую канву повествования. Следующим закономерным проявлением такого рода интереса становится организация первых раскопок своими силами в родном крае (первая половина XIX века). Общенаучные и социокультурные предпосылки для формирования местной археологии в ЦЧР сформировались в третьей четверти XIX в.

Вторая половина XIX в. – первые десятилетия XX века знаменуют собой плодотворный период в развитии региональной археологии ЦЧР. В это время происходит оформление организационной системы взаимодействия центра и провинций в деле выявления, учета, изучения и охраны памятников старины (в русле реализации этой идеи работают вначале губернские статистические комитеты, а затем губернские ученые архивные комиссии); включение краеведов-археологов в профессиональные связи ученых-археологов (участие в работе научных выставок, Всероссийских, а затем и областных археологических форумов; инициирование раскопок под руководством столичных археологов в своих губерниях); проведение собственными силами полевых археологических исследований на территории родных губерний; формирование на базе местных археологических коллекций соответствующих отделов губернских музеев; публикация первых научных и научно-популярных трудов по археологии региона.

Ведущая роль в последовательной реализации идеи изучения и сохранения археологических древностей региона во второй половине XIX века принадлежала губернским статистическим комитетам. В рамках их деятельности был проведен ряд плодотворных раскопок в регионе; создана

первоначальная статистическая база по археологии; осуществлены проекты открытия губернских музеев с самостоятельными археологическими отделами («первобытных древностей»); налажены коммуникативные связи с коллегами из других регионов.

Показателем поступательно развивавшегося процесса институционализации местной археологии становится оформление на базе губернских ученых архивных комиссий в первые десятилетия XX века самостоятельных в организационном и познавательном аспектах краеведческо-археологических сообществ.

В двадцатые годы XX века, в условиях сосуществования традиций дореволюционной археологии и формирования новых направлений уже в рамках марксистско-ленинской идеологии, в ЦЧР продуктивно реализуется сотрудничество столичных специалистов и краеведов (совместные экспедиции, совершенствование музейной деятельности, первый опыт подготовки местных кадров). Но сформировавшееся к концу 1920-х гг. местное археолого-краеведческое сообщество не только не получает возможностей для дальнейшего развития, но и подвергается разгрому, так что определяющая ее специфику связка «краеведение – археология» распадается.

В 1930 – 1960-е гг. в археологическом изучении региона приоритетные позиции занимают столичные академические учреждения. В это время в областных центрах региона минимально число местных археологов, да и уровень их подготовки далеко не равнозначный. Силами столичных археологов происходит введение в научный оборот археологических материалов с территории ЦЧР практически всех эпох от палеолита до позднего средневековья. Они становятся базой для написания первых монографий (П.П. Ефименко, Н.П. Третьяков, П.Д. Либеров и др.) и защиты первых диссертационных исследований по археологии региона (Г.В. Подгаецкий, П.Д. Либеров и др.).

К концу 1970-х годов на базе Воронежского государственного университета формируются основы регионального археологического центра со следующими характеристиками: наличие профильной университетской кафедры, обеспечивающей подготовку специалистов и преемственность научных исследований; планомерная организация экспедиций; координация деятельности археологического сообщества в регионе.

Основными характеристиками ее последующего развития стали организация планомерного систематического археологического изучения края силами местных экспедиций (за исключением палеолитических памятников), создание системы подготовки кадров археологов и координация деятельности археологов Центрально-Черноземного региона (региональные конференции, деятельность регионального совета). В развитии, сложившемся виде эта модель просуществовала до начала 1990-х годов.

Список использованных источников и литературы**Архивные материалы****Рукописный архив****Института истории материальной культуры РАН (РА ИИМК РАН)****Ф. 1 (ИАК)**

1862 г. Д. 27: Переписка с ВГСК. 71 л.

1866 г. Д. 8: О сношении Комиссии со статистическими комитетами (27 мая 1866 - 21 октября 1868). 47 л.

1867 г. Д. 3: О монетах, найденных в Богучарском уезде Воронежской губернии. 9 л.

1867 г. Д. 43: Упоминание о старинных вещах, найденных в 1827 г. у сл. Бондарева Богучарского у. 5 л.

1869 г. Д. 26: Византийские монеты из Бирюченского у. 3 л.

1871 г. Д. 14: О монетах и древнем панцире, найденных в Воронежской губернии. 23 л.

1885 г. Д. 59: Переписка ИАК с публичной библиотекой о вещах 1830 г. 9 л.

1886 г. Д. 56: Переписка А.А. Спицына с Тамбовским губернатором. 10 л.

1887 г. Д. 32: О старинных серебряных монетах, найденных в Воронежской губернии. 55 л.

1889 г. Д. 49: О находках человеческих черепов и о случайном открытии подземных ходов в Воронежской губернии. 18 л.

1890 г. Д. 23: Об открытии старинного судна и подземных ходов в Воронежской губ. 35 л.

1891 г. Д. 170: О древностях, найденных в Землянском и Острогожском уездах, Воронежской губ. 42 л.

1891 г. Д. 199: Об определении г. Коллежского Ассессора А. Спицына Членом Археологической Комиссии. 103 л.

1894 г. Д. 77: О разрешении производства раскопок Секретарю Статистического Комитета Звереву. 20 л.

1894 г. Д. 167: О высылке древних вещей и монет в Воронежский Губернский Музей. 1 л.

1895 г. Д. 63: О случайном открытии древней могилы около села Воробьева в Богучарском у. Воронежской губ. 18 л.

1895 г. Д. 79: О раскопках А.А. Спицына в Тамбовской губернии. 34 л.

1897 г. Д. 121: О выдаче художнику Струкову Д.М. свидетельства на право осмотра памятников древности. 59 л.

1899 г. Д. 66: О древностях, найденных при раскопке кургана в с. Мазурки Новохоперского уезда Воронежской губернии. 41 л.

1902 г. Д. 72: О раскопках ВУАК. 54 л.

1903 г. Д. 174: О раскопках ВУАК. 5 л.

1904 г. Д. 59: Спицын А.А. О представлении им проекта расширения производства раскопок. 5 л.

1905 г. Д. 45: О раскопках художника Б. К. Рериха. 7 л.

1905 г. Д. 70: О раскопках Н.Е. Макаренко в Воронежской, Полтавской и Харьковской губ. 73 л.

1905 г. Д. 74: О раскопках Члена Комиссии А.А. Спицына в Воронежской губернии. 17 л.

1906 г. Д. 68: О раскопках Члена Комиссии А.А. Спицына в Воронежской губернии и члена Воронежской архивной комиссии А.И. Милютина. 74 л.

1906 г. Д. 71: О раскопках ВУАК. 14 л.

1907 г. Д. 56: О раскопках свящ. Зверева в Острогожском у., Воронежской губ. 31 л.

1907 г. Д. 59: О раскопках В.А. Городцова у с. Борщово Коротоякского у. Воронежской губернии. 6 л.

1908 г. Д. 65: О раскопках Н. Е. Макаренко в Воронежской и Полтавской губ. 44 л.

1909 г. Д. 38: О раскопках ВУАК. 114 л.

1909 г. Д. 84: О раскопках Н. Е. Макаренко в Воронежской и Тамбовской губ. 50 л.

1910 г. Д. 68: О раскопках г. В.Н. Глазова в Задонском уезде Воронежской губ и Буйском у. Костромской губ. 25 л.

1912 г. Д. 145: О раскопках Н. Е. Макаренко в Воронежской и Полтавской губ. в 1912 г. 26 л.

1912 г. Д. 250: О выдаче г-же М.П. Юргенсон открытого листа на раскопки в Воронежской губ. в 1912 г. 99 л.

1913 г. Д. 123: Глазов В.Н. Отчет о раскопках в Обоянском уезде в 1913 г.

1913 г. Д. 363: О раскопках г-жи М.П. Юргенсон в Воронежской губ. в 1913 г. 10 л.

1915 г. Д. 93: Глазов В.Н. Отчет о раскопках в Обоянском уезде в 1915 г.

Ф. 2 (ГАИМК)

Оп. 1. 1927 г. Д. 190: Воронежский Музей. О работе Воронежского Губмузея по исследованию городищ Воронежской губернии

Оп. 1. 1930 г. Д. 168: Работы зам. директора Валукинского в окрестностях. Воронежа.

Оп. 1. 1935 г. Д. 78: Отчет Валукинского об обнаруженной стоянке на новостройке на левом берегу р. Воронеж в Сталинском районе гор Воронежа у нового железобетонного моста.

Оп. 1. 1936 г. Д. 244: Отчет о раскопках на стоянке Отрожка в 1936 г. 20 л.

Оп. 1. 1936 г. Д. 287: Материалы Воронежской археологической экспедиции под руководством Подгаецкого. 247 л.

Оп. 1. 1936 г. Д. 371: Материалы Воронежской археологической экспедиции: описи, переписка. 188 л.

Оп. 1. 1937 г. Д. 198: Отчет Валукинского о раскопках курганов по ул. Громова в г. Воронеже и стоянки в сл. Придача (близ Воронежа). 34 л.

Ф. 35 (ИИМК)

Оп. 1. 1938 г. Д. 140: Отчет Валукинского по обследованию стоянки на левом берегу Инютинки близ пос. Отрожка г. Воронежа. 11 л.

Оп. 1. 1940 г. Д. 53: Отчеты Валукинского о раскопках в устье р. Воронеж «городка», курганов на р. Инютинке, у Отрожки. 34 л.

Оп. 2д. Д. 146, 147: Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону.

Ф. 5 (А.А. Спицын)

Д. 90: Спицын А. Поездка в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг. 15 л.

Д. 134: Спицын А.А. Сводка сведений о составленных археологических картах и археологических описаниях отдельных губерний с 1873 г. по 1925 г. 2 л.

Д. 148: Спицын А.А. Сводка сведений о древностях. Воронежская губерния. 15 л.

Д. 169: Опись предметов древности, доставленных А. А. Спицыным из раскопок 1906 г. в Воронежской губернии. 1 л.

Д. 191: Опись предметов древности, доставленных А. А. Спицыным из раскопок 1905 г. в Воронежской губернии. 1 л.

Д. 396: Спицын А.А. Губернии, В – Д. 559 л.

Д. 398: Спицын А.А. Губернии, К – Л. 339 л.

Д. 402: Спицын А.А. Губернии, Т. 279 л.

Ф. 25 (А.А. Бобринский)

Д. 241: Проект положения о распределении служебных обязанностей служащих Археологической Комиссии, утвержденный А.А. Бобринским (типографский и черновые). 8 л.

Ф. 47 (Г.В. Подгаецкий)

Ф. 47. Д. 2: Тевяшов В.Н. Киммерийская эпоха в Воронежской губернии: Отчет о раскопках в 1911 г. (копия). 11 л.

Ф. 69 (С.Н. Замятнин)

Оп. 1. Д. 70/7: Письма С.Н. Замятнину.

Оп. 1. Д. 85 – з: Выписки 1915 – 1916 гг.

**Научный архив Института археологии Российской Академии наук
(НА ИА РАН)**

Алихова А.Е. Отчет о раскопках Авдеевского селища Курской области и о разведке, проведенной в окружающем его районе в 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 349. 36 л., 12 ил., 10 черт.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках, проведенных Курским краеведческим музеем летом 1955 года в Курской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1129. 40 л., 4 илл., 49 черт.

Алихова А.Е. Отчет о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР летом 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1967. 18 л., 39 ил., 24 черт.

Алихова А.Е. Отчет по Курскому отряду Скифской лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР и Курского краеведческого музея за 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2103. 18 л., 6 ил., 24 черт.

Алихова А.Е. Отчет о работе Курской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Курского краеведческого музея за 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2317. 36 л., 1 ил., 16 черт.

Борисковский П.И. Отчет о работе Костенковского палеолитического отряда ИИМК АН СССР. 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1660. 27 л., 34 ил.

Борисковский П.И. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда ИИМК АН СССР в 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1805. 27 л., 16 ил.

Борисковский П.И. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда в 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1868. 43 л., 27 ил.

Борисковский П.И. Отчет о рекогносцировочных раскопках палеолита в г. Курске 2 – 4 ноября 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2526. 12 л., 7 ил.

Борисковский П.И. Отчет о работе Курского палеолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2788. 47 л., 27 ил.

Борисковский П.И. Отчет о работах Курского палеолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1964 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3085. 34 л., 18 ил.

Бороздин И.Н. Отзывы на отчеты за 1949 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 283. Л. 37 – 37об.

Винников А.З. Отчет о разведке по р. Кшень притока Быстрой Сосны (Курская, Орловская и Липецкая области). 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3730. 9 л., прил. Илл. На 12 л.

Воеводский М.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции. 1946 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 72. 77 л., 33 ил.

Воеводский М.В. Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции 1947 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 156. 87 л., 15 ил., 35 черт.

Воеводский М.В., Алихова А.Е., Розенфельдт И.Г., Засурцев П.И., Мельниковская О.Н. Отчет о работе Деснинской экспедиции 1948 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 291. 144 л., 20 ил., 145 черт.; № 296, 12 л., 19 ил.

Левашева В.П. Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по р. Битюгу от г. Боброва до устья Битюга,

произведенном в августе 1947 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 142. 30 л., 18 ил.

Левашева В.П. Отчет о раскопках, произведенных летом 1949 г. близ с. Красный Хутор на р. Мечетке в Хреновском районе Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 286. 17 л.; № 287. 15 л., 52 ил.; № 288. 13 черт.

Левенок В.П. Археологический отчет к разведкам на Верхнем Сейме и Среднем Дону (в пределах Курской и Воронежской областей) в 1958 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1709. 39 л.

Либеров П.Д. Отчет о раскопках курганов у хут. Харчевник Каменско-Днепровского района, Запорожской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 528. 21 л., 37 илл.

Либеров П.Д. Отчет о раскопках «Частых Курганов» Воронежской экспедицией. Воронежская обл. 1954. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1024. 50 л.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной Скифской экспедиции. 1957. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1460. 42 л.

Либеров П.Д., Тихонов Б.Г. Отчет Воронежской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках в зоне строительства водохранилища на реке Воронеж. 1969. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3945. 23 л.

Либеров П.Д. Личное дело старшего научного сотрудника, выбывшего из института в связи с переходом на пенсию (01.11.1946 – 29.12.1978) // НА ИА РАН. Р – 6. № 153. 97 л.

Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ч. I-II. // НА ИА РАН. Р – 2. №№ 2088 – 2089, 2089 а,б.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции в 1948 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 263. 98 л.; № 264. 65 л., 67 ил.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 429. 108 л., 64 ил.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции в 1951 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 656. 97 л., № 657. 28 л., 35 ил.; № 658. 49 л., 59 илл.

Москаленко А.Н. Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притоках в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 326. 66 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологической разведке в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 527. 27 л.

Москаленко А.Н. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 723. 53 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченского района Воронежской области. 1953 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 870. 51 л.

Москаленко А.Н. Отчет о раскопках городища у хутора Титчиха (Давыдовского района Воронежской области) в 1954 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 979. 68 л.

Москаленко А.Н. Отчет о полевых работах 1955 года // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1154. 64 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на городище у хут. Титчиха Давыдовского района Воронежской области. 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1566. 57 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Титчихинском и Воргольском городищах. 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2285. 98 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Титчихинском городище Лискинского района Воронежской области. 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2474. 103 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках славянских памятников в с. Борщево Гремяченского р-на Воронежской обл. и славянского поселения у г. Ливны Орловской обл. 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2669. 76 л.

Москаленко А.Н. Отчет о работе Славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета. 1965 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3056. 84 л.

Москаленко А.Н. Отчет об археологических раскопках на Белогорском городище и могильнике Рамонского р-на Воронежской области. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3516. 28 л.

Москаленко А.Н. Отчет славянского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета об археологических работах. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8175. 14 л.

Никитин А.В. Археологический отчет о раскопках 1951 г. в Белгороде // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 779. 82 л., 20 ил.; № 780. 72 л., 93 ил.

Никитин А.В. Отчет о археологических раскопках Белгородской крепости в 1955 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1193. 43 л., 56 ил.

Никитин А.В. Археологический отчет о раскопках Белгорода в 1956 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1298. 26 л., 21 ил.; № 1298а. 30 л., 71 ил.

Никольская Т. Н. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого района Курской области в 1952 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 902. 17 л., 9 ил.

Никольская Т. Н. Отчет о раскопках 1953 г. в Курской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 903. 20 л., 10 ил.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1446. 75 л., 38 черт.; № 1446а. 8 л., № 1447. 26 л., 193 ил.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1742. 111 л., 27 черт.

Плетнева С.А. Отчет о работе Донецкого отряда Черниговской экспедиции летом 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2065. 51 л., 21 черт.; № 2065а. 17 л., 75 ил.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда о работе летом 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2242. 36 л.; № 2242а. 35 л., 56 ил.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда ижне-Донской экспедиции о работах летом 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2471. 51 л.; № 2471а. 21 л., 73 ил.

Плетнева С.А. Отчет о работах Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции летом 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2647. 31 л., 6 илл. Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда за 1964 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2989. 83 л.; 60 илл.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда ижне-Донской экспедиции летом 1966 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3222. 167 л.; № 3222а. 33 л., 113 ил.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Венгерской археологической экспедиции. 1975 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5313. 100 л.; 5313 а. 59 л.

Попова Т.Б. Отчет о раскопках в Тамбовской обл. 1956 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1295. 27 л., 158 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции в 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1491. 17 л., № 1491а. 23 л., 23 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1733. 16 л., № 1733а. 22 л., 22 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции 1959 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1908. 19 л., 57 илл.

Попова Т.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции ГИМ 1960 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2099. 8 л., № 2099а. 27 л., 27 илл.

Пряхин А.Д. Отчет к открытому листу № 113 на право производства археологических разведок по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой обл. за 1963 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2672. 46 л.

Пряхин А.Д. Отчет о раскопках Воргольского городища в Липецкой обл. и разведочных работах в пределах Липецкой и Воронежской областей. 1964 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2896. 135 л.

Пряхин А.Д. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского гос.университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3431. 51 л.

Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по обследованию памятников эпохи бронзы. 1968 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3674. 46 л.

Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах по обследованию памятников неолита и поздней бронзы. 1969 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4302. 319 л.

Пряхин А.Д. Отчет о раскопках Шиловского поселения. 1970 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4145. 121 л.; № 4145 а. 121 л.

Пряхин А.Д. Отчет об археологических исследованиях памятников периода поздней бронзы в Воронежской области. 1971 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4507. 101 л.; № 4507а. 95 л.

Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета. 1972 г.// НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4681. 65 л.

Синюк А.Т. Отчет о работе Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского гос.университета. 1966 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3318. 39 л.

Синюк А.Т. Отчет Девицкого отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета. 1967 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3573. 32 л.

Синюк А.Т. Отчет о работе неолитического отряда археологической экспедиции Воронежского гос. университета. 1968 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3846. 62 л.

Синюк А.Т. Археологические работы Тамбовского краеведческого музея. 1970 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4444. 56 л.

Сымонович Э.А. Отчет о разведочных работах Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в Курской области в 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2248. 39 л.; № 2248а. 44 л., 25 ил.

Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского отряда в 1962 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2547. 54 л., 38 ил.

Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского отряда в 1963 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2786. 40 л., 24 ил.

Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского отряда в 1964 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2963. 40 л.

Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского палеолитического отряда в 1965 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3146. 33 л., 24 ил.

Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского палеолитического отряда в 1966 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3345. 13 л., № 3345а. 15 л., 22 ил.

Тарасов Л.М. Отчет о полевых работах Гагаринского палеолитического отряда в 1967 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3590. 13 л., № 3590а. 19 л., 25 ил.

Тихонов Борис Григорьевич. Личное дело сотрудника (20.07.1952 – 06.05.1988) // НА ИА РАН. Р – 6. № 212. 78 л.

Тихонов Б.Г. Отчет Верхнедонской экспедиции о раскопках памятников эпохи бронзы. 1968 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3712. 40 л.

Фосс М.Е. Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 г. в Мичуринском районе Тамбовской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 828. 17 л., № 829. 19 л., 34 ил.

Чеботарева Н.Ф. Отчет о разведке по р. Снова Липецкой области. 1968 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 3851. 13 л.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Сборный личный фонд. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 60, 65, 66, 83, 84.

Отдел письменных источников

Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

Ф. 431 (Василия Алексеевича Городцова)

Оп. 1. Ед. хр. 78, 122, 136, 151, 200, 201, 257, 288, 292, 306, 329, 345, 346, 402.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Ф. 585 (Сергея Федоровича Платонова)

Оп. 1. Ч. 1. Д. 1351.

Оп. 1. Ч. 3. Д. 5749.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

Ф. Р – 1 (ГУБОНО)

Оп. 1. Д. 592, 822, 955, 956, 1238, 2276.

Оп. 18. Д. 1.

Ф. И – 29

(Воронежское дворянское депутатское собрание)

Оп. 134. Д. 3: Майнов В.Н. Формулярный список о службе. 95 л.

Ф. 33

(Воронежский государственный университет)

Оп. 1. Д. 4, 247, 250.

Оп. 3. Д. 12624.

Оп. 16. Д. 6, 7, 15, 16, 17, 22, 29, 39, 43, 202, 221, 261, 313, 344, 346, 360, 391, 407.

Ф. Р – 441

(Губархив)

Оп. 1. Д. 3а, 7.

Ф. Р – 904

(Воронежский государственный историко-культурный музей)

Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 17, 18.

Архив Воронежского областного краеведческого музея

Д. 3821, Д. 4533.

Архив Воронежского государственного университета

Москаленко Анна Николаевна (10 июня 1947 г. – 1 сентября 1973 г.) // Д. № 29 ОК. 1973 г. 53 л.

Шоков Антон Федорович (10 августа 1937 г. – 13 декабря 1956 г.) // Д. № 11 ОК. 1956 г. 85 л.

Архив Липецкого областного краеведческого музея

Левенок В.П. Тетрадь учета работы. Книга II. ЛОИА АН СССР. 1960.

Левенок В.П. Запись работы, ежедневно проводимой в стенах ЛОИА, заседаний сектора палеолита и других главнейших событий. Книга III. 1965.

Научный архив Археологического музея

Воронежского государственного университета (НА АМБУ)

Пряхин А.Д. Отчет к открытому листу № 55 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей // НА АМБУ. Р – 1. № 80. 23 л., 6 илл.

Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 год // НА АМВУ. Р – 1. № 2а. 66 л., 68 илл.

Опубликованные источники

Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. – Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883-1930 / Сост. В.Г. Бухерт. – М.: Наука, 2003. – 388 с.

Алихова А.Е. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья / А.Е. Алихова // КСИИМК. – Вып. 77. – М., 1959. – С. 15 – 20.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья / А.Е. Алихова // МИА СССР. – № 113: Лесостепные культуры скифского времени. – М., 1962. – С. 86 – 129.

Антропологическая выставка // Известия Императорского общества любителей естествознания. – Т. XXXI. – Т. 2. – М., 1878-1879.

Арциховский А.В. Новые методы в археологии / А.В. Арциховский // Историк - марксист. – Т. 14. – 1929. – С. 136 – 155.

Археологическая поездка // Воронежский телеграф. – 1910. – № 155.

Археологические экскурсии // Воронежский телеграф. – 1911. – № 228.

Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919 – 1956 гг.: Указатель. – М.: Наука, 1962. – 263 с.

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843 - 1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С.П. Щавелева. – Курск: КГМУ, 2007. – 508 с.

Архивные учреждения // Воронежский телеграф. – 1902. – № 8.

А.С. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия ИАК. – Вып. 35. – СПб., 1910. – С. 131.

Бельченко С.Н. Археологические древности в Курской губернии / С.Н. Бельченко // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. – Курск: Типография Губернского Правления, 1890. – С. 87 – 96.

Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е.А. Болховитинов. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1800. – 228 с.

Брокгауз Ф.А. И.А. Муравьев–Карский / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон // Энциклопедический словарь. – Т. XX. – СПб., 1897. – С. 193.

В Архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1912. – № 21.

В Архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1912. – № 124.

В Архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1914. – № 109.

Валукинский Н.В. Разведки в Воронеже (1935 г.) / Н.В. Валукинский // Советская археология. – IV. – М.-Л., 1937. – С. 308 – 312.

Валукинский Н.В. Археологические раскопки около Воронежа / Н.В. Валукинский // Исторический журнал. – 1938. – № 6. – С. 111 – 112.

Валукинский Н.В. По следам древних предков / Н.В. Валукинский. – Воронеж, 1940. – 55 с.

Валукинский Н.В. Реки Усманка, Тавровка и Воронеж / Н.В. Валукинский // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. – М.-Л., 1941. – С. 160 – 161.

Валукинский Н.В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа / Н.В. Валукинский // Советская археология. – X. – 1948. – С. 291 – 301.

Введенский С.Н. Червлёный Яр. Церковно-исторический и географический этюд / С.Н. Введенский // Воронежская старина. – Воронеж, 1904. – Вып. 5. – С. 347 – 380.

Вейнберг Л.Б. Городища и курганы в Воронежской губернии: Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета / Л.Б. Вейнберг // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. – Т. 1. – Воронеж, 1887. – Приложение. – С. 412 – 420.

Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии / Л.Б. Вейнберг. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1891. – 106 с.

Вейнберг Л. Воронежская губ. / Л. Вейнберг // Энциклопедический словарь. Под ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. VII. – СПб., 1892. – С. 205 – 209.

Векилова Е.А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922-1976 гг.) / Е.А. Векилова // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977. – С. 208 – 215.

Веневитинов М.А. Несколько преданий из окрестностей Воронежа / М.А. Веневитинов // ВГВ. – 1869 – № 2 – 4.

Веселовский Н. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или о «Балбалах» / Н. Веселовский // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1915. – Т. XXXII. – Раздел I. – С. 408 – 444.

Воейков В.В. Заметка о курганах Тамбовской губернии / В.В. Воейков // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 46. – С. 61 – 65.

Воронина Р.Ф. Работы Верхнедонской экспедиции / Р.Ф. Воронина, В.П. Левенок, В.И. Матвеева, Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 34 – 36.

Воронина Р.Ф. Верхнедонская экспедиция / Р.Ф. Воронина, В.И. Матвеева, Б.Г. Тихонов, Н.Н. Федосеева // Археологические открытия 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 40.

Второв Н.И. О заселении Воронежской губернии / Н.И. Второв // Воронежская беседа на 1861 год. – СПб.: М. Де-Пуле и П. Глотова, 1861. – С. 246 – 272.

Г.Д. Дивногорск (очерк из путевых заметок) // Литературные прибавления к Журналу Министерства Народного Просвещения. – 1853 (ноябрь). – С. 6 – 18.

Германов М.А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии / М.А. Германов // Записки Императорского русского географического общества. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1857. – Кн. XII. – С. 183 – 326.

Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников / А. Глаголев // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839. – Отд. I. – С. 83 – 132.

Годичное собрание Статистического Комитета // Воронежский телеграф. – 1899. – № 25.

Гольмстен В. Экспедиции ГАИМК в 1932 г. / В. Гольмстен // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 9 – 10.

Городцов В.А. Майданы / В.А. Городцов // Древности. – Т. XX. – Вып. II. – М., 1904. – С. 29 – 39.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. – Т. 1. – М., 1905. – С. 174 – 225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. – Т. 1. – М., 1907. – С. 233 – 235.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России / В.А. Городцов. – М.: Синодальная типография, 1916. – 104 с.

Городцов В.А. Памятники доисторические / В.А. Городцов // Краткий путеводитель по Государственному Российскому историческому музею. – М., 1921.

Городцов В.А. Археология. Том. 1. Каменный период / В.А. Городцов. – М.-Пг.: Государственное изд-во, 1923. – 397 с.

Городцов В.А. Волжская археологическая экспедиция (ГИМ 1925 г.) / В.А. Городцов // Хочу все знать. – № 6. – М., 1926. – С. 244 – 245.

Городцов В.А. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. / В.А. Городцов // Советская археология. – IX. – М.-Л., 1947. – С. 13 – 27.

Граф Библио. Заседание архивной комиссии // Воронежский телеграф. – 1912. – № 247.

Данилевич В. Е. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. / В.Е. Данилевич // Труды Курской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. I, ч. 1. – Курск, 1911. – С. 127 – 130.

Данилевич В. Е. Материалы для археологической карты Курского уезда / В.Е. Данилевич // Труды Курской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. I, ч. 1. – Курск, 1911. – С. 131 – 133.

Дмитрюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах / А.И. Дмитриюков // Вестник Императорского Русского географического общества. – Ч. XI. – Кн. IV. – СПб., 1854. – С. 26 – 28.

Дмитрюков А.И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах / А.И. Дмитриюков // Труды КГСК. – Вып. 1. – Курск, 1863. – С. 506 – 517.

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных профессором Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. – М.: Синодальная типография, 1915. – 40 с.

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. В 3 кн. / Сост. Н. И. Второв, К. О. Александров-Дольник. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1851 – 1853.

Древние пещеры под Семилуками // Воронежский телеграф. – 1911. – № 114.

Дубасов И.И. Об Онозе на Воронеже / И.И. Дубасов // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. – М., 1897. – Т. 3. – С. 319 – 320.

Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – 443 с.

Дьяконов П.А. Опись предметам, хранящимся в Тамбовском историческом музее / П.А. Дьяконов. – Тамбов: Тип. Губернского правления, 1889. – 16 с.

Дьяконов П.А. Каталог историко-этнографического музея / П.А. Дьяконов. – Тамбов: Тип. Губернского правления, 1895. – 11 с.

Дядьков А.М. Воронежский губернский музей в 1894-1897 годах / А.М. Дядьков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1897. – Отдел III. – С. 56 – 72.

Е. А. Куровский как устроитель музея // Воронежские губернские ведомости. – 1910. – № 21.

Ефименко П.П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону / П.П. Ефименко // Сообщения ГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 5 – 9.

Ефименко П.П. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок / П.П. Ефименко // Проблемы истории доклассовых обществ. – 1934. – № 5. – С. 46 – 53.

Ефименко П.П. Древнерусские поселения на Дону / П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков // МИА СССР. – 1948. – № 8. – 128 с.

Ефименко П.П. Первобытное общество: Очерки по истории палеолитического времени / П.П. Ефименко. – Киев, 1953. – 664 с.

Ефименко П.П. Костенки I / П.П. Ефименко. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 450 с.

Журналы заседаний Совета ВЦИАК и Общих собраний комитета // Воронежская старина. – Воронеж, 1903. – Вып. 1. – Отдел II. – С. 1 – 50.

С.Н.З. По поводу археологической карты Воронежской губернии / С.Н. Замятнин // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 1. – С. 43 – 47.

Замятнин С. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Извлечение из дневников) / С.Н. Замятнин // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 2. – С. 35 – 39.

Замятнин С.Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. / С.Н. Замятнин // Сообщения ГАИМК. – Т. 2. – Л., 1929. – С. 209 – 214.

Замятнин С.Н. Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) / С.Н. Замятнин // Известия ГАИМК. – Вып. 118. – М.-Л., 1935. – С. 26 – 77.

Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края: (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии) / С.Н. Замятнин. – Воронеж, 1922. – 16 с.

Замятнин С.Н. Инструкция для изучения первобытных древностей / С.Н. Замятнин // Воронежский краеведческий сборник. – Вып. 2. – Воронеж, 1925. – С. 41 – 44.

Замятнин С.Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. / С.Н. Замятнин // Известия Воронежского Краеведческого Общества. – № 2. – Воронеж, 1925. – С. 19 – 21.

Замятнин С.Н. Первая находка палеолита в долине Сейма / С.Н. Замятнин // КСИИМК. – Вып. 8. – М.-Л., 1940. – С. 96 – 101.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910 – 1915 гг.) / С.Н. Замятнин // Советская археология. – М. – Л., 1946. – Т. VIII. – С. 9 – 50.

Зверев С.Е. Воронеж на XII Археологическом съезде / С.Е. Зверев // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Вып. 2. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1904. – С. 147 – 157.

Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1900 году / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1901. – 24 с.

Зверев С. Е. Воронежский губернский музей в 1901-1903 годах / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1905. – 26, 16, 12 с.

Зверев С.Е. Воронежские древности (статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 г.) / С.Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1893. – С. 161 – 167.

Зверев С.Е. Материалы по археологии Дона (находки монет и предметов религиозного культа, относящихся к древнейшим временам по XII в. включительно) / С.Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1894. – С. 194 – 200.

Зверев С.Е. Нечто о наших древних памятниках до XVIII века / С.Е. Зверев // Воронежские губернские ведомости. – 1892. – № 74.

Зверев С. Е. Отчет состоящей под Августейшим Его императорского Величества государя Императора покровительством ВУАК. Четырнадцатый год существования (1913 г. – 1 декабря 1914 г.) / С.Е. Зверев. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1915. – 32 с.

Зверев С.Е. Рец. на кн.: Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. СПб., 1888. / С.Е. Зверев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1888. – № 23. – С. 1129 – 1147; 1889. – № 4. – С. 182 – 190; № 24 – С. 1056 – 1062.

Зверев С.Е. Село Касторное Землянского уезда. Археологическая находка / С.Е. Зверев // Воронежские губернские ведомости. – 1891. – № 50.

Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. – 2-е дополн. изд. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1893. – 623 с.

Императорское Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864 – 1914 гг.). Т. II. / Под ред. графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. – М., 1915. – 445+256 с.

Историки Курского края. Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев. – Курск: изд-во КГМУ, 2009. – 464 с.

Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического Общества за первые 25 лет существования. – М.: Синодальная типография, 1890. – 454 с.

Кельсиев А. И. Палеолитические остатки в с. Костенках, Воронежского уезда / А.И. Кельсиев // Древности: Труды ИМАО. – 1883. – Т. 9. – Вып. 2-3. – С. 154 – 180.

Ларин Н.Н. Археологические находки в окрестностях с. Ростоши Борисоглебского уезда / Н.Н. Ларин // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 58. – С. 269 – 271.

Ларин Н.Н. Краткий историко-археологический обзор Борисоглебского уезда / Н.Н. Ларин // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 263 – 268.

Ларин Н.Н. Полонная вершина: к историко-археологической карте Тамбовской губернии / Н.Н. Ларин // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 58. – С. 272 – 274.

Левенок В.П. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону / В.П. Левенок // КСИА. – Вып. 92. – М.: Наука, 1963. – С. 76 – 82.

Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону / В.П. Левенок // МИА СССР. – № 131. – Т. 5. – М.-Л., 1965. – С. 223 – 251.

Левенок В.П. Волотовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье / В.П. Левенок // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж: ВГПИ, 1960. – С. 171 – 176.

Левенок В.П. К характеристике культур мезолита, неолита и бронзы в Воронежском Подонье / В.П. Левенок // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж: ВГПИ, 1964. – С. 142 – 150.

Левенок В.П. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры / В.П. Левенок // МИА СССР. – № 126. – М.-Л., 1966. – С. 88 – 98.

Левенок В.П. Работы в бассейне Верхнего Дона / В.П. Левенок // Археологические открытия 1965 г. – М.: Наука, 1966. – С. 150 – 151.

Левенок В.П. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком / В.П. Левенок // КСИА. – Вып. 111. – М.: Наука, 1967. – С. 116 – 120.

Левенок В.П. Исследования в зоне Липецкого моря / В.П. Левенок // Археологические открытия 1967 г. – М.: Наука, 1968. – С. 32 – 34.

Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Л., 1969. – 19 с.

Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР / В.П. Левенок // МИА СССР. – № 172. – М.- Л., 1973. – С. 187 – 197.

Левенок В.П. Мезолитические и неолитические кремневые орудия Селецких дюн / В.П. Левенок // КСИА. – Вып. 141. – М.: Наука, 1975. – С. 68 – 75.

Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П.Д. Либеров. – М.: Наука, 1964. – 208 с.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П.Д. Либеров // Археология СССР. САИ. Вып. Д 1 - 31. – М.: Наука, 1965. – 112 с.

Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных / П.Д. Либеров // Население Среднего Дона в скифское время: МИА. № 151. – М.: Наука, 1969. – С. 5 – 26.

Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время / П.Д. Либеров // Проблемы скифской археологии: МИА. № 177. – М.: Наука, 1971. – С. 103 – 115.

Либеров П.Д. Археологические исследования на Воронежском водохранилище / П.Д. Либеров, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1969 г. – М.: Наука, 1970. – С. 50 – 52.

Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железа в Курском Посеймье / Ю.А. Липкинг // МИА СССР. – № 113: Лесостепные культуры скифского времени. – М., 1962. – С. 134 – 141.

Липкинг Ю.А. О чем рассказывают курганы / Ю.А. Липкинг. – Воронеж: ЦЧИзд-во, 1966. – 80 с.

Майнов В.Н. Предание о Сидоркином кургане / В.Н. Майнов // Русская старина. – Т. V. – СПб., 1872. – С. 962 – 965.

Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии / В.Н. Майнов // Древняя и Новая Россия. – СПб., 1875. – Т. II. – С. 59 – 77.

Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году / Н.Е. Макаренко. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1906. – 40 с.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907 – 1909 годов / Н.Е. Макаренко // Известия ИАК. – Вып. 43. – СПб.: Типография Гл. Управления Уделов, 1911. – 130 с.

Марков Е.Л. Поездка в Дивногорье / Е.Л. Марков // Русский вестник. – 1891. – Т. 214, № 5 (май). – С. 128 – 147; № 6 (июнь). – С. 157 – 182.

Марков Е.Л. Хазарские городища на р. Воронеж / Е.Л. Марков // Русский вестник. – СПб., 1891. – Т. 217. – Кн. 11. – С. 124 – 135.

Марков Е.Л. Древний город Костенск (Из поездок по Дону) / Е. Л. Марков // Русский вестник. – СПб., 1891. – Т. 217. – Кн. 12. – С. 72 – 90.

Марков Е.Л. Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок (Из путевых очерков Воронежской губернии) / Е.Л. Марков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1893. – С. 125 – 157.

Марков Е.Л. Поездка к камню Буилу (Из путевых очерков Дона) / Е.Л. Марков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1894. – С. 127 – 146.

Марков Е.Л. Донская Беседа и соседние ей древние урочища Дона (путевые заметки) / Е.Л. Марков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1896. – С. 108 – 135.

Марков Е.Л. Клады Старой Северщины / Е.Л. Марков // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1902. – С. 1 – 18.

Марьевский М. Бывший город Усерд / М. Марьевский // Воронежские губернские ведомости. – 1866. – №№ 30, 33, 46, 94, 95; 1867 – № 7; 1869. – №№ 71, 77, 80; 1870 – № 37, 74.

Марьевский М. Бывший город Усерд в XVII столетии / М. Марьевский // Воронежские губернские ведомости. – 1869. – №№ 71, 77; 1870 – №№ 37, 74.

Матвеев Ю.П. Исследование могильника у с. Караяшник / Ю.П. Матвеев, Б.Г. Тихонов // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи: Межвуз. сборник науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 1984. – С. 48 – 60.

Материалы для описания Воронежской губернии, хранящиеся в архиве ИРГО. – 56 с.

Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Под ред. А.П. Смирнова. – Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. – 232 с.

Материальная культура среднецнинской мордвы VIII – XI вв. / Под общей ред. А.П. Смирнова. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – 129 с.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьи реки Суджи / Л.А. Мацулевич // Известия ГАИМК. – Вып. 112. – М.-Л., 1934. – 132 с., илл.

Милютин А.И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда / А.И. Милютин // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. XIX – XXII.

Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище / А.И. Милютин // Известия ИАК. – Вып. 29. – СПб.: Типография Гл. управления уделов, 1909. – С. 153 – 163.

Москаленко А.Н. К вопросу об изучении Голышовского городища (Из археологических разведок 1949 г.) / А.Н. Москаленко // ВГУ. Научная конференция. 1950 г. Секция историко-филологическая. – Воронеж: Типография изд-ва «Коммуна», 1950. – С. 23 – 26.

Москаленко А.Н. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области) / А.Н. Москаленко // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLIII. – С. 99 – 107.

Москаленко А.Н. Архангельское (Голышовское) городище / А.Н. Москаленко // КСИИМК. – 1952. – Вып. 48. – С. 103 – 106.

Москаленко А. Н. К вопросу о преподавании курса "Основы археологии" / А.Н. Москаленко // Вестник древней истории. – 1953. – № 3. – С. 191 – 196.

Москаленко А.Н. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952 – 1953 гг. (к вопросу об изучении культуры раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона) / А.Н. Москаленко // Из истории Воронежской области (Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г.). – Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1954. – С. 62 – 70.

Москаленко А.Н. Рец. на кн.: Шоков А.Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж: Воронеж. обл.кн.изд-во, 1952. / А.Н. Москаленко // Советская археология. – Т. XIX. – 1954. – С. 344 – 347.

Москаленко А.Н. Памятники скифского времени на Среднем Дону / А.Н. Москаленко // КСИА АН УССР. – Вып. 4. – Киев, 1955. – С. 99 – 100.

Москаленко А. Н. Рец.: Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954 / А.Н. Москаленко // Вопросы истории. – 1955. – № 3. – С. 155 – 159.

Москаленко А. Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона / А.Н. Москаленко. – Воронеж: Воронеж. книжн. изд-во, 1955. – 75 с.

Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952 – 1953 гг. / А.Н. Москаленко // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 84 – 94.

Москаленко А.Н. Курган эпохи бронзы близ с. Платава Воронежской области / А.Н. Москаленко // Труды ВОКМ. – Вып. 1. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1960. – С. 87 – 93.

Москаленко А. Н. О работе студенческих археологических кружков / А.Н. Москаленко // Советская археология. – 1960. – № 4. – С. 215 – 217.

Москаленко А.Н. Воронежский край в эпоху первобытнообщинного строя и становления феодализма / А.Н. Москаленко // Очерки истории Воронежского края. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1961. – С. 9 – 27.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону / А.Н. Москаленко. – Воронеж, 1965. – 311 с.

Москаленко А.Н. Святилище на реке Воргол / А.Н. Москаленко // Советская археология. – 1966. – № 2. – С. 203 – 209.

Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. – 161 с.

Москаленко А.Н. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (материалы к археологической карте) / А.Н. Москаленко, А.З. Винников // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 64. – Воронеж, 1966. – С. 53 – 76.

Москаленко А.Н. Волошинское городище Воронежской области / А.Н. Москаленко, Д.А. Попов // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 53. – Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. – С. 167 – 172.

Москаленко А.Н. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону / А.Н. Москаленко, А.Д. Пряхин // Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1964. – С. 190 – 194.

Москаленко А.Н. Поселения раннего железного века у хутора Титчиха / А.Н. Москаленко, А.Д. Пряхин // МИА. – № 151. – М.: Наука, 1969. – С. 96 – 104.

М.Т. Археологические находки // Воронежский телеграф. - 1902. - № 15. – 3 февраля.

Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России // Журнал Министерства внутренних дел. – Ч. 60. – СПб., 1861. – Кн. 2. – Отдел II. – С. 83 – 89.

Николаевский М.Ф. Археологические находки и исторические достопримечательности в Шацком уезде / М.Ф. Николаевский // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 75 – 76.

Николаевский М.Ф. Историко-археологические наброски о Шацком уезде / М.Ф. Николаевский // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 56. – Ч. 1. – С. 72 – 74.

Никонова А.А. О пользе общего дела (документы о коллекциях каменных орудий И.С. Полякова) / А.А. Никонова // Невский археолого-историографический сборник. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 153 – 159.

Норцов А.Н. Тамбовская и Козловская сторожевая черта / А.Н. Норцов // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 44. – 1901. – С. 134 – 158.

Норцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. / А.Н. Норцов // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 46. – 1902. – С. 1 – 47.

Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии / А.Н. Норцов // Сборник календарь Тамбовской губернии. На 1903 год. – Тамбов: Типо-литография Губернского Правления, 1903. – С. 78 – 110, карта.

Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии / А.Н. Норцов // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 50. – Ч. 2. – С. 59 – 100.

Нумизматическая находка // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – № 49.

Орлов А.А. Стоянка каменного века на р. Осколе / А.А. Орлов // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. 143 – 146.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882 – 1888 годы. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1891. – СССXXXIV+132 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1890 год. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893. – 151 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1891 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1893. – 187 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1892 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1894. – 173 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1893 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1895. – 126 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1894 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1896. – 177 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1895 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1897. – 206 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1898. – 256 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1901. – 191 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1899 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1902. – 183 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1901 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1903. – 198 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1904. – 199 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1906. – 245 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1904 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1907. – 185 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1905 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1908. – 129 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1906 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1909. – 151 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1907 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1910. – 156 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1908 год. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1912. – 226 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1909 и 1910 годы. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1913. – 289 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1911 год. – Петроград: Типография Главного Управления уделов, 1914. – 123 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1912 год. – Петроград: Типография Главного Управления уделов, 1916. – 130 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1913-1915 годы. – Петроград: Девятая государственная типография, 1918. – 295 с.

Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 год. – Воронеж, 1910. – 12 с.

Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX вв.: Сб. документов / Сост. Р. Е. Альтшулер, К. М. Пискарева, Н. С. Трусова и др. – М.: Наука, 1978. – 356 с.

Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указ. содерж. / РНБ; науч. ред. В.В. Антонов, Н.М. Балацкая. Т. 4. Черноземный Центр. Ч. 1. Воронежская и Курская губернии. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. – 807 с.; Ч. 2. Орловская и Тамбовская губернии. – 615 с.

Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России / А.И. Пискарев // Записки Императорского Археологического общества. – СПб., 1851. – Т. III. – С. 205 - 220.

Пискарев П.И. О раскопках Лядинского могильника по поручению Тамбовской архивной комиссии и ее музея / П.И. Пискарев // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 25. – Прил. 2. – С. 5 – 8.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева. – М: Изд-во «Наука», 1967. – 194 с.

Подгаецкий Г.В. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону (сектор бронзы и раннего железа, 3.1. 1939) / Г.В. Подгаецкий // КСИИМК. – II. – М.-Л., 1939. – С. 17 – 19.

Подгаецкий Г.В. Гор. Воронеж, 1936 г. / Г.В. Подгаецкий // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1936 гг. – М.- Л., 1941. – С. 156 – 160.

Подгаецкий Г.В. Предскифский период на Среднем Дону / Г.В. Подгаецкий // КСИИМК. – XIII. – М.-Л., 1949. – С. 134 – 137.

Покровский Н.А. Об образовательном значении музеев: По поводу открытия музея в городе Тамбове / Н.А. Покровский. – СПб., 1880. – 71 с.

Положение о губернских и областных статистических комитетах. – СПб., 1861. – 12 с.

Поляков И.С. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию / И.С. Поляков // Записки Императорской Академии наук. – Т. XXXVII. Приложение I. – СПб., 1880. – 81 с.

Поляков И.С. Каменный век в России / И.С. Поляков // Живописная Россия. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб.-М., 1881. – С. 381 – 402.

Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине / Т.Б. Попова // Советская археология. – 1961. – № 3. – С. 137 – 153.

Пособия Архивным комиссиям // Воронежский телеграф. - 1914. - № 75.

Постановления Тамбовского губернского земского собрания 16 декабря 1865 года // Тамбовские губернские ведомости. – 1866. – 26 февраля.

Празднование 200-летнего юбилея Полтавской победы // Воронежский телеграф. – 1909. – 28 июня (№ 143).

Программа описания отдельных местностей Воронежской губернии // Воронежские губернские ведомости. – 1864. – № 31.

Протокол заседания ВГСК на 14 июня 1873 года // Воронежские губернские ведомости. – 1873. – № 54.

Протокол заседания Воронежского губернского статистического комитета 20 января 1892 года. – Воронеж, 1892. – С. 4.

Протокол заседания ВГСК 7 февраля 1894 года // Воронежские губернские ведомости. – 1894. – № 88.

Протокол заседания ВГСК 17 февраля 1899 года. – Воронеж, 1899. – С. 10.

Протокол заседания ВГСК 22 декабря 1916 года. – Воронеж, 1916. – С. 10 – 11.

Проторчина В.М. Мои студенческие годы (1941 – 1945 гг.): По дневникам и письмам / В.М. Проторчина. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 48 с.

Пряхин А.Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II - начале I тыс. до н.э.: Автореф. дисс... канд.ист.наук / А.Д. Пряхин. – Воронеж, 1966. – 20 с.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971. – 214 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. – 168 с.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. – 168 с.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – 156 с.

Пряхин А.Д. Древности из зоны Воронежского моря / А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк. – Воронеж: ВГУ, 1968. – 35 с.

ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1830. – Т. I. – Ст. 794. – С. 1373 - 1374.

ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1832. – Т. II. – Ст. 1613. – С. 1070.

ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1835. – Т. IX. – Отд. 2. – Ст. 7684. – С. 280 - 283.

ПСЗРИ. – Собрание второе. – СПб., 1862. – Т. XXXV. – Отд. 2. – Ст. 36453. – С. 506.

ПСЗРИ. – Собрание третье. – СПб., 1887. – Т. IV. – Ст. 2149. – С. 226.

Приложение I к протоколу № 445. Археологические находки в Воронежской губернии в 1892 – 1893 гг. Чл.-кор. С.Е. Зверева // Древности. Труды ИМАО. – Т. 17. – М., 1900. – С. 165 – 166.

Протокол общего собрания Воронежского губернского статистического комитета 19 мая 1864 года // Воронежские губернские ведомости. – 1864. – № 23.

Пряхин А.Д. Донская лесостепная срубная культура / А.Д. Пряхин, Б.Г. Тихонов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тезисы докладов конференции, Донецк, 3 – 6 дек. 1979 г. – Донецк, 1979. – С. 64 – 66.

Пузикова А.И. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка / А.И. Пузикова // Советская археология. – 1962. – № 4. – С. 219 – 224.

Пузикова А.И. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка / А.И. Пузикова // КСИА. – 1964. – № 102. – С. 24 – 33.

Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области / А.И. Пузикова // КСИА. – 1966. – № 107. – С. 80 – 92.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона / А.И. Пузикова // МИА СССР. – 1969. – № 151. – С. 41 – 81.

Пузикова А.И. Раскопки могильника скифского времени у села Дуровка в 1965 г. / А.И. Пузикова // МИА СССР. – 1969. – № 151. – С. 82 – 95.

Пузикова А.И. Культура оседлых племен правобережья Среднего Дона в скифское время: Автореф. дисс...канд.ист.наук / А.И. Пузикова. – М., 1971. – 22 с.

Пузикова А.И. Раскопки городища Марица / А.И. Пузикова // Археологические открытия 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 73 – 75.

Пузикова А.И. Работы Курской экспедиции / А.И. Пузикова // Археологические открытия 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 73 – 74.

Пузикова А.И. Продолжение исследований городища Марица / А.И. Пузикова // Археологические открытия 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С. 72 – 73.

Пузикова А.И. Работы Курской экспедиции / А.И. Пузикова // Археологические открытия 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С. 66 – 67.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. / А.И. Пузикова. – М.: Наука, 1981. – 120 с.

Пузикова А.И. Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области) / А.И. Пузикова. – М.: Индрик, 1995. – 80 с.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов) / А.И. Пузикова. – М.: Индрик, 2001. – 270 с.

Равдоникас В.И. Первобытнокоммунистическое общество / В.И. Равдоникас // Известия ГАИМК. – Вып. 99. – 1934. – С. 9 – 88.

Равдоникас В.И. История первобытного общества / В.И. Равдоникас. – Ч. 1. – Л.: Издание Ленинградского гос. университета, 1939. – 169 с.

Равдоникас В.И. История первобытного общества / В.И. Равдоникас. – Ч. 2. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. университета, 1947. – 392 с.

Раскопки Л.Б. Вейнберга близ гор. Задонска // Записки ИРАО. – Т. VIII. – Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 187 – 189.

Рождественский Т. Музей церковного историко-археологического комитета / Т. Рождественский // Воронежский телеграф. – 1903. – № 36.

Розанов М.Г. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней / М.Г. Розанов, В.А. Проскурников // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 26. – 1890. – С. 34 – 55.

Рор А.А. О вале Козловского уезда между с. Бельским и Мановицами / А.А. Рор // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 44. – С. 159 - 162.

Рыбаков Б.А. Советская археология за 50 лет / Б.А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1968. – № 1. – С. 28 – 37.

Рыков П.С. Северо-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) / П.С. Рыков // Ученые записки Саратовского университета. – Т. 1. – Вып. 3. – Саратов, 1923. – С. 39 – 53.

Савелов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении / Л.М. Савелов // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. – М., 1905. – Т. 1. – С. 157 – 168.

Самоквасов Д.Я. О раскопках в Курской и Черниговской губерниях летом 1872 г. / Д.Я. Самоквасов // Древности. Труды ИМАО. – Т. IV. – Вып. 1. – М., 1874. – С. 77 – 82.

Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее состоящей под высочайшим его Имп. Величества Государя Императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии / А.И. Самоцветов. – Тамбов, 1916.

Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел (1858 - 1861). – СПб., 1873. – Т. 1. – С. 309 – 311.

Святский Д.О. К созыву III Всесоюзной конференции по краеведению / Д.О. Святский // Известия ЦБК. – 1927. – № 8. – С. 266.

Селиванов А. Описание гравюр времен Петра Великого, находящихся в воронежской публичной библиотеке / А. Селиванов // Воронежские губернские ведомости. – 1864. – № 34.

Селиванов А. Археологическая заметка / А. Селиванов // Воронежские губернские ведомости. – 1865. – № 33.

Сизов В.И. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда / В.И. Сизов // Древности: Труды Императорского

Московского археологического общества. – Т. XII. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1888. – С. 125 – 127.

Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии / М.И. Славинский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с.

Соболев Н. Три смежные селения: с. Ясырки / Н. Соболев // Воронежские губернские ведомости. – 1850. – № 11.

Советское краеведение. – 1931. – № 2.

Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска / Л.Н. Соловьев // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – № 4. – С. 12 – 33.

Соловьев Л.Н. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище / Л.Н. Соловьев // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1928. – № 2. – С. 7 – 10.

Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского у., Курской губ. / К.П. Сосновский // Труды Курской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 1. – Курск, 1911. – С. 299 – 320.

Спицын А.А. Сведения 1873 года о городищах и курганах. Воронежская губерния / А.А. Спицын // Записки ИРАО. – СПб., 1896. – Т. VIII. – Вып. 1-2. – Новая серия. – С. 286 – 306.

Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губерния / А.А. Спицын // Записки Русского Археологического Общества. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896. – С. 132 – 140.

Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками / А.А. Спицын // ЗРАО. – Т. XI. – Вып. 1 – 2. – СПб., 1899. – С. 53 – 133.

Спицын А. Майданы / А. Спицын // ЗОРСА. – Т. VIII. – СПб., 1906. – С. 1 – 28.

Спицын А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца / А. Спицын // ЖМНП. Новая серия. Ч. XIX. – СПб., 1909. – С. 67 – 79.

Спицын А.А. Русский палеолит / А.А. Спицын // ЗОРСА. – Т. XI. – Петроград, 1915. – С. 133 – 172.

Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей / А.А. Спицын // Известия Археологической Комиссии. – Вып. 65. – Петроград, 1918. – С. 87 – 143.

Спицын А.А. Карта распространения медных и бронзовых топоров / А.А. Спицын // Труды секции археологии. Институт археологии и искусствознания РАНИОН. – IV. – М., 1929. – С. 481 – 489.

Степанов С.Л. Экскурсия женского Педагогического института в Константинополь и Афины / С.Л. Степанов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1909. – № 11. – С. 51 – 61.

Съезд представителей губернских архивных комиссий // Исторический вестник. – 1908. – № 6. – С. 1137 – 1138.

Таинственная пещера // Петербургский листок. – № 215. – 8 (20) августа 1888 г.

Тарасов П.Г. Курганы Тамбовской губернии и их исследование / П.Г. Тарасов // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 51. – Ч. 2. – С. 3 – 29.

Тарасов П.Г. Новооткрытое доисторическое поселение / П.Г. Тарасов // Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 52. – Ч. 1. – С. 1 – 30.

Тевяшов В.Н. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900 – 1901 годах / В.Н. Тевяшов // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 1. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1902. – С. 93 – 114.

Тихонов Б.Г. Раскопки Старотойденских курганов / Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1967 года. – М.: Наука, 1968. – С. 40.

Тихонов Б.Г. Курганы у с. Старая Тойда / Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 49 – 50.

Тихонов Б.Г. Третий Старотойденский курган / Б.Г. Тихонов // КСИА. – 1971. - № 127. – С. 86 – 92.

Тихонов Б.Г. Воронежская новостроечная экспедиция / Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1971 г. – М.: Наука, 1972. – С. 77 – 78.

Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона / Б.Г. Тихонов // Проблемы советской археологии (сборник статей археологов – ветеранов Великой Отечественной войны). – М.: Наука, 1978. – С. 86 – 93.

Тихонов Б.Г. Исследование курганов у с. Караяшник / Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 90 – 91.

Тихонов Б.Г. Курганы у с. Чесменка / Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1984 г. – М.: Наука, 1986. – С. 76 – 77.

Тихонов Б.Г. Курганы в урочище Орлиное Болото / Б.Г. Тихонов // Археологические открытия 1985 г. – М.: Наука, 1987. – С. 107.

Тихонов Б.Г. Тавровское поселение заключительного этапа эпохи бронзы / Б.Г. Тихонов, Ю.Г. Екимов // Древние памятники на территории Восточной Европы. Сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПИ, 1983. – С. 138 – 144.

Тихонов Б.Г. Поселение эпохи поздней бронзы на реке Матыра Липецкой области / Б.Г. Тихонов, Н.В. Колышницын // Памятники древнейшей истории Евразии: Сборник в честь О.Н. Бадера. – М.: Наука, 1975. – С. 244 – 248.

Тихонов Б.Г. Университетские поселения среднедонской катакомбной культуры в пойме р. Воронежа / Б.Г. Тихонов, Ю.П. Матвеев // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. – С. 75 – 88.

Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Т. I. – Воронеж, 1902. – 150, 229, LXVIII с.

Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Т. II. – Воронеж, 1904. – XVII, 86, 158, 170, LXXVI с.

Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Т. IV. – Воронеж, 1908. – 71, 170 – 416, XLIV, XCVIII с.

Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. I. – Курск: Типография Губернского Правления, 1863. – 584 с.

Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. IV. – Курск: Типография Губернского Правления, 1874.

Труды Курской Губернской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. I. – Курск: Тип. Курск. губер. земства, 1911. – III, 320, 150 с.

Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Ред. П.С. Уварова. – М., 1887. – 411 с.

Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле. 1887 / Ред. П.С. Уварова. – М., 1891. – Т. 2. – 356 с.

Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890 / Ред. П.С. Уварова, М.Н. Сперанский. – Т. 3. – М., 1897. – 341 с.

Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890 / Ред. П.С. Уварова, М.Н. Сперанский. – Т. 4. – М., 1897. – 242 с.

Труды Девятого Археологического съезда в Вильне. 1893 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 2. – М., 1897. – 454 с.

Труды Десятого Археологического съезда в Риге. 1896 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 1. – М., 1899. – 455 с.

Труды Десятого Археологического съезда в Риге. 1896 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 3. – М., 1900. – 423 с.

Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899 / Ред. П.С. Уварова, С.С. Слущкий. – Т. 2. – М., 1902. – 442 с.

Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда / Е.К. Редин. – Харьков, 1902. – Т. 1. – 631 с.

Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 1. – М., 1905. – IV, 771 с.

Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 3. – М., 1905. – 427, 49 с.

Труды тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе. 1905 / Ред. П.С. Уварова. – Т. 2. – М., 1908. – 533, 273 с.

Труды XIV Археологического съезда в Чернигове / Ред. П.С. Уварова. – Т. 3. – М., 1911. – 469, 136 с.

Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. / Ред. П.С. Уварова. – Т. 1. – М., 1914. – XVIII, 664, 197 с.

Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 года. - СПб., 1914. – 114 с.

Трунов М. П. Раскопки в Бобровском уезде / М.П. Трунов // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Воронеж, 1902. – Вып. I. – Отдел III. – С. XL – XLII.

Трунов М. П. К вопросу о местонахождении Червленого яра / М. П. Трунов // Воронежская старина. – Воронеж, 1907. – Вып. 6. – Отдел II. – С. 271 – 275.

Трунов М.П. К организации изучения Воронежского края в археологическом отношении / М.П. Трунов // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. 4. – Воронеж, 1908. – С. XV - XVIII.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период / А.С. Уваров. – М., 1881. – В 2-х т.

Урочища Воронежской губернии // Воронежские губернские ведомости. – 1850. – № 50; 1851. – № 10.

Усманская казенная дача // Воронежские губернские ведомости. – 1851. – № 22.

Устав Императорского Русского Географического Общества. – СПб.: Типография МВД, 1850. – 26 с.

Фон-Кремер А. И. Дополнение к статистическому очерку Бобровского уезда / А.И. Фон-Кремер // Воронежские губернские ведомости. – 1850. – № 15.

Цели и задачи Воронежского Отдела «Общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского» // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 1. – С. 3 – 4.

Черменский П.Н. Краеведческая работа в Тамбовской губ. / П.Н. Черменский // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – № 1. – Тамбов, 1925. – С. 8 – 9.

Черменский П.Н. Новая находка костей мамонта / П.Н. Черменский // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – № 1. – Тамбов, 1925. – С. 24.

Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины / Л.И. Чуистова. – Тамбов: Мичуринская гор. тип. управления изд-ств, полиграфии и книж.торговли, 1982. – 114 с.

Шеппинг Д. Раскопка двух майданов / Д. Шеппинг // Воронежский листок. – 1866. – № 50.

Шеппинг Д. Известие о раскопке двух майданов Воронежской губернии Острогожского уезда / Д. Шеппинг // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом / Под ред. д. чл. А.А. Котляревского. – Т. 1. – М.: Тип. Грачева и комп., 1868. – С. 62 – 65.

Шоков А.Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е. Зверева и В.Н. Тевяшова) / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XV. – Воронеж: ВГПИ, 1954. – С. 135 – 147.

Шоков А.Ф. Неолитические находки на Дону / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXVI. – Воронеж: ВГПИ, 1958. – С. 181 – 187.

Шоков А.Ф. К сарматским памятникам на Дону / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXVI. – Воронеж: ВГПИ, 1958. – С. 189 – 197.

Шоков А.Ф. Памятники эпохи бронзы на территории Верхнего Дона / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж: ВГПИ, 1960. – С. 156 – 170.

Шоков А.Ф. К половецким древностям на Дону / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. XXXI. – Воронеж: ВГПИ, 1960. – С. 177 – 181.

Шоков А.Ф. Половецкие памятники Подонья / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж: ВГПИ, 1964. – С. 129 – 141.

Шоков А.Ф. Скифский меч с Верхнего Подонья / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж: ВГПИ, 1964. – С. 113 – 115.

Шоков А.Ф. Памятники салтово-маяцкой культуры Подонья / А.Ф. Шоков // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 45. – Воронеж: ВГПИ, 1964. – С. 116 – 128.

Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919 – 1926 гг.). Публ., предисл. и коммент. О.Г. Ласунского; примеч. А.Н. Акиньшина // Из истории Воронежского края: Сб. статей. – Вып. 11. – Воронеж, 2003. – С. 201 – 202.

Этнографическая выставка 1867 г. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1878. – 116 с.

Юбилейный сборник ЦСК МВД. 1863 - 1913 гг. – СПб., 1913. – 335 с.

Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии / В.Н. Ястребов // Материалы по археологии России. – СПб., 1893. – С. 55 – 63.

Н. Археологические раскопки (от нашего корреспондента). Воронеж, 30 августа // Московские ведомости. – 1899. – № 241. – 2 сентября.

N. По губернии. Гор. Валуйки // Воронежский телеграф. – 1909. – № 183. – 19 августа.

Lettre sur une fouille faite dans le gouvernement de Voronége, en Russie, publiée, avec quelques observations, par le V. Dmitry de Schoeppingk. – Bruxelles, 1847. – 15 p.

Интернет-ресурс

Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором // old-kursk.ru/events/okn1786-ii.html (дата обращения 03.02.2015)

Специальная литература

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919 – 2014 гг.). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 416 с.

Акинъшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) / А.Н. Акинъшин // Вопросы истории. – 1992. – № 6-7. – С. 173 – 178.

Акинъшин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) / А.Н. Акинъшин // Русская провинция. – Воронеж, 1992. – С. 208 – 235.

Акинъшин А.Н. Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова / А.Н. Акинъшин // Из истории воронежского края: К двухсотлетию воронежского краеведения. Сборник статей. – Вып. 8. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 44 – 56.

Акинъшин А.Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899-1958). Воронежские страницы биографии / А.Н. Акинъшин // Исторические записки. – Воронеж: ВГУ, 2002. – Вып. 8. – С. 207 – 214.

Акинъшин А.Н. Вейнберг Леонид Борисович / А.Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 71.

Акинъшин А.Н. Геронтий / А.Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 120.

Акинъшин А.Н. ЕВГЕНИЙ (Болховитинов Евфимий Алексеевич) // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 172.

Акинъшин А.Н. Майнов Владимир Николаевич / А.Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия. – Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – С. 318.

Акинъшин А.Н. Е.А. Болховитинов – основоположник воронежского краеведения / А.Н. Акинъшин // Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – С. 185 – 198.

Акинъшин А.Н. С.Ф. Платонов и воронежцы / А.Н. Акинъшин // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. – СПб.: Любавич, 2011. – С. 486 – 489.

Акинъшин А.Н. Краеведческий труд Матвея Ивановича Славинского / А.Н. Акинъшин // Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – С. 193 – 210.

Акинъшин А.Н. Исторический факультет: вехи истории / А.Н. Акинъшин, М.Д. Карпачев // Исторический факультет Воронежского государственного университета. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. - С. 9 – 54.

Акинъшин А.Н. Два века воронежского краеведения: люди, труды, события: Краткий обзор / А.Н. Акинъшин, О.Г. Ласунский. – Воронеж, 2000. – 59 с.

Акинъшин А.Н. Воронежское отделение Московского археологического института (1920 – 1923 гг.) / А.Н. Акинъшин, В.А. Алленова, И.Е. Сафонов // Исторические записки. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Вып. 10. – С. 129 – 161.

Алленов А.Н. Л.И. Чуистова: археолог, историк, педагог (к 100-летию со дня рождения) / А.Н. Алленов, Н.Б. Моисеев // Вестник ТГУ. – Вып. 10 (102). – 2011. – С. 345 – 347.

Алленова В.А. Из истории организации областных археологических съездов в России начала XX века / В.А. Алленова // Страницы истории и историографии Отечества: Сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 3 – 16.

Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX - нач. XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия / В.А. Алленова. – Рязань: Трибунский, 2002. – 380 с.

Алленова В.А. Из истории организации выставок в Воронеже на рубеже XIX – XX вв. / В.А. Алленова // Из истории воронежского края. – Воронеж, 2002. – Вып. 10. – С. 147 – 161.

Алленова В.А. История тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.) / В.А. Алленова, Ю.А. Мизис. – Тамбов: ТГУ, 2002. – 438 с.

Ананьева Т.Б. Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. / Т.Б. Ананьева // Очерки истории отечественной археологии. – М.: ИА РАН, 1998. – С. 42 – 62.

Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы / М.В. Аникович, В.В. Попов, Н.И. Платонова // Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2008. – 304 с.

Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д.И. Багaley. – М.: О-во истории и древностей российских при Моск. Ун-те, Унив. тип. (М. Катков), 1887. – 614 с.

Балацкая Н.М. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833 - 1917): Свод. кат.-репертуар / Н.М. Балацкая, Л.И. Раздорский. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. – 646 с.

Белановская Т.Д. Воспоминания о Сергее Николаевиче Замятнине / Т.Д. Белановская // Локальные различия в каменном веке. Тез. докл. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. – СПб., 1999. – С. 44 – 45.

Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-1890-х годов / В.А. Бердинских. Автореф. дисс.... докт.ист.наук. – М., 1994. – 36 с.

Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века / В.А. Бердинских. – М.-Киров, 1995. – 397 с.

Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография / В.А. Бердинских. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 528 с.

Бережной А.В. Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае / А.В. Бережной, Т.В. Бережная. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 328 с.

Бессуднов А.А. В.П. Левенок и его роль в выявлении и изучении древностей эпох палеолита и мезолита в Подонье / А.А. Бессуднов, А.Н. Бессуднов // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 21 – 25.

Бессуднов А.Н. Центральное Черноземье – контактная зона мезолитических культур / А.Н. Бессуднов // Черноземная лесостепь – контактная зона. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – С. 3 – 24.

Бессуднов А.Н. Всеволод Протасович Левенок: штрихи к портрету археолога / А.Н. Бессуднов, А.Д. Пряхин // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 5 – 7.

Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка) / А.Н. Бессуднов // *История археологии: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України*. Вип. 9. – Київ: ІА НАН України, 2012. – С. 35 – 36.

Бессуднов А.Н. В поисках древностей забытого урочища: находки и легенды окрестностей Задонска / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. – Тула: Гриф и К, 2012. – 256 с.

Бессуднов А.Н. История одной коллекции (материалы раскопок В.Н. Глазова в Воронежской губернии) / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // *Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых*. – СПб.-Красноярск, 2012. – С. 83 – 92.

Бибииков С.Н. Петр Петрович Ефименко (к 100-летию со дня рождения) / С.Н. Бибииков // *Советская археология*. – 1984. – № 4. – С. 287 – 290.

Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дис... к.и.н. / И.М. Бухтоярова. – СПб., 2013. – 22 с.

Васильев С.А. Русская дореволюционная археология палеолита / С.А. Васильев // *На пользу и развитие русской науки*. – Чита, 1999. – С. 5 – 28.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых / С.А. Васильев. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 179 с.

Вейнберг Л. Б. Город Воронеж / Л.Б. Вейнберг // *Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа*. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1886. – Т. 1. – С. 71 – 200.

Винников А.З. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции) / А.З. Винников, Г.Е. Афанасьев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 192 с.

Винников А.З. А.Н. Москаленко и ее вклад в развитие археологии в Воронежском университете / А.З. Винников // *Российские университеты в XIX – начале XX века: Сб. статей*. Вип. 2. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 171 – 179.

Винников А. З. А. Н. Москаленко – ученый и педагог / А.З. Винников, А.Д. Пряхин // Советская археология. – 1986. – № 4. – С. 112 – 115.

Винников А.З. На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение / А.З. Винников, С.А. Плетнева. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 216 с.

Воронина Р.Ф. Средне-Цнинская мордва VIII – XI вв. / Р.Ф. Воронина. Автореф. дисс...к.и.н. – М., 1992. – 17 с.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983 – 1983 годов / Р.Ф. Воронина. – М.: Наука, 2007. – 164 с.

Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников / Н.В. Воскресенский. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1888. – Т. 1. – 623 с.

Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета / Н.В. Воскресенский // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Отдел III. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1893. – С. 1 – 84.

Гавритухин И.О. Группы днепровских раннесредневековых кладов / И.О. Гавритухин, О.А. Щеглова // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996. – С. 53 – 57.

Гайворонский А.И. Второй историк Воронежского края / А.И. Гайворонский // Гайворонский А.И. Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII – начало XX в.). – Воронеж, 1971. – С. 81 – 99.

Гапочка С.Н. Всеволод Протасович Левенок и изучение памятников с накольчато-ребенчатой керамикой / С.Н. Гапочка // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 18 – 21.

Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии (У истоков формирования марксистских основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.) / В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.

Генинг В.Ф. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.) / В.Ф. Генинг, В.Н. Левченко. – Киев, 1992. – 65 с.

Геронтий. Город Задонск и его окрестности / Геронтий // Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Т. 2. – Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1886. – С. 135 – 158.

Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и изучение древних курганов Курской губернии / А.Н. Голотвин // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции. – Курск: «Мечта», 2005. – С. 104 – 105.

Голотвин А.Н. Оценка вклада Д.Я. Самоквасова в изучение славяно-русских древностей в отечественной археологии (русской, советской, российской) / А.Н. Голотвин // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 32 – 45.

Голотвин А.Н. Из истории выявления объектов археологического наследия на территории Тамбовской губернии / А.Н. Голотвин // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. – Тамбов: ТГУ, 2010. – С. 124 – 133.

Голотвин А.Н. К столетию со дня смерти Д.Я. Самоквасова / А.Н. Голотвин // Российская археология. – 2012. – № 2. – С. 206 – 213.

Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей / А.Н. Голотвин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – 196 с.

Граков Б.Н. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время / Б.Н. Граков, А.И. Мелюкова // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 39 – 94.

Гуляев В.И. С.Н. Замятнин и П.Д. Либеров и их вклад в изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону / В.И. Гуляев // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Материалы регион. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 63 – 65.

Гуляев В.И. Либеров Петр Дмитриевич (1904-1983) / В.И. Гуляев // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 151 – 153.

Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). – М.: ИА РАН, 2010. – 344 с.

Длужневская Г.В. Деятельность РАИМК – ГАИМК: 1919 – 1937 / Г.В. Длужневская // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». – Вып. 1. – М.: ИА АН СССР, 1991. – С. 31 – 44.

Енуков В.В. «Города Посемьские»: древнее Липино / В.В. Енуков, О.Н. Енукова // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999. – С. 179 – 182.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания / С.А. Жебелев. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 200 с.

Жирова И.А. Усадьба Скорняково: исторический аспект и опыт применения методов археологического исследования главного дома / И.А. Жирова, А.Н. Голотвин, А.В. Новосельцев // Исторический квартал. – Вып. 1. – Липецк: ЗАО «Гриф и К», 2011. – С. 58 – 69.

Жуковская Л.П. Болховитинов / Л.П. Жуковская // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 81 – 82.

Загоровский В.П. Белгородская черта / В.П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. – 304 с.

Загоровский В.П. Воронежская историческая энциклопедия / В.П. Загоровский. – Воронеж: Истоки, 1992. – 251 с.

Задонский Н.А. Жизнь Муравьева / Н.А. Задонский. – Воронеж: ЦЧ книжное изд-во, 1966. – 443 с.

Замаева Е.В. Первые археологические карты Воронежской губернии / Е.В. Замаева // Новик. – Вып. 11. – Воронеж: изд-во ВГУ, 2006. – С. 41 – 49.

Засурцев П.И. Липинское городище / П.И. Засурцев, Н.К. Лисицына // Славяне и Русь. Сборник в честь 60-летия Б.А. Рыбакова. – М., 1968. – С. 46 – 54.

Захарова Е.Ю. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е.Ю. Захарова, С.К. Кондратьева // Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 2. – Воронеж: Кварта, 2011. – 216 с.

Захарова Е.Ю. В поисках древностей забытого урочища: находки и легенды окрестностей Задонска / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. – Тула: Гриф и К, 2012. – 256 с.

Захарова Е.Ю. Археологические памятники Центрально-Черноземного региона. Пособие к лекционному курсу (по выбору) для студентов 1 курса дневного отделения / Е.Ю. Захарова. - Воронеж: ВГУ, 2003. – 64 с.

Захарова Е.Ю. Кафедра археологии и истории древнего мира / А.Д. Пряхин, Е.Ю. Захарова // Исторический факультет Воронежского государственного университета. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 65 – 80.

Захарова Е.Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2006. – № 1. – С. 71 – 75.

Захарова Е.Ю. Археологическое изучение Черноземного центра России в 20-е гг. XX века / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2006. – № 2. – С. 154 – 158.

Захарова Е.Ю. История изучения памятников эпохи бронзы Воронежской губернии (середина XIX в. – начало XX в.) / Е.Ю. Захарова // Межвузовский сборник. Серия «Археология восточноевропейской лесостепи». – Вып. 20. – Воронеж, 2006. – С. 74 – 85.

Захарова Е.Ю. Археология в деятельности Воронежской Ученой Архивной Комиссии в первое десятилетие ее существования / Е.Ю. Захарова, Е.В. Замаева // Межвузовский сборник. Серия «Археология восточноевропейской лесостепи». – Вып. 20. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 86 – 96.

Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2008. – № 2. – С. 62 – 70.

Захарова Е.Ю. Роль столичных учреждений и научных обществ в становлении воронежской археологии / Е.Ю. Захарова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 216 – 218.

Захарова Е.Ю. Проблематика эпохи бронзы и раннего железного века в исследовании А.Н. Москаленко / Е.Ю. Захарова // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья (Материалы научной конференции). – Воронеж: «Истоки», 2008. – С. 15 – 17.

Захарова Е.Ю. Изучение среднедонских памятников эпохи металла во второй половине 1920 – 1930 гг. / Е.Ю. Захарова // Из истории отечественной археологии. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 131 – 142.

Захарова Е.Ю. Среднее Подонье в археологических исследованиях Н.В. Валукинского / Е.Ю. Захарова, Л.Н. Клепикова // Из истории отечественной археологии. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 143 – 150.

Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в развитии воронежской археологии / Е.Ю. Захарова // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 43 – 47.

Захарова Е.Ю. Роль А.А. Спицына в становлении археологии Воронежского края / Е.Ю. Захарова // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 148 – 152.

Захарова Е.Ю. Исследование древностей Задонского уезда во второй половине XIX – начале XX века / Е.Ю. Захарова // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 4. – Липецк: ЛГПУ, 2009. – С. 261 – 273.

Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2010. – № 1. – С. 13 – 22.

Захарова Е.Ю. Среднедонские древности в научном наследии В.А. Городцова / Е.Ю. Захарова // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. – С. 39 – 42.

Захарова Е.Ю. Этапы развития воронежской региональной археологии / Е.Ю. Захарова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. II. – СПб.- М. – Великий Новгород, 2011. – С. 328 – 329.

Захарова Е.Ю. Становление воронежской археологии: роль Н.Е. Макаренко / Е.Ю. Захарова // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев (5 – 8.10.2010)). – СПб.: «Нестор-История», 2011. – С. 156 – 161.

Захарова Е.Ю. Коллекции раннего железного века в музеях воронежского края (два эпизода: из настоящего и прошлого) / Е.Ю. Захарова // Восточноевропейские древности скифской эпохи: сборник научных трудов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 131 – 137.

Захарова Е.Ю. Дискуссия о летописном Воронеже и археологические работы Воронежской Ученой Архивной Комиссии / Е.Ю. Захарова // Из истории воронежского края: Сборник статей / Отв. ред. А.Н. Акиншин. – Вып. 18. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2011. – С. 9 – 21.

Захарова Е.Ю. Археологические памятники у с. Тюнино на Верхнем Дону: история изучения и современное состояние / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Российская археология. – 2012. – № 3. – С. 158 – 170.

Захарова Е.Ю. История одной коллекции (материалы раскопок В.Н. Глазова в Воронежской губернии) / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых / Под общей ред. А.С. Вдовина, И.В. Тункиной. – СПб.-Красноярск, 2012. – С. 83 – 92.

Захарова Е.Ю. О начальном этапе археологических исследований в Липецком крае / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX – XXI вв. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 227 – 231.

Захарова Е.Ю. Археологическое изучение Верхнего Подонья: наследие В.П. Левенка / Е.Ю. Захарова // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. – Ч. II. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 121 – 124.

Захарова Е.Ю. ЛОИИМК-ЛОИА АН СССР и археологическое изучение Верхнего Подонья (по результатам исследований В.П. Левенка) / А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова // Історія археології: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України. – Вип. 9. – Київ, 2012. – С. 31 – 34.

Захарова Е.Ю. Археологические занятия Владимира Николаевича Тевяшова / Е.Ю. Захарова // Восточноевропейские древности: сб. науч. трудов. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 4 – 14.

Захарова Е.Ю. Первый опыт составления археологической карты Воронежской губернии (исследование В.Н. Майнова) / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2013. – № 1. – С. 102 – 105.

Захарова Е.Ю. Из истории археологии: Воронежский геологический пленум (22 – 29 мая 1941 г.) / А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова, А.А. Бессуднов

// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2013. – № 2. – С. 92 – 96.

Захарова Е.Ю. О пребывании В. А. Городцова в Воронеже: планы и реальность / И.Е. Сафонов, Е.Ю. Захарова // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. – Курск: Изд-во КГМУ, 2013. – С. 379 – 385.

Захарова Е.Ю. К вопросу об археологических занятиях Сергея Федоровича Платонова (раскопки 1909 г. в Валуйках) / Е.Ю. Захарова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 1 (172). – Вып. 29. – С. 136 – 141.

Захарова Е.Ю. Роль Императорской Археологической Комиссии в археологии Центрального Черноземья России / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2014. – № 1. – С. 33 – 37.

Захарова Е.Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2014. – № 2. – С. 48 – 53.

Захарова Е. Ю. Илья Николаевич Бороздин и становление археологии в Воронежском университете / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2014. – № 3. – С. 119 – 122.

Захарова Е.Ю. Вклад Бориса Григорьевича Тихонова в развитие региональной археологии Центрального Черноземья России / Е.Ю. Захарова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 10(138). – С. 143 – 148.

Захарова Е.Ю. Костёнковская палеолитическая экспедиция ЛОИИМК АН СССР и становление археологии на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета (конец 1940-х –

1950-е гг.) / Е.Ю. Захарова // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2014. – № 10. – С. 49 – 57.

Захарова Е.Ю. Из эпистолярного наследия С.Н. Замятина (письмо к А.А. Спицыну) / Е.Ю. Захарова // Археология и охрана археологического наследия Центральной России: сб. науч. тр./ отв. ред. А.П. Медведев. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 232 – 237.

Захарова Е.Ю. Древности Центрального Черноземья России в трудах первых краеведов (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / Е.Ю. Захарова // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 2 (30). – С. 177 – 183.

Захарова Е.Ю. Взаимодействие Воронежского университета с археологическими учреждениями АН СССР во второй половине 40-х – 50-е гг. XX в. / Е.Ю. Захарова // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докл. Международной научной конференции. – М.: Институт археологии РАН, 2015. – С. 24 – 25.

Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: Из истории становления отечественной статистики / И.М. Захарова. Автореф. дисс...к.и.н. – СПб., 2005. – 32 с.

Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднецнинских могильников древней мордвы / О.В. Зеленцова. Автореф. дисс...к.и.н. – М., 1998. – 18 с.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Анна Ивановна Пузикова: жизнь в археологии // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой): сб. науч. трудов. – Курск: МУП «Курская городская типография», 2012. – С. 3 – 22.

Зотько М.Р. Историографический очерк изучения иеневской и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства / М.Р. Зотько // Тверской археологический сборник. – Вып. 1. – Тверь: Книжно-журнальное изд-во, 1994. – С. 14 – 25.

Ивашов М.В. Тайны древних погребений (Никольский могильник эпохи бронзы) / М.В. Ивашов, А.Н. Бессуднов. – Липецк, 2007. – 12 с.

Иессен А.А. Раскопки В.Н. Глазова у села Тюнино в 1910 г. / А.А. Иессен // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 6. – С. 95 – 100.

Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе / А.А. Иессен // Известия ГАИМК. – Вып. 120. – 1935. – С. 7 – 237.

Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века / С.С. Илизаров. – М.: Янус-К.; Московские учебники и картолитография, 1999. – 370 с. с илл.

Императорская Археологическая Комиссия (1859 - 1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 1192 с.

Историки Курского края. Биографический словарь / Сост., отв. ред. С.П. Щавелев. – Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2009. – 468 с.

История отечественной археологии: дореволюционное время. Материалы IV чтений по историографии археологии Евразии. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 56 с.

Качалова Н. К. Курганы у села Нижняя Ведуга (по раскопкам Н.П. и М.П. Юргенсон в 1911 – 1912 гг.) / Н.К. Качалова // АСГЭ. – Вып. 8. – Л.-М.: «Советский художник», 1966. – С. 18 – 22.

Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска / А.В. Кашкин // Липецк: начало истории. – Липецк: «Голос», 1996. – С. 52 – 59.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ. Е 1 - 36. – Л.: «Наука», 1973. – 112 с.

Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв. / Л.Ю. Китова. Автореф. дис. ... д.и.н. – Кемерово, 2011. – 52 с.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии / Л.С. Клейн. – СПб., 1993. – 128 с.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время / Л.С. Клейн. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи / Л.С. Клейн. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.

Клоков А.Ю. Из истории археологических исследований Верхнего Дона / А.Ю. Клоков // Записки краеведческого общества. – Вып. 1. – Липецк: Тип. Липецкого изд-ва Роскомпечати, 1995. – С. 5 – 17.

Клоков А.Ю. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Задонский район. Ч. 1 / А.Ю. Клоков, Л.А. Морев, А.А. Найденов. – Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2007. – 416 с.

Ковалевский В.Н. Социальная структура славян Днепро-Донского междуречья VIII – первой половины XI вв. История изучения вопроса (1930 – середина 1990-х гг.) / В.Н. Ковалевский // Археологические памятники Восточной Европы: Межвуз.сб.науч.тр. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 167 – 179.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов / И.И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 г. – М.: Наука, 1987. – С. 85 – 96.

Кошелев В.И. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке / В.И. Кошелев // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Т. 12. – Вып. 1. – Воронеж: ВГПИ, 1950. – С. 87 – 143.

Кривошеин Н.В. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа / Н.В. Кривошеин, Ю.А. Рыжков. – М.: «Древлехранилище», 2011. – 314 с.

Кривцова – Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова – Гракова // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 46. – 1955. – 162 с.

Крупнов Е.И. К 60-летию Петра Дмитриевича Либерова / Е.И. Крупнов // Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 89 – 91.

Ласунский О.Г. Муравьевы / О.Г. Ласунский // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – С. 278.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. / Г.С. Лебедев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1992. – 464 с.

Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX – XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА СССР. – № 6: Этногенез восточных славян. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 191 – 246.

Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного левобережья / И.И. Ляпушкин // Советская археология. – XII. – 1950. – С. 41 – 65.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. – № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 85 – 150.

Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России / В.П. Макарихин. – Н.Новгород: Волго-Вятское кн.изд -во, 1991. – 120 с.

Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собраний Государственного Эрмитажа / А.П. Манцевич // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 15. – Л., 1973. – С. 12 – 46.

Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. В 2-х томах / В.И. Матющенко. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. / А.П. Медведев. – М.: Наука, 1999. – 160 с.

Медведева М.В. Археолог Владимир Нилович Глазов / М.В. Медведева, В.Ю. Соболев // Археологические вести. – Вып. 20. – СПб., 2014. – С. 395 – 426.

Мельникова О.Б. П.П. Семенов-Тянь-Шанский и российская статистика / О.Б. Мельникова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1988. – № 1. – С. 46 – 56.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946 - 1955) / О.М. Мельникова. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2003. – 183 с.

Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960 - 1974) / О.М. Мельникова. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2003. – 194 с.

Мельникова О.М. Археология в российской провинции: исследователи, научные общества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900 – 1930-х гг.) / О.М. Мельникова. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 136 с.

Миронос А.Е. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция / А.Е. Миронос. Автореф. дисс...докт.ист.наук. – Н. Новгород, 2000. – 43 с.

Митрофанов В.В. Сотрудничество С.Ф. Платонова с историками Воронежского края / В.В. Митрофанов // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». – Вып. 4. – 2010. – С. 33 - 42.

Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России / В.В. Митрофанов. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – 322 с.

Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова / В.В. Митрофанов // Российская археология. – 2011. – № 1. – С. 166 – 168.

Митрофанов В.В. Археологические раскопки в Валуйках в 1909 г. / В.В. Митрофанов // Клио. Журнал для ученых. – 2015. – № 6 (102). – С. 113 – 121.

Мифы славянского язычества / Дм. Шеппинг. – М.: АСТ ; Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 72 с.

Моисеев А.В. П.Д. Либеров и изучение эпохи бронзы лесостепного Подонья / А.В. Моисеев // Новик: Сб. науч. раб. аспирант. и студ. истор. фак-та ВГУ. – Вып. 3. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 24 – 29.

Моисеев А.В. П.Д. Либеров и изучение абашевских древностей Подонья / А.В. Моисеев // Проблеми гірничої археології (Матеріали I-го Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевск, 2003. – С. 78 – 83.

Моисеев Н.Б. К вопросу о местонахождении летописной Онузы / Н.Б. Моисеев, А.И. Раевский // Краевед земли Тамбовской. – Тамбов, 1995. – С. 51 – 55.

Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае / Н.Б. Моисеев. – Тамбов: ТГУ, 1999. – 54 с.

Монгайт А.Л. Археология в СССР / А.Л. Монгайт. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 436 с.

Морев Л.А. Раскопки Н.Н. Муравьевым-Карским курганов близ села Скорняково Задонского уезда Воронежской губернии: обстоятельства проведения и место в историческом контексте / Л.А. Морев // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. – С. 37 – 54.

Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII – конец XX вв.). Автореф. дис. ... д.и.н. / Г.Т. Обыденнова. – Ижевск, 2002. – 40 с.

Оконникова Т.И. Научные традиции в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.) / Т.И. Оконникова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – 173 с.

Очерки истории музейного дела в России. – Вып. 2. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1960. – 379 с.

Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – Киев: Наукова думка, 1967. – 218 с.

Первушкин В.И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века: Автореф. дисс...д.и.н. / В.И. Первушкин. – Пенза, 2008. – 54 с.

Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности / Л.Ф. Писарькова // Археографический ежегодник за 1989 год. - М.: Наука, 1990. - С. 187 – 198.

Платонова Н.И. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1-я треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) / Н.И. Платонова // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 43 – 73.

Платонова Н.И. Александр Николаевич Рогачев: материалы, воспоминания, размышления / Н.И. Платонова, М.В. Аникович // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 10 – 28.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX века) / Н.И. Платонова. Автореф. дисс...д.и.н. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 52 с.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н.И. Платонова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях / С.А. Плетнева // МИА СССР. – № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.-Л., 1958. – С. 151 – 226.

Плетнева С.А. О связях алаано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII – IX вв. / С.А. Плетнева // Советская археология. – № 1. – 1962. – С. 83 – 94.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева // МИА СССР. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Погодин М.П. Историко-критические отрывки / М.П. Погодин. – М.: Тип. Августа Семена, 1846. – 453 с.

Поликарпов Н. Историческая записка о Воронежском губернском музее / Н. Поликарпов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1896. – С. 33 – 56.

Поляков Г.П. Трубчевский музей и его директора в 1919 – 1941 гг. / Г.П. Поляков // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П.Левенка (13-16 ноября 2006 года). – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 14 – 18.

Попов В.В. Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки» и проблемы современного состояния памятников Костёнковско-Борщёвского района / В.В. Попов // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 48 – 65.

Поташкина Н.А. Л.Б. Вейнберг и археологические экскурсии 1888 – 1890 годов / Н.А. Поташкина // Из истории Воронежского края: Сб. статей. – Вып. 12. – Воронеж, 2004. – С. 134 – 145.

Поташкина Н.А. У истоков археологического изучения Воронежского края / Н.А. Поташкина // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 196 – 204.

Поташкина Н.А. Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.) / Н.А. Поташкина. Автореф. дисс...к.и.н. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – 23 с.

Праслов Н.Д. История изучения палеолита Костенковско-Борщевского района и сложение костенковской школы / Н.Д. Праслов // Палеолит

Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. – Л.: «Наука», 1982. – С. 7 – 13.

Пряхин А.Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону / А.Д. Пряхин // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 64. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1966. – С. 77 – 106.

Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг) / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 286 с.

Пряхин А.Д. Курганы эпохи бронзы Побитюжья / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. – 206 с.

Пряхин А.Д. Педагог, ученый и воспитатель / А.Д. Пряхин // Анна Николаевна Москаленко: Указатель трудов. – Воронеж: ВГУ, 1991. – С. 5 – 8.

Пряхин А.Д. Археологи уходящего века / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 168 с.

Пряхин А.Д. Археологическое изучение черноземного центра Российской Федерации: этапы региональной археологии / А.Д. Пряхин // России черноземный край. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 98 – 114.

Пряхин А.Д. П.Д. Либеров и археологическое изучение лесостепного Подонья / А.Д. Пряхин, А.В. Моисеев // Вестник Елецкого государственного университета. – Вып. 1. Серия "История, право". – Елец, 2002. – С. 156 – 163.

Пряхин А.Д. Проблемы эпохи бронзы доно-донецкого региона в научном наследии В.А. Городцова (первые десятилетия XX столетия) / А.Д. Пряхин, И.Е. Сафонов // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 16: Археология в Российских университетах. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 49 – 70.

Пряхин А.Д. История отечественной археологии. Ч. 1: Русская дореволюционная археология / А.Д. Пряхин. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 185 с.

Пряхин А.Д. Доно-донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.) / А.Д. Пряхин. – Кн. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – 258 с.

Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Книга 1. / А.Д. Пряхин. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. – 140 с.

Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области / А.И. Пузикова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – № 107. – 1966. – С. 80 – 92.

Пузикова А.И. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время: Автореф. дис... канд. ист. наук / А.И. Пузикова. – М., 1971. – 18 с.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры / В.И. Равдоникас // Известия ГАИМК. – Т. VII. – Вып. 3 – 4. – Л., 1930. – 94 с.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917) / А.М. Разгон // История музейного дела в СССР: Тр. НИИ музееведения. – М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1957. – Вып. I. – С. 73 – 128.

Разгон А.М. Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России / А.М. Разгон // Музеи и власть. Из жизни музеев: Сборник научных трудов. – Ч. 2. – М.: НИИ культуры при Министерстве культуры РСФСР, 1991. – С. 5 – 36.

Раздорский А.И. Памятные книжки Курской губернии: ист.-библиогр. обзор / А.И. Раздорский // События и люди в документах курских архивов: Сб. ст. – Вып. 7. – Курск, 2009. – С. 81 – 104.

Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования (вместо предисловия) / Л.П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2011. – Вып. 36. – С. 5 – 8.

Решетов А.М. Трагико-комический случай из жизни С.Н. Замятина (к вопросу об аресте С.Н. Замятина) / А.М. Решетов // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докл. на междунар. конф. – СПб., 1999. – С. 45 – 47.

Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках / Д. О. Шеппинг; [предисл., примеч. Л. В. Беловинского]. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012. – 234 с.

Свистова Е.Б. Б.Г. Тихонов и изучение эпохи бронзы Восточной Европы / Е.Б. Свистова // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. – Саратов-Энгельс, 2000. – С. 221 – 224.

Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века / А.А. Севастьянова. – М.: Археографическая комиссия РАН, 1998. – 292 с.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. / Д.В. Серых. – Казань: Отечество, 2014. – 188 с.

Синюк А.Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка / А.Т. Синюк // Из истории Воронежского края: Труды ВГУ. – Т. 64. – Воронеж, 1966. – С. 107 – 114.

Синюк А.Т. А. Н. Москаленко и археологическое изучение лесостепного Подонья / А.Т. Синюк // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983 – С. 3 – 8.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона / А.Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. – 352 с.

Скобелкин О. В. Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина» / О.В. Скобелкин // Из истории города Воронежа. – Воронеж, 1984. – С. 115 – 124.

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века) / А.С. Смирнов. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – 592 с.

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946 – 2006 гг. (по архивным материалам и публикациям) / И.А. Сорокина. – Тула: Гриф и К, 2008. – 244 с.

Стародубцев Г.Ю. Археологическое изучение Курского края в 1918 – начале 1930-х годов / Г.Ю. Стародубцев // Археология и история юго-востока Руси. – Курск: Курский госпединститут, 1991. – С. 76 – 77.

Стародубцев Г.Ю. Исследование археологических памятников Курского края в XIX – XX веках: Автореф. дисс... к.и.н./ Г.Ю. Стародубцев. – Брянск, 2006. – 22 с.

Старчикова Н.Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов во второй четверти XIX - начале XX века (на примере Пензенской губернии) / Н.Е. Старчикова. Автореф. дисс... канд.ист.наук. – Пенза, 2004. – 22 с.

Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России: Учебное пособие по спецкурсу / А.Д. Степанский. – М.: МГИАИ, 1987. – 88 с.

Стрыгина Е.Н. Книга в Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX вв. / Е.Н. Стрыгина. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 178 с.

Танков А.А. Очерки из истории Курского губернского статистического комитета. Период первый (1835 – 1860 гг.) / А.А. Танков // Курские губернские ведомости. – 1905. – 23 ноября.

Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы / Л.М. Тарасов. – Л.: Наука, 1979. – 168 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки / И.Л. Тихонов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 332 с.

Тихонов И.Л. Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892-1931) / И.Л. Тихонов // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 138 – 147.

Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын / И.Л. Тихонов // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. – СПб.: Любавич, 2011. – С. 347 – 361.

Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.). Автореф. дисс...д.и.н. / И.Л. Тихонов. – СПб., 2013. – 54 с.

Тропин Н.А. Изучение археологических древностей в Елецком уезде / Н.А. Тропин // Липецкое областное краеведческое общество: Записки. – Вып. 2. – Липецк, 1999. – С. 11 – 13.

Тропин Н.А. Исследования православных древностей Ельца и его округа в XIX – начале XXI вв. / Н.А. Тропин // Собор: Альманах религиоведения. – Вып. 10. – Елец: ЕГУ, 2012. – С. 7 – 27.

Уортман С.Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / С.Р. Уортман. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: Объединенное Гуманитарное Издательство, 2002. – 597 с.

Федюнин И.В. Мезолит лесостепного Подонья в исследованиях В.П. Левенка / И.В. Федюнин // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – С. 12 – 15.

Формозов А.А. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века (Русской равнины) / А.А. Формозов // КСИИМК. – Вып. 59. – 1955. – С. 3 – 10.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: Первые книги / А.А. Формозов. – М.: «Наука», 1983. – 128 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: «Наука», 1961. – 128 с.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: Первые книги / А.А. Формозов. – М.: «Наука», 1983. – 128 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: «Наука», 1986. – 240 с.

Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры / А.А. Формозов. Изд. второе, дополн. – М.: Советская Россия, 1990. – 112 с.

Формозов А.А. Археология и идеология (20 – 30-е годы) / А.А. Формозов // Вопросы философии. – 1993. – № 2. – С. 70 – 83.

Формозов А.А. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830 – 1869 гг. / А.А. Формозов // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. Труды семинара по истории и историографии археологической науки. – Вып. 1. – СПб., 1995. – С. 28 – 35.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки / А.А. Формозов. – М.: Знак, 2006. – 344 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР / М.Е. Фосс // МИА СССР. – Т. 29. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 278 с.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР / А.Х. Халиков // МИА СССР. – № 97: Абашевская культура в Среднем Поволжье. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 157 – 241.

Центрально-Черноземный экономический район // Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 57. – М.: ТЕРРА, 2006. – С. 220 – 221.

Цыбин М.В. В.А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-восточного порубежья Древней Руси // Исторические записки. – Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 204 – 215.

Цыбин М.В. Первые исследования на Маяцком городище / М.В. Цыбин // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 100 – 104.

Челяпов В.П. Новые данные о локализации летописной Нузлы (Онузы) / В.П. Челябинов, В.В. Судаков // Труды Рязанского исторического общества. – Рязань, 1997. – Вып. 1. – С. 27 – 44.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е.Н. Черных // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 172. – 1970. – 179 с.

Чесноков В.И. За архивной строкой / В.И. Чесноков // Записки воронежских краеведов. – Воронеж, 1979. – Вып. 1. – С. 75 – 103.

Чесноков В.И. Воронежский статистический комитет и его краеведческая деятельность в дореформенное время / В.И. Чесноков // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – С. 70 – 100.

Чесноков В.И. Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии / В.И. Чесноков // Записки воронежских краеведов. – Воронеж, 1987. – Вып. 3. – С. 59 – 84.

Чесноков В.И. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах / В.И. Чесноков, И.В. Чесноков // Русская провинция. – Вып. 2. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. – С. 109 – 135.

Чубур А.А. «Археология - моя страсть» (Трубчевский период биографии В.П.Левенка) / А.А. Чубур // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П.Левенка (13-16 ноября 2006 года). – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 10 – 14.

Л.И. Чуистова: археолог, историк, педагог (к 100-летию со дня рождения). – Тамбов: Центр-Пресс, 2011. – 99 с.

Шенников А. А. Червлёный Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. / А. А. Шенников. – Л.: Наука, 1987. – 139с.

Шестова С. Н. Воронежский Государственный Историко-Культурный Музей (Краткий исторический очерк) / С.Н. Шестова // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. – Вып. I. – Воронеж: Тип. Губсоюза, 1925. – С. 3 – 32.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье / В.П. Шилов // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 60. – 1959. – С. 11 – 38.

Шоков А.Ф. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е. Зверева и В.Н. Тевяшова) / А.Ф. Шоков // Известия

ВГПИ. Т. XV. Историко-филологический факультет. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1954. – С. 138 – 142.

Шпак Л.П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х – начало 1880-х годов) / Л.П. Шпак // Книга. Исследования и материалы. – Вып. 53. – М., 1986. – С. 160 – 167.

Щавелев С.П. Первые страницы истории курской археологии (А.И. Дмитриуков и Д.Я. Самоквасов) / С.П. Щавелев // Археология и история юго-востока Руси. – Курск: Курский госпединститут, 1991. – С. 95 – 97.

Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872 – 1873 гг. и ее результаты) / С.П. Щавелев // Советская археология. – 1992. – № 1. – С. 255 – 264.

Щавелев С.П. Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и ее вклад в археологическое изучение Курского края / С.П. Щавелев // Деснинские древности. – Брянск: БОКМ, 1995. – С. 12 – 15.

Щавелев С.П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) / С.П. Щавелев // Российская археология. – 1995. – № 3. – С. 214 – 215.

Щавелев С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриукова в 1820 – 1830 гг. / С.П. Щавелев // Российская археология. – 1996. – № 4. – С. 177 - 184.

Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. / С.П. Щавелев. – Курск: КГМУ, 1997. – 140 с.

Щавелев С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова / С.П. Щавелев. – Курск: Изд-во Курского гос. мед. университета, 1998. – 282 с.

Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII – XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края) / С.П. Щавелев. Автореф. дисс...д.и.н. – Курск: КГМУ, 2002. – 42 с.

Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930 – 1931 годов (Курский «филиал») / С.П. Щавелев. – Курск: КГМУ, 2007. – 272 с.

Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье / О.А. Щеглова // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сб. науч. тр. – Вып. 1. – Курск, 1990. – С. 162 – 182.

Щепкин А.В. Б.Г. Тихонов и изучение металлургии и металлообработки населения срубной культурно-исторической общности Уральского региона / А.В. Щепкин // Лавский межвузовский научно-студенческий полевой археологический семинар 2003 года. Вып. 2. – Елец, 2003. – С. 26 – 28.

Эпштейн Е.М. Исследователь Олонецкого края / Е.М. Эпштейн // Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1991. – С. 5 – 44.

Юшко А.А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» / А.А. Юшко // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 287.

Янсон Ю.Э. Теория статистики: Учебник / Ю.Э. Янсон. Изд. 5-е. – СПб.: Изд. юридич. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1913. – 615 с.

Список сокращений

- АЕ – Археографический ежегодник
АН СССР – Академия наук СССР
ВГВ – Воронежские губернские ведомости
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВГСК – Воронежский губернский статистический комитет
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия
ВЦИАК – Воронежский церковный историко-археологический комитет
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГУБОНО – Губернский отдел народного образования
ЖМВД – Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИА – Институт археологии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество
ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
КГСК – Курский губернский статистический комитет
КГУАК – Курская губернская ученая архивная комиссия
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РА – Российская археология
СА – Советская археология
ТГСК – Тамбовский губернский статистический комитет
ТУАК – Тамбовская ученая архивная комиссия

Приложения¹**Приложение к главе 2**

№ 1. РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 9 – 9об.²

12 октября 1887 г.

[Исх.] № 402

В Императорскую Археологическую Комиссию
Действительный член Воронежского Статистического Комитета
Иеромонах Геронтий довел до моего сведения о замечательной яме,
находящейся между пригородной города Задонска слободой Тюниной и
Задонским Тихоновским общежительным монастырем. По сохранившемуся
преданию, в этой яме, будто бы, сокрыты большие богатства, оставшиеся от
времен татарских, или от грабежа разбойников, бродивших по Задонским
лесам и по реке Дону. Многие из местных старожилов помнят эту яму, когда
она еще не была завалена, влезали в нее и видели огромные железные двери,
запертые огромными замками. К этому о[тец] Геронтий добавляет, что он
сам ездил на указанное место, где видел хорошо сохранившиеся стены из
цокольной плиты.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить
Комиссию дозволить в указанном выше месте произвести раскопку
Воронежскому Статистическому Комитету.

Председатель Комитета, Губернатор Богданович

И[справляющий] д[олжность] Секретаря Вейнберг

¹ Орфография, пунктуация и стиль документов сохранены.

² Документ написан на бланке: «Председатель Губернского Статистического Комитета». На нем есть отметка: «получено 17 октября 1887 г. вход. № 453».

№ 2. Там же. Л. 10. ¹

21 октября 1887 г.

[Исх.] № 532

Господину Председателю Воронежского Губернского Статистического Комитета

На отношение от 12 октября за № 402 Императорская Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Ваше Пр[евосходительст]во, что к научному расследованию Воронежским Статистическим Комитетом находящейся близ Задонска ямы с остатками плитных стен со стороны Комиссии препятствий не встречается с тем, чтобы работа эта была произведена самым тщательным образом под непосредственным наблюдением того лица, которому Вам угодно будет поручить ее, чтобы о ходе и результатах раскопки был составлен и прислан в Комиссию подробный отчет с приложением к ним надлежащего плана или рисунка, и чтобы предметы, которые могли бы быть найдены при этой раскопке, были присланы при особой описи на рассмотрение Комиссии, которая на основании закона (Учр...) обязана следить за всеми делающимися в Государстве открытиями предметов древности и замечательнейшие из них представлять на воззрение Государя Императора.

Подписал: За Председателя Комиссии В. Тизенгаузен

Скрепил: Произв[одитель] дел Ил. Суслов

Верно: Произв[одитель] дел Ил. Суслов

№ 3. Там же. Л. 11. ²

21 июля 1888 г.

[Исх.] № 61

В Императорскую Археологическую Комиссию

¹ В оригинале документ имеется в виде черновика официального письма, написанного на бланке Императорской Археологической Комиссии.

² Документ написан на бланке: «Председатель Губернского Статистического Комитета». На нем есть отметка: «получ. 25 июля 1888 г. вход. № 354».

Вследствие отношения от 21 октября 1887 г. за № 532, мною был командирован член-секретарь Воронежского Губернского Статистического Комитета Л.Б. Вейнберг для исследования находящейся около г. Задонска ямы с остатками цокольных стен. Препровождая при сем отчет г. Вейнберга о произведенном им на месте исследования упомянутой ямы вместе с планом местности и чертежом ямы, имею честь покорнейше просить Комиссию для окончательной раскопки ямы, если таковая будет признана заслуживающей дальнейшего расследования, выслать необходимую сумму, приблизительно в 200 руб.

Председатель Комитета, Губернатор Богданович
И[справляющий] д[олжность] Секретаря Вейнберг

№ 4. Там же. Л. 15 – 19.

Предварительный отчет

о ходе исследования Тюнинской ямы

Яма, подлежавшая исследованию, находится на шестой версте к северу от уездного города Задонска.

Как видно на прилагаемом рисунке, яма имеет воронкообразную форму, расширяющуюся снизу вверх. Окружность верхнего края ямы 17 саж[ень], а глубина 2 сажени; но глубина эта, при более внимательном осмотре, оказалась ниже действительной, ибо дно ямы было на 1½ арш[ина] наполнено наносным слоем земли, отличным от слоев, составляющих естественные стены ямы. Последние представляют три редко перемежающиеся слоя: а) верхний – чернозем, толщиной в 8 верш[ков], б) средний – супесок, толщиной в 2 арш[ина], и в) нижний – красная глина, толщину слоя которой трудно было определить, потому что нижняя поверхность этого пласта залегает глубже дна ямы. Далее, судя по обнажениям окрестных глубоких оврагов и берегов рек, вероятно, следует пласт известняка, толщиной в 2 сажени. Следовательно, настоящее дно ямы – глинистое, а чернозем, наполнявший, почти на 1½ арш[ина], дно ямы, был,

вероятно, занесен с поверхности потоками дождевой воды, что впоследствии вполне оправдалось, когда было приступлено к раскопке, и в то же время объяснилась ошибка местных жителей, полагавших, что потолок пещеры от времени осел, на самом же деле оказалось, что дно пещеры было приподнято аршина на полтора проникшею туда наносною землею, т.е. дно пещеры приподнялось на столько же, на сколько поднялось дно ямы, из которой ведет ход в эту пещеру.

Местность, где находится эта яма, исстари принадлежала Елецкому Княжеству, позднее с конца XVI в. она присоединена была к бывшему Карачюнскому Стану, – самый северный из четырех станов, составлявших Воронежский уезд. В конце прошлого века, когда было учреждено Воронежское Наместничество (1779 г.) местность эта вошла в состав вновь учрежденного Задонского уезда. Вся площадь, означенная на прилагаемом плане, почти до г. Задонска, по словам местных жителей, исстари носила название «Селища». Часть селища, от Тюнинского лога и до р. Проходни называлась «Поббищем»; наконец, пещера, находящаяся в яме – «Погребище». И поныне народ называет эту яму «погрéбище на Селíще».

Происхождение этих названий местные жители объясняют так. Селíщем местность эту назвали «потому здесь жил какой-то народ», ныне исчезнувший. Побоищем часть селища названа потому, что когда царь татарский воевал Русь там, повыше, на Дону (Куликовская битва?), то одна из схваток войск произошла вот на этом самом месте. В подтверждение этого предания указывают на 8 курганов, наполненных камнями и называемых в народе боевыми. Эти курганы (см. на плане) тянутся дугою по левому берегу р. Проходни. Из них шесть уже распаханы; в них оказался лишь известковый камень, плитками толщиной в $\frac{1}{2}$ вершка, белый, ноздреватый и местами как бы просверленный^(*), сложенный в квадратную кучу, в виде костра, поверх которого был насыпан слой чернозема.

(*) Не встретив нигде в окрестностях такого множества белых и ноздреватых камней, я приписываю это явление продолжительному

химическому воздействию почвенных кислот на известковые соединения плиток.

Другим подтверждением, по мнению местных жителей, что на этом месте происходило сражение, служат монеты, найденные еще лет тридцать тому назад на обнаженном правом берегу р. Проходни, в промытой дождем щели. Монеты были медные, совершенно почерневшие и носили надписи «не по нашему – вилюшками»; местные жители считали их поэтому татарскими. Но самым убедительным доказательством, что здесь происходило сражение, местные жители, не без основания, считают множество предметов вооружения, найденных здесь в течение текущего столетия: запястья, зарукавья, кольчуги, латы, бердыши, кинжалы (с татарскими надписями), мечи, ножи, сабли, секиры, топорики, колчаны, стрелы, карабины, пистолы (*), копья и рукавица (**).

(*) Подчеркнутые находки были присланы Иеромонахом Геронтием в музей Ворон[ежского] Губ[ернского] Стат[истического] Комитета.

(**) Рукавица была найдена лет 10 назад; она была из железной проволоки, на пружинах, так что рука свободно в ней сгибалась. Все неподчеркнутые предметы находятся в неизвестных руках.

Что касается названия погрéбища, то оно присвоено было пещере еще «от дедов», из коих смельчаки изредка лазили в пещеру, откуда чрез особый проход проникали в коридор, длиною в семь сажень, идущий влево и там, спускаясь по каменным ступенькам вглубь, видали железную дверь, запертую большим висячим замком, причем как каменные стены коридора, так и дверь всегда оказывались покрытыми слизью. Это, равно как и мрак, царствующий в погребнице, поражал смельчаков паническим страхом, они опрометью бросались назад к выходу. И в самом деле, местные жители по настоящее время питают суеверный страх к этой пещере, о которой ходят разнородные рассказы о фантастических явлениях, совершающихся по ночам в ней или около нее. Страх этот до того велик, что ни один из всех нанятых нами работников не решался в трезвом состоянии войти в погребницу.

Описанная местность находится в общем владении двух общин государственных крестьян: Аркановской и Тюнинской. Старики - крестьяне рассказывают, что земля их, т.е. все селище, недавно еще, т.е. лет 50 тому назад, было покрыто дремучим лесом, тянувшимся издали и до самого Задонска. Здесь, в этом лесу, в конце прошлого и в начале нынешнего века жил известный разбойник со своею шайкою, благодаря которому помещику и купцу не было проезда по Московско - Лебедянской дороге, тогда, как и ныне, пролегавшей внизу, под горою. Этот разбойник не назывался Кудояром, но не уступал последнему в свирепости. Ныне весь лес до самого скита вырублен, а селище вспахано и засеяно хлебом. Вот все, что можно было узнать о яме и об окружающей ее местности.

Пятого июля текущего года я приступил к осмотру пещеры, причем оказалось, что в нее, на западе, имеется вход, который почти закрыт огромным камнем известкового сложения, длиною в 8, шириною в 4 и толщиной в $1\frac{1}{4}$ арш[ина]. Камень этот служит потолком пещеры и, выдаваясь на 1 арш[ин] слишком наружу, подпирается снизу другим большим камнем, лежащим ребром. Этот каменный потолок оказался в пещере слегка в наклоненном положении с ю[га] на с[евер]. Вычистив дно ямы, я распорядился отколоть часть камня, заграждавшего вход в пещеру, приблизительно $1\frac{1}{4}$ куб[ического] арш[ина], что удалось лишь с большим трудом, вследствие значительной плотности этого камня. Предварительно камень был мною осмотрен, причем ни надписей, ни резьбы на нем не оказалось. Дальнейшая очистка ямы и пещеры от камней и наносной земли также сопровождалась большими затруднениями, вследствие проливных дождей, почти непрерывно продолжавшихся с 5 и по 10 июля.

Когда вход из ямы в пещеру был достаточно углублен и расширен, я осмотрел пещеру при свете стеариновой свечи. Она оказалась помещением длиною в 4, шириною в $2\frac{1}{2}$ и вышиною в 2 аршина. Весь потолок состоял из одного, упомянутого камня, гладкого, ровного и, едва заметно, наклоненного с ю[га] на с[евер]. Как видно на прилагаемом рисунке, все стены как бы из

цельного цокольного камня сложены. Все камни равной толщины, около 2½ в[ершков], и плотно прилегают один к другому, что придает пещере вид искусственного сооружения. На правой стороне задней стены пещеры виднеется квадратное отверстие, глубиной в 1 арш[ин] (В). Я считаю его печкою на том основании, что возле отверстия, на полу, валялись два угля и птичьи кости, кажется петушьи, судя по тому, что одна косточка со шпорой, одна кость, впрочем, телячья. Еще немного правей виден вход в коридор (С). По словам местных стариков, из коридора ведет ход направо и налево. Направо (на С[евер]) коридор «идет зря», т.е. ничего нет, а нужно держаться левого коридора (на Ю[г]).

Заглянув в коридор направо, я ничего не мог заметить, не только по причине мрака, но и потому, что нанос достигает потолка. Влево же действительно виден коридор, шириною в 2 аршина, но проникнуть туда далеко мне не удалось вследствие наносной земли, местами также достигающей почти до потолка.

Недостаток в необходимых для расхода деньгах и сильно поднявшаяся цена рабочих рук, вследствие наступившей уборки хлеба, понудили меня на время прекратить дальнейшее исследование, почему я распорядился закрыть вход в пещеру камнями и приставить караульного.

Исследованная мною пещера, несмотря на правильность форм ее стен, печки и коридоров, несомненно, естественного происхождения. В этом убеждает нас, во-первых, каменная порода стен, до некоторой степени отличающаяся от пород окрестных каменоломен^(*); далее громадность размеров камней на глубине почти трех сажень, а главное – это правильность и естественность наслоения земли, видимого в обнаженных стенах ямы, невозможная для рук человека.

^(*) Ни в одной из местных каменоломен нет таких крупных и таких плотных камней. Пещерный камень не так сильно вскипает с кислотами и дает нередко большой осадок нерастворимых веществ. Он беден раковинами,

но заключает крупный вид *gomphocera*, а каменоломни богаты раковинами, а *gomphocera* в них не попадался.

Остается решить вопрос, если камни, образующие пещеру, не занесены сюда человеком, то не представляет ли эта пещера заброшенную, когда-то разрабатывавшуюся каменоломню?

Ближайшее исследование показало, что пещера эта никогда каменоломнею не служила и служить не могла, и вот почему. Город Задонск начал строиться каменным строением лишь в начале текущего столетия, а Богородицкий монастырь хотя и воздвигнут каменный еще в прошлом ст[олетии], но как монастырь, так и сам город расположены на возвышенностях, обнаженные края которых обнаруживают неисчерпаемое богатство каменного материала, находящегося тут же на месте; следовательно, добывать его из глубины пещеры и возить его за шесть верст по дурной дороге не было никакой надобности. Тихоновский же монастырь (скит), видимый на плане в лесу, построен на правом обнаженном и высоком берегу р. Проходни, представляющем длинный ряд каменоломен, начинающихся под самым скитом. Из этих именно каменоломен, как многие еще помнят, извлекался каменный материал для всех зданий Тихоновского монастыря, да и самое добывание камня из этой пещеры представляло бы значительные затруднения и даже опасность для жизни работающих, так как лишний камень, неосторожно вынутый из земли, мог бы обусловить падение громадного камня, служащего потолком пещеры; наконец, самая правильность стен, отсутствие в них глубоких царапин, производимых ломом, а равно задний коридор, все это резко отличает эту пещеру от всех окрестных каменоломен, нарочно осмотренных мною, с целью более точного определения значения исследуемой пещеры. Все сказанное приводит к заключению, что погребнице представляет природную пещеру, внешний и внутренний вид которой был более или менее изменен рукою человека с целью приспособления ее к постоянному или временному проживанию в ней. Более же осязательные следы пребывания в ней человека и вообще более

точное понятие о значении пещеры можно ожидать лишь от дальнейшего исследования.

В заключение позволяю себе высказать догадку, что исследуемая яма напоминает собой разрушенный курган, эта яма как будто звено в общей цепи курганов, показанных на планах. Вероятно, пещера была некогда маскирована насыпным курганом, быть может, с секретным ходом в пещеру. На эту мысль наводит нас следующее обстоятельство. Диаметр окружности ямы соответствует диаметру нераспаханных боевых курганов. Яма, как основания курганов, совершенно круглой формы. Наносная земля и ноздреватые камни, занесенные потоками дождевой воды в пещеру, могли быть остатками разрушенного кургана, иначе непонятно, откуда то и другое занесено; и, наконец, если рассказы местных стариков при дальнейшем исследовании подтвердятся, то должно оказаться, что упомянутые коридоры, через некоторое расстояние поворачивают, левый – на запад, правый – на восток, оба по направлению упомянутых боевых курганов.

С целью проверить, нет ли подземного сообщения между погребцем и курганами, я хотел было раскопать место, на котором находился ближайший из распаханых курганов, но принужден был отложить раскопку как за недостатком необходимых средств, так равно и потому, что хлеб находился еще на корню.

Член-секретарь Ворон[ежского] Губ[ернского]
Статист[ического] Комитета Л. Вейнберг.

15/VII 1888.

№ 5. Там же. Л. 21. ¹

28 июля 1888 г.

[Исх.] № 433

Госп[одину] Воронежскому Губернатору

¹ В оригинале документ имеется в виде черновика официального письма, написанного на бланке Императорской Археологической Комиссии.

Принося Вашему Пр[евосходительст]ву искреннейшую благодарность за присланный при отношении от 21 июля за № 61 отчет г. Вейнберга об исследованной им пещере близ Задонска, Импер[аторская] Археолог[ическая] Комиссия вместе с сим сделала распоряжение об отпуске ему авансом 200 руб. на дальнейшее исследование этой пещеры. Весьма желательно была бы также раскопка одного или двух из находящихся там еще нераспаханных курганов. Для руководства при этих работах прилагается при сем особая печатная брошюра.

Вместе с этим препровождается удостоверение на получение из Воронежского Губ[ернского] Казначейства 200 руб., в расходовании которых Комитет будет ожидать особого отчета по прилагаемой форме, независимо от отчета о производстве раскопок и результатах исследования, согласно отношению Комиссии от 21 октября 1887 года за № 532.

Подписал: И[справляющий] Д[олжность] Председателя Барон
Тизенгаузен

Скрепил: Произв[одитель] дел Ил.Суслов

Верно: Произв[одитель] дел Ил.Суслов

№ 6. Там же. Л. 24а – 45. ¹

Отчет

о раскопках, произведенных в семи верстах к северу от г. Задонска,
по распоряжению Императорской Археологической Комиссии
в августе и сентябре сего 1888 года

Члена-секретаря Воронежского Губернского
Статистического Комитета Л.Б. Вейнберга

¹ Отчет в сокращенном виде был опубликован: Раскопки Л.Б. Вейнберга близ гор. Задонска // Записки РАО. Т. VIII. Вып. 1 – 2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. СПб., 1896. С. 187–189. Подготовка к публикации осуществлялась А.А. Спицыным. В тексте и на полях документа имеются его многочисленные пометки.

Пространство земли, орошаемое реками Дон и Воронеж, и образующее острый угол, вершина которого бывший польский город Костенск, ныне с. Костенки, а стороны простираются до Липецка и Ельца, представляет собой местность в высшей степени интересную как в гео-археологическом отношении, так и в историческом. Эта площадь постепенно понижается с С[евера] к Ю[гу], с В[остока] к З[ападу]. Поэтому Задонский уезд весь изрыт речками и ручьями, впадающими с левой стороны в р. Дон. Большинство этих речек, когда-то судоходных, ныне вследствие беспощадного истребления лесов пересохло, а русла их в виде очень глубоких оврагов, продолжая ежегодно размываться весенними потоками, уже в настоящее время по всему уезду и до Ельца представляют множество глубоких обнажений, весьма интересных как для геолога, так и археолога. «Земля ползет, проваливается за грехи наши», объясняли мне крестьяне причину беспрерывно увеличивающихся оврагов в Задонском уезде. И действительно, хищническое истребление лесов имело здесь весьма печальные последствия для экономического благосостояния множества крестьян. По этим оврагам и обнаженному левому берегу Дона видно строение почвы левой стороны описываемого остроугольника: нижний пласт – известковый, над ним – глина, а верхний слой, смотря по местности, супесок или чернозем, чаще же и то, и другое. Этот нижний каменный пласт от Ельца и до с. Кошары представляет собою весьма прочный, крепкий каменный материал, тогда как далее к ю[гу], т.е. от с. Кошары и до крайних пределов описываемого остроугольника он сразу теряет свою прочность, легко разбивается на мелкие куски и подобно мелу выветривается на воздухе (*).

(*) Мне говорили, что камень для шоссе близ Задонска, по контракту с подрядчиком не может быть добываем из окрестностей этого города, а доставлялся из более северных каменоломен, верст за 20.

От вершины же этого остроугольника и далее к ю[гу] каменный пласт тянется уже чисто меловым кряжем, на котором расположены Гремячее, Костенки, Коротояк, Дивногорский монастырь и т.д. Таким образом, в

геологическом отношении описываемый остроугольник можно разделить на две неравных части: северную – от Ельца или от с. Патриаршего до с. Кошары и южную – до вершины угла. Характерными отличительными особенностями этих двух почв полагаю для северной – 1-е, отсутствие костей допотопных животных, которых, насколько мне известно, до сих [пор] там не находили, и 2-е, присутствие в нижнем известковом пласте *Gomphocera* *Tanaïs* и других видов, кои, во множестве встречаясь в северной части, ни разу мне не попадались южнее с. Кошары; для южной – обратно: начиная от с. Стебаева, где в текущем году впервые после весеннего разлива обнаружена в овраге огромная берцовая кость допотопного животного, чем далее на юг ископаемые кости встречаются все чаще, до самой вершины остроугольника, т.е. до с. Костенок, где их такое множество, что самый город получил по этой причине свое название. Раковины, встречающиеся на всем протяжении, суть преимущественно унгулиты и другие присущие известнякам виды.

В археологическом и историческом отношениях остроугольник этот замечателен тем, что в городищах и в особенности в курганах, густою сетью еще недавно покрывавших его, как и всю впрочем Воронежскую губернию, таится история многих до- и исторических племен и народов (*).

(*) Эти курганы, благодаря частому нахождению во многих из них и в немалом количестве серебряных монет, беспощадно истреблялись кладоискателями, с изумительно быстротою, главным образом под предлогом распахивания под посевы или проложения новых проселочных дорог.

Так, в них рядом с глиняными сосудами самой грубой работы встречаются урны, которые по изящности отделки сделали бы честь современному мастеру. В одних встречаются серебряные монеты и украшения XVI и последующих веков; в других же каменные изделия, как то стрелы, молотки и топоры, принадлежащие очевидно доисторической эпохе. Выкапывают также разные предметы, представляющие переходную степень

от грубого горшка к изящной урне. Весьма нередко встречаются и кожаные монеты, которые и не крестьяне тотчас же уничтожают как «хлам».

О некоторых замеченных мною гео-ботанических изменениях, претерпенных описываемую местностью, будет сказано в конце отчета.

21-го августа я прибыл вторично в Задонск и тотчас отправился на Селище. Хлеб оказался убраным, и явилась, наконец, возможность внимательно осмотреть все пространство, называемое народом Селищем. Селище представляет огромную площадь длиною (от В[остока] к З[ападу]) около трех верст и шириною (от Ю[га] к С[еверу]) около двух верст. Селище замкнуто с Ю[га] и З[апада] Тюнинским (Песчаным тоже) логом, с С[евера] рекою Проходнею, а с В[остока] оно примыкает к продолговатому холму. От этого холма вниз, т.е. с В[остока] на З[апад] и от Тюнинского оврага к Проходне, т.е. с Ю[га] на С[евер], площадь понижается сначала едва заметно, а приблизительно в 50-ти саженьях от своих пределов – довольно быстро. Края Селища повсюду обнажены в оврагах и местами, по берегу (левому) р. Проходни, на глубине 2 – 5 саж[ень]. Для наблюдения этих обнажений наиболее удобны края Тюнинского лога с каменного мостика, устроенного над ним, по дороге из скита в Задонск. Нижний пласт – цельный известковый камень, правильными плитами; пласт неизвестной толщины, так как он виден из земли лишь на аршин; над этим пластом – мелкий известковый камень, высота слоя которого почти равна всей остальной высоте края оврага, за вычетом $\frac{1}{2}$ - 1 арш[ина] супеска, составляющего верхний слой. Над супеском, несомненно, находился ранее слой чернозема, смытый, вероятно, дождями в овраг.

Пещера, представляющая центр этой площади, разделяет Селище в почвенном отношении на две части: восточную – очень бедную черноземом, местами не более $\frac{1}{4}$ арш[ина], и западную – весьма богатую, местами до 2 арш[ин] и более. Чернозем отсутствует лишь как по краям оврагов, так и на покатосях. Селище, - говорили мне старожилы, - до Севастопольской войны было покрыто лесом, преимущественно березняком, попадались также клен и

осина; дубов же не было, если не считать несколько мелких кустарников по опушкам леса.

Названия логов – новы, как и самые логи, образовавшиеся лишь в прошлом столетии, когда начались истребления лесов. Название «Тюнинский» дано по казаку Тюнину, которому вместе с казаками Дурневым и другими даны здесь поместья в вотчину еще царем Михаилом Федоровичем за Московское сиденье; зато все названия рек и местностей древние; Дон, Проходня, Тёшевка, Лебяжье озеро и др. носят свои названия с незапамятных времен. Исключение составляет лишь г. Задонск, названный так в 1779 г. при учреждении Воронежского наместничества, а до тех пор он назывался по имени своей речки – Тёшевкой. Задонское шоссе, по мнению местных жителей, проложено по тому же пути, по которому в глубокую старину шли монголы на Русь; как на доказательство, указывают на с. Даньшино близ Задонска: здесь будто бы русские послы передавали дань татарам. Сюда впоследствии, но тоже в старину, татары приезжали торговать, приводили скот; путь их шел по нынешнему шоссе. Тому доказательства названия сел: Старо-Животинное, Хлевное, Товарное и др. (*)

(*) Все поименованные села действительно упоминаются в актах начала XVII века.

Этою же дорогою Мамай, будто бы, вел свои полчища чрез Селище, перелезши сначала р. Дон, а потом проходил чрез р. Проходню, которая никогда глубокою не была, ее проходили в брод – отсюда и название Проходня. Когда Елецкая княжья рать проведывала о приближении воинских людей небольших, то встречала их на Селище, прикрываясь за боевыми (каменными) буграми, а если они бывали многочисленны, то, не вступая в бой, прятались в Погребнице (пещеру), что на Побнице, или уходили уходом. Все Селище было покрыто этими боевыми буграми, в которых каменный плитняк лежал сложенный венцом, а в середину и поверх его насыпан чернозем. Эти боевые бугры или курганы все разрушены не кладоискателями, так как в них ничего нет, кроме осколков битой глиняной

посуды, а крестьянами – владельцами земли ради этого камня, «который плотнее местного и крепостью походит на Елецкий камень».

Вот те дополнительные сведения, кои собраны были мною на месте. Обойдя Селище, я заметил, что все каменные курганы, за исключением одного, уже разрушены, и только благодаря остаткам плитняков, не увезенных крестьянами по причине, что они сидели крепко в земле, мне удалось отметить на плане местонахождение некоторых из них. Но вместо разрушенных каменных, я, к удивлению своему, заметил множество земляных насыпей, которые с первого взгляда не оставляли никакого сомнения в том, что это распаханые курганы, довольно значительных размеров (некоторые до 20 саж[ень] в диаметре) вышиною $\frac{1}{2}$ - 3 арш[ина]. Этими курганами покрыто все Селище и так густо, что местами они как будто сливаются. Нанести их все на план было слишком трудно за множеством их. Дальнейшие наблюдения показали:

1-е, что бóльшую часть их соха уже сравняла с поверхностью земли (*),

(*) Впрочем, так как рядом с ними сохранились и сравнительно высокие насыпи, то можно допустить, что они с момента своего появления были немного выше поверхности Селища.

2-е, что курганы эти, хотя почти все земляные, но отличаются между собою своими формами. По этим формам я делю курганы, находящиеся на Селище, на три вида: а., курганы каменные (боевые бугры по-местному), имевшие форму колокола, отмеченные у меня на плане знаком □; б., курганы с крутым боком с северной стороны, отмеченные полукругом, и с., совершенно круглые, имеющие форму пуговицы, - ○. Это неожиданное обстоятельство и побудило меня раскопать четыре кургана вместо двух, указанных в предписании Императорской Археологической Комиссии, а именно, по одному из трех упомянутых видов и один неизвестной формы, уже почти сравненный с землею (*).

(*) Последних очень много; их можно заметить, если стать на колени и наклонить голову к земле.

Затем я приступил к осмотру ямы, в которой находится пещера. Оказалось, что яма занимает середину четырехугольника искусственной террасы шириною (с В[остока] на З[апад]) около 30 саж[ень] и длиною около 50 саж[ень]. Уступом вслед за нею тянется другая, шириною (также с В[остока] на З[апад]) около 45 саж[ень] и длиною около 75 саж[ень]. Южная сторона обеих террас незаметно сливается с поверхностью земли, но прочие довольно ясно очерчены. На всех углах как верхней (меньшей) террасы, так и нижней (большей) находились по одному каменному кургану. На всем протяжении этих террас, на глубине 1 аршина, обнаруживается древесный уголь. Правильность форм этих насыпей и то обстоятельство, что почти с самой поверхности террас земля в них представляет беспорядочную смесь песка, глины, камня и чернозема, наводят на мысль, что террасы эти суть валы древнего укрепленного пункта. В общем, все Селище производит впечатление огромного исторического памятника двух или более народностей. По-видимому, более правдоподобные сведения о пещере мне удалось добыть от столетнего старца, крестьянина Варфоломея Кочетка, который в дни юности не раз спускался в пещеру со своим отцом. По его словам, прежний ход в пещеру, ныне засыпанный, был с З[апада]. Этот ход вел через переднюю пещеру (а), чертеж которой был приложен при предварительном отчете моем. Там находилась печка (b); далее ход, поворачивая на В[осток], выходил в самую пещеру, бывшую там, где теперь приходится дно ямы (см. прил. рис.). Громадный камень (с), действительно оказавшийся на глубине сажени на дне ямы, по словам Кочетка, служил ранее продолжением потолка пещеры (с¹) и был отломан крестьянами лет 20 тому назад от того же камня, который выстилает уцелевшую часть пещеры в виде потолка (с¹). Самая яма образовалась, по его словам, от того, что крестьяне сняли сверху насыпь и вынули всю землю с целью вытащить тогда еще целый камень – потолок (с + с¹) как для того, чтобы в пещере было светло и нестрашно, так и потому, что камень ценный, по крепости его будто Елецкий; но громадной величины камень этот, когда его переломали, упал и,

будто бы, прикрыл собою настоящий ход в погребище, а вытащить его нет никакой возможности. Кочеток уверял, что, спускаясь с отцом своим, они видели цветные платя, висевшие где-то там по стенам коридора, но не брали их за ветхостью: «чуть прикоснешься, глядишь, кусок и отлетел». На мой вопрос, видел ли он железные двери? – Кочеток отвечал: «Не хочу лгать, сам не видел, но еще до француза я слыхивал от стариков об их существовании».

На вопросы: почему они насыпи на Селище называют буграми, а не курганами, затем, - считают ли они пещеру искусственной или естественной и, наконец, если насыпи эти не курганы, то на каком основании они считают это поле Селищем, а пещеру называют Погребище на Побоище, - он отвечал: «как бы в буграх что-нибудь было, то так, а то они – так, - без денег; пещера же прямо от Бога: где же человеку наворочать камни в 400, 500, а то и более пудов? А что камень такой крепкий, какого близко нет, то это так, - от Бога; Селищем считаем потому, что, как срубили лес, стали пахать, то бывало, где соха пройдет, глядишь, то меч, то топор, все разное находили, стало быть люди жили; а название Погребище на Побоище у нас от дедов еще идет».

22-го августа я приступил нанятыми рабочими (каменщиками для пещеры и землекопами для курганов) к работе; одновременно с очисткою пещеры я занялся раскопкою кургана, отмеченного на плане № 1.

О пещере скажу вкратце. После первого исследования я, уезжая, окружил яму кольцом из камня и глины, вынутых из внутри пещеры, с целью преградить дождевой воде доступ в яму. Вернувшись, я нашел кольцо разрушенным: камни были увезены крестьянами – собственниками Селища. Лившие дожди наполнили яму и пещеру водою и совершенно подмыли заднюю стенку, вид которой был мною изображен на рисунке, приложенном к предварительному отчету. Все плитняки, составлявшие стенку, обвалились и были увезены в моем отсутствии крестьянами же; уцелела одна лишь печка, находящаяся на известной высоте от пола. Пещеру с большим трудом вычищали от наносной земли и глины в продолжение трех дней, а затем до Сентября из внутренней части пещеры (где находится печка), с большим

трудом извлекали глину, необыкновенно вязкую, перемешанную с мелким известковым камнем. Этим путем я рассчитывал или открыть ход в глубину пещеры, или же, если бы его там не оказалось, то подготовить углубление, куда можно было бы скатить громадный камень (с), (если бы он оказался на дне ямы), служивший, по словам Кочетка, потолком пещеры, а ныне будто бы закрывающий ход в нее. Углубив дно ямы на три аршина, я действительно наткнулся на этот камень, лежавший в наклонном положении (с В[остока] на З[апад]), но не заметив хода под ним, я занялся углублением dna уцелевшей части пещеры. Углубившись аршина на три, я и тут достиг каменного, вернее из битого камня трамбованного dna. Таким образом, в дне этой пещеры хода нет и нет его также ни влево, ни вправо, оставалось его искать в дне самой ямы, под камнем, где он, может быть, занесен глиною, или же в противоположной восточной стороне ямы; но я предпочел остаток отпущенной мне суммы употребить на раскопки курганов, обещавших быть не менее интересными в этом отношении.

Из числа достопримечательностей пещеры особенно достойно внимания следующее. По всей поверхности его и на всякой глубине, пока вычищали глину, в пещере постоянно попадались то древесный уголь, то кости телячьи, бараньи и птичьи, а также куски кожи. В самом же начале работ, почти на поверхности слоя глины, был найден тесак, одна сторона которого заострена, а другая в виде пилы. Затем на глубине около аршина в глине был найден замок от ружья и куски стали или железа, вероятно, от меча. Далее оказались железное копьё без древка и, если не ошибаюсь, - дротик. На глубине одной сажени от уровня dna ямы я нашел три сильно поврежденные каменные топора, гладильный камень, каменное грузило и три камня полые с отверстиями, вроде картечи, назначение коих мне неизвестно. Там же оказались черепа каких-то зверьков из породы грызунов и, кроме того, череп овцы и скелет быка: позвоночник, ребра и ножные кости, черепа не оказалось. Попадались также черепки глиняных сосудов, неодинаковой древности (*).

(*) Черепки эти, как впоследствии оказалось, имели много общего с теми, кои были найдены в курганах №№ 1, 3 и 4.

Наконец, когда дно было вычищено, то у самого входа из ямы в пещеру оказалось обделанное и совершенно почерневшее от времени дубовое бревно в 4 верш[ка] толщины, перекинутое в виде перекладины чрез всю пещеру с С[евера] на Ю[г] и опиравшееся обоими концами на громадные камни (Д).

22-го августа было приступлено к раскопке первого кургана, ближайшего к З[ападу] от пещеры из числа не вполне распаханных, отмеченного на плане № 1. Курган имел форму правильного полушара, одинаково покатою во все стороны. Длина его от северной стороны основания чрез вершину до южной и от восточной до западной одинакова по 15 саж[ень], величина окружности 40 саж[ень], высота кургана почти 5 арш[инов]. Этот курган, как и все остальные (кроме впрочем каменных) распахивался со времени исчезновения бывшего тут березового леса, т.е. с середины пятидесятих годов, поэтому показанные мною величины измерений не дают точного понятия о первоначальной его величине. Стальной щуп, длиною в 1½ аршина, свободно проникал в насыпь, нигде не встречая препятствия. В вырытой пробной яме оказались последовательно: чернозем (около 1 арш[ина]), затем супесок, далее песок и, наконец, на глубине 2½ арш[ина] слой темно-красной глины, которую я принял за материк. Отмерив от центра кургана по 4 аршина во все четыре стороны, так что образовалась квадратная площадь (А), шириною и длиною в 8 аршин, я прокопал канавы (В – В IV) от этой площади к окружности. Когда насыпь была сравнена с уровнем Селища, высота оставленной нетронутой площадки от поверхности Селища была 2 арш[ина]. Я решился копать одну только площадку (А), представляющую поверхность в 4 □ арш[ина]. Срезав верхний слой жнивья, я осторожно продолжал углубляться, оставив нетронутою только одну вершину в виде тумбы (С) в полтора аршина в обе стороны. В тщательно просеиваемом черноземе не оказывалось ничего интересного, и лишь на глубине, считая от поверхности тумбы, 2½ арш[ина] изредка начали

попадаться мелкие черепки битой глиняной посуды. На глубине 4 аршин чернозем заменила глина темно-красного цвета, чрезвычайно крепкая и перемешанная мелким известковым камнем; пришлось заменить лопаты ломами и даже при этих условиях едва удавалось углубиться на 14 – 16 верш[ков] в день. Очевидно, это был материк, но я продолжал копать потому, что глина была неодинаково окрашена, и по временам появлялся чернозем, широкою полосую тянувшийся через дно ямы. Достигнув глубины в 6 арш[ин] и не найдя ничего интересного, я прекратил раскопку. Побудительною причиною к прекращению раскапывания кургана было не столько убеждение, что я достигнул материка, сколько опасение истратить незначительный запас денег и вследствие этого лишиться возможности продолжать исследование пещеры и, что мне казалось важнее всего, потерять возможность изучить строение единственного еще уцелевшего каменного кургана, который в ближайшем будущем, несомненно, исчез бы с поверхности Селища и навеки пропал бы для науки. Решив более не углубляться, я приступил к раскопке оставленной тумбы (С), которая представляла собою четырехугольный столб вышиною в 2 саж[ени], состоящий из верхнего слоя чернозема, вышиною в 4 арш[ина] и нижнего – глины, вышиною 2 арш[ина]. Когда был снят весь слой чернозема, в котором не было найдено ничего интересного, то на поверхности слоя глины оказался небольшой глиняный сосуд, треснувший, вероятно, под давлением пласта чернозема. Сосуд был наполнен черноземом с жирным блеском, а на дне его оказался уголь вместе с комками земли сероватого цвета. Это открытие побудило продолжить раскопку того кургана, но, достигнув 8-ми аршинной глубины и пройдя весь слой глины, я наткнулся на пласт известкового камня, лежавшего на песке, почему и прекратил раскопку.

31-го августа я приступил к раскопке кургана, отмеченного на плане № 2, который как и №№ 1-й и 4-й – все земляные, а не каменные, как ошибочно у меня было сказано в предварительном отчете со слов крестьян, которым я по необходимости доверился, не имея еще тогда возможности лично

осмотреть Селище, с которого хлеб еще не был убран. Я смерил расстояние от пещеры к раскапываемым курганам шагами. Оказалось, что расстояние от пещеры до кургана № 1 и от него до № 2 одинаковое – по 120 шагов. Высота кургана № 2, имевшего также вид полушара, около 5 аршин, а величина окружности почти 39 саж[ень]. Длина кургана № 2 от восточной стороны основания чрез вершину до западной была 15 саж[ень], но от северной стороны основания до южной немногим более 12 саж[ень]. Этим курган № 2 отличался от № 1, причина тому – северная сторона его, круто, почти стеною спускавшаяся к поверхности Селища. Раскопку этого кургана я производил по той же системе, как и при № 1, т.е. копанием ямы в 4 □ арш[ина] – по четыре аршина во все стороны от центра. Сняв верхний слой земли с жнивьем и оставив тумбу в 1½ арш[ина] в обе стороны, я исследовал насыпь щупом, который во всех точках ее одинаково свободно проникал вглубь. Порядок наслоения в пробной яме оказался тот же, что и в первом случае, с тою лишь разницею, что толщина слоя чернозема доходит здесь до 2 арш[ин]. Сняв всю насыпь (за исключением тумбы), в которой грохотом не обнаружено ничего интересного, я продолжал углубляться и на глубине 4 арш[ин] от вершины тумбы начала показываться глина. Прекратив раскопку, я занялся исследованием ямы щупом, причем в юго-западном углу ямы щуп наткнулся на костяк. Я приступил к очистке земли вокруг костяка посредством железного шпателя. Скелет оказался человеческим, судя по плечевым и тазовым костям – это был мужчина. Костяк находился в полулежачем положении, судя потому, что верхняя часть костяка была приподнята, причем череп покоился на камне, а колени приподняты, руки были протянуты вдоль костяка, который лежал на спине, головою к западу, а лицом глядел на восток. Костяк лежал на слое утрамбованной глины, имел над собою пласт чернозема, толщиной в 4 арш[ина]; вероятно вследствие влияния чернозема, костяк оказался слишком истлевшим, а от давления пласта на череп, покоившийся на твердой подставке, последний треснул в правом виске и кроме того разошелся по швам, почему и челюсти оказались

искривленными и сильно наклоненными к правой стороне лица; суставы ножных и некоторых ручных пальцев и большинство ребер или истлели, или же превращались при прикосновении к ним в светло-коричневый порошок. Не имея надежды извлечь костяк без дальнейших повреждений, я решился смерить его на месте. Окружность черепа над глазными впадинами = $11\frac{1}{2}$ верш[ков], длина лица = $5\frac{1}{4}$ верш[ков], ширина в плечах = $9\frac{1}{2}$ верш[ков], длина всего костяка почти 2 арш[ина] 7 верш[ков].

Вокруг костяка, несмотря на самый внимательный осмотр, никаких предметов не найдено. Удалив остатки чернозема из ямы, я продолжал углубляться, причем, ввиду чрезвычайной твердости глинистого слоя, железные лопаты были заменены ломом. Стальной щуп с заостренным концом с трудом проникал в дно ямы, везде почти ударяясь о мелкий известковый камень, перемешанный с твердою глиною; присутствия костяков я, по-видимому, вправе был не ожидать более, потому что каждый раз, когда щуп, опущенный в дно, встречал твердое тело, я старался повторенным опусканием его вокруг встреченного препятствия определить формы, размеры и направление неизвестного твердого тела, которое всякий раз оказывалось лишь обыкновенным камнем; но пройдя слой глины на один аршин от его начала, или, что одно и то же, от высоты, на которой был найден костяк и убедившись щупом, что еще на глубине не менее $\frac{1}{2}$ арш[ина] ничего не предвидится интересного, я занялся размельчением руками глиняных глыб, за невозможностью просеивать их на грохоте. Подняв обеими руками большую глыбу, которую лом отделил в северо-восточном углу ямы, я, к удивлению моему, заметил верхушку черепа, видимого изнутри глыбы с левой стороны ее. Положив глыбу обратно, в прежнем положении, я убедился, что череп лежал лицом на В[осток]. Так как, кроме черепа, никаких других костей найдено не было, то распорядившись расширить стенки ямы на $1\frac{1}{2}$ арш[ина] к С[еверу] и В[остоку], я занялся исследованием места, где был найден череп. Несмотря на самое тщательное исследование ни костей, ни их следов не было отыскано; но вслед затем из

другой глыбы глины была добыта небольшая кучка маленьких стрел, молоточка, разрисованного камешка и что-то вроде башмачка; все это лежало позади черепа в изголовье. Череп оказался вполне истлевшим, сохранить его в целости я не надеялся: очевидно, он сохранял формы лишь благодаря плотности глины, в которой он находился. Посредством ножечка и шпателя удалось мне осторожно очистить череп от глины лишь настолько, чтобы можно было его смерить. Окружность черепа над глазными впадинами = $6\frac{3}{4}$ верш[ков], длина лица = $3\frac{1}{2}$ верш[ка]. Сохранив его измерения, я уже рискнул продолжать очистку черепа от глины, но он рассыпался на мелкие кусочки, не будучи еще очищен и наполовину своей величины. Величина этого черепа, очевидно, детского и кучка предметов в меньших против обыкновенного размерах, найденных при нем, вызывали предположение, что здесь было похоронено дитя вместе с его игрушками. Дальнейшие раскопки не обнаружили присутствия следов человека. Углубившись еще аршина на три в очень твердый (глина с камнем) грунт, я прекратил работу и приступил к раскопке единственного уцелевшего еще каменного кургана (по одним боевого, а по другим просто бугра).

Он находился на Ю[го]-З[ападе] от кургана № 2, приблизительно в 300 шагах по ту сторону дороги, соединяющей верхнюю скитскую с нижней Лебедянскою. Курган имел форму колокола или опрокинутого котла, ширина которого у вершины была 2 арш[ина], а по мере приближения к основанию ширина его постепенно увеличивалась, так что диаметр каменной площадки на уровне Селища равнялся 4 арш[инам]. Высота кургана была 3 арш[ина]. В цельности кургана нетрудно было убедиться: на плоской вершине его рос кустарник, и вся поверхность его была покрыта дерном, по словам крестьян, все бугры были одной величины и формы с этим. Каменные курганы тянулись цепью вдоль Песчаного оврага и поворачивали дугою на С[евер] к р. Проходне, в весьма близком расстоянии один от другого. Затем, на самом Селище их нет, за исключением упомянутых 8-ми по всем углам двух террас кругом пещеры.

Очевидно, раскопка кургана с подобным строением не могла быть произведена ни по одному из способов, указанных в присланной мне «Инструкции для опис[ания] и раскоп[ок] курганов». Я нашел наиболее целесообразным разрезать его сверху вниз пополам, ибо этим путем приобреталась возможность более наглядно изучить его строение. Я разрезал его по С[еверному] диаметру. По снятии с намеченной половины дерна, заметно стало, что курган состоял из круглой кучи известковых плитняков, сверху и по бокам ноздреватых, совершенно плоских и белых, прикрытых сверху слоем чернозема в $\frac{1}{2}$ арш[ина], а по бокам в $\frac{1}{4}$ арш[ина]. Плитняки чем ближе к основанию, тем становились крупнее; плотно слежавшиеся камни, промежутки между которыми были наполнены землею, приходилось вынимать руками; их снимали слоями сверху вниз. Ознакомившись со строением надземной части кургана, в которой ничего кроме камней и земли не оказалось, я вознамеривался продолжать раскопку вглубь, с каковою целью ломами разбивал плитняк, лежавший в подземном основании кургана, и, вероятно под тяжестью кургана, так плотно слежавшийся, что ни руками и никаким орудием, кроме лома, его извлечь нельзя было. Лишь только я проник под поверхность Селища, как в кургане начали попадаться черепки сосудов, образчики которых при сем прилагаю, и какая-то грибовидная окаменелость, оказавшаяся на глубине двух аршин под поверхностью Селища, в центре ямы. Вследствие полного израсходования денежных средств, отпущенных мне авансом, я прекратил дальнейшее исследование боевого кургана, имевшего интерес лишь в надземной своей части, так как подземная часть почти всех боевых курганов поныне не тронута и легко узнаваема по белому круглому пятну из камней на желтом фоне Селища.

Мне не хотелось покинуть Селище, не исследовав один из тех многочисленных курганов, которые или никогда не были высокими, или же сравнены с поверхностью Селища сохою пахаря; поэтому избрав один из таковых, я приступил к раскопке на собственные средства. Этот курган, отмеченный на плане № 4, находился лишь в 20 шагах к Ю[го]-З[ападу] от

кургана № 1. Сказать что-либо о его размерах не могу, так как наивысшая его точка – вершина – возвышалась над поверхностью Селища не более как на $\frac{1}{2}$ арш[ина] и шла одинаково отлого во все стороны, незаметно сливаясь с поверхностью Селища.

Взойдя на этот курган, трудно было отыскать его высшую точку, которую я определил лишь таким образом, что, став на колени в некотором расстоянии от него, я указывал посланному, где ему остановиться, чтобы очутиться в центре, для этого мне пришлось четыре раза перемещаться по 4 сторонам света. Определив центр, я отмерил от него во все четыре стороны по 4 арш[ина] и соединив эти точки прямыми линиями, приступил к раскопке квадратной в $64 \square$ арш[ина] (8 x 8) ямы. Тут на каждой точке, как было ранее при курганах №№ 1 и 2, щуп свободно уходил в почву, нигде не встречая препятствия. Выкинув землю (сплошной чернозем без всяких примесей) до глубины в $1\frac{1}{2}$ арш[ина], я вторично исследовал дно ямы щупом по всем направлениям; щуп свободно проникал в землю лишь на $\frac{1}{2}$ арш[ина], а там движение его вглубь задерживалось какою-то каменною преградой. Я велел осторожно снять оставшийся слой чернозема в $\frac{1}{2}$ арш[ина], после чего на глубине двух аршин обнаружился слой глины необыкновенно плотный, но без камней. Грунт был столь твердый, что железные лопаты с большим трудом проникали в него. Осмотревшись внимательно, я заметил, что не все дно ямы выстлано твердою глиною, что этот глиняный твердый пол почти на аршин во все стороны (кроме северной) не достигает до стен вырытой мною ямы; этот промежуток между глиняным полом и стенками ямы состоял из рыхлого чернозема – прямое продолжение верхнего черноземного слоя. Это обстоятельство навело меня на мысль, не касаясь глиняного слоя, копать чернозем вокруг него на аршин ширины между стенками ямы и этим слоем. С северной же стороны оказался мелкий известковый камень, который пришлось ломать ломом, зато с прочих трех сторон лопаты свободно проникали в землю. Достигнув глубины $1\frac{1}{2}$ арш[ина], следовательно 4 арш[ин], считая с поверхности Селища, я и тут наткнулся на твердый слой

глины и прекратил раскопку. В выкопанной яме в 64□ арш[ина], т.е. шириною и длиною по 8 арш[ин], при 4 аршинной глубине находилась квадратная глиняная тумба, вышиною в два аршина и длиною по все стороны по три аршина, т.е. в 36 □ арш[ин]. Было приступлено к разрытию этой тумбы; глину осторожно срезывали тонкими слоями железными лопатами. С северной стороны тумбы, на аршин от восточного угла скоро обнаружился глиняный сосуд, а под ним виднелись белые камешки; вслед за первым, на одной же линии, на аршин расстояния от западного угла показался второй такой же сосуд, также стоявший на камне. Не снимая их с места, я продолжал раскопку с западной стороны. Здесь на аршин от северного угла вскоре показался такой же сосуд, а вслед за ним, на одной линии, на аршин расстояния от южного угла – еще один такой же сосуд; все эти сосуды стояли на круглых подставках, выложенных из камешков. В южной же части тумбы ничего не оказалось, в то же время в западной стороне тумбы обнаружилась арка, сложенная из белых камешков, связанных глиною. Арка имела вышину в 1 арш[ин] и ширину в 1¼ арш[ина], она находилась на одной линии с сосудами и в равном расстоянии от С[еверного] и Ю[жного] углов; имела форму суфлерской будки, с отверстием к З[ападу], а выпуклостью к В[остоку]. Она была наполнена землею, смешанною с незначительным количеством глины. Когда эта земля была удалена руками, то дно арки оказалось выложенным мелким, белым известковым камнем, на нем были сложены в два ряда по две трубчатые кости передних бычачьих ног, а на них лежал череп быка, носом к востоку. По мнению мясников, бык был крупной породы, 4 – 5 лет. Не желая нарушать цельности картины, я оставил на своем месте и сосуды, и арку с черепом и продолжал разрывать тумбу с Ю[га] и В[остока]. Здесь, с обеих сторон, вскоре обнаружился костяк человека, лежавший в каменной, выложенной из мелких камней, могиле, походившей на широкое и плоскодонное корыто. Как ложе, так и костяк находились по направлению с С[еверо]-З[апада] на Ю[го]-В[осток]. Костяк лежал на левом боку с поджатыми ногами и с скрещенными руками, лицом глядел на

С[еверо]-В[осток]. Ширина каменного ложа была $1\frac{1}{2}$ арш[ина], а длина вдвое; толщина каменной кладки гроба в 4 верш[ка]. Пред лицом костяка, с левой стороны, в расстоянии 10 верш[ков] от черепа стоял глиняный сосуд на круглой подставке, выложенной мелким белым камнем наподобие плоской тарелки^(*); на точно таких же тщательно сложенных из мелких камней тарелках или подносах стояли и все остальные сосуды в этом кургане.

^(*) Этот сосуд по величине напоминал найденного в кургане № 1; но отличался от него узкою шейкою.

Сосуд этот, стоявший близ черепа костяка, отличался от всех прочих сосудов тем, что он был вдвое выше их и грубой небрежной работы. По правой стороне черепа и в таком же расстоянии от него лежал темно-серый камень, каких на много десятков верст кругом не встречается, который оказался частью разрезанным на плитки, из коих верхняя была уже разрезана на треугольники – вероятно стрелы. Все мои старания отыскать орудие, коим резали камень, оказались напрасными. Костяк уже в порядочной степени поврежден, а череп раздавлен тяжестью находившегося над ним пласта глины и земли. Некоторые кости, а в особенности ступни уже превратились в прах. Измерение костяка показало, что это был человек огромного роста. Ширина черепа = $13\frac{1}{2}$ верш[ков], длина лица = 6 верш[ков], ширина в плечах = $16\frac{1}{2}$ верш[ков], длина всего костяка 3 арш[ина] 2 верш[ка], не считая отсутствующих ступней, около 1 – $1\frac{1}{2}$ верш[ков]. На руках и ногах ничего не найдено, как равно возле ушей, но под черепом на том месте, где приходилась шея, собрано мною несколько мелких вещей, препровождаемых мною при отчете. Кроме того, в промежутке между двух камней, в стенке могилы найден кусок как бы свалывшейся овечьей шерсти. Вся могила кургана № 4 обнаруживала большую заботливость и тщательность при сооружении ее. Гигант – покойник, быть может, за свое искусство резать стрелы, пользовался особым вниманием соплеменников. Любопытно, что ни в арке под черепом быка и нигде во всем кургане не найдено ни угля, ни золы. Этот костяк, как и прежний, оставлен мною в помещении Задонского

Полицейского Управления, на случай требования. Сосуды же, вследствие давления сверху, все потрескались, но вновь склеены^(*).

(*) К сожалению, мне не удалось восстановить в прежнем виде ни одного сосуда.

Во всех пяти сосудах оказался лишь чернозем с жирным блеском, за исключением высокого сосуда, стоявшего пред лицом костяка; на дне которого найден комок светло-коричневого цвета, по всей вероятности остаток истлевших костей. По снятии тумбы, раскопка кургана вглубь продолжалась до глубины двух сажень, на этой глубине слой глины сменился песком, и работа была прекращена.

Выводы. Пробыв 20 дней в описываемой местности и ближе познакомившись с ее внешними формами и внутренним содержанием, я убедился в основательности большинства преданий, сохранившихся в памяти местного населения, о ее прошлом. И в самом деле, местность эта была Селищем, в чем убеждает нас, помимо массы курганов, множество предметов древнего домашнего обихода, как топоры, молотки, секиры, битые и целые сосуды, ружья, мечи и многие другие из камня, меди, железа, кожи и т.д., кои одновременно были найдены на самой поверхности его. Часть Селища, замкнутая цепью каменных курганов, народное предание называет побоищем, т.е. местом кровавой, жестокой битвы. Пещера же, которую одни называют Погрѣбищем, а другие Погребѣищем, вероятно хранила или хранит (если она окажется нерасхищенной кладоискателями) в себе историю обитателей, начиная от каменного века и тех, которые производили более изящные сосуды, до текущего века включительно. И действительно, на протяжении 2 – 3 саж[ень], считая сверху вниз, в этой пещере были найдены тесак и обломок чугунной (английской) плиты, относящиеся к 30-40 гг. текущего столетия, и каменные орудия на дне ее. Здесь, на этом Селище, каждый клочок земли носит на себе несомненные следы давнего пребывания человека. Не менее любопытны гео-ботанические изменения, претерпенные Селищем в течение многих веков; я об них упоминаю потому в особенности,

что ими до некоторой степени объясняется древность раскопанных мною могил.

В начале моего отчета было упомянуто, что при прохождении слоя в курганах, состоявшего из чистой глины, обыкновенно на глубине 1 – 2 саж[ень], встречался чернозем, тянувшийся горизонтальною полосою по разным диаметрам кургана. Сначала я не умел себе объяснить неожиданное появление чистого, плотного чернозема в подобной форме на столь значительной глубине. Впоследствии обнаружилось, что эти полосы имели связь с совершенно круглыми и черными пятнами, резко выделявшимися на глинистых стенах кургана. Эти черные, круглые пятна, имевшие нередко в диаметре до 5 и более вершков, по тщательном исследовании, оказались перетлевыми корнями каких-то громадных деревьев, когда-то, по-видимому, довольно густым лесом росших здесь; убедившись, что этот чернозем образовался из корней перетлевших громадных деревьев, мне захотелось определить их породу. Случай помог мне в этом. При дальнейших раскопках, но только вблизи поверхности Селища, мне часто попадались в почве верхние части корней разных недавно истребленных пород деревьев, как березы, клена и др.; кора эта находилась в земле в виде полой трубки, почти без следов древесины или чернозема; эти же черные пятна, на большей глубине, отличались большою плотностью и очевидно принадлежали громадным корням могучих дубов, каких ныне нигде более в округности нет.

Принимая во внимание, что Селище еще в начале XVII века, при царе Михаиле Федоровиче, было покрыто березовым лесом, который, вероятно, нескоро заменил громадные вековые дубы, росшие до того на Селище, и что костяки найдены в могилах на 1 – 2 арш[ина] ниже самых нижних корней этих громадных дубов, можно с некоторою вероятностью предположить, что могилы эти принадлежат народу, жившему тут не ближе Р.Хр., т.е. около 2000 лет. Каменные же курганы, по всей вероятности, принадлежат более позднейшим обитателям Селища, а пещера служила местопребыванием

человеку с незапамятных времен и до наших дней. Ботанические изменения, претерпленные Селищем, находятся, по-видимому, в тесной связи с геологическими. Наросший толстый слой чернозема, очевидно, влиял на изменения древесных пород Селища, а глубокие овраги, образовавшиеся вокруг Селища, изменили его внешние формы и частью сдвинули чернозем к западу, частью же смыли его дожди с этой плоской и слегка покатой возвышенности.

Селище заслуживает дальнейшего исследования, и если Императорской Археологической Комиссии угодно будет продолжать раскопки, то позволяю себе высказать, что особенного внимания, по моему мнению, заслуживает находящийся на С[еверо]-В[осточной] части Селища большой курган, почти слитый с двумя маленькими, и что желательно было бы закончить исследования каменного кургана № 3 и пещеры. На все это, мне кажется, достаточно будет 250 – 300 руб. Кроме того, прошу разрешения Комиссии на производство раскопок некоторых курганов в Задонском уезде, находящихся на помещичьей земле, из коих некоторые уже раскопаны лет 20 тому назад, но так ненаучно, что и поныне, как меня уверяли, оттуда достают разные предметы, имеющие историческое значение. На эти исследования не требуется пособия, потому что мне обещаны даровые рабочие.

В заключение считаю долгом упомянуть о значительных и бескорыстных услугах, оказанных мне при раскопках иеромонахом Задонского монастыря О[тцом] Геронтием и местным Полицейским надзирателем Александром Ильичем Саловкиным. Первый принял на себя надзор за правильным ходом работ в пещере и тем дал мне возможность сосредоточить свое внимание на раскапываемых курганах, а второй – помимо полного нравственного содействия, как наем рабочих по сравнительно низкой цене и проч., лично участвовал трудом, помогая мне работать с лопатой в руках, что особенно было нелегко в последние шесть дней (с 1-го по 6-е Сентября), когда холодный дождь шел почти непрерывно от утра до вечера.

И[справляющий] д[олжность] секретаря Ворон[ежского] Губ[ернского]
Статист[ического] Комит[ета] Л. Вейнберг

Воронеж

22.IX.1888

№ 7. Там же. Л. 23. ¹

Предметы, найденные:

а, В пещере

- I. – Тесак
- II. – Куски кожи
- III. – Обломки разных инструментов
- IV. – Обломки железных орудий
- V. – Копье, дротик и оружейный замок
- VI. – Грузило
- VII. – Гладило
- VIII. – Черепки глиняных сосудов
- IX. – Треугольные камешки, вероятно, стрелы
- X. – Предметы, назначение которых неизвестно
- XI. – Три полых каменных шара
- XII. – Каменные молотки и топоры (обломки)
- XIII. – Кости
- XIV. – Уголь

б., В кургане № 1

- I. – Содержание сосуда, найденного в тумбе

с., В кургане № 2

I. – Глиняные черепки, найденные в насыпи, и зуб с косточкою, оказавшиеся возле черепа костяка (в Ю.-З. углу) и часть черепа его

¹ Приложение данной описи обусловлена утратой коллекции и отсутствием каких-либо прорисовок, чертежей, фотографий отдельных вещей.

II. – Предметы, найденные позади детского черепа

d., В кургане № 3 (камен.)

I. – Черепки глиняных сосудов

e., В кургане № 4

I. – Камень, разрезанный на плитки

II. – Предметы, собранные под шею костяка, и шерсть

III. – Два камешка, найденные в кургане, неизвестного происхождения

f., На Селище

I. Предмет, найденный в пробной яме близ кургана № 3

Приложение к главе 3.

№ 8. РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 148. 15 л.

Воронежская губ[ерния]

Рекою Доном губерния разрезывается на две части - различные по характеру местности. Западная, более возвышенная, покрыта кряжами мелового образования, левая представляет собою низменную равнину, лишь слегка волнистую. Правая сторона имеет в общем склонение от севера к югу и от запада на восток. Главные кряжи, два, выходят из Курской губернии. Из них северный составляет правый берег р. Девица, достигает до Дона и, повернув на юг, следует по течению этой реки, составляя ее нагорный живописный берег. Южный кряж выходит из Новооскольского у., тянется на восток по Бирюченскому у., отсюда у ... поворачивает на юго-восток и через Богучарский у. направляется в Донскую область. По левой стороне характер возвышенности имеют правые берега северных рек; все остальное пространство ровное.

Вообще же губерния, при отсутствии значительных возвышенностей и лесов, представляет открытую площадь. Правые реки текут в высоких берегах; их меньше, чем левых притоков Дона. Дон, Воронеж и Хопер судоходны. Лето в губернии держится жаркое, зимы сопровождаются

значительными холодами. Вследствие этого здесь обычно произрастают однолетние растения и мало лесов; реки вскрываются рано и замерзают поздно. Дождя и снега выпадает мало. Ветры отличаются силою и продолжительностью. Основная подпочва губернии – мел и песчаные меловые формации; в северо-западной части губернии заканчивается основная формация, идущая от Валуйского правобережья. Ледниковые наносы ограничиваются также этой площадью. Слой чернозема в западной части губернии довольно массивный и не знает удобрения; в восточной попадаются песчаные наносы, лишенные всякой растительности. Основные занятия населения – земледелие и скотоводство. До XVIII в. край изобилует лесами, от которых ныне осталось лишь несколько значительных рощей; господствующая порода – дуб и береза. Самые значительные дачи: Усманская в Острогожском у., Шипова в Павловском у. и Теллермановская в Новохоперском у.

Губерния знает человека со времени палеолита. В с. Костенках, находящемся на Дону несколько ниже впадения в него Воронежа и расположенном на второй речной террасе, с давних пор известно обширное местонахождение мамонтовых костей, подвергнутое исследованию уже Гмелиным (в 1769 и 1770 гг.). Но только столетие спустя благодаря раскопкам Академии Наук, а потом Исторического музея, открыто было, что это костяк есть не что иное, как замечательная стоянка каменного века. Раскопками сперва Полякова (в 1879 г.), а вслед за ним А.И. Кельсиева (1881 г.) обнаружено, что под селом на глубине до 2 аршин пролегает слой глины до 1 аршина глубиной, в котором внедрены многочисленные остатки мамонтовых костей, а вместе с ними различные поделки человека палеолитической поры. Кости мамонта встречаются самые разнообразные, но ни разу не найдено целого скелета; иногда кости расколоты или обожжены. В разных местах найдены прослойки золы, и около них чаще всего попадаются, в значительном количестве, поделки из кремня именно ножи, скребки, острия и ядрища. Других орудий не найдено, а равно черепков и углей. Лучшие

находки сделаны во дворе крест. Фокина, под которым, по-видимому, находилось особенно обширное пепелище.

Второе подобное местонахождение мамонтовых костей с вещами нами обнаружено несколько ниже Костенок, у с. Борщева.

Отдельные находки предметов неолитической поры каменного века в Воронежской губ. встречены: на левом берегу р. Дона против Костенок /кремневые стрелки и иные /другие/ орудия/¹ 1) Кельсиев²,

на правом берегу Дона против Червленого яру /3 широкие и плоские наконечника стрел или копий, довольно значительных размеров/ 2) найдены Вейнбергом и в сл.Марченковой, Ольховатской вол. Острогожск.у.

/прекрасный большой шлифованный молот скорее медного века/ 3) см. статью Зверева.

Старший медный век в губернии значительно развит, в виде курганов с окрашенными и скорченными костяками. Сюда относятся несколько любопытных курганов /в статье может быть, к каменному же веку доведется отнести/, раскопанных г. Вейнбергом в 1888 г. близ Задонска на так называемом Тюнином селище. В вышину эти курганы имели до 5 арш. В одной насыпи /в одном кургане/ в центре /несколько выше поверхности земли/ найден был глиняный сосуд, заключающий на дне уголь /вместе/ с комками серого цвета. В с.-в. поле другого найден был детский череп, а в изголовьях кучка каменных стрел, каменный молоток, раскрашенный камешок и что-то вроде «башмачка». В третьем кургане, совершенно распаханном, на глубине 4 арш., на особом овальном ложе из камешков лежал костяк большого роста, на левом боку, в скорченном положении. У головы, на круге из камешков, стоял грубый глиняный сосуд, к з. от головы находился камень, отчасти распиленный на треугольнички. Несколько в отдалении к з. расположены были в линию 3 глиняные сосуда, стоявшие на кружках, выложенных белыми камешками; между двумя из них поместился

¹ В скобках даны вставки по тексту

² Подобным образом намечены ссылки

свод или, скорее, ниша из скрепленных глиною камешков до 1 арш. вышины, под которым на особой подстилке из камешков находились передние ноги и голова быка. 1) Спицын. Раскопки Вейнберга близ Задонска.

В 1869 г. в имении Муравьева-Карского, при слиянии Дона и Сосны, близ д. Скорняковой раскопаны были три /также примыкающие по находкам к медному веку/ кургана медного века. В большом кургане в грунтовой яме глубиною 1 ½ арш. Обнаружен был истлевший шатер из толстых бревен, а под ним найден тонкий пластинчатый нож /найдено тонкое пластинчатое копье/. В другом кургане, меньших размеров, на той же глубине найден был костяк, лежащий головою на с.-в.; выше правого плеча скелета лежал такой же медный нож /лежало такое же медное копье/ и прекрасно сработанная /изготовленная/ кремневая стрелка, а рядом с головою стоял искусно орнаментированный глиняный горшок, в котором найден цилиндрический обрубок рога и медное острие /обычная медная стрелка с острыми концами/. В третьем кургане найден лишь медный нож /один лишь наконечник копья/. 2) Зверев, ПК на 1893 г.

В кургане, хищнически раскопанном в 1892 г. близ с. Белый Колодезь Валуйского у., найдены: глиняный горшочек с узорами, другой горшочек, дубовые бревна, небольшой комок краски; возможно, что в кургане были и иные вещи. 3) Зверев, ПК на 1893 г.

В 1909 г. проф. С.Ф. Платонов раскопал курган с двумя окрашенными костяками близ г. Валуйки. Вышина кургана 1 саж 10 верш. Один из костяков лежал в очень неглубокой яме, на правом боку, головой на юв. Оригинальность погребения заключается в том, что вокруг костяка устроена была рамка из маленьких камешков 1). Валуйский Земский Листок. 1909 г. № 46.

В Историческом музее имеются вещи из кургана, раскопанного близ с. Марченково Острогожского у.: ...кремневая стрелка, молоток и ... 2) Указатель Исторического музея, стр.

В 1899 г. близ с. Мазурки Новохоперского у. раскопан был курган вышиною до 2 ½ саж, диаметром до 20 саж. На материке обнаружены остатки камеры или шатра из дерева, а потом в виде белой, довольно рыхлой массы. В двух стенках сооружения были ... признаки дверей. На подстилке найдено 12 горшков, медные предметы /кованый наконечник копья со втулкой, 4 медные ножа, четырехгранный наконечник стрелы/, булава из красивого белого камня с блестящей поверхностью и кружок из мрамора 3) В архиве 1899. № 66. – Археологические раскопки Московские ведомости, 1899, 241.

В Воронежском музее хранятся следующие вещи типа культуры крашенных костяков: горшок из с. Хренового (*пропуск места – Е.З.*), маленькие кремневые наконечники стрел, длинный кремневый нож и костяное кольцо из Червленого Яра и вещи из раскопок г. Трунова близ ст. Тойда /2 медные круглые браслеты красной меди и черепок/.

В 1891 г. сделаны весьма интересные находки медного века, по-видимому, старшего, близ с. Скакун Землянского у. /на границе с Орловской губ./ в торфянике, расположенном в балке, были найдены: два топора обычной формы, сломанный клин, долото с круглым насадом, небольшое острие, из которого находчик сделал иглу, и, наконец, долото с круглым насадом, свернутым из пластинчатой верхней части /сломанная пластина, расширяющаяся к одному концу, небольшой дрот, из которого находчик сделал иглу, и, наконец, долото с круглым насадом, свернутым из пластинчатой верхней части/ 1) Г. Зверев, произведший в следующем году изыскания на месте находки, обнаружил, что она сделана (*перечеркнуто – Е.З.*) приобрел некоторые новые предметы, именно большой топор той же формы, но с продольным выпуклым пояском на обухе, другой такой же топор, с несколько приподнятой верхней частью и долото описанной выше формы 2).

Уже имеются из губернии и находки отдельных находок среднего и младшего медного века. Под Дивногорским Маяцким городищем.

В музее Киевской Духовной Академии имеется отличный медный кинжал с гранью на клинке и с рукоятью, имеющей продольный вырез, из с. Александровки Острогожского у. 3) Указатель музея.

Вещей древне-сарматской поры пока в губернии не найдено, но зато обнаружены хорошие курганы средне-сарматской культуры, шедшей, очевидно, из Танаиса. В 1899 г. хороший котел сарматского типа найден был при неизвестных обстоятельствах в кургане близ с. Мазурки (Никольское) Новохоперского у. 1) в архиве ИАК 1899. № 66.

Ни курганов, ни могильников, ни городищ, ни отдельных находок римского времени в губернии пока не было обнаружено, но это не значит, что их здесь нет.

Зато Воронежская губерния доставила несколько интересных находок ...времени, вообще чрезвычайно редких в средней России. Близ с. Колосково, недалеко от Валук, при железнодорожных сооружениях в 1895 г. обнаружены были очень интересные вещи приблизительно VI – VII вв. или несколько более раннего времени. В Императорскую Археологическую Комиссию отсюда поступили: 5 больших медных фибул с выступами по верхнему краю и схематическими головками на другом конце, орнаментированных сплошным узором из концентрических кружков с точками посередине, обломки гладких шейных гривен с суживающимися концами, значительное количество целых и поломанных браслетов простой формы, серебряная поясная пряжка и наконечник от пояса, гладкие, с ажурными вырезками, несколько крупных спиральных подвесок, синие, зеленые и янтарные бусы малых размеров и 2 железных наконечника копий. Все украшения вылиты из латуни. На некоторых предметах следы огня, показывающие, что эти вещи происходят из погребений...совершены по способу трупосожжения 1). /В Императорскую Археологическую Комиссию отсюда были доставлены: 5 больших фибул так называемого готского типа с выступами по верхнему краю и схематическими головками на другом конце, орнаментированных сплошным узором из двух концентрических кружков с

точкою посредине 2), обломки гладких шейных гривен с суживающимися концами, значительное количество целых и поломанных браслетов простой формы, серебряная пряжка и наконечник от пояса, гладкие, с ажурными вырезками, несколько крупных спиральных подвесок, синие, зеленые и янтарные бусы малых размеров и 2 железных наконечника копий. Все украшения вылиты из латуни. На некоторых предметах следы огня, показывающие, что в могильнике все или некоторые находки были подвергнуты сожжению/ 3). Н.Е. Макаренко, командированный на место находки,

К более позднему времени, именно к VIII в., относятся вещи, найденные в 1869 г. в кургане несколько выше по р. Осколу, в имении г-жи Муравьевой, в овраге на отвесье Попова леса. Остов, судя по рассказам находчиков, лежал на угольях и был присыпан сверху известкой. Возле скелета справа лежала кольчуга, в руке находился клинок меча, на голове железный шлем, на груди оказались две золотые византийские монеты VIII в., висевшие в качестве украшения в ободочках, а на поясе найдено несколько интересных серебряных и золотых пряжек и бляшек; орнамент их – пальметка с плодами, листочки, бисерные нити, переплет. /В 1869 г. , несколько выше по р. Осколу, в имении г-жи Муравьевой, в 4 в. от правого берега реки, в овраге на отвесье «Попова» леса найдено было погребение воина. Остов, судя по рассказам находчиков, лежал на угольях и был присыпан сверху известкой. Возле скелета справа лежала кольчуга, в руке – клинок меча, на голове находился железный шлем, на груди, ниже ключиц, оказались две золотые византийские монеты VIII в. (первой и последней четверти века), висевшие в качестве украшения в каких-то ободочках, а на поясе найдено несколько интересных серебряных и золотых пряжек и бляшек. Орнамент их – пальметка с плодами, листочки, бисерные нити, переплет./ Н.Е. Макаренко производил расследование на месте и убедился, что вещи найдены ...в кургане, а не в могильнике 2). Полагаем, что это впускное погребение.

При железнодорожных сооружениях 1895 г. открыты весьма интересные вещи IX в. в другой стороне губернии, близ д. Воробьевки в верхней части Богучарского у. Отсюда в Имп. Археологическую комиссию доставлены: серебряная обкладка меча, состоящая из тонких листков и украшений эфеса и рукоятки, /двух скобочек и двух обоймиц/, поясной серебряный набор, состоящий из пряжки, орнаментированного по краю ..., а в середине крестообразною фигурою /изображением креста с витую нижнюю часть/, из наконечника, украшенного изображением головки слона, и 10 бляшек с растительным орнаментом, /орнаментированных растительным узором/ серебряный перстень с овальным камнем, /прикрепленным цапками, серебряная пуговица/ 7 железных /наконечников/ стрел разной формы, удила, стремя, железное кольцо. По-видимому, эти все вещи одного погребения; известно, что при них найдены кости человека и коня 1).

В Артиллерийском музее из той же находки имеется несколько ... серебряных поясных бляшек. 2).

К IX в. относится известное Маяцкое городище, могильник при нем и пещеры. Могильник стал известен еще в 1890 г., когда в нем обнаружилось погребение с вещами 3).

В 1906 г. на него обратила внимание Императорская Археологическая комиссия и произвела здесь первые раскопки, при содействии Милютина.

В губернии имеются и древности X – XI в., что доказывается находками арабских монет, хотя и немногочисленными. Однако древностей этих мы пока совершенно не знаем. Половинки арабских дирхемов около ... г. найдены были в г. Боброве, по дороге в Чиглы, 1 дирхем X века и 2 XI в. – в с. Павловском. 1) Каталог Харьковского археологического съезда.

О более поздних древностях, до XIV в., в губернии ничего неизвестно. В коллекции В.П. Васильева, по словам С.Ф. Ольденбурга, находится бронзовая джайнская статуэтка, совершенно аналогичная Самарской 1894 г. откуда-то из Воронежской губ; на ней хронологическая дата именно 1169 г.

От XIV в., как и всюду, в губернии известно несравненно большее количество древностей. В 1872 г. проф. Кожевниковым близ с. Марок Острогожского у. раскопан был курган, в котором между прочим найдена была монета 1363 г. Костяк лежал в неглубокой яме, головой на З., с протянутыми конечностями; около головы лежало копье, на тазовых костях огниво, кремь и татарская монетка, а в ногах остатки седла, удила и стремяна 2).

На подошве очень осевшего кургана близ церкви с. Хвощеватки Землянского у. обнаружены были 2 костяка, лежавшие головами на ю., лицом вниз (?); вблизи них лежала челюсть лошади и собаки, а кругом были видны остатки дерева; черепа были, будто бы, монгольского типа. 3).

В 1893 г. близ с. Нижне-Покровского Бирючинского у. найден был клад золото-ордынских серебряных монет XIV в., часть которого была доставлена в Императорскую Археологическую Комиссию 1).

В 1895 г. близ с. Семилуки Воронежского у. найден был интересный рубль с именем Владимира на штемпеле и 34 джучидских монет от Узбека до Абдаллаха. 2).

Пискареву были известны 4 каменные бабы из Воронежской губ. 3). Имеются на них указания и в сведениях 1873 г. 4). В губернии имеются и курганы с каменными бабами, но содержание их остается неизвестным.

Открыт ряд курганов неизвестных культур. В 1890 г. Вейнберг близ Таврова у д. Масловки, недалеко от Воронежа, раскопал 5 небольших курганов; в них оказались лежащие на материке костяки, головою всегда на ЮЗ., в изголовье которых поставлены были глиняные горшки 5).

При постройке церкви в слоб. Ольховатке Острогожского у. в очень осевшем кургане найдены в деревянных гробах сильно поврежденные костяки, и при них клочки шерсти 6).

При раскопках двух курганов на хут. Богуславском Воронежского у. кроме человеческих костей и глиняных горшков были найдены кольца, браслет и серьги. В двух курганах в поле с. Костенки найдены были

человеческие кости, медные украшения, браслет, серьги и глиняная посуда в виде корчажек. В двух курганах, раскопанных в хут. Шемякинском Новохоперского у. оказались своды из дикого камня, выложенные над поверхностью земли. Под сводами в деревянных гробах лежали костяки, головами на в., а при них найдены: медные серьги, бусы, кольца и наконечник копья. На сводах оказались угли и в разбитых кувшинчиках бараньи косточки 1).

Вблизи хут. Должанки, находящегося на границе Воронежского, Коротоякского и Нижнедевицкого у., управляющим хутора было разрыто 5 курганов. В первом, недалеко от вершины, оказалось до 4 мер рассыпанного угля, а ниже 2 скелета, из которых при одном найдены большие серьги из медной проволоки и горшочек темной глины. Во втором кургане оказались также 2 скелета, и при одном из них медный витой браслет, медное острие и глиняный сосуд. В третьем лежал только один скелет, рядом собака и кругом много глиняных горшков. В четвертом найден большой глиняный сосуд с пережженными костями и в пятом – маленький горшочек также с перегоревшими костями 2).

Курганов в Воронежской губ. известно уже весьма значительное количество. Наибольшее скопление их замечается в западной, возвышенной части губернии, по нагорному берегу Дона, особенно же в южных уездах (Коротоякском, Бирюченском и Валуйском). Значительное количество курганов находится также в самой северной части губернии, в Задонском у., и по р. Воронежу, Усмани и Битюгу. Менее всего курганов известно по линии железной дороги от Коротояка до Новохоперска; мало их также в Острогожском и в нижней половине Богучарского у. Лучшие сведения о курганных насыпях губернии имеются в материале, собранном в 1873 г. Центральн. Статистич. Комитетом. 1).

Отдельные указания содержатся в статьях гг. Маркова, Германова, Селиванова, Долманова и г. П., Кочергина, Аристова, Романовского, Черницкого и св. Марьевского.

В губернии немало и городищ, еще совершенно не тронутых. Обращают на себя внимание какие-то большие городища полукруглой формы и городища четырехугольные, относящиеся, по-видимому, уже к более новому времени. Особое место занимает так называемое Козарское городище близ Воронежа, также еще не подвергнутое исследованию и непонятное. Сведения о городищах, кроме перечисленных выше источников, имеются еще в заметках Леопольдова, Долманова, и в архиве Императорской Археологической Комиссии.

Из отдельных находок предметов древностей в Воронежской губернии следует отметить находку интересного железного меча близ д. Пироговой Бирючинского у. 1),

железного кинжала близ д. Сергиевки Задонского у. 2)

и железных кольчуг, выпавших близ с. Конь-Колодезь Задонского у.

3)

и близ с. Чулка 4).

Кольчуга в Конь-Колодезе выкопана на глубине 3 арш при копании колодца, при костях.

В губернии весьма распространены майданы. Из них в давнее время одвергнуты были два, близ хут. Гвоздовки и Ясиновки Острогожского у. Все валы оказались сложенные из очень плотной земли. В основании боковых валов найдены бревна. Пред входом оказались какие-то ямы, наполненные отчасти пеплом и углями, что-то вроде печей. В основном валу найдены были человеческие скелеты, лежавшие головою на юг и имевшие в ногах глиняные сосуды. В ногах одного костяка лежал лошадиный череп и тоял толстый кол; вблизи другого найден целый скелет коня. От костяков внутри вала шли какие-то ходы. В других местах майданов были найдены пепел, угли, черепки, просо, рыба шелуха, кости животных и человека. 5).

№ 9. РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1905 г. Д. 70. Л. 2 – 2 об.

III¹. Осмотреть и по возможности исследовать майданы в Валуйском уезде, расположенные по р. Уразовой (у хут. Соболевского - 3, у хут. Лобкова - 2, у хут. Герасимовки - 1, у хут. Шведунова - 2), между с. Уразовым и г. Валуйками, в Казацкой волости (различные местности) и близ слоб. Конопляновки. Исследование должно заключаться лишь в определении, не имеется ли на внутренних площадках майданов могильных обрезаев?

IV. Произвести раскопки на месте находки в 1895 г. серебряных и медных вещей близ д. Колосковой Казацкой волости. Вещи найдены были в 5 саж. от р. Оскола, на лугу, распахиваемом уже в продолжении лет 20, на песчаной почве, ежегодно заливаемой разливом реки; некоторые из них носят следы пребывания на огне. Кажется, что при д. Коласковой имеется городище, которое также следует подвергнуть исследованию, до определения его культурного содержания.

V. Исследовать место находки в 1904 г. серебряных бляшек в хут. Гаевке близ слоб. Александровской. Вещи найдены детьми Зайцевыми в ямке.

VI. Сделать попытку разыскать могильник в имении г-жи Муравьевой на р. Осколе Бирюченского у. Старо-Ивановской волости, в котором найдены были в 1869 г. при костяке шлем, меч, золотые вещи и византийская монета. Место находки – постепенно разрушающийся овраг на отвержке Попова леса в 4 верстах от правого берега реки. Вещи найдены крестьянами дер. Столбищи Иваном и Филиппом Чеботаревыми.

№ 10. РА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 396. Л. 234 – 234 об.

4/VII.09.

Дорогой А[лександр] А[ндреевич]!

¹ Первые два пункта касаются Харьковской губернии, в связи с чем не приводятся.

Целую заочно Вас и Ваших. Как Вы ратовали в Костроме? Как живете, как здоровы? А о нас ведайте, что благополучны: Летним делом: Я дошёл до забвения грамоты и потому писать почти разучился. Однако скажу, что Царьград великолепен и я рад, что увидел его. Хороша и Аттика, и Саламин, и Элевзин! Впечатлений много. Теперь сидим и отдыхаем на хороших местах. Наехали(?) с Наденькою то, что изображено на обороте. Стоит ли больше мерить и описывать? Всего хорошего! Сердечно Ваш С. Платонов

Адрес: г. Валуйки Воронеж. губ.

PS. А хороши меловые горы и столбы по Дону!

На обороте письма имеется схематичное изображение «майданчика» окружностью 101 – 102 шага в 2 верстах от Валуек, по левому берегу реки Валуй у дер. Пушкарка.

№ 11. РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 4 – 11 об. ¹

Отчет

о раскопках, произведенных Членом Сотрудником Императорского Русского Археологического Общества В.Н. Глазовым в 1910 году,
в Задонском уезде Воронежской губернии

В последних числах Мая [1]910 г. мною производились небольшие раскопки курганов близ села Тюнина и мужского монастыря в Задонском уезде.

Ближайшей задачей и целью этой поездки было, собственно говоря, не Тюнинские курганы, уже отчасти исследованные в 1888 году г. Вейнбергом, а разыскание и исследование древнего могильника (V – VIII в.);

¹ Над заглавием документа имеется отметка А.А. Спицына: В.Н. Глазов вещи просил передать в И[мператорское] Р[усское] А[рхеологическое] О[бщество]. СПб., 1910 13/IX. Рядом оттиск штампа «Заслушано Императорской Археологической Комиссией» с припиской: 16 сент[ября] 1910 с решением переслать вещи в И[мператорское] Русское Арх[еологическое] Общество. Материалы раскопок действительно были препровождены в ИРАО. В том же деле имеются отношения об их передаче от 18 сентября 1910 г. за № 1655 (л. 13) и уведомление о получении от 6 ноября 1910 г. за № 53 (л. 17).

находившегося близ города Задонска на вершине так называемых «Дивьих гор», как это сказано на стр. 136-ой (Зап[иски] Русск[ого] Арх[еологического] О[бщест]ва. Т. VIII. Кн. I. 1895 г.).

К величайшему сожалению, несмотря на опросы крестьян села Тюнина и нескольких старых монахов, никаких сведений о предполагавшемся могильнике собрать не удалось, и меня уверяли, что никто никогда и не слыхивал о «Дивьих горах», но что в уезде имеются так называемые «Галичьи горы», находящиеся верстах в 40-ка от Задонска по Воронежскому тракту. То же самое о Дивьих горах писал мне еще зимою и г. Введенский, к которому я обращался за справками о древностях Задонского уезда.

Чтобы такая дальняя поездка не пропала даром, я решил попытать счастья в исследовании ближайших Тюнинских курганов, почему и осмотрел местность, описанную г. Вейнбергом в 1888 году под именем «Селище». От тех «каменных» - «конусообразных», якобы, курганов, упоминаемых г. Вейнбергом (стр. 187-ая), не осталось и следа.

Вся громадная площадь «Селища», усеянная еще во времена г. Вейнберга массою распаханых курганов, представляла из себя почти ровное поле, постепенно несколькими уступами, или террасами, понижающееся к долине р. Дона на западе и к руслу, пересыхающего летом ручья – а не реки – Проходного – на севере.

Площадь эта вся занята в текущем году под посевом яровых хлебов: проса, ячменя и овса.

При внимательном осмотре поверхности поля все же можно заметить даже под всходами небольшие возвышения от распаханых курганов. Среди поля, засеянного просом, находится почти вовсе заплывшая теперь «Тюнина яма» или «Погрѣбище», исследованное г. Вейнбергом.

В числе рабочих, взятых мною из села Тюнина, находился один крестьянин – Владимир, который участвовал в работах г. Вейнберга, и, по его указанию, я решился исследовать один из бывших «каменных» курганов, который, несмотря на распашку, все же еще возвышался над поверхностью

земли несколько более аршина и имел довольно правильную полушаровидную форму. Курган этот, по уверению Владимира, раскопан не был. Сговорившись с хозяином полосы, засеянной просом, о размере вознаграждения за поправу, я приступил к раскопке этого кургана и другого на соседней полосе, на таких же основаниях, возвышавшегося на $\frac{1}{2}$ аршина и имевшего до $2\frac{1}{2}$ саж[ень] в диаметре.

Первый курган при аршинной высоте имел тоже около $2\frac{1}{2}$ саж[ень] в диаметре. Насыпь была из мягкого чернозема, переполненного довольно крупными известковыми плитами и осколками их, шедшими до поверхности материка.

Могила была вырыта круглым колодцем до 4-х аршин в диаметре, тоже в черноземе, переходившем на глубине $1\frac{1}{2}$ аршин в материковый грунт, состоявший из суглинка с мелкими известковыми камешками.

Ни костяка, ни черепков от горшка или каких-либо вещей в могиле не обнаружено. Только в западной стороне ямы, примерно на высоте уровня материка, оказалась кучка угольев (до полумерки) довольно крупных, с ясными следами древесных слоев плотного лиственного дерева – вероятно дуба.

Ни золы, ни угольков в остальной части насыпи или могильной ямы вовсе не наблюдалось.

Совершенно аналогичные результаты получились и при раскопке другого (второго) кургана с тою лишь незначительной разницей, что ни в могильной яме его – такой же глубины, ни в насыпи вовсе ничего найдено не было – даже и углей.

Ввиду подобного печального результата пробной раскопки дальнейшие работы на засеянном просом поле были прекращены.

Полное отсутствие следов погребений в этих курганах, на мой взгляд, объясняется только тем, что как эти, так и большинство, ныне уже исчезнувших от распашки, курганов были основательно перекопаны кладоискателями еще в прежнее время.

Узнав от Владимира и других Тюнинцев, что верстах в 1½ от этого места, в дубовом леске – молодняке, видневшемся с поля, принадлежащем монастырю, есть два кургана близ сторожки лесника, я отправился туда вместе с крестьянами и произвел осмотр дубовой рощицы.

Действительно в роще, имевшей до 5 – 6 десятин в окружности и подходившей к самому монастырю, близ заросшей дороги имелся довольно массивный курган, имевший 2½ арш[ина] в высоту и более 4-х саж[ень] в диаметре. Насыпь имела расплывчатую, блинообразную форму, хотя и была хорошо задернована и даже обросла молодыми дубками. В центре насыпи замечалась небольшая заплывшая и заросшая ямка (см. рис. № 1).

У подошвы кургана ровиков не наблюдалось, равно как и каменной обкладки ее или даже отдельных камней.

Вблизи этого крупного кургана оказалось в разных частях рощи, но все же ближе к ее центру, еще до десятка подобных же расплывчатых курганов, но более низких и менее массивных: от ½ аршина до целого аршина при диаметрах от 2 до 3 сажень.

Переночевав в монастыре, на другой день утром я приступил к раскопке их, полагая, что защищенные лесом и близостью монастыря, они, быть может, и не все перекопаны кладоискателями.

Всего было вскрыто пять курганов из коих только в двух обнаружены остатки погребений и некоторых вещей.

Курган № 1-ый. Высота насыпи до 2½ аршин, диаметр более 4-х сажень. Раскопан круглым колодцем до 2-х саж[ень] диаметром. Насыпь состояла из чернозема, который от поверхности материка вглубь стал переходить в довольно твердый суглинок с примесью чернозема же и, наконец, на дне ямы перешел в твердую темную глину (почти черного или, вернее, бурого цвета), перешедшую на глубине более 2-х аршин в мелкий материковый известковый камень (гальку), совершенно уже не поддававшийся железной лопате. Курган этот раскапывался тремя рабочими

почти целый день, но ничего не дал. Ни угля, ни золы не наблюдалось вовсе. Полагаю, что курган был давно перекопан.

Курган № 2-ой. Высота около $\frac{3}{4}$ арш[ина], диаметр до $2\frac{1}{2}$ саж[ень]. Насыпь расплывчатой формы. Раскапывался круглым колодцем до 5 арш[ин] в диаметре. Насыпь из чернозема, далее в глубину переходит в темный суглинок и на глубине около $1\frac{1}{2}$ аршин начинается материк с сильной примесью мелких известковых камешков (галька). Никаких следов погребения не обнаружено, равно как ни углей, ни золы, ни черепков горшка.

Курган № 3-ий. Высота насыпи около аршина. Насыпь совсем круглая, а имеет форму эллипсиса, большая ось которого доходит до $3\frac{1}{2}$ и малая до 3-х сажень. Раскапывался овальным колодцем (2 и $2\frac{1}{2}$ саж[ени]). Глубина могилы $1\frac{1}{4}$ арш[ина], где на материковом грунте с примесью мелких известк[овых] камешков, в твердом слое бурого суглинка с черноземом, - очень плотного и крайне вязкого, - оказались остатки погребения, черепки от раздавленного малого горшка (фрагменты по оп[иси] № 1, 2, 3, 4, 5, 6) из темной, слабо обожженной глины и два медных сильно окислившихся браслета (по оп[иси] № 8 и 9).

Курган № 3-ий

Горшок небольшой без всякого орнамента: высотой до 3-х вершков и до $2\frac{1}{2}$ в[ершков] в диаметре; дно почти круглое, стенки довольно тонкие.

Глина настолько слабо обожжена, что черепки даже совершенно сухие крошатся легко между пальцами и растираются в порошок. Вероятно, в глине имеется значительная примесь чернозема, чем и объясняется слабость и как бы пористость горшка и темно-бурый, даже почти черный цвет (Рис. № 2).

Горшок этот стоял, вероятно, слева от костяка, который совершенно истлел, т[ак] что определить его положение не представлялось никакой возможности. Оба браслета были близко друг от друга, что наводит на мысль, что руки костяка могли быть сложены на груди.

Браслеты свернуты из довольно тонкой медной пластины в виде выпуклого желоба, быть может, из половинки цилиндрической трубки.

Поверхность браслетов совершенно гладкая без всяких узоров; работа довольно изящная и едва ли местного производства.

Кроме маленького осколка (по оп[иси] № 7) красноватого кремня, найденного близ горшка, ничего более в могиле не обнаружено, хотя полы ее около находок и были расширены, подбоем.

Браслеты эти ошибочно помещены на таблице II-ой (курган № 5), ибо относятся к кургану № 3 и должны быть на таблице № 1.

Курган № 4-ый. Высота насыпи до $1\frac{1}{4}$ арш[ина], диаметр до 4-х сажень. Глубина могильной ямы около $1\frac{1}{2}$ аршин при диаметре до 2-х сажень. Никаких следов погребения, равно как и вещей или горшков не обнаружено. Материковый грунт состоит тоже из суглинка с примесью известняковой гальки.

Курган № 5. Высота очень плоской насыпи не более $\frac{1}{2}$ аршина при диаметре до $2\frac{1}{2}$ сажень. Раскапывался круглым колодцем до 5 аршин в диаметре. Глубина могильной ямы около $1\frac{1}{2}$ аршин. На материковом грунте, состоявшем из суглинка с примесью мелкой известняковой гальки, в слое сырого вязкого суглинка и чернозема обнаружены следы погребения и следующие вещи и горшки.

1) В южной стороне ямы лежала боком, раздавленная уже землею и корнями дубов, довольно большая глиняная миска (ваза?) (по оп. фрагменты ее за №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8) (рис. № 3) в отдельных крупных черепках, развалившихся от легкого прикосновения.

Миска, очевидно, стояла на обломке известняковой плиты неправильной формы площадью около квадратного фута. Стенки этой посуды, имевшей высоту до 4-х вершков при диаметре по верхнему краю до 5 вершков, были довольно тонки и украшены рубчиками по всей окружности наружного края. Средняя часть сосуда орнаментирована ромбиками из параллельных полосок и зигзагообразных поясков по верхнему и нижнему краю. Дно миски имело не более 2-х вершков в диаметре и бока ее переходили к дну крутыми плечиками, под большим

тупым углом. Обжиг посуды тоже слабый, глина темная, почти что черная, наружная же поверхность коричневатая. Работа довольно чистая и едва ли ручная.

2). В восточной стороне ямы обнаружен второй сосуд – горшок до 4-х вершков высоты тоже из темной глины с тонкими стенками и с совсем круглым дном (см. Рис. № 4). Горшок тоже был уже раздавлен землею и извлечен лишь в мелких черепках, один из коих с закраиной помещен на табл. I под № 11-м. Горшок был наполнен суглинком с примесью чернозема.

3). В западной стороне ямы обнаружен еще горшок с совсем круглым дном и еще более тонкими стенками. Горшок этот рабочий сперва не заметил в темном суглинке и разрезал его лопатой почти пополам сверху вниз. Материал горшка был настолько плох и слабо обожжен, что сырые черепки разминались в руках, как глина, почему и сохранился лишь один черепок с закраиной, помещенный в коллекцию на табл. I под № 10-ым. Высота горшка была до 5 вершков, а диаметр средней части до 4 вершков. См. Рис. № 5-ый.

Близ этого горшка найдены обломки одного медного браслета (по оп[иси] № 12 на табл. 2-ой помещен ошибочно), кованого из круглого прута красной меди. Металл сильно окислился и ломался на мелкие кусочки.

От всего костяка сохранился лишь небольшой кусочек кости руки (лучевой), окрашенный окисью меди в зеленый цвет. Определить положение костяка было нельзя, но, судя по чуть видимым темным полоскам и прослойкам, он был короче 2-х аршин, если только не был погребен в скорченном (утробном) положении.

Тут же около этого же горшка найден сегментообразный кусок желтоватого кремня с довольно острой, быть может и обитой окружностью (скребок?) по оп[иси] № 9-ый. Более же ничего в могиле этой не оказалось, не наблюдалось также ни угольков, ни золы.

Потеряв много времени над раскопкой двух наиболее массивных курганов (№№ 1 и 4-ый), оказавшихся пустыми, я не нашел нужным

продолжать раскопки этой группы, не представлявшей особого интереса, а только подтвердившей отчасти исследования г. Вейнберга.

Не считая себя компетентным в деле исследования курганов каменного века, я все же полагаю, что, как вскрытые мною семь курганов, так и исследованные в 1888 году г. Вейнбергом, Тюнинские курганы скорее можно отнести к медному веку, а не к каменному.

За это предположение говорят круглодонные горшки и находка медных браслетов при полном отсутствии железа, не встреченного ни в одном из этих курганов.

Положение костяков осталось не выясненным, т. как ни одного костяка не сохранилось в целости. В перерытых курганах кости обыкновенно быстро истлевают, а в двух нетронутых погребениях (№№ 3 и 5-ый) почва была настолько влажна и пронизана корнями дубов, что костяки, конечно, сохраниться и не могли, пролежав в земле, во всяком случае, более 1200 лет.

Крестьяне указали на подобный же довольно массивный курган (вроде № 1), находившийся на опушке их надельного леска, но, предвидя подобные же результаты, как и у монастыря, я не решился оставаться еще на сутки и прекратил работу с грустным сознанием, что и эта поездка моя оказалась почти безрезультатная за отсутствием в Задонском уезде Дивьих гор и предполагавшегося там интересного могильника.

Из всего этого только лишний раз можно убедиться, насколько убоги и ненадежны наши статистические сведения о памятниках древности и насколько развито на Руси кладоискательство, сводящее часто на нет все труды археолога!

Пользуясь удобным случаем, еще раз убедительнейшее прошу Императорскую Археологическую Комиссию и О[бщест]во в прямых интересах науки и дела археологии – возбудить энергичное ходатайство перед правительством о скорейшем издании строгого специального закона, преследующего кладоискательство и вообще всякое бессмысленное и преступное уничтожение и искажение памятников родной старины.

Глазов.

12 июля 1910. г. Вельск.

№ 12. Там же. Л. 12 – 12 об.

Добавление

к отчету 1910 года

Точных сведений о местности, упоминаемой в отчете г. Вейнберга под именем «Побоище», собрать мне тоже не удалось.

Крестьяне говорили, что никаких вещей или оружия при распашке земли не находится, по крайней мере, за последние годы.

Разыскивать же «побоище» по засеянным просом полям было нельзя. Один из монахов сообщил мне, что недавно умер старец, отец Геронтий, который интересовался стариною и участвовал в раскопках г. Вейнберга. Да в настоящее время едва ли и могут быть случайные находки многочисленными. Масса курганов совершенно исчезла от распашки и находки могли попадаться в курганных погребениях, расположенных в насыпи или же на поверхности материка.

Ни о городищах, ни о могильниках местные Тюнинские крестьяне ничего не слыхали, а говорили лишь, что по Воронежскому тракту есть много крупных курганов и у села Конь-Колодезь верстах в 40 от г. Задонска по означенному тракту. Называли еще впрочем деревню Новинку, находившуюся верстах в 12-ти от села Тюнина, где на поле арендатора какого-то имения есть большой курган (до 2-х саж[ень] высоты), в котором находили, будто бы, много человеческих костей, когда возили из него песок на поправку дороги.

Вот все, что удалось собрать на месте о Задонских древностях.

Глазов.

9 – IX – 22 Воронеж

Глубокоуважаемый
Александр Андреевич!

Согласно Вашему желанию, переданному Зоей Васильевной Яковлевой, сообщаю о работах по археологии в Воронежском крае за последние годы.

Неблагоприятные условия этих лет были причиной тому, что, какие бы то не было, широкие исследования не могли производиться. Все работы были вынужденно разведочного характера и выразились лишь в осмотрах и собирании коллекций во время экскурсий, съемке планов и т.п.

Большой интерес представляли поступления в Музей более или менее случайного характера.

Вообще же главная работа была сосредоточена в стенах самого музея.

Так в течение года был разобран и приведен в систематический порядок отдел первобытных древностей, находившийся до настоящего времени в хаотическом состоянии.

Есть надежда, что в нынешнем году удастся напечатать каталог.

Собрания отдела со времени, когда он осматривался Вами (кажется 1905 г.), значительно разрослись. Имеется значительная коллекция предметов скифо-сарматской культуры из раскопок 1915 года Воронежской архивной комиссии в исследовавшейся уже и раньше курганной группе близ Воронежа («Частые курганы»). Увеличились и другие отделы (медн[ый] в[ек], салтовск[ая] к[ультура]), особенно ценным и важным приобретением является полученная в нынешнем году коллекция палеолитических орудий из Костенковской стоянки.

¹ Документ с подробными комментариями опубликован: Захарова Е.Ю. Из эпистолярного наследия С.Н. Замятина (письмо к А.А. Спицыну) // Археология и охрана археологического наследия Центральной России: сб. науч. тр./ отв. ред. А.П. Медведев. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 232 – 237.

Вещи происходят из раскопок ассистента Варшавск[ого] У[ниверсите]та С.А. Круковского в 1915 г. Среди них имеется ряд новых типов, заставляющих отнести стоянку к концу ориньякской эпохи (собственно подтверждается определение Р. Шмидта).

В настоящее время мною подготавливается к изданию описание коллекции.

Среди неолитических коллекций, собранных в разных пунктах губернии, б[ольшей] ч[астью] по берегам рек, интересна одна с берега р. Дона в Воронежском у[езде], где, кроме интересных фрагментов посуды, имеется кинжал из рога (антилопы ?). Среди коллекций медного века интересны поступившие несколько лет назад предметы из старых раскопок в Землянском у[езде] (1909 – 1912 гг.) М.П. и Н.П. Юргенсон, среди которых м[ежду] пр[очим] имеются сосуды с рельефным орнаментом, формочка для отливки топора с вислым обухом, подобная старой находке у Дивногорского м[онасты]ря (альбом рис. из О[тчета] ИАК) и пр[очие].

В настоящее время печатается популярная брошюра по археологии Ворон[ежского] края, где удастся поместить около 3 десятков рисунков из собрания музея.

Среди других работ в музее, пожалуй, наибольший интерес представляет ведущаяся хранителем этнографич[еского] отдела, художн[иком] Н.В. Валукинским зарисовка материалов по народному быту края. Первый выпуск альбома, посвященного Воронежскому уезду, увидит свет, вероятно, в нынешнем году.

В течение года я надеюсь осуществить издание археологич[еской] карты В[оронежской] г[убернии], которая будет располагать ок[оло] 1000 сведений.

Из других изданий, готовящихся в ближайшее время, можно указать на 3 вып[уск] «Воронежского историко-археологического вестника», который безусловно будет осуществлен в нынешнем году и для которого кроме

местного материала м[ежду] пр[очим] надеемся получить статью Мерхардта о работах его в последние годы по палеолиту в Сибири.

Я извиняюсь за безалаберность письма и чувствую, что разбрасываюсь.

Я с удовольствием дам обстоятельные ответы на вопросы, которые Вам будет угодно предложить.

Со своей стороны мне очень хочется, пользуясь Вашим любезным согласием, сообщенным З[оей] В[асильевной], попросить не отказать послать для музея Вашу работу «О скифах – пахарях» (ИИАК 65) и скифах и гальштатской культуре (из сборн[ика] в честь гр[афа] Б[обринского]).

В Воронеже с книгами очень и очень плохо; в музее ИИАК лишь до 56 вып[уска], послед[ний] отчет за 1911 г., изданий после 1915 г. вообще не имеется.

Очень хотелось бы получить издания Академии И[стории] М[атериальной] К[ультуры] и вып[уск] мат[ериалов] по арх[еологии] Р[оссии] с работой М.И. Ростовцева о курганах Оренбургск[ой] губ[ернии].

Всяким содействиям в этом направлении был бы очень и очень обязан.

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Сергей Замятнин.

Приложение к главе 4

№ 14. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1930 г. Д. 168. Л. 18.

Отзыв по отчету Н.В. Валукинского

Доставленный Н.В. Валукинским отчет по произведенному им в 1929 году обследованию стоянок и городищ в окрестностях г. Воронежа содержит ряд новых данных для составления карты доисторических памятников этого района. В настоящее время Н.В. Валукинский является единственным лицом,

занимающимся систематическим учетом и обследованием археологических памятников в Воронежском крае.

Как и прежние присылавшиеся им материалы, настоящий отчет содержит сжатую, но достаточно точную характеристику обнаруженных им стоянок неолитической эпохи и бронзового века и древнего городища, открытого им в черте города Воронежа.

Летом того же 1929 года Н.В. Валуйкинский принимал участие в работах экспедиции Г.А.И.М.К. в Костенковско-Боршевском районе, выполняя, как лицо уже имеющее большой полевой опыт, достаточно ответственные задания.

Так как дальнейший план работ, намечаемый Н.В. Валуйкинским на 1930 г., находится в тесной связи с мероприятиями по учету и охране памятников, разрушающихся при хозяйственных работах населения округи, было бы весьма желательно ускорить выдачу открытого листа Н.В. Валуйкинскому, являющемуся ответственным представителем Воронежского областного музея, и дать ему право, помимо обследования, в нужных случаях произвести раскопку угрожаемых памятников, для чего он, несомненно, обладает в настоящее время достаточной подготовкой.

П. Ефименко

№ 15. ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. – 4, 7 об.

Отчет об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. (фрагмент)

...Воронежский Музей относится к типу краеведческого с историко-культурным и художественным уклоном. Если принять в соображение то, что на территории нашей губернии широко развивалась культура человека каменного века, что хазары, скифы и кочевники оставили богатый след в инвентарях своих городищ, курганов и могильников, что Воронежский край замыкал линию Белогородской Украины и служил ареной трагических событий в жизни финских племен, на нем проживавших, должны будем

установить – наибольший интерес наметить работу в направлении освещения жизни края в эти далекие, темные периоды его истории...

10. Из приложенного плана видно, как размещены коллекции Музея. Это размещение укладывалось в указанный выше порядок медленно с большим вредом для витрин шкафов и самих коллекций, которые в течение 9 лет переносились из комнаты в комнату, из одного этажа в другой. В 1914 году, когда Музей стал перевозиться во вновь отделанное помещение, разразилась война и все имущество пришлось втиснуть в 3-й этаж и несколько сараев, остальное помещение было занято военными и медико-санитарными учреждениями; только осенью 1923 года были освобождены последние 6 комнат нижнего этажа (четыре из коих так и остались за Губархивбюро и Истпартом до настоящего времени (пункт 5 е) и ж). Таким образом, когда в 14-м году пришлось размещать накопленное, главным образом, заботились о том, чтобы наиболее ценное, идущее к разрушению внести под крышу главного здания, не взирая на тесноту, неудобство при обозрении от кучности и мозаического смешения разнородного материала. С 1918 года по мере отвоевывания комнаты за комнатой стремились переразмещать так, чтобы в каждой части комнаты группировались предметы одной категории. Затем их дробили на три подгруппы: иностранную, русскую вообще и местного происхождения. Последняя перегруппировка и развеска, начатая еще летом истекшего 1923 года, направлена к полному обособлению краевого материала и по возможности к приведению его в хронологический порядок. Довести дело до конца и провести принцип размещения по эпохам хотя бы в широких рамках, начиная с XVIII столетия, пока невозможно. Для планомерного пополнения больших пробелов, а затем и проведения этого принципа, нет средств, т.к. даже этнографический материал не имеет должной полноты.

Переустройством витрин (собственными силами) и переразмещением устранена теснота в залах при обозрениях и достигнуто удобство осмотра предметов. Работа велась настолько интенсивно и была, при отсутствии

средств, технического персонала и мастерской так тяжела, что в ближайшее время производства иного размещения и перевески не предполагается, считая, что закончить этот труд удастся к концу февраля или началу марта 1924 г.

11. Основных отделов Музея четыре.

I. Отдел первобытных древностей с подотделами: а) каменный век, б) бронза, в) железо. Он занимает одну залу с площадью пола в 17,14 кв.саж. Начало положено было в первые дни жизни Музея, в девяностых годах, путем пожертвований и случайных находок. С 1903 по 1912 год производились специальные разведки, рекогносцировки и раскопки, хотя и не удовлетворяющие высоких специалистов, но давшие Музею значительный материал, в котором можно разобраться и на основании которого можно иметь представление о доисторическом прошлом местного края. Отдел этот наиболее интересен и важен. Хорошо представлен палеолит с его стоянками в Костенках и неолит близ села Шелаева. Достаточно выявлена «салтовская» культура предметами с Маяцкого городища с фигурами и надписями на камнях, предметами домашнего обихода и двумя деформированными черепами. Скифо-сарматская культура представлена раскопками из урочища «Частые курганы» близ г. Воронежа, откуда извлечен в 1912 году известный серебряный чеканный сосуд с 3-мя парами скифов, находящийся теперь в Эрмитаже, и большое количество бронзовых предметов, украшенных орнаментом звериного стиля. Культура кочевников – одна витрина: с оружием, украшениями, сосудами и каменная баба. Всего 102 планшета и 139 отдельных предметов, из которых 99 сосудов. Из поступлений отчетного года следует отметить: два бронзовых браслета, один финского и один славянского типа, найденные в истекшем году сотрудниками Музея во время археологической разведки, один бронзовый кельт и один каменный топор, а также группа мелких кремневых скребков и осколков кремня.

Отсутствие средств и здесь препятствует нормальному течению работы...

№ 16. РА ИИМК РАН. Ф 2. 1923 г. Д. 76. Л. 9 – 10.

Глубокоуважаемый
Николай Яковлевич!

Обращаюсь к Вам, как председателю Рос. Академии Ист. Матер. Культ., с просьбой разрешить то невозможное положение, которое создаётся для меня отказом со стороны Городцова в выдаче открытого листа на право производства археологических исследований.

В нынешнем году я командирован Русским Музеем в Воронежскую губ. для производства палеоэтнологических изысканий, на что получил от Музея довольно значительные средства. По приезду в Воронежскую губ. близ с. Костенок несколько дней назад я открыл две новые палеолитические стоянки, что представляет для русской палеоэтнологии факт крупного значения. Материал, частью мною собранный, обещает быть богатым и в высшей степени интересным.

Дальнейшие работы мои, однако, остаются висеть в воздухе, т. к. открытого листа у меня нет и в выдаче его, несмотря на требования Академии Ист. Мат. Культ., отказано до представления Городцову коллекций и дневников из прежних моих раскопок. Требование это я считаю незаконным, т. к. раскопки мною были ведены по поручению Академии, которой своевременно я доставлял отчёты и ей же обязан передать свои материалы.

Должен прибавить, что, как и в прошлом году, сам ГлавМузей, в лице зам. завед. Машковцева с полной готовностью и любезностью принимал меры по выдаче открытого листа, предписав Городцову не задерживать его выдачу. Но, к сожалению, и на этот раз сопротивление его не было сломлено.

Ещё раз решаюсь просить Вас, глубокоуважаемый Николай Яковлевич, от лица Русского Музея и от своего имени, защитить мои научные права и

как русского палеоэтнолога, и как сотрудника Академии Истории Материальной Культуры.

Петр Ефименко

28 июля

1923 года

с. Костенки

Адрес мой – Воронеж, ГубМузей,
для меня.

№ 17. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1923 г. Д. 76. Л. 8.

В состоявшемся 8-го августа с.г. открытом научном собрании Российской Академии Истории Материальной Культуры член Акад. Н.Я. Марр, выслушав сообщение чл. Акад. А.А. Спицына, в котором докладчик, отмечая последние раскопки П.П. Ефименко, называет его «одним из лучших, если не лучшим» знатоком русского палеолита, заявил, что он считает необходимым отметить в открытом собрании Академии, что в то время, как множество лиц занимаются «любительскими» раскопками без всякого разрешения на то, ученый, зарекомендовавший себя осторожными и удачными раскопками не может добиться от Заведующего Археологическим П/Отделом Отдела Музеев Главнауки открытого листа на производство полезных для науки раскопок. Никаких достаточных оснований к лишению П.П. Ефименко права производить раскопки не имеется, не исключена возможность, что Председателем Археологического П/Отдела ставятся П.П. Ефименко препятствия в его ученой работе из личных соображений.

Член Академии Н.Я. Марр находит поведение Зав. Археологическим П/Отделом «недопустимым» и отношение его к работе П.П. Ефименко считает «варварским».

В собрании было постановлено внести заявление Н. Я. МАРРА в протокол заседания и в выписке препроводить в Акцентр.

№ 18. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 190. Л. 1.

28.12.1926.

№ 4883.

Государственная Академия ИМК, ознакомившись с работами Музея в текущем году (раскопки могильника салтовской культуры у с. Подгоровки) просит не отказать уведомить, не предполагает ли музей в ближайшем будущем расширить изучение этой культуры в Воронежском крае. Если бы музей предполагал, то желательно наметить разведки, а потом произвести исследования городищ Дмитриевского, Ольшанского, Маяцкого, продолжить раскопки Подгоровского могильника и могильника у Маяцкого городища. Если бы этот план был принят Музеем, то работы эти увязались бы с работами Северо-Кавказской экспедиции, являясь их продолжением и развитием в бассейне среднего течения Дона.

№ 19. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 190. Л. 2 – 2об.

17.04.1927.

№ 488.

Воронежский государственный историко-культурный музей текущим летом предполагает закончить раскопки Подгоренского могильника, поскольку погибнет (на 75%) от любителей кладов, детворы и дождей. Помимо этого могильника, исторический отдел находит необходимым произвести раскопки землянок близ этого могильника и произвести исследования Ольшанского городища, чтобы следующим летом произвести там раскопки. За Ольшанским намечаются для исследования городища Дмитриевское и Маяцкое, а затем и раскопки.

Таким образом, было бы достигнуто обследование юго-западной части нашей губернии в археологическом отношении, пополнение

соответствующими экспонатами Археологического подотдела нашего музея и увязка работ с работами Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК.

Для выполнения работ в этом году организована экспедиция из лиц: зав. историческим отделом Олейников Т.М., помощник хранителя, зав. археологическим подотделом Леонов Д.Д., аспирант ГАИМК Замятнин С.Н. Экспедиция намечает для работ июль месяц.

Просим поддержать перед Музейным отделом Главнауки ходатайство Музея об ассигновании в текущем году на раскопки 318р.50к.

№ 20. ГАВО. Ф. Р. 1. Оп. 3. Д. 1043. Л. 5.

Автобиография

Завед. гос. историко-культ.

Ворон. музеем

Н. Валукинского

- а) Родился в 1886 г. в г. Козлове Там. губ. Отец, ж.д. служащий (весовщик) из крестьян Ряз. Губ. и уезда с. Кузьминского, имел домик в Воронеже (бездоходный), умер в 1920 г., в 1919 г. умерла мать и брат (душевнобольной). Семья моя из 4 душ: меня, жены и 2 детей (6 и 3 лет). Начал работать с 18 лет на ж.д., сначала на валовом ремонте телеграфа, после чертежником, получая от 18 до 25 рублей в месяц; с 1907 г. 30 руб. в месяц, всего служил с 1904 г. по 1909 г.; с 1909 по 1915 г. учился в Киеве, с 1915 г. служил в армии сначала рядовым, после прапорщиком в ж.д. войсках в 3-м ж.д. батальоне на северном фронте. С 1912 г. в летнее время по поручению Киевск. музея собирал старину.
- б) Учился 4 года в техническом ж.д. училище, окончил в 1904 г. Учился 6 лет в Киевском Художественном училище, окончил в 1915 году. В промежуток от 1904 г. до 1909 года занимался в кружке

самообразования (нелегальном) и в народном университете (в г. Воронеже).

в) В 1918 г. вступил в партию РКП(б) в бытность мою служащим бухгалтерии сл. пути Ю.В.ж.д., мотивом вступления служили идеи РКП(б), рекомендовал т. Сандлер (убитый в 1919 г.). В 1918 г. вступил в ряды коммун. отряда по обороне Ворон. узла, в 1919 г. был назначен на борьбу с снежными заносами и весенними водами, с 15 мая в экс..ционных войсках по усмирению восстания на Дону, с июля в ж.д. войсках на фронтах Южном, Кавказском, Врангельском, Польском. В 1921 г. в бытность в госпитале выбыл механически из партии. В 1925 г. подал заявление о вступлении вновь, производственной ячейкой принят, ожидаю утверждение райкома.

е) В 1918 г. принимал участие в работе культ.просв.губ.комиссии и к. пр. привокз. поселка, с 1918 г. по настоящее время член сельсовета привокзального поселка. Был секретарем правления рабоч. клуба и председателем культ. просв. комиссии в ж.д. войсках (в роте дивизиона).

В 1917 г. принимал участие в культ. просв. работе ж.д. роты, организовывал митинги-концерты, расписывал клуб в г. Ретице (?). В 1918 г. выбран ком.роты, в марте 1918 г. демобилизован.

За время с 1919 г. в красн.армии был комиссаром при коменданте, комиссаром при штабе экс(?) войск, ком.роты, пом. ком. дивизиона ж.д. войск, начальником штаба 12 ж.д. бригады, демобилизован 18/VIII 1922 г. Исполнял обязанности нач. головного участка, начальник построеч. участка на постройке ж.д. (?) Криницы – (?) и др. и на постройке мостов (количеством до 15 штук).

В промежутки и в последнее время учительствую. В 1918 г. учителем школы взрослых, 12 военн. курсов, худож. пром. школы и последнее место, руководитель скульптурного строения техникума «ИЗО».

Принимал в разное время участие в работе уездного съезда советов, партконференции, волостного съезда и проч.

Сотрудничал в разных журналах и газетах, последнее время в стенн. газете «Резец» при Воронежс. ж. д. мастерских. По поручению губзем. готовил материал для всеросс. сельск. хоз. выставки, делал зарисовки, чертежи, диаграммы, за что получил диплом.

ж) Желая работать по искусству и этнографии, по каковым и считаю целесообразней использовать меня.

4/VIII 25 Зав. гос. муз. Н. Валукинский

№ 21. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1924 г. Д. 127. Л. 2 – 2об.

14 мая 1924 г.

№ 1750.

В ГЛАВНАУКУ НАРКОМПРОСА.

В течение прошлых лет ассистент Академии П.П. ЕФИМЕНКО производил систематические палеоэтнологические исследования в Воронежской губернии, сделавшие значительный вклад в науку и вызвавшие живой интерес за границей, о чем свидетельствуют письма, полученные от С. Рейнанна и д-ра Мергардта. В виду отсутствия средств на продолжение систематических раскопок, необходимо в настоящем году хотя бы посетить этот район для поддержания связей с местными деятелями и совместной выработки плана будущих работ. Кроме того, необходимо посетить Изюмский район Харьковской губернии, где в течение ряда лет группа местных работников производит сборы материалов и в настоящее время обратилась в Академию с просьбой о командовании компетентного лица для разбора накопившегося материала по каменному веку и выработки на месте плана дальнейших работ.

Вследствие изложенного, и придавая исключительное значение вовлечению исследовательских организаций на местах в планомерную работу, Академия ходатайствует об ассигновании 100 рублей для поездки ассистента Академии П.П. ЕФИМЕНКО в Воронежскую и Харьковскую губернии и о предоставлении ему льготного проезда по маршруту – Ленинград – Воронеж, Воронеж – Изюм, и обратно.

Председатель Академии
Управляющий Делами

№ 22. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 402. Л. 25.

22/VIII – 20 г.

Воронеж

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

В день моего отъезда из Москвы я заходил в Исторический Музей, думая увидеть Вас, но, к сожалению, не застал. Мне очень хотелось поговорить с Вами по следующему поводу: Не может ли Археологический подотдел поручить мне в пределах Воронежской губ. изысканий и раскопок разведочного характера, дав определенные задания по какой-либо культуре или поре и небольшой аванс. Работы эти могли бы носить характер подготовительных к исследованиям лиц, командированных подотделом из центра.

Собираетесь ли Вы приехать в Воронежскую губернию?

У нас сейчас установилась хорошая погода, которая благоприятствовала бы работам. Мы, воронежцы, со своей стороны постарались своей возможностью помочь Вам.

Будет очень жаль, если Вы измените свой план о работах в Воронежской губ.

Искренне уважающий Вас С. Замятнин.

АВТОБИОГРАФИЯ

ПОДГАЕЦКОГО Георгия Владимировича

Родился 8 октября (ст.ст.) 1908 г. Мать (Антонина Петровна) до замужества служила в качестве счетного работника в банке. Отец (Владимир Александрович), окончив Университет, служил в редакции газеты «Правительственный Вестник», где занимал должности от корректора (вначале) до помощника редактора по коррект. части (перед революцией). Помимо основного заработка, получаемого за работу в редакции, отец имел небольшой доход с имения (ок. 120 десятин), перешедшего ему и двум его братьям в наследство после смерти их отца, – моего деда (1912 г.). После революции отец работал в книжном складе Академии Наук. С 1918 г., когда вся семья переехала в г. Ливны б. Орловской губ., мать первое время работала в качестве статистика в местном статбюро, а отец в Уземотделе инструктором по землеустройству. С 1923 – 1924 г. отец начал работать в качестве защитника. С 1928 г., когда семья вернулась в Ленинград, отец вначале работал в Изд-ве «Наука и Школа», а затем до самой смерти (1933г.) в Изд-ве «Красная газета» корректором. О братьях отца наша семья не имеет сведений; об одном (Алексее) – с 1913 – 14 г., о другом (Александре) – с 1926 – 1927 гг.

Никто из моей семьи избирательных прав не лишился и репрессиям не подвергался.

Окончив в 1925 г. девятилетку в г. Ливнах, я в 1926 г. поступил в Ленингр. Гос. Университет, который и окончил «археологом-музееведом» в 1930 г., прослушав 4 курса по отделению истории материальной культуры Историко-Лингвистического факультета. Будучи студентом Университета, я специализировался по истории материальной культуры родового общества, заселявшего степную полосу западной части СССР в эпоху бронзы и железа. В данном направлении протекает моя научная работа и в настоящее время.

В 1926 г. (с 17 лет) начал работать. Во время ученья в Университете был членом студенческой трудартели (работал в порту). В 1929 г. принимал участие в качестве н.-технического сотрудника в работах Волго-Донской экспедиции ГАИМК, а в 1930 г. работал мл. науч. сотрудником в Таманской экспедиции ГАИМК. Осенью 1930 г. поступил младш. научным сотрудником в Гос. Академию истории материальной культуры. В том же году по совместительству начал работать экскурсоводом на антирелигиозной выставке Академии Наук СССР, где работал до момента ее расформирования (1931 г.). В дальнейшем, продолжая вести основную работу в ГАИМК, работал по совместительству: с осени 1931 г. в библиотеке Авто-Дорожного Института в качестве заведующего абонементом (в апреле 1932 г. был уволен по собственному желанию) и в Ленингр. Геолого-Разведочном Тресте с 1932 г. по март 1933 г. Заведующим Отделом Фондов, где был уволен по сокращению штатов. Осенью 1934 г. поступил младшим научным сотрудником в Государственный Эрмитаж, где до этого момента иногда работал в качестве временного сотрудника. В настоящее время основным местом моей работы является Эрмитаж, где я работаю старш. научным сотрудником в Отделе Истории и Искусства доклассового общества. В 1935 г. Дирекцией Эрмитажа я был премирован за участие в работах по устройству выставки к Иранскому Конгрессу. В то же время я продолжаю работать в Институте Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР также старшим научным сотрудником.

За всё время моей работы по специальности я принимал участие в следующих экспедиционных исследованиях:

1. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК 1929 г. – практикантом.
2. Волго-Донская экспедиция ГАИМК 1929 г. – н-техн. сотр.
3. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК 1929 г. – практикантом.
4. Таманская экспедиция ГАИМК 1930 г. – мл. научн. сотрудн.
5. Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. – старшим научным сотрудником.

6. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК 1933 г. – старшим научным сотрудником и зам. нач. эксп. по адм. хоз. части.

7. Волго-Донская экспедиция ГАИМК 1934 г. – Начальником самостоятельного II-го отряда.

8. Орская эксп. ГАИМК и Оренбургского Обл. Краеведческого Музея 1936 г. – Начальником экспедиции.

9. Воронежская эксп. Воронежского Обл. Краеведч. Музея и Академии Наук СССР 1936 г. Начальником экспедиции.

10. Манычская эксп. ГАИМК 1937 г. – зам. нач. эксп. и производителем работ.

В результате научно-исследовательской деятельности мною к настоящему времени выполнены следующие работы:

1. Родовое общество степной полосы восточной Европы (совм. с А.П. Кругловым); напечатана в Изв. ГАИМК, вып. № 119 (объем ок. 11 листов).

2. Могильник эпохи бронзы в г. Нальчике (совм. с А.П. Кругловым и Б.Б. Пиотровским), находится в рукописи ИИМК (объем ок. 7 листов).

3. Долинское поселение эпохи бронзы у г. Нальчика (совм. с А.П. Кругловым); находится в рукописи в ИИМК (объем ок. 7 листов).

4. Отчет о работе 2 отряда Волго-Донской экспедиции ГАИМК 1934 г. – рукопись в ИИМК (объем ок. 2 листов).

5. Краткий отчет о работах Орской экспедиции 1936 г. печатается в «Советской Археологии» Т. IV, (объем ок. 3/4 п.л.).

6. Отчет о работах 1 отряда Орской экспедиции 1936 г. – рукопись в ИИМК (объем ок. 1/4 п.л.).

В Эрмитаже в моем ведении находятся на хранении археологические коллекции эпохи бронзы Северного Причерноморья, которые в настоящее время подготавливаются к экспонированию в качестве самостоятельного раздела выставки Отдела Ист. Культ. и Иск-ва Доклассового О-ва.

Обществ. работу веду в Эрмитаже, имея в настоящее время следующие основные нагрузки: работа в МБ СНР (Пред. Произв. Сектора) и по ПВО (инструктор и начальник медико-санит. команды).

Под судом не был. В 1935 г. с 1/III по 10/IV находился под следствием органов НКВД.

Пройдя в Университете высшую допризывную подготовку, во время которой в 1927 г. находился 2 месяца в лагерях РККА, в дальнейшем я получил, как научный работник, отсрочку до 1938 г.

В настоящее время холост. Семья состоит из 3-х человек: матери-домохозяйки, брата, учащегося в Институте инженеров кино-промышленности, и сестры, работающей пом. бухгалтера в Лен. Гос. Университете им. Бубнова, которые и могут подтвердить основные вехи моей биографии.

По стоянию здоровья могу отметить невроз сердца и общую неврастению.

В дальнейшем считаю наиболее целесообразным использовать меня по изучению местных культур древнего Причерноморья так, чтобы научно-исследовательская камеральная работа сочеталась с полевой (экспедиционной).

10/X – 1937 г.

ПОДГАЕЦКИЙ.

№ 24. РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 242. Л. 22 – 24.

Автобиография

Георгия Владимировича ПОДГАЕЦКОГО.

Родился в 1908 г. в г. Ленинграде. Отец, Владимир Александрович, служил до революции в редакции «Правительственного Вестника», после революции – в Зем. Отделе и в Коллегии Защитников г. Ливен б. Орловской губ., куда моя семья переехала в 1917 г., а перед смертью (1933 г.) в

Издательстве «Красная газета» в г. Ленинграде, куда семья возвратилась в 1928 г. Мать, Антонина Петровна, большую часть своей жизни занималась и занимается домашним хозяйством.

В 1925 г. я окончил девятилетку в г. Ливнах, а в 1926 г. поступил в Ленингр. Гос. Университет, который и окончил в 1930 г. по отделению Истории материальной культуры Истор.- Лингвист. Факультета.

В 1930 г. я был зачислен младшим научным сотрудником в Гос. Академию истории материальной культуры. Весной 1935 г. меня перевели в старшие научн. сотрудники. В 1937 г. в связи с реорганизацией Академии истории материальной культуры, я, как не имеющий научной степени, был зачислен младшим научным сотрудником в Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР.

За все время своей научной работы объектом моего изучения являлись и являются археологические памятники эпохи бронзы и связанное с ними историческое прошлое населения юга европейской части СССР. Начиная с 1928 г. я почти ежегодно принимаю участие в полевых археологических работах, проводя с 1931 г. самостоятельные изыскания (см. приложение). В результате своей работы в ГАИМК-ИИМК мною написаны 10 работ, часть которых уже напечатана (см. прилож.), причем некоторые из них написаны совместно с моими товарищами по работе.

В то же время, по совместительству мне приходилось вести музейную работу в Эрмитаже и Музее Антропологии и Этнографии Академии наук СССР, а педагогическую в Политико-Просветительном Институте им. Крупской, в Киевском Гос.Университете и в Педагогическом Институте им. Герцена.

1/VI – 40 г.

(Подгаецкий)

Приложение к автобиографии Георгия Владимировича Подгаецкого.

1. Полевая археологическая работа.

1. 1928 г. – Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК – практикант. Раскопки городищ в бассейне Нижнего Дона.
2. 1929 г. – Волго-Донская эксп. ГАИМК – научно-техн. сотрудник. Обследования берегов р. Дона между г. Ростовом и с. Калач-Донской.
3. 1929 г. – Северо-Кавказская эксп. ГАИМК – Практикант. Обследование Пятигорского р-на и раскопки могильника в г. Нальчике.
4. 1930 г. – Таманская эксп. ГАИМК – младш. научн. сотр. Обследование Таманского пол-ва.
5. 1931 г. – Таманская эксп. ГАИМК. Старш. научн. сотрудник. Раскопки городищ на Таманском пол-ве.
6. 1933 г. – Северо-Кавказская эксп. ГАИМК – старш. научн. сотр. Раскопки поселения близ г. Нальчика.
7. 1934 г. – Волго-Донская эксп. ГАИМК – нач. отряда. Обследование бассейна Дона между г. Серафимовичем и ст-й Голубинской.
8. 1936 г. – Орская эксп. ГАИМК и Оренбургского Обл. Краеведч. Музея. Начальник экспедиции. Раскопки могильника эпохи бронзы и курганов скифо-сарматского периода.
9. 1936 г. – Воронежская эксп. Воронежского Обл. Краеведч. Музея и ИАЭ АН СССР. Начальник экспедиции. Раскопки поселения эпохи бронзы в г. Воронеже.
10. 1937 г. – Манычская эксп. ГАИМК. Руководитель работ. Раскопки курганов на р. Маныч у х. Веселого.
11. 1938 г. – Северо-Кавказск. Эксп. ИИМК. Начальник Отряда. Обследование долины р. Сунжи а территории Чечено-Ингушской АССР и раскопки городища близ г. Грозного.
12. 1939 г. – Деснинская эксп. Института Археологии АН УССР, ИИМК и Антропологического Института – Нач. Отряда. Обследование Левобережья р. Десны и раскопка поселения эпохи бронзы в Черниговской обл.

II. Печатные и принятые к печати работы.

1. Родовое общество степей восточной Европы. 11 печ. лист. Напечатано в 1935 г. Написано совместно с А.П. Кругловым.
2. Краткий отчет о работах Орской экспедиции 1/4 п.л. напечатано в «Сов. Археологии» вып. IV.
3. Как производятся раскопки. 1/4 п.л. Напечатано в «Науке и Технике» в 1938 г.
4. Поселение эпохи бронзы на среднем Дону. 1/4 п.л. Напечатано в «Кр. сообщениях ИИМК» в 1939 г.
5. Нальчикский могильник – 7 п. л. Печатается в Материалах по археологии Кабардино-Балкарии. Написано совместно с А.П. Кругловым и Б.Б. Пиотровским.
6. Долинское поселение. 7 п. л. Печатается там же. Написано совместно с А.П. Кругловым.
7. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска ок. 1 ½ п. л. Напечатано в Материалах по археологии Урала и Прикамья.
8. Отчет о работе 2-го отряда Волго-Донской Экспедиции 1934 г. (ок. ½ п.л.). Напечатан в кратких отчетах ИИМК.
9. Отчет о работе Воронежской экспедиции 1936 г. Ок. 1 ½ п. л. Принята к печати для 1 т. Истории СССР.

III. Музейная работа.

1. 1934 – 1937 гг. Государств. Эрмитаж. Сначала – младш., а затем старший научный сотрудник и хранитель коллекций секции Юга Отдела Культуры и Искусства Доклассового общества. В 1936 г. экспозиция материалов эпохи бронзы степной полосы европ. части СССР.
2. 1939 г. Музей Антропологии и Этнографии АН СССР. Участие в разработке общего плана выставки Археологического Отдела и разработка экспозиционного плана по разделам: свайные постройки Швейцарии,

Триполье, памятники эпохи бронзы степной полосы европ. части СССР и Прикамья. План принят Музеем.

3. 1940 г. Государств. Эрмитаж. Работа по экспозиции материалов эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Европ. части СССР.

IV. Педагогическая работа.

1. 1939-1940 г. Политико-Просветительный Институт им. Крупской. Старш. преподаватель Музейно-Краеведч. Факультета. Чтение общего курса «Основы археологии».

2. 1939 г. Киевский Гос. Университет. Доцент (внештатно) Исторического факультета. Чтение курса «Основы археологии первобытного общества».

3. 1939 г. Педагогический Институт им. Герцена. И.о. доцент (внештатно) Истор. факультета вечернего отделения. Чтение курса «История первобытного общества».

1/VI – 40 г.

(Подгаецкий)

Приложения к главе 5.

№ 25. РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 362. ЛЛ. 3 – 4об.

АВТОБИОГРАФИЯ

Левенок Всеволод Протасьевич

Родился 19 июня 1906 г. в г. Трубчевске, Брянской области, в семье учителя. В 1924 г. окончил среднюю школу 9-летку II-й ступени им. Ленина. В 1929 г. окончил Художественно-Промышленный техникум в г. Воронеже. Одновременно, в 1926 – 1929 гг. учился в Воронежском Музыкальном Техникуме. С 1919 по 1921 год принимал участие в раскопках

археологических памятников, производившихся зав. Трубчевским Краеведческим Музеем Г.М. Поршневым. Одновременно с уче́ньем, с 1928 по 1930 гг. совмещал работу в качестве сотрудника Воронежского Музея Революции ЦЧО. В 1930 г. был назначен на должность учителя в Анненскую Школу-Коммуну, где провёл археологическое обследование участка р. Битюг. В 1931 г. поступил на должность научного сотрудника Воронежского Обл. Краеведческого Музея, и работал по 1934 г. вкл. В 1930 – 1934 гг. принимал участие в раскопках С.Н. Замятнина, Н.В. Валукинского, др.. В 1935 г. был назначен директором Трубчевского Краеведческого Музея, Брянской области, где и работал до 1941 г. В 1938 г. в г. Трубчевске организовал второй музей – антирелигиозный. В 1935 – 1940 гг. принимал участие в Деснинских археологических экспедициях МОИИМК АН СССР под руководством М.В. Воеводского, а так же организовывал самостоятельные археологические раскопки на средства Трубчевского Музея. В 1936 г. участвовал в Навлинской археологической экспедиции Смоленского Обл. Исторического Музея под руководством Е.А. Калитиной.

В 1935, 1936, 1938, 1946, 1947 и 1948 гг. принимал участие в экспедициях Сектора Археологии Института Истории АН БССР – в Елисеевичах, Ю.... и Курове, под руководством К.М. Поликарповича. В 1939 г. принимал участие в работах отряда «Катюша» Деснинской археологической экспедиции МОИИМК под руководством В.А. Хохловкиной.

В 1941 г., имея приказ РК ВКП (б) оставаться на месте в Трубчевске, с приходом немецко-фашистских войск оказался на временно оккупированной немцами территории. В 1943 г. отступавшими немецкими частями был изгнан в район Кенигсберга, где работал чернорабочим в сельском хозяйстве у «бауэра» В. Ома (д. Юнгферндорф), вскоре за участие в подпольном антифашистском «Русском Советском Комитете», за распространение радиосводок Совинформбюро был гестаповцами арестован, избит и брошен в

концлагерь. В течение 1944 г. находился в концлагерях Штейнваль, Ланганнен, Ной-Розенталь в Восточной Пруссии.

В марте 1945 г. наступавшими частями Советской Армии был освобожден из концлагеря Хайлигенбайль. С 3 апреля по ноябрь 1945 г. находился в рядах Советской Армии в составе 199 Зап. Стр. полка II-го Белорусского фронта. В составе 508 «Гродненского» стрелкового полка I-го Украинского фронта участвовал в боях против немецко-фашистских войск в Нижней Силезии, 6(?) апреля 1945 г. в бою за г. Яуэр был ранен и в результате контузии потерял зрение на правый глаз (справка военного госпиталя в. ч./п/п 28981 от 12-V-1945 за №5). После этого был направлен на лечение в госпиталь в г. Лигниц. По выходе из госпиталя был направлен в 234 Зап. Стр. полк, из которого был демобилизован 10-XI-1945 г. и возвратился в г. Трубчевск. Здесь с 1-XI-1945 по 15-VI-1947 г. временно находился на должности руководителя оркестра при Районном Доме Культуры. Но был востребован К. М. Поликарповичем в Минск, где с июля 1947 г. по ноябрь 1948 г. работал в должности мл. научного сотрудника Сектора Археологии, Института Истории АН БССР.

Осенью 1948 г. А. П. Окладниковым я был приглашён на работу в Сектор Палеолита ЛОИИМК, где работал по трудовым соглашениям до 30 ноября 1950 г. 1 декабря 1950 г. я был зачислен в штат ЛОИИМК в должности лаборанта Сектора Палеолита (приказ № 236 от 30-XI-1950 г. за подписью А. П. Окладникова).

12 января 1951 г. я был арестован и выслан в Кировскую область. 14 октября 1955 г. освобождён со снятием судимости (справка №001698-БЯ). Возвратясь в Ленинград, с ноября 1955 г., снова работал по трудовым соглашениям в Секторе Палеолита ЛОИИМК (справка № 60-308-3 от 29-XI-1955). А с 1 февраля 1956 г. был восстановлен в штатной должности ст.лаборанта в Секторе Палеолита ЛОИИМК АН СССР (приказ № 14, § 5 от 6-II-1956 г.).

Работая при ЛОИИМК, участвовал в археологических экспедициях:

в 1949 г. – в Амвросиевской палеолитической экспедиции под рук. П.И. Борисковского и И.Г. Пидопличко;

в 1950 г. – в Волго-Донской экспедиции под рук. М.И. Артамонова;

в 1956 г. являлся нач. Деснинского отряда ЛОИИМК АН;

в 1957 г. – нач. Верхне-Деснинского отряда ЛОИИМК АН;

в 1958 г. – нач. Средне-Донского отряда палеолитической экспедиции ЛОИИМК АН;

в 1959 г. – нач. Верхне-Донского экспедиционного отряда ЛОИА АН;

в 1960 г. реорганизовал этот отряд в Верхне-Донскую археологическую экспедицию ЛОИА АН.

13 декабря 1961 г. на заседании Ученого Совета Ленинградского Отделения Института Археологии АН СССР мне было присвоено научное звание младшего научного сотрудника.

С 22 января 1962 г. переведен на должность младшего научного сотрудника Сектора Палеолита ЛОИА АН СССР.

Вс. Левенок

24-I-1962 г.

№ 26. ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. № 284. Л. 4 – 8.

III. Основные направления исследований.

Кафедра имеет 2 основных направления, так сказать, 2 крыла:

а) археологическое (А.Н. Москаленко и А.Д. Пряхин), б) история русской общественной мысли, общественное и революционное движение XVIII – XIX в., преимущественно в разрезе историографическом (М.М. Шевченко, Л.Б. Генкин, В.П. Лысцов, А.И. Бортников, В.А. Попова).

В.М. Проторчина занимается проблематикой научного краеведения.

Научные интересы Л.Б. Генкина до последнего времени частично имели своеобразный характер – история рабочего класса СССР. Сейчас он включился в разработку общей тематики кафедры.

Один из самых трудных и сложных вопросов научной работы на нашей кафедре – необходимость координации, с тем чтобы мы нашли четкое направление в работе, избежали дробления тематики, выбрали такую проблематику, которая помогла бы объединить научные усилия всех наших товарищей. Сделать это не так просто – ведь мы занимаемся историей нашей Родины с древнейших времён (археологи) вплоть до Октября 1917 г. Это огромный период. Кажется, эту задачу нам пока в принципе удалось решить, определив основное направление на будущее. Мы начинаем готовить сборник «Проблемы историографии общественного движения и общественной мысли в России XVIII – XIX вв.» Он должен объединить основное ядро кафедры (В.П. Лыцков, М.М. Шевченко, А.И. Бортников, Л.Б. Генкин, В.А. Попова). Выпуск сборника намечен предположительно на 1971 – 1972 г.

IV. Важнейшие результаты выполненных научных работ.

Среди тем, разрабатываемых и уже разработанных членами кафедры нужно выделить несколько важнейших, которые имеют большое значение для исторической науки.

1. Работы археологов – А.Н. Москаленко и её учеников (А.Д. Пряхин, А.З. Винников, А.Т. Синюк). А.Н. Москаленко завершила работу над докторской диссертацией и намерена в 1970 г. представить её к защите. Тема её исследования «Древнерусские поселения на Дону». Оно основано на материалах, полученных во время многолетних работ археологических экспедиций ВГУ под руководством автора диссертации.

В исследовании рассматриваются основные проблемы истории древнерусского населения в бассейне Дона в конце 1-го тысячелетия нашей эры. Заново изучен вопрос об уровне развития хозяйства. Автор доказывает, что уровень развития производительных сил у славянского населения Подонья не был примитивным, как это представлялось ранее. Впервые рассмотрен вопрос об элементах патронимии в семейных отношениях. Автор на большом конкретном материале доказывает, что населением здесь были

вятичи. Впервые становится вопрос о взаимоотношениях славян с древними венграми и населением Салтово-Маяцкой культуры.

Археологи ВГУ работают в тесном контакте с Институтом археологии Академии наук СССР. В текущем году экспедиция АН СССР и ВГУ провела раскопки в пойме реки Воронеж – районе, который в недалёком будущем станет дном Воронежского моря. Зам. начальника экспедиции от ВГУ А.Д. Пряхин. Раскопки дали интересные и важные для науки результаты.

Университетский отряд объединенной экспедиции провёл раскопки стоянки Университетская III, которая впервые для территории лесостепи дала яркие культурные напластования эпохи неолита, энеолита, катакомбной культуры (рук. А.Т. Синюк).

Получен значительный новый материал по поселениям абашевской культуры в зоне Воронежского водохранилища. Поселение Масловское было исследовано полностью.

Весьма интересные данные дал и раскоп III поселения Стрельбища 4 (рук. А.З. Винников), где впервые на Дону выделены раннеславянские материалы.

Деятельность наших археологов весьма положительно оценена «Правдой» (см. «Правда» 14 декабря 1969 г.).

В 1970 г. раскопки в пойме реки Воронеж будут продолжены, и в них будут участвовать все студенты 1 курса исторического факультета ВГУ...

VII. Научно-исследовательская работа студентов.

При кафедре действуют 2 научных студенческих кружка: археологический, истории СССР досоветского периода.

Численность кружка археологов (рук. А.Д. Пряхин и А.З. Винников, при активном участии А.Н. Москаленко) – 25-30 чел., истории СССР – 10-12 чел. (руководитель М.М. Шевченко).

Оба кружка работают успешно, хотя дела археологов обстоят гораздо лучше. В 1969 г. на XXIII научную студенческую конференцию наша

кафедра выдвинула 6 докладов, из них 3 – по истории СССР IX – XIX веков и 3 – по археологии. Все доклады были отмечены премиями и подарками.

Ряд наших студенческих работ был направлен на Всесоюзный конкурс на лучшую научную работу студентов.

Некоторые из посланных работ были отмечены: 1 – медалью, 1 – грамотой и 2 – благодарностями.

По археологическому кружку 2 доклада были выдвинуты на Всесоюзную археологическую студенческую конференцию (Н. Чеботарева и А. Пономаренко). Оба докладчика отмечены почетными грамотами конференции и Московского университета.

Зав. кафедрой истории СССР
досоветского периода ВГУ
профессор

Л.Б. Генкин

22 декабря 1969 г.